1812 ГОД
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

А.Г. Косарев

КЛАДЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

КЛАДЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А.Г. Косарев

А.Г Косарев

Клады Отечественной войны

Москва
«Вече»

ББК 63.3(0)52
УДК 94(47)
К71

Scan By Vitautus & Kali

Издание осуществлено
при участии В.А. Аверкина
и А.В. Аверкина

Косарев, А.Г.

К71 Клады Отечественной войны / А.Г. Косарев. — М.: Вече, 2012.— 416 с.: ил.

ISBN 978-5-905820-53-3

Одной из таинственных страниц Отечественной войны 1812 г. являются похищенные ценности и клады. Цена сокровищ, награбленных и спрятанных Бонапартом при бегстве из России, огромна во всех отношениях. Достаточно сказать, что среди них были церковные драгоценности и реликвии главных соборов Московского Кремля, десятков древних монастырей...

Поиски этих сокровищ продолжаются уже третий век, и вполне возможно, что найдет их в глуши смоленских лесов или белорусских болот вовсе не опытный кладоискатель, не историк, а один из тех, кто прочитает эту книгу — путеводитель к тайне.

ББК 63.3(0)52
УДК 94(47)

ISBN 978-5-905820-53-3

© Косарев А.Г., 2012
© ООО «Издательство «Вече», 2012

Книга посвящена 200-летию
победоносного окончания
Отечественной войны 1812 года

Единственный способ стать умнее —
играть с более умным противником

ОТ АВТОРА

Война 1812 года оставила воистину неизгладимый след в русской истории. Данный факт особенно заметен, если ознакомиться с литературным наследием XIX века. За прошедшие с той поры почти 200 лет в России и за рубежом издано великое множество книг, статей и воспоминаний участников тех событий. Подробно описаны все крупные баталии Отечественной войны 1812 года. Исписаны целые тома полной биографии Наполеона Бонапарта — императора Франции, начиная с его детства и оканчивая последними днями жизни на острове Святой Елены в Атлантическом океане.

Раскрыты практически все тайны жизни и смерти Наполеона, все стратегические и тактические повороты его многочисленных сражений на полях Европы Африки и России. Но всё же осталась одна грандиозная тайна, которая множество лет будоражит воображение не только историков, биографов и журналистов, но и миллионов самых обычных людей. И тайна эта связана с загадкой исчезновения громадного количества трофеев, а также значительных собственных средств Великой армии, равно как и большого количества её тяжёлого вооружения. И по большому счёту тайна эта не раскрыта до сих пор. Нельзя сказать, чтобы её не старались разгадать. Уже в 1820 году по высочайшему повелению была учреждена особая комиссия под предводительством сенатора Львова, которая принялась выяснять современное положение разорённых нашествием неприятеля городов и селений Московской, Калужской и Смоленской губерний. Характерно, что среди прочих разорений, причинённых иноземным нашествием, церковные разорения составляли специальный вид и носили весьма распространённый характер.

Практически все церкви и монастыри, вблизи которых появлялись подразделения армии Наполеона, непременно подвергались разграблению и осквернению. С точки зрения захватчиков и грабителей, такая политика представлялось вполне разумной. Ведь материальные богатства в царской России

были сосредоточены в руках всего нескольких социальных групп. Высшая придворная знать, верхушка российского купечества вкупе с помещичьей олигархией, и... церковная иерархия — вот таковы были основные держатели наиболее ликвидных активов государства. И именно церковные ценности были наиболее уязвимы для тотального грабежа иноземцами, поскольку были рассыпаны на громадных территориях и одновременно сосредоточены во множестве отдельных объектов.

И, разумеется, когда в страну вторглась невиданная по численному составу иностранная армия, церковные ценности, наряду с оставленным без присмотра частным и государственным имуществом, моментально подверглись самому разнузданному грабежу. Но нельзя сказать, что о сохранении государственного богатства не пеклись. Ещё в самом начале военной кампании 1812 года, а именно 17 июля, был издан указ смоленского епископа о всемерном сохранении церковного имущества. Духовенство и церковные старосты должны были всячески заботиться об имевшихся у них ценностях и предметах культа. В тех местах, куда указ успел дойти вовремя (а напомню, что вторжение началось 12/24 июня 1812 г.), некоторые меры были приняты. Церковное имущество и прочие материальные ценности спешно прятались под полами в алтарях, на колокольнях, замуровывались в стены, зарывались на огородах, в помещичьих ледниках и усадебных парках. Но все эти меры слабо спасли церковные учреждения от тотального разграбления.

«Церкви, — как писал впоследствии Евгений Лабом, лейтенант в штабе вице-короля, — как здания менее всего пострадавшие от пожаров, были обращены в казармы и конюшни».

Данная цитата — о Москве, но на всём, весьма не маленьком пространстве, занятом коалиционными войсками, происходила одни и те же события. Солдаты, едва прибыв в тот или иной населённый пункт, врывались в храмы и варварски расхищали всю церковную движимость. Они забирали иконы, особенно в дорогих окладах, шитые золотом одежды, срывали кресты, подсвечники, жертвенники, ризы и иконостасы. Разумеется, обшаривались и громились все подсобные помещения. Взламывались полы, простукивались стены и даже осматривались дома священников. Причём эти действия проводились согласованно и на громадном пространстве от Кёнигсберга на севере до Западного Буга.

Тотальный грабёж храмов начался на всём многосоткилометровом пространстве, едва передовые полки армии вторжения вступили на Российскую территорию. И только ближе к Смоленску масштабность расхищения церковного имущества несколько снизилась. Произошло это по двум причинам.

Первая заключалась в том, что церкви тех городов, что оказались в зоне оккупации, уже были ограблены. Вторая же причина состояла в том, что ударные французские армии под предводительством маршалов Даву, Нея, Жерома, Богарне, Мюрата и Понятовского вынужденно стянулась в районе Смоленска в достаточно компактный оперативный кулак численностью в несколько сотен тысяч человек. Прежнего охвата территории не стало, и, соответственно, хищническим нападениям подвергались лишь те церковные учреждения, которые были расположены в достаточно узкой полосе, тянущейся вдоль «старой» Смоленской дороги.

Продвигаясь по стране к столице нашего государства, многие французы невольно отмечали богатое убранство церквей, особенно в Вязьме и Смоленске. Но то, что они увидели в Москве, буквально повергло их в шок. Но отмечали они данный факт, естественно, только когда входили в тот или иной город, а не когда покидали его. К тому же не только церковные здания и сооружения были предметом пристального внимания грабителей. Дворянские усадьбы и дворцы российской знати были так же добросовестно очищены от имевшегося в них имущества.

Граф Ф.В. Ростопчин, бывший в то время губернатором Москвы, писал: *«Французы, в Москве я оставил вам два моих дома и движимости на полмиллиона рублей»*. Известно, что один из дворцов графа уцелел от пожара, но внутри дворца, после ухода французов, остались лишь голые стены. Вся его «движимость» перекочевала в гвардейские и маркитанские обозы. Тысячи телег, фургонов, дрожек и прочих конных экипажей, сотни тысяч солдатских ранцев, чемоданов, мешков и сундуков поволокли награбленное добро на Запад. Но вырваться за пределы России не смогло ничто. Всё осело на территории нашей страны. И задача данного исследования состоит в том, чтобы установить, где именно было спрятаны трофеи императора Франции.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

И именно теперь, после некоей расплывчатой вводной части, мне хочется немного, совсем в малой степени, показать вам, что именно и в каком количестве похитили, вынесли и пытались вывезти солдаты, офицеры и генералы союзных армий. Ситуация остаётся актуальной, поскольку и по сию пору во множестве газетных и журнальных статей, посвящённых нападению Наполеона на Россию, через слово упоминаются лишь некие обезличенные «московские трофеи». Но бьюсь об заклад, что никто из вас даже приблизительно не представляет себе масштаба всех понесённых нашей страной утрат.

Итак, читайте первую главу исторического повествования, названную мной:

Мародёры из Европы

Разумеется, осилить данную тему в полной мере частному лицу практически невозможно, но я всё же попытаюсь провести небольшое расследование в отношении похищенного имущества хотя бы некоторых государственных и церковных сооружений, расположенных в центральной части России, в Москве, и главное, на территории Московского Кремля.

При вступлении французских войск в Москву в сентябре 1812 года на территории Кремля и в непосредственной близости от него находились следующие здания, церкви и соборы:

Успенский собор
Архангельский собор
Благовещенский собор
Собор Спаса на Бору
Верхо-Спасский собор
Собор Николая Гостунского
Собор Василия Блаженного
Казанский собор
Церковь 12 Апостолов

Церковь Благовещения
Церковь Константина и Елены
Церковь Иоанна Предтечи у Боровицких ворот
Церковь Ризоположения
Церковь Св. Великомученицы Екатерины
Церковь Словущего Воскресения
Церковь Распятия Христова
Церковь Рождества Богородицы
Церковь Воскрешения Св. Лазаря
Церковь Рождества Христова под колокольней Ивана Великого
Соборная церковь Вознесенского монастыря
Благовещенская церковь Чудова монастыря
Алексеевская церковь Чудова монастыря
Архангельская церковь Чудова монастыря
Иверская часовня
Печорская часовня
Цейхгауз или арсенал
Оружейная палата
Кремлёвский дворец
Грановитая палата
Царский дворец

Кроме кремлёвских соборов и церквей французы ограбили на территории Москвы ещё 24 монастыря.

Покровский монастырь (Стоял генерал Клапаред.)
Богоявленский монастырь (Стоял маршал Ней.)
Даниловский монастырь (Золота и серебра взято на 10 000 руб.)
Новоспасский монастырь (Забрали 320 кг серебра.)
Чудов монастырь (Стоял маршал Даву.)
Симонов монастырь (Убытки составили 100 000 руб.)
Спасо-Преображенский монастырь
Заиконоспасский мужской монастырь
Ивановский женский монастырь
Донской монастырь
Новодевичий монастырь (Пострадал частично.)
Андроников монастырь (Стояли поляки.)
Златоустовский монастырь (Спрятанные вещи французы нашли.)
Знаменский монастырь

Никольский монастырь
Никитский монастырь
Сретенский монастырь
Крестовоздвиженский монастырь
Алексеевский монастырь
Зачатьевский монастырь
Страстной монастырь
Перервенский монастырь
Новинский монастырь
Коломенский монастырь

Кроме московских монастырей французами были ограблены и те монастыри, что находились на пути от Смоленска до Москвы: Троицкий монастырь, Воскресенский, Аркадьевский, Саввино-Сторожевский и Свято-Предтечев мужской монастырь. Сколько всего там было захвачено, не перечесть, известно только, что в Свято-Предтечевом монастыре французы взяли золота и серебра на сумму 40 000 рублей.

Для справки и более точной ориентировки во времени и пространстве, я дам вам масштаб цен тех времён на драгоценные металлы. Так, в 1812 году фунт золота (430 г) стоил 184 руб., а фунт серебра — 18 руб., корова же стоила не более 55 коп.

Кроме того, надо иметь в виду, что в самой столице стояло 267 работающих церквей, и почти все они тоже были дочиста ограблены оккупантами. Но, разумеется, мною перечислена только малая толика потерь и утрат. И до Москвы, почти на всей европейской территории России, происходили точно такие же трагедии. Так, например, на пути от Смоленска к Москве французами были ограблены в городе Дорогобуже три церкви: Покрово-Пятницкая, Иоанн-Богословская и Богоявленская. В Дорогобужском уезде разграблены церкви в сёлах: Свирколучье, Усвятое, Засижье, Болотово, Устои, Горки, Язвино, Стрелки, Трисвятое, Карачарово, Глубокое, Прости, Ульхово, Мстиславская слобода, Беловостье, Ратчино, Егорье.

В городе Вязьма солдатами был полностью очищен Троицкий соборный храм, Верхне-Иерусалимская, Афанасьевская и Преображенская церкви. В Вяземском уезде были разграблены следующие сельские церкви: в Фёдоровском, Юреневе, Семлеве, Богородицком, Слукино, Новоникольском, Воскресенском, Успенском, Фатищеве, Горках.

В Гжатске и окрестностях разграблено 11 церквей. Также множество церквей подверглось разграблению в сёлах Юхновского, Сычёвского и Рос-

лавльского уездов: Митькове, Лоцмине, Ивановском, Кикино, Жулино, Крутом, Дубровне, Вешках, Савесьве, Ворошилово, Шмаково, Докудово и т.д. — всего 27 церквей.

От Гжатска до Москвы французы ограбили церкви в сёлах: Дровнино, Прокофьево, Ельня, Пушкино, Кубинское, Вязёма, Окулово, Хорошово, Усово, Уборы... всего 42 церкви.

Французы снимали серебряные и золотые оклады и ризы с икон, забирали различную церковную утварь, лампады, подсвечники, кресты и священные сосуды. Всё похищенное «имущество» в конечном счете попадало к солдатам «старой» гвардии Наполеона. «Старая» и «молодая» гвардия не участвовали в сражениях, они были хорошо снабжены продовольствием и прочим довольствием. Между солдатами гвардии и другими войсками шёл постоянный обмен, ценные вещи меняли на продовольствие и прочие «блага жизни». И постепенно все ценные вещи оседали в гвардейских обозах. Самые же ценные и уникальные вещи попадали, разумеется, в императорский обоз.

Маркиз де Шамбре в книге «Исторический поход в Россию» пишет следующее: *«Императорский обоз вместил в себя слитки золота и серебра, был также доставлен прибавок, много вещей и предметов, которые отысканы в большом количестве в сказочных церквях Кремля».*

«В самом Кремле, в комнатах, предназначенных для императорской гвардии, хранились серебряные вызолоченные блюда, брильянты, жемчуг, шёлковые ткани и т.п.».

«Всё, что было захвачено армией, было вывезено из Москвы, но затем наполовину снова было отобрано русскими, а остальное было уничтожено, чтобы не досталось им. Многое просто зарыли в землю в химерической надежде, что удастся вернуться за ним».

Другой участник войны 1812 года, адъютант при штабе Наполеона — Кастеллан (будущий маршал Франции), записал в свой дневник, который вёл изо дня в день, следующее:

«16 октября. Разрушили часть Кремлёвского собора и свалили крест с колокольни Ивана Великого. При падении он сломался. Забрали и расплавили серебряную утварь кремлёвских церквей, пополнив этим казну армии».

Вокруг стен Успенского собора стояли специальные плавильные горны (захваченные оккупантами прямо на Московском монетном дворе), в которых французы переплавляли ободранные ими оклады и ризы со святых образов и похищенные в храмах предметы, сделанные из драгоценных металлов. На так называемом «Царском месте» после ухода французов из Кремля даже

осталась запись мелом: «325 пудов серебра и 18 пудов золота». Был ли отмечен некий промежуточный итог или окончательный, относилась запись к работе одного металлургического горна или ко всем вместе, мы не знаем. Но вы, разумеется, прекрасно понимаете, что на переплавку попадали только те предметы, внешний вид которых был настолько испорчен, что они годились только на лом (хотя и драгоценный по своему составу).

Выражаясь современным языком, можно с полной уверенностью сказать, что в Москве происходил грандиозный грабёж, как выражаются деятели правоохранительных органов, в особо крупных размерах. Но вот что интересно: после такого беспримерного и масштабного преступления со стороны царских властей не было впоследствии возбуждено ни уголовного дела, ни проведено сколько-нибудь тщательного расследования. А ведь возможности у властей были колоссальные. В руках царского правительства было и множество пленных, начиная от последнего обозника до генерала, письма, донесения, показания местных жителей и казаков, которые лично нападали на обозы грабителей, и т.д. и т.п. Однако ситуация складывалась таким образом, что более или менее масштабные поиски утраченного были начаты только в 1835 году.

Первая экспедиция, воодушевлённая идеей возвращения похищенных ценностей, занялась изучением озера Глубокое, что находится неподалёку от села Семлева. Но и то поисковые работы начались там не по приказу из столицы, а по инициативе смоленского губернатора Хмельницкого. Но, поскольку благоприятное время было упущено и стройной, хорошо продуманной стратегии поисков у кладоискателей не было, то, естественно, все их любительские попытки найти вывезенные Наполеоном сокровища не принесли ожидаемого результата.

Тут бы надо непременно сказать о том, что столь трагичной «успешности» грабежа во многом, пусть и невольно, содействовали сами городские чиновники. Так, приказ об оставлении Москвы был получен губернатором Ростопчиным только 29 августа, французы же вступили в город 1 сентября. Согласитесь, что за неполных два дня просто невозможно было демонтировать и вывезти всё церковное имущество, которое находилось в городе, и в кремлёвских соборах в частности. К тому же сразу возникла ещё одна, пусть и чисто техническая проблема — транспортная. Всего для вывоза имущества Святого Синода было выделено 300 подвод, но их грузоподъёмности оказалось явно недостаточно. Так недостаточно, что многие ценнейшие предметы даже и не пытались снять или как-либо демонтировать, пусть и частично.

В условиях экстренной эвакуации, в хаосе и толкотне о многом же просто позабыли, а многому, даже приготовленному к отправке, не нашлось места на подводах.

Командир гвардейского стрелкового батальона Маренгоне пишет в своих воспоминаниях: *«Наполеон велел забрать брильянты, жемчуг, золото и серебро, которые были в церквях. Велел вывезти все трофеи Кремля. Ими нагрузили 25 телег».*

Боюсь, что 25 телег под погрузкой офицер Маренгоне видел, когда проходил по кремлёвскому двору по своим делам, т.е. мельком. Ясно, что двадцатью пятью телегами тут не обошлось. Ознакомьтесь хотя бы с убранством Архангельского собора Кремля, и вы поймёте, что такое количество подвод потребовалось бы только для опустошения его одного.

При вступлении в Кремль многих французов поразило богатое внутреннее убранство Архангельского собора. Лейб-хирург императора Ларрей в своих воспоминаниях пишет.

«Едва ли найдётся что-либо богаче одного из храмов Кремля (того, где хоронили царей и императоров). *Его стены покрыты золотом и вызолоченными пластинками толщиной в 5—6 линий, на которых рельефно изображена вся история Ветхого и Нового Завета. Массивные серебряные паникадила поражают своими огромными размерами».*

Ларрея поразили золотые пластинки толщиной примерно в 10 мм. Это было не что иное, как золотые и серебряные ризы и оклады на иконах, расположенных на 4-х поясном иконостасе, который занимает всю восточную часть храма. Кроме того, напротив царских гробниц помещалось 37 икон, которые назывались «царские», так как поступали в собор из царских образных. Эти иконы были богато украшены золотыми и серебряными окладами и ризами с драгоценными камнями и жемчугом. Самые же богато украшенные иконы находились в алтаре, семь древних и совершенно потрясающих, бесценных икон.

С потолочных сводов храма на цепях свисали семь больших серебряных паникадил, и было множество серебряных лампад, висевших перед иконами. В алтаре же стояли два комода для будничной ризницы и в них хранились золотые и серебряные вещи. Напротив комодов стоял сосновый шкаф с четырьмя дверцами, в котором хранилась драгоценная церковная утварь. В центральной части иконостаса находилась икона Господа Вседержителя. Французы сняли её, и она была найдена после их бегства у стен Успенского собора. Только с этой иконы сняли серебряную ризу в три пуда весом! Остальные, не менее богато украшенные иконы, ограбили на месте.

Кроме икон французы забрали невывезенную церковную утварь, а также ограбили две раки со святыми мощами. Тут требуется остановиться и дать некоторые пояснения. Серебряная «рака» или, другими словами, — саркофаг, служил для сохранения святых мощей.

Рака Черниговских чудотворцев была изготовлена по именному указу императрицы Екатерины II в честь победоносной войны с Турцией. В раку установили медный ковчег, в котором хранились святые мощи Черниговских чудотворцев. Вся рака представляла собой произведение ювелирного искусства, и вряд ли её разбили на куски и переплавили. Она имела немаленькие размеры 3 на 1,25 аршина. Вес же раки был более 30 пудов. Одна крышка, украшенная резьбой цветочного стиля, весила не менее 100 кг и была украшена медной доской, на которой был изображён образ князя Михаила, лежащего в гробу.

По имеющимся сведениям, данная рака была закопана по приказу Наполеона 5 ноября. Предварительно в неё уложили золотые и серебряные вещи, изъятые в московских соборах. Видимо, в то время французский император ещё надеялся на то, что, перезимовав в Смоленске, он пришлёт весной отряд за оставленными сокровищами, чтобы в очередной раз пополнить казну своей армии. Но этим мечтам не суждено было сбыться. Всё, что было спрятано 5 ноября, так и осталось невостребованным. Где находятся эти бесценные сокровища, нам с вами ещё предстоит выяснить.

Серебряная рака царевича Дмитрия, князя углического, сына царя Ивана Грозного, была изготовлена по приказу царя Михаила Фёдоровича в 1630 году. В эту раку был положен дубовый гробик с мощами царевича. Данная гробница была изготовлена из чистого серебра и имела вес в 240 кг. Крышка раки была передана в город Углич в 1630 же году, где она и находится по настоящее время. Сама рака была украшена великолепным чеканным накладным орнаментом с позолотой. Кроме того, по её верхнему краю были выбиты две надписи. В одной из них сказано:

«В лето 7099—1591, месяце майе, в 15 день, убиен бысть благоверный царевич, князь Димитрий Иванович Угличский государь царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси сын, повелением Бориса Годунова, от Никиты Качалова, да от Данилы Битяговского с товарищи, и принесены быша мощи его честныя из Углича в царствующий град Москву лета 7144 — 1606 месяце...»

Эта гробница тоже попала в императорский обоз с так называемыми «московскими трофеями» и была увезена французами. Путь её продолжался до

того печального момента, когда примерно 200 повозок с этими трофеями были затоплены в одном из белорусских озёр. Где и как была проведена данная операция, я непременно расскажу далее. А сейчас добавлю лишь то, что после изгнания захватчиков вместо похищенной массивной раки была изготовлена новая, правда, деревянная. Она была только обшита с трёх сторон листовым серебром с чеканными украшениями. На эту новую раку пошло серебра в 1 пуд и 37 фунтов. Причём серебро использовали именно то, что было отбито у французов.

К счастью, некоторые предметы удалось сохранить, и мне хочется привести их список (только имущества одного собора). Делаю это я только для того, чтобы вы знали, какого рода предметы мы утратили.

Опись церковного имущества, находившегося в Архангельском соборе в 1862 году.

«Евангелие ... 1635 г. Золотой оклад весом 10 фунтов, драгоценных камней, алмазов, рубинов, изумрудов и др. всего... 799 камней.

Евангелие ... 1698 г. Серебряный оклад весом 3 фунта 93 золотника.

Евангелие ... 1774 г. Серебряный оклад весом 2 фунта 50 золотников.

Евангелие ... 1791 г. Серебряный оклад весом 15 фунтов.

Евангелие ... 1771 г. Серебряный оклад весом 1 фунт 30 золотников.

Евангелие ... 1774 г. Серебряный оклад весом 2 фунта 48 зол.

Евангелие ... 1857 г. Серебряный оклад весом 9 фунтов 19 зол.

Крест деревянный, обложен чеканной медью.

Крест деревянный, обложен серебром. Надпись: лето 7068 — 1570 г. Весом 1 фунт 36 золотников с 4-мя драгоценными камнями.

Крест золотой, изготовлен в 1677 году. Длина его 8,5, а ширина 4,5 вершка. Вес креста 3 фунта 63 золотника.

Крест серебряный, вызолоченный весом 3 фунта, 63 золотника.

Крест серебряный, весом 1 фунт 37 зол. С драгоценными камнями и жемчугом.

Потир золотой, украшен 12 драгоценными камнями. Вес 3 фунта, 68 золотников. Изготовлен в 1593 году.

Золотой дискос. Вес 2 фунта 7 золотников.

Золотая звезда с 10-ю драгоценными камнями. Вес 85 золотников.

Золотое блюдце. 2 шт. Вес 2 фунта 16 золотников.

Потир серебряный вызолоченный. Вес 7 фунтов 80 золотников.

Серебряный дискос. Вес 4 фунта 1 золотник.

Серебряная дарохранительница. Вес 3 фунта.

Серебряный сосуд. Вес 7 фунтов 30 золотников. Крышка сосуда в форме короны с крестом.

Серебряный сосуд, вызолоченный. Вес 8 фунтов.

Серебряная чаша, позолочена. Вес 16 фунтов 50 золотников.

Золотое кадило, четырёхугольное. Украшено 38 драгоценными камнями. Вес 4 фунта 33 золотника. Выполнено по заказу царицы Ирины в 1598 году.

Серебряное кадило на 4-х цепочках. Вес 1 фунт 15 золотников.

Серебряное кадило на 4-х цепочках. Вес 2 фунта 7 золотников.

Серебряная ладоница с крышкой в виде кадила. Вес 1 фунт 80 золотников.

Серебряные вызолоченные рапиды — 2 шт. Вес 8 фунтов.

Серебряные выносные подсвечники — 2 шт. Вес 5 ф. 83 зол. и 5 ф. 75 зол.

Серебряный панихидный подсвечник с драгоценными камнями и 3 золотыми крестами, сооружён на гроб царя Алексея Михайловича. Вес 3 фунта 90 золотников.

Серебряный панихидный подсвечник. Вес 3 фунта 54 золотника.

Серебряный подсвечник — 2 шт. Вес обоих 4 фунта 42 золотника.

Медный подсвечник, посеребренный и частью позолоченный. Вес до 3-х пудов.

Серебряная лампада в виде чаши без крышки, находится перед мощами царевича Дмитрия. Вес 6 фунтов 70 золотников.

Серебряная лампада перед иконой Алексея человека божия. Вес 4 фунта 38 золотников.

Серебряная лампада. Вес 4 фунта 84 золотника.

Серебряная лампада. Вес 3 фунта 93 золотника.

Серебряная лампада. Вес 2 фунта 72 золотника.

Серебряная лампада. Вес 3 фунта 48 золотников.

Бронзовая лампада, вызолоченная, изготовлена 10 июля 1774 года.

Серебряные лампадки в количестве более 30 штук. Вес каждой 2 фунта 40 золотников.

Серебряное блюдо, вызолоченное, обложено драгоценными камнями, золотом. Вес 5 фунтов 28 золотников.

Серебряное блюдо, вызолоченное. Вес 1 фунт 91 золотник.

Серебряное блюдо, вызолоченное. Вес 6 фунтов 64 золотника.

Серебряное блюдо. Вес 1 фунт 86 золотников.

Серебряное блюдо. Вес 3 фунта.

Серебряное блюдо. Вес 1 фунт 30 золотников.

Серебряное блюдо, вызолоченное. Вес 2 фунта 6 золотников.

Серебряное блюдо с резным изображением Иисуса Христа. Вес 1 фунт 32 золотника.

Блюдо китайского фарфора XVII века.

Серебряные ложки 2 шт. Весу в обеих ложках 30 золотников».

Это всё, что осталось в соборе после 1812 года, не считая различных церковных тканевых покровов, обнизанных жемчугом, вышитых золотом и серебром. Из описи 1866 года покровов на царские гробницы числилось 13 шт. на коих золота было весом 13 фунтов 53 золотника, серебра же 9 фунтов 34 золотника, а драгоценных камней, алмазов — 212 шт., рубинов — 507 шт., изумрудов — 22 шт., сапфиров — 3 шт. Жемчужин всего было 169 528 шт.

Покровов на святые мощи царевича Димитрия и Михаила князя черниговского всего 6 шт. Других священнических и дьяконского облачения всего 20 шт. На их украшения пошло золота 1 фунт 36 золотников, серебра 4 фунта 63 золотника, а различных драгоценных камней — 57 шт. Жемчуга всего 215 887 шт.

Кроме драгоценных вещей в соборе находилось библиотека, в которой числилось 52 печатные книги. Прежде чем продолжать перечень, хочу дать вам необходимые пояснения для облегчения понимания сути вопроса и облегчения подсчётов.

Как, ещё не устали? Тогда я продолжу. И теперь мы с тех же позиций рассмотрим Благовещенский собор Кремля. Вначале я опишу его богатства, которые хранились в соборе в XVII веке при Екатерине II, а потом произведём сравнение с послевоенной описью, составленной в 1854 году.

Вы, я надеюсь, набрались терпения перед долгой дорогой? Что ж, тогда я начинаю.

В Благовещенском соборе в 1787 году насчитывалось:

Жемчугу в покровах и пеленах.....12 фунтов.

Жемчугу на ризах и стихарях .....8 фунтов 40 золотников.

Жемчугу снятого с обветшалых облачения.....9 фунтов 21 золотник.

Серебра в церковной утвари числилось .....64 пуда 33 фунта.

В Благовещенском соборе французы нашли много драгоценностей, даже слишком много. Иконы в иконостасе были покрыты серебром, иногда золотыми ризами, украшенными различными драгоценными камнями. Только ризы

с пяти икон нижнего яруса стоили 47 000 рублей по оценке 1770 года. Всего же в храме имелись следующие образа:

Образ Пресвятой Богородицы Боголюбской — оклад золотой обнизан жемчугом, яхонтами, изумрудами и бирюзой.

Образ пресвятой Богородицы Варловской — оклад весь золотой, драгоценные камни.

Образ Всемилостивейшего Спаса — оклад серебряный.

Образа на аналоях. Оклад и ризы серебряные.

Образ Николая Чудотворца — оклад серебряный, обнизан жемчугом, яхонтами.

Образ Богородицы Умиления — оклад серебряный.

Образ Богородицы Благовещания — оклад и венцы серебряные, обнизан жемчугом и драгоценные камнями.

Образ Пресвятой Богородицы Знамения — оклад серебряный, обнизан жемчугом и бирюзой.

Образ Вознесения Господня.

Образ Пресвятые и Живоначальной Троицы — оклад и середина серебряные, золочёные по две жемчужины и четыре яхонта.

Образ Пресвятой Богородицы Достойно есть — оклад серебряный.

Образ Одигитрии — оклад и венцы серебряные.

Образ Пресвятой Богородицы Донской — оклад золотой, жемчуг, бирюза, яхонты.

До 1812 года эту икону украшала золотая риза весом в 26 фунтов, с крупными изумрудами и жемчугом. Жемчуга было 2 фунта 75 зол. После ухода французов осталась только золотая рама весом в 12 фунтов, которую они посчитали за медную.

Образ Пресвятой Богородицы Казанской.

Образ Пресвятой Богородицы Тихвинской — оклад и венцы серебряные.

Образ Пресвятой Богородицы Владимирской, четырёхлистовый — оклад золотой, драгоценные камни, жемчуг.

Образ Пресвятой Богородицы Владимирской — оклад серебряный золочёный, венцы золотые, драгоценные камни.

Образ Пресвятой Богородицы Владимирской — оклад серебряный обнизан жемчугом и драгоценными камнями.

Образ Пресвятой Богородицы Владимирской.

Образ Пресвятой Богородицы Владимирской — оклад и венцы серебряные.

Образ Пресвятой Одигитрии — серебро, золото, жемчуг, драг. камни.

Образ Всемилостивого Спаса на Престоле — венцы и оклад серебряные, два изумруда, две бирюзы, семь яхонтов лазоревых, четыре лалика, четыре суровика и одна виниска. У цаты три панагии с мощами, золотые, одна четырёхугольная, три круглые.

Образ Пресвятой Богородицы с Младенцем. Венцы и оклад весь золотой. Обнизан жемчугом с драгоценными камнями, две золотые звезды и пять золотых крестов. Камни — изумруды, лалы, яхонты, бирюза, суровики, ляльник, всего 79 камней.

Образ Николая Чудотворца и святой мученицы Татьяны — оклад бессемный, венцы резные серебряные.

Образ Преподобного Антония Сийского — оклад резной, серебряный, позолоченный, с шестью драгоценными камнями и жемчугом.

Образ Алексия митрополита — оклад и венцы серебряные, две бирюзки и жемчуг.

Образ благоверного князя Фёдора и чад его Давида и Константина ярославских чудотворцев.

Образ Сергия Чудотворца — оклад серебряный.

Образ Николая Чудотворца — оклад серебряный, обнизан жемчугом.

Образ Пресвятой Богородицы Владимирской — оклад серебряный.

Образ Воскресения и Вознесения — оклад серебряный.

Образ Софии премудрой слово Божие — отделано серебром.

Образ Пресвятой Одигитрии — оклад серебряный.

Образ Пресвятой Одигитрии — оклад серебряный, обнизан мелким жемчугом.

Образ Пресвятой Богородицы штилистовый, оклад серебряный, золочёный, низан жемчугом в одно зерно.

Образ Пресвятой Богородицы Покрова — семилистовый.

Образ Пресвятой Богородицы Одигитрии — штилистовый, оклад и венцы серебряный.

Образ Пресвятой Богородицы Одигитрии — штилистовый.

Образ Пресвятой Богородицы Владимирской — оклад серебряный.

Образ Пресвятой Богородицы Фёдоровской — оклад серебряный.

Образ Пресвятой Богородицы Владимирской — оклад серебряный.

Образ Спасов меж Смоковниц — оклад серебряный.

Образ Всемилостливого Спаса Деисус — оклад серебряный.

Образ Пресвятой Богородицы Владимирской пятницы — венец и поля серебряные.

Образ Пресвятой Богородицы Одигитрии — риза и оклад серебряные.

Двери Царские, на них образа святых, всего 18 икон. Все образа серебряные, литые, золочёны с драгоценными камнями — всего камней 37. По полям оклады серебряные, золочёны у Царских Ворот чеканные.

Образа местные в киотах по правую сторону Царских дверей. Образ Всемилостивейшего Спаса Стоящий, оклад весь золотой, обнизан жемчугом с драгоценными камнями. Камней 9 шт.

Кроме богато украшенных многочисленных икон в Благовещенском соборе имелась богатая ризница. Ризница была вывезена в Вологду с монастырскими и соборными ризницами. Но вывезли не всю ризницу, а только наиболее ценные вещи, некоторые из них сохранились до наших дней.

Однако продолжим — необходимо перечислить и ценности, хранившиеся в ризнице Благовещенского собора.

Золотой потир — вес 3 фунта без 2 золотников.

Золотая звезда — вес 72 золотника.

Золотой дискос — вес 1 фунт 31 золотник.

Серебряный потир — аспидный, красный, около него поддон серебряный, золочёный, вес 2 фунта без 18 золотников.

Серебряный потир — вес 1 фунт 17 золотников.

Серебряная звезда — вес 52 золотника.

Серебряное блюдо, золочёное в центре образа Прасковии Богородицы и Знамения — вес 2 фунта без 3-х золотников.

Серебряный потир в поддоне — вес 3 фунта 13 золотников.

Серебряное блюдо, золочёное, в середине образ Иоанна Предтечи резной, весом 1 фунт без 5 золотников.

Серебряные золочёные блюдца — вес 61 золотник, на одном образ Пресвятой Богородицы Знамения.

Серебряная дароносица, в ней четыре ковчега весом 1 фунт 19 золотников.

Серебряная дароносица, золочённая по подписи государевой казны — вес 1 фунт 27 золотников.

Серебряная чаша водосвящённая на поддоне, сделана в 1630 году, золочёная с надписью — вес 30 фунтов с полуфунтом.

Ковчег — оклад серебряный.

Кружка серебряная — вес 2 фунта 65 золотников.

Ковш серебряный — вес 1 фунт 19 золотников.

Чарка серебряная — 42 золотника.

Чарка серебряная — 44 золотника.

Кадило серебряное — 2 фунта 52 золотника.

Кадило серебряное — 1 фунт с четью.

Лампада серебряная — 1 фунт 54 золотника.

Два подсвечника — 68 золотников.

Крест золотой с драгоценными камнями, внизу креста панагия, оклад и цепочка золотые, 14 драгоценных камней, 127 жемчугов.

Крест серебряный.

Крест серебряный — 5 фунтов без 5 золотников.

Кресты золотые с мощами святых: всего 15 крестов общим весом 8,5 фунтов золота.

Серебряные подсвечники — 17 шт.

Серебряные подсвечники — 9 шт. Общий вес 29 фунтов 63 золотника.

Серебряные блюдца 17 шт. Общий вес 21 фунт 14 золотников.

Панагии в серебряных окладах. Всего 34 шт. Общий вес 20 фунтов 86 золотников.

Панагии с мощами, обложены золотом. Всего 11 шт. Общий вес 3 фунта 62 золотника.

Серебряные позолоченные раки с мощами, всего 35 шт. Общий вес — 5 пудов, 8 фунтов, 24 золотника.

Кроме этого в соборе были ещё 4 придела: Иерусалимский, Архангела Гавриила, Великомученика Георгия и Пресвятой Богородицы. Утварь в приделах была смешанная, как серебряная, так и медная. Там же находились и два сундука, в которых был серебряный лом, т.е. сломанные серебряные вещи, оклады, подсвечники и т.п.

Есть и другие сведения о том, что Благовещенский собор был самым дорогим по убранству церковным сооружением Кремля. В XVII веке в Москву приезжал Павел Алеппский, он писал: «Патриарх Никон в беседе с нашим учителем патриархом Макарием сказал ему о золотом кресте церкви Благовещения, стоит сто миллионов золотом, крыша церкви со своими 9-ю куполами покрыта золотом в палец толщиной».

В настоящее время кровля крыши и купола покрыта медными позолоченными листами. Кресты на всех девяти куполах установлены вновь при ремонте и восстановлении собора после нашествия французов.

В 1800 году художником Ф.Я. Алексеевым по указу царя Павла I написана картина «Соборная площадь в Кремле». Если внимательно присмотреться к собору Благовещения на картине, то можно заметить, что купола и крыша по форме своей несколько отличаются от современных конструкций.

Впрочем, часть вещей из собора сохранилась до настоящего времени, и хранятся они в Оружейной палате. Вот список их, составленный после ревизии в 1854 году:

Евангелие 1568 г.

Евангелие 1571 г.

Евангелие 7076 (1538 г.).

Сосуд агатовый (аспидный красный) 1326 г.

Сосуд золотой, гладкий, простой XV века.

Крест золотой, принадлежал царевичу Алексею Петровичу.

Крест Корсуньковский царя Константина 1639 г.

Крест золотой с финифтью и алмазами.

Крест серебряный сканный.

Крест в золотом чеканном окладе с жемчугом и драгоценными каменьями.

Ковчег золотой, над ним большой лал, который был в короне Павла I.

Кадило серебряное.

Ладоница серебряная, чеканная.

Чаша серебряная, надпись 7137 г.

Кружка серебряная вышиной 5,5 вершков, диаметр 2 вершка.

Блюдо серебряное весом в 1 фунт 93 золотника, изготовлено в лето 1696 г.

Четвертина серебряная шестигранная с кольцом в крышке. Изготовлена в 1707 г. Вес её 3 фунта 9 золотников.

32 серебряных ковчега.

Как видите, от былого богатства и великолепия не осталось и следа. Сохранить смогли немногое. Большая часть церковных сокровищ в переплавленном и первоначальном виде была погружена как минимум на 225 пароконных телег, набитых сверх всякой меры. Везти такой тяжёлый груз в позднее осеннее время, по известно каким просёлочным дорогам, было делом практически невозможным. Первоначальное количество фургонов с похищенным из Москвы имуществом (разумеется, разного качества и ценности) легко переваливало за десять тысяч. Но добычу не только увозили, но и уносили. Сто тысяч солдат выступили из Москвы, и в ранце каждого нашлось местечко для чего-то ценного. Представим себе, что каждый нёс только 1 (один) килограмм добычи. И то на круг получается 100 тонн! Но на самом деле, разумеется, никто одним килограммом не ограничился, не те были нравы. Тащили узлы, волокли баулы и чемоданы. Забирали всё, что плохо лежало. Офицеры

и иные состоятельные люди битком набивали свои конные экипажи и даже обвешивали строевых лошадей чересседельными мешками. И, разумеется, в ворохе мехов, тканей, книг и фарфоровых статуэток были золотые и серебряные вещи, а также всевозможные денежные средства в виде монет разного достоинства.

Драгоценные камни и жемчуг были отправлены Наполеоном в Париж отдельно. Это видно из донесения графа Чичагова, посланного государю 18 ноября 1812 года. В нём есть интересный момент. *«В следующий день (13 ноября) к вечеру граф Ламберт получил донесение от посланного им в Несвиж отряда, что неприятель не выждал атаки и очистил город, в котором найдено более, нежели на миллион драгоценностей, брильянтов и жемчугу, награбленных в Москве и для сохранения присланных в Несвиж».*

Впрочем, пора заканчивать небольшое отступление и продолжать наше почти бесконечное описание утраченного россиянами богатства.

Пришла очередь Успенского собора. Пожалуй, он пострадал от французов более всего. Хотя главные его святыни — чудотворные иконы Владимирской Божьей Матери, риза Господня, Корсунские кресты и другие священные предметы — были своевременно отправлены вместе с патриаршей ризницей из Москвы в Вологду и Владимир, тем не менее в Успенском соборе осталось ещё очень много драгоценностей — главным образом ризы на иконах и тяжеловесные предметы обстановки. Общее количество икон в соборе было 375, все они были украшены серебряными и золотыми ризами и окладами с драгоценными камнями.

В 1773 году по указу Екатерины Успенский собор был обновлён и отреставрирован. Тогда же был издан указ о переписи церковных украшений и сокровищ и строжайшем их сохранении. Вот так оно всё и сохранялось... вплоть до 1812 года.

Чтобы скорейшим образом обобрать и утилизировать имевшееся там серебро и золото, французы (как я уже упоминал) установили плавильный горн прямо посреди храма. На нём производили бруски драгоценных металлов весом в 15—20 фунтов и пережигали на металл облачения священников, с целью извлечения из них драгоценной отделки. Тут же работал и плотник, изготавливавший из икон ящики, для упаковки переплавленного металла и непереработанных изделий. Именно в этом соборе на одном из поддерживающих купол столпов была найдена надпись о том, что было переплавлено 325 пудов серебра и 18 пудов золота.

Иными словами, было переработано 5200 кг серебра и 288 кг золота. По современным расценкам, только из одного этого кремлёвского собора, и только в виде лома, было изъято на $ 3 500 000, как минимум.

Хочу привести список золотых и серебряных предметов Успенского собора, бывших в наличии на 7 августа 1773 года. Составлен он на основе книги протоиерея Успенского собора А.Г. Левшина. Но нужно иметь в виду, что в течение сорока лет после этого момента поступления в ризницу собора продолжались.

«Евангелие. Большое, напрестольное, обложено золотом и драгоценными камнями. 1693 года.

Евангелие. Напрестольное.

Евангелия. Новых и письменных старых, всего 18 шт. Некоторые низаны жемчугами, а другие обложены золотом или серебром.

Крест кипарисный, оклад золотой.

Крест серебряный, сканного дела с финифтью, вызолочен в 1595 г.

Крест большой золотой, гладкий, на нём надпись: лето 7191 август 14 день.

Кроме сих крестов имеются и другие золотые и серебряные, некоторые низаны жемчугом.

Сосуды золотые в потире и дискосе. Вес 7 фунтов и 78 золотников.

Сосуды золотые в потире, дискосе, звезде, двух блюдцах, лжице (ложке) и копии. Вес 30 фунтов 58 золотников.

Потир серебряный позолоченный.

Потир яшмовый Антония Римлянина. Весу в нём с золотом и каменьями — 4 фунта 36 золотников. (Один этот потир сейчас бы стоил $ 200 000.)

Потир яшмовый Антония Римлянина. Весу в нём с золотом и каменьями — 4 фунта 64 золотника.

Сосуд яшмовый с крышкою, поверх той крышки золотая змейка с финифтью высокой работы.

На святом престоле поставлена драгоценная и редкого искусства утварь в стеклянном специально сделанном футляре. Подарена князем Г.А. Потёмкиным 5 февраля 1778 г. Представляет собой подобие Синайской горы, высота аршин с полувершком, длина — 11 вершков с четвертью, ширина — 9 вершков. На той горе изображён святой пророк Моисей, принимающий от Господа Бога скрижали Божия закона. В пещере той горы устроена дарохранительница, а в подножии горы расположены высочайшие рукописания Екатерины в золотом глазете. Сей предмет содержит: золота 19 фунтов,

серебра 19 фунтов 24 золотника (10 миллионов — самая скромная оценка, самая малая!).

Паникадило большое, серебряное, подаренное боярином И.В. Морозовым в 1660 г. Весу в нём 60 пудов, 12 фунтов и 59 золотников.

Паникадило серебряное против образа Христа Спасителя, поверх оного паникадила крест и три яблока кольца вызолочены. Вес 24 фунта, 33 золотника.

Лампады серебряные, местами позолочены. В количестве 10 шт. Вес 8 пудов, 8 фунтов и 9 золотников.

Подсвечник серебряный тройной. Вес — 1 пуд, 11 фунтов 48 золотников.

Чаши водоносные, кадильницы серебряные, ушат серебряный и другие принадлежности. Вес 2 пуда с золотниками.

Сосуды золотые, усыпанные брильянтами и яхонтами с дискосом и звездою. Вес 6,5 фунта.

Ковчег серебряный, четырёхугольный, в нём 3 золотых ковчежца и 4 серебряных.

Ковчег серебряный, на крышке надпись: «Мощи Святого апостола Андрея Первозванного».

Ковчег серебряный Григория Богослова.

Ковчег серебряный Иоанна Златоуста.

Ковчег серебряный мученика Авксентия.

Ковчег серебряный Евфимии Прехвальные.

Ковчежец серебряный Страстотерпца Георгия.

Ковчежец серебряный вызолоченный царевича Дмитрия.

Ковчежец маленький Петра Митрополита.

Ковжецы маленькие золотые 2 шт., серебряные 1 шт.

В алтаре за жертвенником устроен иконостас, в том иконостасе киот серебряный створчатый, там же ковчег серебряный, там же ковчег золотой, чеканный четырёхугольный.

В алтаре за престолом два образа Всемилостивейшего Спаса и Божия Матери — оклады серебряные, позолоченные.

Образ Христа Спасителя в середине второго яруса — оклад золотой.

Образ Пресвятой Богородицы, писан в 1740 г., обложен золотым окладом и украшен алмазами.

Образ чудотворной иконы Псково-Покровской обители. На трёх золотых таблицах надпись, в 1740 г. сей образ обложен золотым окладом и украшен алмазами.

По правую сторону от дверей выставлены в золочёном иконостасе образа разных святых не «посредственной» величины, почти все обложены серебряными окладами. Напротив западных дверей устроен четырёхъярусный иконостас. В середине второго яруса образ Христа Спасителя, оклад золотой. Серебра во втором ярусе на 17 образах и на 16 столбиках всего 17 пудов 20 фунтов 84 золотника.

Серебра в третьем ярусе на 18 образах и 16 столбиках, обитых чеканным серебром, всего 8 пудов 26 фунтов 82 золотника.

Серебра в четвёртом ярусе на 17 образах и 17 столбиках всего 15 пудов 7 фунтов 46 золотников.

Серебра на пятом ярусе 14 пудов 16 фунтов 63 золотника.

Рака Ионы Митрополита, обложенная серебром чеканным, золочёна, на двух сторонах четыре круга серебряных.

Рака Филиппа Митрополита облачена чеканным серебром, золочёным, на двух сторонах четыре круга серебряные золочёные».

Но это ещё не всё: в 1773 году Екатерина II передала в собор священнические одежды в количестве 38 шт., украшенные золотом, драгоценными камнями и жемчугом.

В 1790 году купцом Семеном Васильевым в собор была также передана вызолоченная и посеребрённая одежда на престол весом в 5 пудов и 15 фунтов (!). Им же были сделаны серебряные ризы на иконы: Воскресения Христова, Распятия Господня, Тихвинской Богоматери, Св. Петра Митрополита, Успения Божьей Матери и на Спасителев образ. Общее количество серебра, пошедшее на украшение этих шести икон, было (вы только вдумайтесь в эти цифры!) 17 пудов и 26 золотников, а золота — 27 фунтов 4 золотника.

И в довершение просто не могу не сообщить, что в алтаре собора на серебряной цепочке висел золотой голубь (символизирующий Христа) и евангелисты, вычеканенные на серебре.

Казанский собор Кремля начали грабить, пожалуй, в самую первую очередь, поскольку стоял он очень «удобно», прямо напротив Спасских ворот. Все драгоценные украшения на святых иконах, а также серебряные вызолоченные оклады на них, священные богослужебные сосуды, напрестольные кресты, оклады на напрестольных Евангелиях — всё подчистую было разграблено солдатами «старой» и «молодой» гвардии, первыми вошедшими в Кремль. Казанский собор был примечателен тем, что перед нашествием неприятеля из него не было вывезено в Вологду ни одной вещи.

После бегства французов из всех драгоценностей, бывших в соборе, нашлась лишь золотая рама от Казанской иконы Божьей Матери, поскольку её приняли за медную, и бросили в кучу мусора.

Чудов монастырь тоже был замечателен своей богатой ризницей, состоящей из Евангелий, крестов, священных сосудов и священнических облачений. Перед занятием Москвы французами многие вещи были предусмотрительно вывезены, а затем возвращены обратно. Но то, что погрузить не успели, либо не смогли демонтировать заранее, было вывезено уже французами. В монастыре было 4 храма: церковь Архангела Михаила (1501), церковь Святителя Алексея (1680), храм Благовещения Пресвятой Богородицы (1501) и церковь Андрея Первозванного. Маршал Даву, имея главную квартиру в Новодевичьем монастыре, иной раз останавливался на ночлег именно в Чудовом монастыре.

Храм Спаса на Бору, одна из древнейших церквей в Кремле. До 1330 года на месте нынешнего храма существовала дубовая церковь во имя Преображения Господня. Эта церковь была сооружена князем Даниилом на холме, где был дремучий бор, и где в то время стояла хижина отшельника Букола. В 1812 году церковь, как и прочие, была полностью разграблена, и французы устроили в ней продовольственный склад. Впоследствии эта церковь некоторое время служила пристанищем для бесприютных церковников.

Патриарший, или Синодальный дом с церковью Двунадесяти Апостолов. В Патриаршем доме находилась богатейшая и древнейшая ризница, а также патриаршая библиотека, в коей находилось древних греческих рукописей 511 шт., а славянских книг 1008 шт. Великолепные произведения искусства, масса серебряных сосудов, книг, столовое серебро и прочее было полностью вывезено в Вологду и потому спасено от расхищения.

Ах, если бы всё было так же удачно, как в Патриаршем доме, где была проявлена поразительная предусмотрительность! Но мы видим, что сотни подвод с добычей были вывезены только из Кремля, т.е. оттуда, откуда было заранее эвакуировано наибольшее число старинных раритетов.

А что же творилось в самой Москве? Ведь в городе на тот момент числилось 24 монастыря, некоторые из них весьма древние и богатые. Все без исключения они были ограблены удалыми «гвардейцами». Чтобы дать вам хоть какое-то понятие о масштабах потерь и в этой области, я посвящу ещё несколько страниц книги описанию известных мне фактов.

Самым богатым по праву считался Донской монастырь, и по сию пору стоящий в районе широко известной Шуховской телебашни. Основан этот

монастырь был в 1596 году. Богат он был потому, что на кладбище монастыря хоронили дворян и богатых купцов. Если у вас как-нибудь выдастся свободный денёк, не поленитесь, съездите в Донской монастырь. Походите неспешно по его обширной территории, посмотрите, любопытствуя, какие там стоят надгробья, почитайте выбитые на мраморе и гарбо фамилии, проникнитесь духом тех времён. Вам многое станет ясно.

На территории монастыря имелись церкви:

Пятиглавый Соборный храм

Церковь Пресвятой Богородицы Донской

Церковь Сретенья Господня

Церковь Богородицы Тихвинской

Церковь Преподобного Александра Свирского

Ризница с церковным имуществом помещалась в палатке, пристроенной к паперти Соборного храма.

Чтобы вывезти все монастырские сокровища, потребовалось бы не менее сотни подвод, но было эвакуировано только пять подвод всевозможного имущества. Брали только самое ценное и то, без чего невозможно было представить себе именно Донской монастырь. Всё остальное, увы, досталось незваным гостям. Из Соборного храма были похищены оклады и ризы с икон, находящихся на восьмипоясном иконостасе. Среди них — риза серебряная, богато украшенная жемчугом и драгоценными камнями с Донской иконы Богоматери. Были похищены ризы, столь же богато украшенные, с икон Спасова образа и иконы Богоматери Едесской.

На иконе Спаса Вседержителя была риза серебряная, чеканная, позолоченная. Перед иконами висели серебряные чеканные лампады. Только перед иконой Донской Богоматери висело 8 серебряных лампад. Остальные церкви монастыря также имели богато украшенные старинные иконостасы. Но их старинность не уберегла их от тотального разгрома и разграбления.

Но всё же я не могу удержаться от того, чтобы не перечислить некоторые вклады, которые делали в монастырскую ризницу состоятельные лица государства Российского. Не все, конечно, перечислю, только самые крупные и знаменитые.

В 1679 году. Три напрестольные Евангелия, одно большое в серебряном золочёном окладе. Три сосуда серебряных, один из них золочёный.

В 1725 году. Потир, чаша золотая с серебряным поддоном. Золота 1 фунт и 15 золотников. Серебра 2 фунта и 51 золотник.

В 1727 году. Золотой прибор весом 2 фунта и 32 золотника. Ковчег серебряный и серебряный крест.

В 1750 году. Паникадило, весом в 1 пуд, да ещё 0,5 пуда серебра на местные иконы.

В 1785 году. Шапка (митра) с жемчугом и драгоценными камнями.

В 1793 году. Серебряный подсвечник весом 70 фунтов 32 золотника.

Дарились и прочие предметы роскоши и церковного обихода: панагии, церковные книги, кресты, сосуды, богатая одежда и т.п.

Велика вероятность того, что большая часть этих вещей попала не в императорский обоз, а в руки солдат гвардии. Как известно, у Наполеона было 2 дивизии «старой» гвардии и 2 дивизии «молодой» гвардии. Эти дивизии, почти не пострадавшие при Бородинской битве, входили в Москву первыми. Первыми же они и начали разграбление города, особое «внимание» обращая именно на культовые здания и сооружения. При отступлении все четыре дивизии шли пешком, поскольку телеги и повозки, к ним приписанные, просто ломились от добычи.

Прочие монастыри пострадали не менее. В Новоспасском монастыре имелся величественный пятиярусный иконостас, сходный с иконостасом Успенского собора в Кремле. С него было похищено более 20 пудов серебра. Уцелела лишь монастырская ризница, вывезенная в Вологду. Всё остальное было спрятано на месте, но, к несчастью, французы отыскали захоронение. Вывозили они примерно такого рода вещи. Процитирую небольшой отрывок из документа, в котором перечисляются вклады Новоспасского монастыря.

«В соборной церкви — икона Нерукотворного образа — риза и венец серебряные, позолоченные, перед иконой подсвечник серебряный весом 1 пуд 21 фунт — подарок купеческой жены Козловой в 1791 г.

Икона Преображения Господня — риза серебряная, позолоченная, украшена бриллиантами, алмазами и др. драгоценными камнями.

Ковчег серебряный в окладе на престоле.

Одежда парчи золотой с золотою бахромою и 6-ю большими золотыми кистями.

Перед всеми иконами серебряные лампады.

Ковчег серебряный.

Крест напрестольный, золотой, украшенный драгоценными камнями, вклад царя Фёдора Алексеевича в 1680 году. Весу в нём два фунта золота, а с деревом и камнями 3 фунта 65 зол.

Крест золотой, подарок митрополита Крутицкого в 1673 году.

Крест прорезной, сквозной, богатой работы из орехового дерева, украшен жемчугом и драгоценными камнями.

Кресты, вложенные в монастырь, 3 шт. один графом Шереметьевым в 1802 году, другой купеческой жены Бабкиной в 1788 году и один крест господина Еропкина в 1785 г. Из них два с финифтяными образами.

Два золотых креста с золотыми цепями.

Служебные сосуды — 4 шт.

Большие серебряные сосуды позолоченные — 2 шт.

Серебряные сосуды вкладу господина Еропкина с финифтью.

Водосвятные серебряные чаши — 2 шт.

Блюда серебряные, одно вкладу царя Фёдора Алексеевича, остальное графа Шереметьева, князя Черкасского, и одно устроено монастырской казной.

Рапиды серебряные позолоченные вкладу И.Г. Морозова 1670 г.

Ризы настоятельские с жемчужным оплечьем, всего — 11 шт. Из них самая лучшая по борту обнизана самым крупным жемчугом с разводами, в середине оплечья позади крест алмазный сплошною мерою в длину более одной четверти аршина (18 см) в нём один изумруд шестигранный длиной полвершка (2,2 см), шириною несколько меньше, да в разных местах по оплечью 15 запон алмазных с таковыми же коронами, всё сие, так как и крест в оправе золотой. Вклад царя Михаила Фёдоровича.

Ризы подобные вышеописанным, так же епитрахиль, набедренник, поручни и стихарь вкладу князя Черкасского.

Настоятельская «шапка» жемчужная с алмазами и другими драгоценными камнями, иконы на ней золотые. Другая «шапка» с большими яхонтами чистейшей воды.

Три "Плащаницы", одна из них шита в 1645 году.

Пять покровов надгробных, украшенных жемчугом».

Несколько слов необходимо сказать и о Богоявленском мужском монастыре. Монастырь очень древний, находился на Никольской улице, недалеко от Троицких ворот Кремля. При пожаре 1812 года монастырь уцелел, только обгорела главка на колокольне. В монастыре было похоронено много знатных и богатых людей того времени. Поэтому в ризницу монастыря многие и многие знатные сановники делали весьма щедрые подношения, что в те времена было весьма принято.

Так, на поминание стольника Шереметьева в 1677 году была вложена большая серебряная водоносная чаша, весом 10 фунтов 51 золотник. От кня-

гини Долгорукой вложены серебряный потир, дискос, звезда, лжица весом 5 фунтов 12 золотников. От графа С.Б. Шереметьева в 1768 году вложен потир золотой, золотой дискос, звезда, два блюдца и лжица весом 7 фунтов 25 золотников. Серебряные кресты напрестольные весом в 1 фунт 4 золотника. И другой, в 2 фунта 33 золотника, и множество других серебряных и золотых. Евангелие в серебряном окладе, серебра пошло на одну большую книгу 16 фунтов. И множество другой церковной утвари.

Монастырская ризница, к счастью, уцелела, поскольку была вывезена. Но иконы и те предметы, которые не успели спрятать, сильно пострадали от европейских варваров. Сколько было снято со стен монастыря серебра и золота, сведений не сохранилось, но, судя по тому, что всё имущество было старинное и массивное, набралось его немало. Поскольку в Богоявленском монастыре помещался на постое маршал Ней, то, скорее всего, именно в его обоз всё серебро и попало.

Даниловский монастырь был выбран для размещения в нём артиллерийского парка. По некоторым оценкам, монастырь потерял имущества на 10 000 рублей. Одного серебра было взято от 5 до 10 пудов.

Изрядно пострадал от нашествия Заиконоспасский монастырь, стоявший на Никольской улице. Монастырь этот был основан в 1619 году. Имел Соборную 2-этажную церковь. Кроме этого, имелась и Владимирская церковь с богатым иконостасом и с главной иконой Владимирской Божьей Матери, украшенной богатой золотой ризой. Верхний Соборный храм имел иконостас, выстроенный в 1742 году. Все иконы в нём были украшены массивными серебряными ризами. Из алтаря двери вели в монастырскую ризницу, в которой хранились церковные сосуды и дорогое облачение. Нижний соборный храм также имел богатый иконостас. Большие иконы алтарного иконостаса были обложены чеканным серебром.

В описной книге монастыря за 1780 год после сверки с наличностью в 1813 году архимандритом Симеоном о большинстве икон замечено: «похищены французами» или «оклад похищен неприятелем».

Исчезли кресты, служебные сосуды, кадила, лампады, подсвечники, престольные одежды, кроме весьма немногих, отправленных в Вологду.

Заиконоспасский монастырь стоял недалеко от Кремля, и, вероятно, всё его богатство попало в императорский обоз.

Тоже недалеко от Кремля, между Покровской и Мясницкой улицей находился и другой древний монастырь — Златоустовский. Монастырь был основан в 1412 году. На территории его стояли следующие церкви: Благо-

вещенская, Златоустовская, Троицкая, Захарьинская и Спасская. При приближении французов к Москве златоустовский архимандрит Лаврентий принял некоторые меры к сохранению монастырских сокровищ. Многие вещи, как-то: Евангелия, кресты золотые и серебряные, драгоценные сосуды, одежды и прочее он «тайным образом» перенёс в настоятельские покои монастыря.

23 августа, в день, когда Наполеон выступил из Гжатска, Лаврентий получил словесный приказ от московского викария быть готовым к отъезду и перевозу имущества сразу двух монастырей, Златоустовского и Перервенского. 31 августа, уложив на 10 подвод имущество обоих монастырей, Лаврентий препроводил обоз в Кремль, где собирались эвакуационные колонны от других обителей. Только 1 сентября сводная колонна выехала из Москвы.

А со 2 сентября в монастыре хозяйничали захватчики. Поскольку иконостасы оставались на месте, то они, разумеется, были разломаны и ограблены в первую очередь. Французы находились в Златоустовском монастыре до 23 октября и очень тщательно обыскали и ободрали все его помещения. Всё, за исключением монастырского архива, медных светильников и оловянной посуды, было вывезено.

Симонов первого класса мужской монастырь находился от Кремля к востоку в 6 верстах на левом берегу Москвы-реки. Основан он в 1370 году в дни великого князя Дмитрия Донского. Монастырь был окружён каменной стеной с 4 башнями готического стиля по углам и 5-й башней посередине южной стены.

Из Симонова монастыря были похищены даже Царские врата высотой более 3,5 метра, обложенные позолоченным серебром и крупными разноцветными камнями: яхонтами, изумрудами, бирюзой и др. Чтобы дать представление о величине ущерба, приведу только стоимость всего двух икон.

Икона Вседержителя, сидящего на престоле, украшена серебряной чеканною вызолоченной ризой весом 1 пуд 23 фунта 20 золотников, стоимостью по оценке 1812 года — 1517 рублей. (Сейчас она бы оценивалась не менее чем в миллион долларов.)

Икона Преподобного Кирилла Белозерского 1774 года украшена золотым окладом и 10 золотыми изображениями святых по полям её, общий вес золота 2 фунта 17 золотников. Стоимость, по оценке 1812 года, — 627 рублей. (Считайте, что теперь полмиллиона долларов.)

Кроме того, из монастыря были похищены богослужебные сосуды. Золотой потир весом в 3 фунта 68 золотников, серебряная лампада весом в 4 фунта 38 золотников, серебряный подсвечник, весом 5 фунтов 83 золотника, серебряная чаша для освящения воды, весом 16 фунтов 50 золотников, кресты, панагии, митры, саккосы, клубоки, покровы, кубки, стопы, кружки, четвертины, лампады, кадила, подсвечники, паникадила и прочее, и прочее, и прочее, не менее чем на 100 000 рублей.

Всё похищенное заботливо укладывалось на все виды транспорта тех времён и называлось «московскими трофеями». Зачастую в своих мемуарах французы называли процесс перевозки своей добычи «перевозкой тяжестей». Согласитесь, что лёгкие и малочисленные вещи «тяжестями» не назовут. Ведь даже неподъёмные 24-фунтовые гвардейские пушки и боеприпасы к ним так не называли.

Фезанзак — командир 4-го линейного полка 3-го корпуса — пишет в своих мемуарах следующее. (Волосы дыбом встают, когда читаешь такого рода заметки.)

«Ночью 18-го октября экипажи 3-го корпуса двинулись к сборному пункту, в Симонов монастырь. Никогда за нами не тянулось столько экипажей. Ночи едва хватило, чтобы нагрузить провиант и привести упряжки в порядок. За час перед восходом солнца тронулись в путь. Симонов монастырь был весь объят пламенем — жгли провиант, который не могли взять с собой. Во многих фургонах было свободное место, а перед нами горел провиант, который, может быть, спас бы нам жизнь. Мы тащили за собой всё, что избегло пожара. Самые элегантные и роскошные кареты ехали вперемешку с фургонами, дрожками и телегами с провиантом. Эти экипажи, шедшие в несколько рядов, по широким русским дорогам, имели вид громадного каравана.

1-го ноября мы дошли до Вязьмы. Не раз упрекали Наполеона в том, что при таком опасном положении французская армия шла слишком медленно, нельзя забывать, что и люди и лошади были истощены донельзя. Чтобы ускорить наше движение, необходимо было принести в жертву весь обоз. Неоспоримо, что подобное решение спасло бы нас от многих бед, но ещё никто не считал необходимым принимать такие крайние меры».

Вот интересно бы узнать, такие умные мысли пришли в голову Фезанзаку прямо при выезде из Москвы, или он только в Париже сообразил, что жизнь всё же дороже кошелька? Наверное, всё же после, уже в Париже, будучи на

пенсии. А в Москве-то все поголовно были объяты лишь одной страстью — набить потуже «закрома». Так что я продолжу описывать буквально неисчислимые потери русского народа от столь жадного нашествия.

Покровский собор, или церковь Василия Блаженного, пострадал от грабежей наряду со всеми. Было даже предание о том, что Наполеон хотел взорвать уникальный по архитектуре собор, выстроенный нашими предками в XVI веке. Нижний собор его использовался как конюшня, все остальные же храмы попросту ограбили. В частности, забрали вызолоченную серебряную раку, устроенную в 1558 году царём Фёдором Иоанновичем. Не погнушались даже железным колпаком с мощами Иоанна Юродивого.

Спасо-Андроников московский 2-го класса мужской монастырь был выстроен в 4-х верстах от Кремля на берегу реки Яузы, на месте высоком и красивом. Его грабили поляки из корпуса Юзефа Понятовского.

До взятия Москвы солдатами Великой армии из громадного Андроникова монастыря было вывезено всего ничего: всего три подводы с церковной утварью. Поэтому польским солдатам достались богатейшие украшения, находившиеся в храме и церквях монастыря. В центре монастыря стояла соборная церковь, сооружённая около 1360 года. В церкви стоял древний иконостас с богато украшенными и дорогими ризами. Стены были расписаны Андреем Рублёвым и Даниилом Чёрным. В церкви стояла серебряная рака с мощами преподобных Андроника и Саввы. После ухода поляков церковь сгорела.

Кроме соборной церкви на территории монастыря имелась 3-этажная церковь, построенная царицей Евдокией Фёдоровной. На первом этаже помещался храм Знамения Божьей Матери, освящённый в 1792 году. На втором этаже был храм во имя Архистратига Михаила. На третьем — храм во имя Алексея Митрополита Всероссийского. С северной стороны церкви помещалась ризничная палатка.

В монастыре над Святыми воротами стояла одноглавая церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Перед монастырскими воротами стояла огромнейшая колокольня самой искуснейшей архитектуры, 4-этажная, высотой (если считать с крестом) 68 метров. На втором этаже была церковь с богатейшим иконостасом. На святых образах оклады были серебряные, позолоченные, пред ними серебряные лампады и большое паникадило, в котором весу было больше 4-х пудов. Эта церковь была освящена в 1803 году, а в 1812 году разорена и разграблена до нитки.

Страстной монастырь был построен царём Алексеем Михайловичем в 1654 году. Имел 4 храма: Соборный двухэтажный, церковь Святого Алексея, Храм над Вратами, Трапезный храм во имя печерских угодников. 3 и 4 сентября в храмах был произведён грабёж. После выноса всего ценного в нижнем храме устроили магазин, а прочие помещения использовались в качестве казарм.

Описывать дальше просто нет сил, да и вы, уважаемые читатели, надеюсь, уже в достаточной мере осознали по моему небольшому эссе, какой грандиозный ущерб был нанесён церковному имуществу Российского государства. Но если бы это было всё, что подверглось разгрому и поруганию! Ведь кроме монастырей и сотен приходских церквей в столице имелось множество прочих мест, представляющих весьма лакомые куски для грабителей. Дворцы богатых людей и царских вельмож, ссудные кассы, питейные дворы, арсеналы, монетный двор, промышленные и торговые предприятия, склады, музеи, имущество тысяч и тысяч горожан разных сословий, не имевших возможности по тем или иным причинам покинуть город. Так что колонны трофейных обозов, влекомые потерявшими всякое чувство меры захватчиками, растянулись на многие и многие километры.

Но парадокс ситуации состоял в том, что в последствии 99 % того, что было награблено французами, поляками, австрийцами, итальянцами и пруссаками, так и осталось в России. Лишь небольшая масса ценностей достигла территории нынешней Литвы, Латвии и Польши. Но до самой Франции, в конечном счёте являвшейся вдохновительницей всей военной интервенции, не дошло ровным счётом ничего. Куда же всё исчезло? Куда пропал груз с многих тысяч повозок, телег и фаэтонов? Ответ можно найти в высказываниях одного из генералов, находившихся в свите Наполеона. Вот что писал командир 33-го полка Фриан Дедем де Гольнер. *«Лучшие картинные галереи сгорели ещё во время пожара, а деньги и всё то, что было захвачено армией, наполовину снова было отобрано русскими, а остальное уничтожено, чтобы не досталось им. Многое просто зарыли в землю в химерической надежде, что удастся вернуться за ним».*

Но что означает слово «уничтожено»? Как его понимать? Сожжено, разбито вдребезги, закопано, утоплено? Разберём данный термин на маленьком примере из многодневного опыта этой грандиозной эпопеи.

Рассмотрим только один небольшой эпизод из истории отступления 3-го корпуса маршала Нея, едва не угодившего в окружение около города Красный. Встретив сильный заслон на переправе через речку Лосмину, он был

вынужден резко свернуть с проторенного пути и броситься со своими войсками в сторону Днепра. Он надеялся переправиться по свежему льду, но наступила внезапная оттепель. Ледяные поля начали двигаться, и положение 3-тысячного армейского корпуса стало почти безнадёжным. По дошедшим до нас воспоминаниям участников того похода, маршал, видя, что спасти багаж, обоз и артиллерийские орудия невозможно, якобы первым приказал сбросить свою карету в свинцовые воды Днепра. Туда же отправились и подводы обоза, и даже пушки (якобы).

Вот такой исторический эпизод в широко распространённой, вернее будет сказать, общеупотребительной, редакции. На самом же деле всё происходило не совсем так, как пишут популярные газеты и журналы, вернее будет сказать, совсем не так. Но в первом приближении можно считать, что, по сути, всё сказано правильно. Увозимое из купеческого центра России — Москвы — имущество французы уничтожили, но ведь оно по большей части всё равно осталось в целости и сохранности, вот только в земле, или, в данном случае, под водой.

Другая примечательная фраза из мемуаров генерала Дедема: «Многое зарыли в землю». Да, верно, зарывали многое, причём не какой-то горшок с медными монетами (найти который — голубая мечта многих кладоискателей), а целые повозки, нагруженные не только награбленным имуществом, но и серебром и золотом. Да что там отдельные повозки! Закапывались и затапливались целые обозы в десятки и сотни подвод с награбленным добром. Их французы прятали до лучших времён в призрачной надежде, что, перезимовав в Смоленске, им удастся вернуться за оставленным в пути добром несколько позже. Но сладостные мечты эти в подавляющем числе случаев так и остались только мечтами. Хотя некоторым участникам того похода всё же удалось впоследствии вернуться в Россию и даже провести поиски спрятанных либо ими, либо их родственниками сокровищ. Как и когда предпринимались подобные попытки, а также что получилось из этих экспедиций, я, разумеется, вам расскажу впоследствии.

Итак, представив вам пусть и самое общее, самое мизерное описание того громадного количества трофеев, что были вывезены Наполеоном из Москвы, я постараюсь описать и систематизировать добытые мной сведения по конкретным кладам, заложенным его войсками, рассчитывая обойтись перечислением нескольких конкретных и достаточно детально отработанных эпизодов. Но не тут-то было. Исписав более полутора сотен страниц, я совершенно погряз во всевозможных военных событиях и чисто бытовых коловращениях,

прихотливо управляющих судьбой отступающей армии. Хаос в центральной части моей книги получился такой, что я понял — необходимо как-то жёстко систематизировать весь фактический материал. Ведь основной задачей моего повествования было не только дать читателям всю имеющуюся информацию по причинам, приведшим к заложениям конкретных исторических кладов, но и тесно увязать данные рассказы с общей обстановкой, складывающейся на всём театре боевых действий.

Поэтому я решил выстроить повествование, максимально привязав его к конкретным календарным датам. Решение не идеальное, поскольку в один и тот же день зачастую происходило множество всевозможных событий, почти всегда разнесённых в пространстве. Но всё же это было наилучшим выходом в создавшейся ситуации. Поэтому прошу прощения за то, что вам, уважаемые читатели, не раз придётся возвращаться к одним и тем же датам и случившимся в них событиям. Извинением может служить только моё желание наиболее точно и подробно описать каждый щекотливый и неоднозначный момент сокрытия очередного исторического клада. Искренне надеюсь на то, что мой многолетний труд поможет отыскать хотя бы часть исчезнувших в 1812 году российских сокровищ.

* * *

Свой нерядовой рассказ я начну, несколько отступив от того момента, когда Великая армия начнёт своё последнее движение на запад. Мне хочется познакомить вас с участниками дальнейших событий, с царящими тогда нравами и теми приготовлениями, которые совершали солдаты и офицеры разношёрстного воинства, деятельно готовясь к счастливому и победоносному возвращению домой. Пока никто из них даже не подозревает о той ужасной участи, которая уготована большинству из них, и поэтому эти незатейливые строки будут весьма и весьма показательны. Представляю вам выдержки из дневников Кастеллана и Цезаря де Лотье. Запомните их и сравните с тем, что эти же люди напишут всего через полтора месяца.

27 сентября

«Идёт снег, который тут же тает. Я дежурный. В эти дни я часто прихожу в переднюю около императорского кабинета поболтать с его камердинером Анжелем, бывшим лакеем герцогини де Ла Вальер.

Этот человек относится ко мне дружелюбно и рад поговорить о Его Величестве. Между прочим, он рассказал мне: "Со времени нашего при-

бытия в Москву император приказал мне каждый вечер зажигать по две свечи около его окна, чтобы солдаты говорили: "Смотрите-ка, Император не спит ни днём, ни ночью, он всегда за работой"».

5 октября

«Я сажусь верхом, чтобы следовать за императором; прекраснейшая в мире погода. В строю большое движение. Его Величество занимается артиллерией. Он работает по целым ночам. Правда, он спит часть дня. Рассчитывают на скорое выступление. Говорят о походе на Индию. У нас столько доверия, что мы рассуждаем не о возможности подобного предприятия, а о числе месяцев, необходимых для похода, о времени, за которое к нам будут доходить письма из Франции. Мы привыкли к непогрешимости Императора, к преуспеванию всех его планов».

«Армия теперь насчитывает 501 орудие. Зато возят орудия тощие лошади, не способные на большие переходы. То же можно сказать и про экипажных лошадей, про лошадей походных госпиталей и про др. Задают себе вопросы, как же перевозить ту драгоценную добычу, которая собрана была в Москве (и других городах тоже), *которую уже нагрузили на телеги, если только Император не даст приказания оставить её здесь».*

6 октября

«Император произвёл смотр инфантерии "старой" гвардии при довольно мягкой погоде. Генерал Лористон возвращается, выполнив своё поручение к русским; результаты его нам неизвестны. Он был очень любезно принят генералами: Кутузовым и Беннигсеном. На аванпостах — перемирие, обязались предупреждать за два часа».

Русские войска под командованием упомянутого в цитате соратника Кутузова выстояли против Наполеона в ожесточенном Прейсиш-Эйлауском сражении, но потерпели поражение под Фридландом. Одной из причин неудач стала неудовлетворительная организация материального снабжения армии во время войны. Беннигсен как главнокомандующий не смог справиться с возникшими трудностями. С 1808 года он находился не у дел и фактически вернулся на службу лишь в 1812-м. С прибытием в войска М.И. Кутузова был назначен исполнять обязанности начальника Главного штаба объединенных армий. После Бородинского сражения на военном совете в Филях отстаивал необходимость проведения нового генерального сражения у стен Москвы с

наполеоновскими войсками, но не получил полной поддержки у генералитета. Отличился, командуя русскими войсками в Тарутинском сражении, где был контужен ядром в ногу. В конце кампании из-за разногласий с Кутузовым Беннигсена, уже реально не имевшего никаких нитей управления, удалили из Главной квартиры. До 1818 года занимал пост главнокомандующего 2-й армии, затем вышел в отставку и остаток дней провел в Ганновере, где написал ряд мемуаров, в частности, о дворцовом перевороте 1801 года и военных кампаниях против Наполеона.

10 октября

«Сегодня второе представление французского спектакля: дворцовому префекту Боссе поручено поставить его; нашлись всего две актрисы — с этим каши не сваришь».

11 октября

«Мы меняем помещение в шестой раз; я устроился у князя Куракина, великолепный дворец. У меня очаровательные комнаты; есть камин, редкость в этой стране; в моей спальне портрет князя — поразительно похожий... В доме полсотни портретов; нет недостатка в портретах Императора Павла и в портретах незаконных детей князя. Неудобство дворца в том, что он ещё дальше от Кремля, чем дом, в котором мы были раньше.

Перемирие между авангардами прервано. Император его формально отменил: оно служило лишь для того, чтобы казаки свободнее действовали на нашем арьергарде; в миле от него всё было для них лёгкой добычей; они захватили 27 солдат и одного офицера из 9-го гусарского полка. Наши аванпосты испытывают большую нужду в продовольствии.

Его Величество осматривал 600 лошадей 1-го и 5-го полков лёгкой кавалерии, прибывшей из Франции. Дорогой они потеряли 400 лошадей. Ежедневно мы получаем подкрепления. Две недели тому назад корпус маршала Нея состоял из 4000 человек; поляков Понятовского было не больше».

12 октября

«Я дежурный; стоит довольно холодная погода. В 10 часов 30 минут вечера шталмейстер двора, войдя в дежурную комнату, приказал трём адъютантам отправляться в Главный штаб его Величества, ждать там Императора. Император объявил, что он трогается в путь завтра в 9 часов утра. Никто этого не ожидал; были немного удивлены и раздосадованы».

13 октября

«Сегодня утром выступления не было; оставаться, так оставаться. Идёт снег. Старая гвардия, армейские корпуса, хозчасти получили приказ быть готовыми к выступлению».

Но некоторые части уже выступили именно в этот день. Тайно, без огласки. Что же увезли они из Москвы в своих закрытых повозках?

Об этом я расскажу вам в главе:

Обозы вице-короля

Перед отступлением из Москвы в 4-м корпусе вице-короля по ведомости от 10 октября 1812 года имелось в наличии: 23 963 человека, кавалерии 1661 человек, 92 орудия и 450 армейских повозок.

16 октября 1812 года Роберт Вильсон в письме лорду Каткарту писал следующее:

«Сегодня поутру получено донесение от одного казачьего офицера с Можайской дороги, что (он) заметил конвой из 350 фур, в препровождении 4-х кавалерийских полков и двух батальонов. Он с 300 казаками напал ночью на их лагерь, и так перепортил все упряжки их повозок, что они не могли ехать далее, а потом дал знать генералу Дорохову, который взял Верею, и поэтому можно надеяться, что сей обоз, отправленный сперва в Саксонию, а после во Францию с разными драгоценными вещами, которые награбил Бонапарт, будут возвращены.

Роберт Вильсон. Мыза Тарутино».

Вильсон Роберт Томас. 1777—1849. Английский генерал, агент (представитель) английского правительства в штабе М.И. Кутузова.

Из этого письма мы узнаём о существовании немаленького обоза в 350 (как минимум) телег с награбленными в Москве сокровищами. Остановимся на этом факте поподробнее. Как я уже писал, основная масса войск Наполеона выдвинулась из Москвы 19 октября 1812 года, и очень интересно, что уже за три дня до этой даты даже англичане имеют точные сведения о продвижении очень крупного и хорошо охраняемого обоза. Причём (что удивительно), сведения о нём приходят из мест, весьма от Москвы удалённых. Громадная колонна отягощённых добычей оккупантов уже вышагивает где-то за сто ки-

лометров от Москвы! Следовательно, она выступила уже как минимум три дня назад. Уж не 13-го ли?

Можно по-всякому относиться к всевозможным приметам и предрассудкам, но для Евгения Богарне и его столь секретно выступившего обоза цифра 13 оказалась роковой. Он рассчитывал оторваться от основных сил русских войск и без особых помех достигнуть Смоленска ещё до наступления холодов. В дальнейшем, видимо, планировалось укрепить охрану обоза польской кавалерией и ускоренным маршем за три недели довести его до Саксонии. Но не тут-то было.

Капитан Сеславин, уже некоторое время «партизанивший» в районе современного посёлка Голицино, получил донесение, что генерал Орнани с 4-я полками кавалерии, (из которых 2 полка французские) и двумя батальонами пехоты с 8-ю орудиями сопровождают обоз в 300 фургонов по дороге из местечка Вязёмы к Боровской дороге, с намерением идти на Верею, и далее в Смоленск...

Капитан правильно рассчитал свой манёвр. Он со своими 300 казаками обогнал вражескую колонну и притаился в лесу, ожидая удобного момента для нападения. Он пропустил и пехоту, и кавалерию (поскольку силы были заведомо неравны) и напал на обоз и артиллерию на марше. Ясное дело, что ни те ни другие активного сопротивления оказать без подготовки не могли, и казаки развернулись по полной программе. Французы потеряли генерала, полковника и до 300 солдат. Сеславин же потерял до 40 человек убитыми и 45 лошадей, после чего отошёл к деревне Слизнёво.

Обоз же, устранив нанесённый налётом урон, 17 октября двинулся по Боровской дороге к селу Быкасову, до которого было около 12 вёрст. Из Быкасово обоз должен был идти на Фоминское и далее на Верею, до которой было около 30 вёрст. Но именно в это время Верея была занята войсками генерала Дорохова. Поэтому обоз дальше окрестностей Фоминского не продвинулся. 21 октября туда же прибыла 14-я дивизия генерала Брусье. 22 октября к ним присоединились две дивизии «старой» гвардии. Соответственно, пожаловал и сам Наполеон, крайне раздосадованный тем обстоятельством, что его пасынок не успел прошмыгнуть в Смоленск.

23 октября вице-король миновал Боровск и расположился в его окрестностях. (Там встали три дивизии: 14-я Брусье, 15-я графа Пино и дивизия гвардии.) А 13-я пехотная дивизия Дельзона направилась к Малоярославцу в качестве авангарда. Представляется, что этот головной обоз, порученный

Наполеоном Евгению Богарне, простоял в окрестностях Боровска до 25-го, до получения приказа от императора отступать на Старую Смоленскую дорогу...

Лейтенант де Лотье, служивший в штабе итальянской гвардии, в своём дневнике пишет, что приказ об отступлении на Можайск был отдан в 10 часов вечера 25 октября. Той же ночью главный штаб вице-короля должен был достичь села Уваровское, что находится в 4 верстах от Боровска. Таким образом, несомненно, что этот обоз существовал реально, и Наполеон не без умысла старался продвинуть его как можно быстрее вперёд, поручив заботам своего пасынка. Надо полагать, ценности он в нём отправил уникальнейшие. 350 повозок! Минимум 120 тонн уникальных произведений искусства, антиквариата, слитков серебра и золота. Груза на миллиард долларов, не меньше. Ужас, как интересно узнать, куда же делся этот славный обоз! Ведь он не доехал ни до Франции, да и обратно в Москву в качестве боевого трофея тоже не возвратился. Согласитесь, что нам просто необходимо выяснить его теперешнее местонахождение.

О том, что отправка этого транспорта была обставлена с большой секретностью, де Лотье тоже сообщает.

«Лошади императора отправились (13 октября) *вечером по неизвестному направлению. Все повозки нагружены съестными припасами. Генерал Барелли, адъютант неаполитанского короля, возвратился вчера с секретными приказаниями императора».*

15 октября обоз, который мы для удобства назовём «Третий золотой», специально двигался по наименее разорённой дороге. Вот потому-то он и свернул на Боровскую дорогу. Но непредвиденное нападение у деревни Кутасово и овладение Дороховым Вереёй спутало все глубоко законспирированные планы.

Записи де Лотье от 20 октября, сделанные в Фоминском.

«Смелость казацких отрядов невероятная. Они устроили засаду в лесу, невдалеке от того места, где мы провели ночь, и поджидают, когда уйдут последние солдаты, чтобы напасть на изолированные группы, на отставших или на повозки, которые не могли идти непосредственно за войсками».

Перевод немного коряв, согласен, но всё же отражает тактику действия казацких сотен весьма точно. Надо думать, что после того ночного налёта французы усилили бдительность и укрепили охрану. Начали спешно стяги-

вать дополнительные войска, призванные оградить ценности от каких-либо атак со стороны. Видя такое наращивание противостоящей группировки, забеспокоился и генерал Дорохов. Он оттянул назад свою кавалерию, невольным образом освободив войскам противника дорогу на Можайск. После получения приказа на отход такое движение руссих войск оказалось для французов и иже с ними весьма кстати. Первым же тронулся с места длительной стоянки 4-й корпус.

Так что мы можем констатировать, что в середине октября Наполеон всё ещё тешит себя надеждой на то, что его пасынку удастся оторваться от назойливых русских и без потерь добраться до Смоленска. Вот как описывает этот переход некий Лабом, служивший при штабе вице-короля.

«По дороге от Малоярославца до Уваровского мы увидели, к чему привела нас печальная и памятная победа в Малоярославце. Кругом попадались только покинутые муниционные повозки (от слова амуниция), *так как не было лошадей, чтобы их везти. Виднелись остатки телег и фургонов, сожжённых по той же причине. Тот, кто вёз с собой добычу из Москвы, дрожал за свои богатства. Проходя ночью село Уваровское, увидели всё село в огне. Нам сказали, что был отдан приказ сжигать всё находившееся на нашей дороге. Мы миновали Боровск, оставшийся от нас справа и сделавшийся также жертвой пламени, и направились к реке Протве с надеждой отыскать брод для переправы артиллерии. Мы нашли таковой выше города и, хотя он был очень неудобен, но все наши войска должны были пройти через него. Много повозок застряло в реке, и так загородили проход, что пришлось искать нового брода. Я узнал, что Боровский мост ещё существует, благодаря чему получилось большое облегчение при переправе по нему багажа армии».*

Несколько слов необходимо сказать и о самом Малоярославском сражении. Встречный бой за город Малоярославец между русскими и французскими войсками 12 (24) октября 1812 года. 7 октября 1812 года армия Наполеона покинула Москву и направилась по Новой Калужской дороге, чтобы после захвата Калуги и Тулы отойти к Смоленску, где планировалось собраться с силами и подготовиться к новой кампании 1813 года. Но обмануть русских не удалось. Узнав от партизан об активности французов, М.И. Кутузов послал к селу Фоминскому 6-й корпус Д.С. Дохтурова. Затем от капитана А.Н. Сеславина была получена крайне важная информация о выходе Наполеона из Москвы и направлении его следования.

Поэтому войска Дохтурова и казачий корпус М.И. Платова срочно отправились к Малоярославцу, после чего вся русская армия покинула Тарутино, чтобы преградить Наполеону дальнейший путь в южные районы. Когда на рассвете 12 октября войска Дохтурова подошли к Малоярославцу, город был уже занят двумя французскими батальонами из дивизии генерала А.Ж. Дельзона IV корпуса Е. Богарне. После того как русские егеря вытеснили эти передовые части, Дельзон ввел в дело всю дивизию и сам пал в бою. По приказу Богарне в пекло сражения бросались подходившие одна за другой дивизии IV корпуса генералов Ж.Б. Брусье, И. Пино, а также итальянская гвардия. К этому времени к Малоярославцу стали подтягиваться главные силы Наполеона и Кутузова. Богарне получил подкрепление двумя дивизиями из корпуса Л.Н. Даву, а русские ввели в дело 7-й и 8-й корпуса генералов Н.Н. Раевского и М.М. Бороздина, а также 3-ю пехотную дивизию.

К 11 часам вечера бой затих. Город, не менее 8 раз переходивший от французов к русским, остался в руках Наполеона. С каждой стороны в сражении приняло участие примерно по 25 тыс. человек. Число убитых и раненых у каждого из противников достигало 7 тыс. Об ожесточенности схватки свидетельствует тот факт, что из 200 домов в городе осталось 20, остальные сгорели. По преданию, жители еще долгое время топили свои временные жилища ружейными прикладами и тогда же собрали до 500 пудов свинца. Сражение за Малоярославец стало поворотным пунктом в войне 1812 года. Хотя французам удалось удержать город за собой, русская армия преградила им дальнейшее движение, и Наполеон, не решившись на новое генеральное сражение, вынужден был отдать приказ о переходе на уже разоренную Старую Смоленскую дорогу, продолжив по ней отступление.

Хотя и с большими трудностями, но к вечеру 27 октября драгоценные обозы вице-короля достигли деревушки Алфёрово, что в шести верстах от Боровска. Переход этот и ночёвка уже как бы начали приготавливать французов к их незавидной участи.

«Помещение, в котором расположился сам вице-король, было так ужасно, что можно пожалеть судьбу несчастных крестьян, принуждённых в нём жить. Ко всем недостаткам, ко всем несчастиям, недостаток в пище ещё увеличивал наши мучения. К тому же в эту ночь сильно похолодало, и те, кто ночевал под открытым небом, сильно страдали. Провизия, взятая из Москвы, подходила к концу. Лошади также страдали. Скверная солома, снятая с крыш домов, была их единственной пищей. Лошади изнемогали от усталости, и их смертность была так велика, что артиллерии приходи-

лось бросать свои повозки. И с каждым днём всё чаще и чаще приходилось слышать грохот от разрывов зарядных ящиков».

«В Верее первый раз взорвались фуры (с бомбами)*, в Колоцком монастыре первый раз разбили и бросили пушки. Каждый день приходится что-то бросать, чтобы спасти хоть часть артиллерии».*

Эти строки написал Цезарь де Лотье, офицер штаба итальянской гвардии. Что ж, он был весьма объективен. Шёл всего третий день отступления от Малоярославца, а он уже понял, что впереди их ждут куда как более значительные трудности. Но артиллерию и трофеи 4-й корпус всё ещё тащил за собой, невзирая на бескормицу и падёж лошадей.

29 октября. Корпус миновал городок Борисов и вступил на Смоленскую дорогу.

30 октября. Вице-король прошёл мимо Колоцкого монастыря (вестфальцы маршала Даву уже покинули его стены). В монастыре нашлись (слово-то какое изящное подобрано!) ещё около тысячи раненых, о которых сказали, что они не способны перенести дорогу. Вице-король старался спасти кое-кого из них.

31 октября. Тяжёлый обоз вице-короля ночевал в Гжатске. За последние два дня отступления в виду казаков Платова французы взорвали 100 зарядных ящиков и столько же оставили на дороге. На дороге до Гжатска бросили до 800 кирас (кавалерийские защитные доспехи, прикрывавшие грудь и спину) и до 500 павших лошадей.

1 ноября. Обозы и артиллерия 4-го корпуса находятся в селении Царёво Займище. После полудня колонна была атакована казаками, разграбившими несколько фургонов.

«1-го ноября к вечеру, у города Гжати, неприятель поставил на высоте сильные пехотные колонны, выслал стрелков своих в леса по обе стороны от дороги, а фронт прикрыл батареями. 8 орудий донской артиллерии под командой полковника Кайсарова действовали с таким успехом, а пущенные им лесами, в обход, егеря 20-го полка, равно как и казачьи бригады с их орудиями, столь сильно напали на оба фланга неприятеля, что он после 2-часового сражения был принуждён поспешно отступить. Генерал Платов посадил егерей на коней и теснил неприятеля всю ночь, так что Платов сверх своего желания надвинулся на корпус маршала Даву, впереди его следовавшего. Полковник Кайсаров настиг неприятеля у Царёва Займища, где находился вагенбург и часть парков корпуса вице-короля».

(Д. Бутурлин. История нашествия императора Наполеона на Россию).

В той знаменательной атаке на часть обоза и прикрывающую его батарею участвовали всего 60 егерей. Если бы не густой туман, они были бы перебиты все до одного, но у страха глаза велики, и французы бежали без памяти, потеряв одну пушку и несколько возов «с большим богатством».

О большом богатстве можно было говорить только в том случае, если в повозках действительно находились драгоценности, а не провиант или носильные вещи. Но, разумеется, отбиты пока ещё были сущие крохи. Да и что значит одна пушка и десяток фургонов по сравнению с тем, что ещё имелось в распоряжении Е. Богарне.

Цезарь де Лотье так описывал данное происшествие.

«1-го ноября. Вскоре после полудня, когда багаж итальянской армии проходил по узкой дороге, находящейся близ Царёва Займища, в недалёком расстоянии, влево от дороги появился неприятельский авангард. Затем стала приближаться сотня казаков, чтобы завладеть обозами. Нельзя было выбрать более удачного момента. Масса отставших солдат, служащих женщин и раненых шли вперемешку около повозок; тут были также пушки, лошади, которых вели под уздцы, фуры, всё двигалось так, как будто было в полной безопасности.

Повозки, служители, маркитанты пустились в бегство по полю, в направлении уже прошедших колонн, толкая друг друга, падая и увлекая за собой несчастных раненых, которых они перевозили. Самые храбрые из них сдвинули свои повозки и засели в них, решившись защищаться в ожидании помощи, и хорошо поступили, так как генерал Галимберти, командующий дивизией Пино, быстро повернул второй батальон лёгкой кавалерии, построенный в каре. Он быстро приблизился к нам. При виде их казаки и вся неприятельская кавалерия быстро ретировались, успевши только ранить кое-кого из новичков и разграбить несколько фургонов.

К вечеру (1 ноября) *мы, королевская гвардия, останавливаемся в лесу, близ Беличева».*

Кстати сказать, донесение о нападении казаков и разграблении ими части «московских трофеев» Наполеон получил только утром 3 ноября, находясь уже в Семлево.

А русские войска сосредоточились у Гжатска. Там были и Платов, и примкнувший к нему генерал-майор Паскевич с 26-й пехотной дивизии.

Утром 2 ноября наши войска, двинувшиеся вслед за французами, на плотине возле Царёва Займища видели следующую картину: во многих местах

встречались орудия, зарядные фуры и повозки, оставленные в грязи (морозов ещё не было, и вязкая, тысячекратно перетоптанная грязь простиралась до самого горизонта) либо сброшенные с насыпи, чтобы очистить дорогу войскам.

При следовании от Можайска к Вязьме Наполеон отдал приказ, чтобы армия не оставляла за собой никакого обоза, но поскольку увезти всё добро без лошадей было невозможно, то повозки сжигались или, если те были с боеприпасами, то взрывались. А погода портилась неумолимо.

Лейтенант де Лотье пишет:

«Фёдоровское. 2-е ноября. Холод становится всё сильнее, хотя погода продолжает быть ясной, и солнце не перестаёт ещё греть. Все лошади приведены в одинаковую непригодность. Их впрягают по 12—15 в пушку (при норме 4—6). *Малейший подъём является непреодолимым препятствием для несчастных животных. К этому надо прибавить ещё многочисленные затруднения, с которыми нам ещё приходится бороться: подмёрзшие дороги, испорченные броды, разрушенные мосты, болота, гололедица, одним словом, препятствия, преодолеть которые не в силах истощённые люди и лошади. Каждый день приходится что-то бросать, чтобы спасти хоть часть артиллерии. С пренебрежением смотрят теперь на драгоценные камни и вещи, но кожи, или меха, которыми можно прикрываться, и пища, в каком бы то ни было виде, не имеет цены».*

То же самое подтверждает и другой участник похода — пехотный офицер капитан бригады Бонами Золингенского полка — Франсуа.

«К этому времени (2 ноября) *положение армии было ужасно (знал бы он, что их всех ждёт впереди). Мои лошади ещё везут кое-какие съестные припасы, но кормить их самих нечем, кроме как гнилыми листьями, добываемыми из-под снега. Лошади, столь пригодные для перевозки съестных припасов, от недостатка корма так ослабели, что требуется от 8 до 15-ти штук для перевозки одного орудия. Они питаются древесной корой или мхом и лишь изредка получают гнилую солому на стоянках армии. Неудивительно, что ежедневно гибнут тысячи лошадей. Приходится взрывать артиллерийские повозки (зарядные ящики), сжигать фургоны и заклёпывать орудия, не имея возможности везти их дальше. Никто уже не помышляет о том, чтобы сохранить драгоценности, добытые на развалинах пылающей Москвы, каждый думает о том, чтобы не умереть с голоду».*

Такая нерадостная обстановка складывалась в первых числах ноября до Вяземского сражения. Но тем не менее никто из командиров высшего зве-

на, в том числе и сам Наполеон, не считал необходимым принимать такие крайние меры, как уничтожение всего обоза с ценностями, для ускорения движения. Французская армия, миновав теснину у Царёва Займища, расположилась вдоль трассы следующим образом. Головная часть — вестфальский корпус и «молодая» гвардия с обозом, артиллерией, стадом скота, стояла в 30 верстах от Вязьмы на реке Осьма у Протасова моста. Старая гвардия и часть резервной кавалерии — вместе с главной квартирой Наполеона в селе Семлево. Вюртембергская дивизия стояла в деревне Юренево, в 12 вёрстах от Вязьмы. Корпус Нея занимал саму Вязьму. Войска вице-короля, охраняющие драгоценный «Третий золотой» обоз, остановились в селе Фёдоровское. Корпус маршала Даву встал на отдых, не доходя Фёдоровского.

Ночь со 2-го на 3-е была самая ужасная из всех прочих. Предупреждённый о приближении неприятеля, вице-король отправил обозы ночью по направлению к Вязьме, до которой было 16 вёрст. Корпус Юзефа Понятовского шёл впереди, предупреждая возможное нападение, а корпус Даву следовал позади, стараясь не отставать ни на шаг. В 8 утра они прошли деревню Максимово, отстоящую от Вязьмы на 12 вёрст. К полудню все 300 фургонов оказались в Вязьме. Несколько припозднившаяся с подъёмом кавалерия Милорадовича вышла на высоты перед сельцом Максимовым. К этому времени и колонна вице-короля, и тем более Понятовский уже приближались к Вязьме. Но корпус Даву только-только выходил из Фёдоровского, а его авангард как раз поравнялся с селом Максимово (ныне Максимково).

Колонны русской кавалерии атаковали французов, и завязался бой, который продолжался с переменным успехом до вечера. В 4 часа пополудни, когда начало смеркаться, Милорадович приказал атаковать неприятеля в самой Вязьме. В результате этой атаки маршал Ней отступил в деревню Лучинцово. Даву отступил к селу Княгинкино, а вице-король — к Новосёлкам. Но положение остаётся угрожающим. Ценности всё ещё находятся под угрозой, и ему надо скорее уносить ноги от этого опасного места. И в час ночи 4 ноября вице-король поднимает войска на ноги. Ни люди, ни лошади не держатся на ногах, но… «труба зовёт» — надо идти вперёд во что бы то ни стало.

«В половине второго ночи вице-король счёл нужным, прикрываясь темнотой, сделать отступление и опередить немного русских. Мы идём ощупью по большой дороге, загромождённой повозками и артиллерией. Останавливаемся на каждом шагу. Многие страдают от холода ещё больше, чем от голода».

А вокруг Вязьмы уже голодными коршунами кружили конные сотни, батальоны и даже полки русских войск. Их командиры и атаманы уже вполне отработали тактику своих нападений и жаждали ещё больших успехов. Утром 4-го числа следующий самым последним в общеармейском построении корпус Нея преследовался сразу несколькими конными соединениями русских. Казаки генерала Платова прочно оседлали главную дорогу, «партизан» Денис Давыдов (подполковник, между прочим) перекрывал просёлочные дороги, действуя из села Никольское, левее большой дороги, доставая своими отрядами до села Рыбки и даже до Славково. А граф (ещё один партизан) Орлов-Денисов обосновался в селе Покровском и опекал Станищево и Чоботово.

А вот какие сообщения высокородные «партизаны» слали Кутузову.

«2-го ноября. Утром атаковал у Вязьмы. Взял одно орудие и канцелярию Наполеона и 40 повозок с багажом. Сейчас выступаю из Митино и иду на Юренево».

Орлов-Денисов. Село Митино. 11 часов дня.

«3-го ноября. Следуя к селу Покровскому, я предпринял к деревне Андриановой, сам же с отрядом следую к Станищеву, имея впереди село Чоботово. Денис Давыдов должен быть в селе Покровское».

«4 ноября. Дошёл до деревни Колпита. 5-го ноября делаю форсированный марш за Дорогобуж».

«5 ноября. Имея направление из деревни Колпита через село Волочок за Дорогобуж и переходя в близком расстоянии от гвардейского лагеря (французского) *в селе Жатково* (видимо, Жашково), *заметил сильное движение обозов между гвардией и арьергардом.*

Орлов-Денисов. Село Волочёк. 3 часа пополудни».

В ночь с 3 на 4 ноября французская армия была расположена следующим образом. Корпус Жюно, «молодая» и «старая» гвардия, ночевавшая в Славково и окрестных деревнях: Емельяново и Васино. Наполеон и его главная квартира расположились в деревне Жашково. Корпуса Понятовского, вице-короля и Даву двигались ночью по большой дороге к селу Семлево. Императорский обоз провёл ночь в роскошном (даже и теперь) сосновом лесу на берегу огромного озера, образованного мельничной плотиной, выстроенной у Жашково на реке Костря.

Гвардейский лагерь (о котором упоминает в донесении Орлов-Денисов) был сильно укреплён, и когда конный отряд Дениса Давыдова неосторожно приблизился к передовым аванпостам противника, по нему немедленно открыли огонь из орудий. Перестрелка (впрочем, без особых потерь с обеих сторон) продолжалась до вечера. Всё же французы были ещё сильны, и идти в лобовую атаку на изготовившиеся к стрельбе пушки было бы для него сущим самоубийством. Гораздо больше повезло в тот день Платову. Активно преследуя совершенно изнемогшего Нея, он захватил полторы тысячи человек, только отставших и раненых, которых и привёл в деревню Поляново.

К вечеру 4-го в построении колонн отступавших произошли следующие изменения. Корпус Жюно и «молодая» гвардия добрались до Дорогобужа. «Старая» гвардия растянулась между Жашково и Славково. Корпус вице-короля ещё тащился в районе села Рыбки (ныне исчезнувшего), а маршал Ней и Понятовский отбивались от Платова при Семлеве. А вот на следующий день, и об этом тоже упоминает Орлов-Денисов, началось активное подтягивание отставших обозов от Рыбок к деревеньке Жашково. Маршал Ней получает категорический приказ Наполеона: «Отступать как можно медленнее, чтобы спасти обоз!»

Решение, надо заметить, очень правильное и своевременное. Ещё немного, и шустрые партизаны вообще могли бы закупорить движение, перерезав единственную более или менее приличную дорогу где-нибудь в районе Чоботово. Тогда прощай, «Третий золотой», прощайте, маршал Ней и любимый вице-король. Каких либо иных вариантов выбраться из непроходимого леса обходными путями у отставших войск просто не было. Справа текла вязкая по берегам и уже ледяная Костря, а слева на рокадных дорогах разгуливал известный в те годы бард и любимец барышень — Денис Давыдов. Но лирические стихи этот доморощенный поэт писал только для девиц, французов же не переносил ни в каком виде, и старался осложнить жизнь последним, как только мог.

Только бросив всё вооружение и золото, только убегая пешком по совершенно непроходимым лесам, ещё и можно было спасти свои жизни. Французы это понимали и торопились, хотя награбленное золото бросать явно не хотели. А ведь на счету у отступавших были даже не дни, а уже часы! Напрасно писал императору Ней, что надо бы двигаться быстрее, иначе нас всех окружат под Смоленском или Оршей. Император однозначно сделал ставку на спасение золота. Полагаю, что ему в тот момент было вообще плевать на

Нея. Пасынок и обоз с огромными ценностями, так досадно застрявший в районе Рыбок, — вот что тревожило его душу.

И вот именно здесь и начинается самое интересное. Всем известно, что, чтобы продать что-нибудь ненужное, надо сначала что-то ненужное купить. Иными словами, чтобы ускорить движение отставшего конвоя, требовалось послать ему на выручку лошадей. А где их взять? Их можно было только от чего-то отцепить, то есть попросту бросить на произвол судьбы весьма значительную долю перевозимого ими груза.

Вот что в связи с этим пишет Довжень — адъютант штаба 1-го корпуса.

«Мы шли ночь 3-го и день 4-го ноября и вечером остановились в сосновом лесу, на берегу замёрзшего озера неподалёку от имения Чаркова (Жашково)*, где уже два дня жил император* (а жил он именно в Жашково)».

Делаем вывод. Первый тонкий лёд уже покрыл окрестные водоёмы. Но ясно, что продвигаться по нему можно лишь пешком и пробовать утопить какие-либо тяжести на глубине водоёмов было совершенно невозможно. Кстати, вы помните один примечательный факт — именно в этот день было брошено большое количество пушек у Семлева перед Протасовым мостом. Стволы их были не найдены, но речь сейчас не об этом. Пушки на том этапе отступления бросались лишь самые тяжёлые — гвардейские, 24-фунтовые. В упряжи каждой из них было не менее 12 лошадей. Итого только на этой операции было высвобождено не менее 500 лошадей! Почему же, зададимся мы вопросом, одну артиллерию французские канониры спасали, а другую гробили? Ответ прост. Спасали только ту артиллерию, которая была призвана охранять императорский обоз! А та артиллерия, что застряла в грязи ещё до Протасова моста, уже никого прикрыть не могла и, следовательно, её следовало как можно быстрее ликвидировать. Тем более что целью этой ликвидации стало высвобождение полутысячи лошадей, которые были немедленно брошены на спасение ценностей вице-короля! Вот вам и разгадка загадки. Прямо по Мефистофелю, из произведения бессмертного Гёте: «Люди гибнут за металл». Но здесь пока за «презренный металл» гибла только артиллерия.

И понятно теперь, чего ждал император французов в безвестной деревеньке Жашково, которую не на всякой карте и разглядишь. Он ждал того момента, когда благодаря предпринятым им усилиям всё же удастся выдрать бесценный обоз из-под проклятых Рыбок и доставить их под крыло «папочки». И план его был осуществлён именно с 4-го на 5-е. Трудились над спасением «Третьего золотого» не покладая рук. Прятали одно и перегоняли другое в

более защищённое место. То-то наши «партизаны» были удивлены столь интенсивным движением обозов.

Маршал Ней буквально своей грудью прикрывал все эти меркантильные манёвры. 5-го числа он всё ещё стоял при Семлеве. Выставил пушки на плотину, перекрывавшую ручей при въезде в село, и огнём из всех калибров не давал возможности Платову перейти речку Семлёвку. Когда у него кончились боеприпасы, маршал свернул позицию и, переправившись по Протасову мосту, втянулся в громадный лес, тянувшийся до самого Славково. Основная задача, поставленная ему императором, была выполнена, обозы Евгения Богарне успели оттянуться к основным силам армии.

Транспортная сеть в той местности была такова, что теперь уже Платову никак не удалось бы достичь ускользнувших обозников, не обогнав Нея. А обогнать его нельзя было никаким другим образом. Был, разумеется, кружной путь, но столь длинный и затратный по времени, что смысла сворачивать туда не было абсолютно. Никакого выигрыша ни по времени, ни по расстоянию Платов получить не мог. Но основная игра, игра по-крупному, только начиналась, и игроки в лице Наполеона и Кутузова внимательно наблюдали друг за другом, стараясь использовать для своего собственного успеха малейший промах друг друга.

«5-го ноября. Избегнув столь очевидной опасности, армия моя продолжала отступление к Смоленску. Оно становилось со дня на день затруднительнее. Запасы, взятые в Москве, истощились, лошади нуждались в фураже, гибли целыми запряжками, и мы принуждены были бросить (читай — спрятать) *множество артиллерии. Зима сменила, наконец, прекраснейшую осень, необыкновенную в этих суровых странах».*

Эти строки пишет сам Наполеон. Судя по тому, что он не потерял способности оценивать достоинства золотой российской осени, с восприятием реальности у него всё в полном порядке. И та опасность, о которой он упоминает, и была опасность почти неминуемого окружения и потери корпусов вице-короля и Нея, вместе со всем вооружением и (самое главное) бесценным обозом. Но не случилось такого горя, отделался император достаточно малыми потерями и теперь тихо радуется.

Впрочем, из всей этой истории и мы должны сделать для себя весьма определённый вывод. Районы Жашковской и Чоботовской плотин на левом берегу реки Костря наиболее благоприятны с точки зрения вероятности обнаружения брошенного французами многотонного имущества. Песчаная по-

чва, глубокие водоёмы с удобным подъездом, старинные плотины в качестве местных ориентиров идеально подходят для такого рода дел. Пушки, излишнее вооружение и значительная масса малоценных трофеев с высочайшей степенью вероятности спрятаны именно здесь, в и по сию пору крайне глухих и совершенно заброшенных людьми местах.

Как же расположились столь счастливо избежавшие настоящей катастрофы французы? Корпус шустрого Жюно прошёл Дорогобуж и встал в дер. Михалёвка. Чуть отставшая «молодая» гвардия заняла позиции на опушке леса за рекой Ужа. Кавалерийские корпуса, «старая» гвардия и главная квартира императора с известным комфортом расположились в Дорогобуже. Все остальные войска — Понятовского, вице-короля, Даву и изрядно потрёпанный за последние дни арьергард Нея тянулись от Чоботово, через Славково и чуть не до самого Дорогобужа.

Причём, заметьте, все последующие войсковые колонны предпочитали останавливаться именно там, где отдыхали их предшественники. Выгода такого поведения очевидна. Оборудованные кострища, запасы дров и брошенных повозок, и среди всего этого хаоса кучи соломы или лапника. Хорошо утоптанная земля, съедобные трупы лошадей, наконец! В таких нечеловеческих условиях не приходилось пренебрегать ничем. Дрова в огонь, конину в котелки, а неподъёмные ценности и излишнее оружие куда девать? Правильно мыслите, в землю, конечно же. То есть многочисленные стоянки, оборудованные ещё более многочисленными колоннами французской армии, использовались всеми, кто хотел спрятать то, что было уже не увезти. И все они делали это примерно в одних и тех же местах, а именно — на ночных бивуаках, которые нетрудно вычислить, используя описанные в моей книге географические ориентиры.

Как на грех, именно путь в 32 версты от Чоботово до Дорогобужа оказался крайне неудобен и тяжёл именно для обозных лошадей и артиллерийских упряжек. Генерал Дедем в своих мемуарах так описывает этот отрезок пути: *«Нам то и дело приходилось взбираться и спускаться с маленьких холмов, на которых подъём вследствие заморозков был весьма скользкий. Французы, несмотря на все сделанные им предостережения не позаботились подковать лошадей на шипах: это было одною из главных причин, вследствие которых мы потеряли значительную часть артиллерии. Вид всех этих экипажей, скучившихся в общей толпе, был ужасен: приходилось еле двигаться гуськом, и горе тем, которые вдруг останавливались, — их моментально опрокидывали».*

Дело здесь было вот в чём. Подковы русского образца имели два выступающих шипа, которые разбивали лёд и позволяли лошади использовать всю силу своих ног. Подковы же французские были совершенно плоские и просто предохраняли копыта от стачивания на каменных французских дорогах. Они (подковы такого вида) не мешали двигаться и в грязи, но как только на дорогах появился лёд, то моментально появился и эффект, вызывающий скольжение по льду стального конька для фигурного катания. Дело доходило до того, что возницы срывали негодные подковы с лошадиных копыт палашами и тесаками, поскольку те скользили буквально на ровном месте.

Кроме того, на пути к городу Дорогобужу было и несколько по-настоящему тяжёлых переправ. Первая — через реку Костря, перед деревней Васино, а вторая — через реку Осьма, весьма разлившуюся с того места, как её проезжали по Протасову мосту. Узкие деревянные мосты неизбежно сужали человеческий поток, задерживали движение, и перед ними скапливалось большое количество повозок. К тому же сразу за Васино дорога вновь шла через большой дремучий лес, и поэтому повозки загораживали путь артиллерии, те — кавалерии, а те, в свою очередь, — всё ещё многочисленной пехоте.

Насмотревшись ужасов, творившихся на этом участке дороги, уже известный нам Роберт Вильсон писал из Зарубежа (примерно 40 вёрст от Вязьмы) лорду Каткарту.

«Сегодня (5-го ноября) видел я сцену ужаса, каковую редко встретить можно в новейших войнах. 2000 человек нагих, мёртвых или умирающих, и несколько сот мёртвых лошадей, кои по большей части пали от голода, несколько сот несчастных раненых, ползущих из лесов, прибегают к милосердию даже раздражённых крестьян, коих мстительные выстрелы слышны со всех сторон. 200 фур, взлетевших на воздух, каждое жилище в пламени, остатки всякого рода военной амуниции, валявшееся по дороге, и суровая зимняя атмосфера — всё это представляет на сей дороге зрелище, которое точно изобразить невозможно. Казаки отняли вчера у уланов французской гвардии два штандарта, а также неприятель вынужден был оставить гаубицу генералу Милорадовичу».

Раскрываем карту Смоленской области и высматриваем современное Зарубежье. Видите, вот оно, километрах в пяти восточнее Чоботова. Там Вильсон наткнулся на тысячи отставших от своих частей, ослабевших от бескормицы солдат, которые не смогли удержаться за стремительно откатывающийся на запад арьергард Нея. Раненых в боях тоже не было на чем вывозить. Повозки, разумеется, были в изобилии, но вот лошади… Их в первую очередь впрягали

в пушки и фургоны с золотом и прочими трофеями. Раненые должны были выбираться сами. Спасение замерзающих было делом рук самих замерзающих…

Вы, кстати, заметили, что наш информатор почти ничего не пишет о захваченных русскими войсками трофеях? Два штандарта, одна гаубица (и та была вытащена из воды), да какой-то мусор на дороге… и это всё. А голые трупы, так неприятно поразившие посланника, получились оттого, что крестьяне раздевали убитых, пока те были ещё живы, т.е. не закоченели окончательно. Ведь если бедолага уже окоченел, так с ним ведь изрядно намучаешься, пока снимешь с него справное барахлишко. Ему-то всё равно помирать, а в небогатом крестьянском хозяйстве всякая тряпка сгодится.

Да, несомненно, 5-е число было воистину чёрным днём для отступающих вояк Великой армии, но тогда в какие же чёрные краски можно окрасить следующий день — 6 ноября? Утром ударил сильнейший мороз, разом прекративший мучения сотен и сотен ограбленных местными крестьянами раненых и ослабевших солдат. От ураганного, совершенно ледяного ветра сковало жидкую грязь, и вся дорога покрылась толстой коркой льда, и вдоль Старой Смоленской дороги наступило подлинное пиршество смерти.

Общая диспозиция противоборствующих сторон в тот момент была такова. Основные обозы с ценностями, охраняемые «старой» гвардией, с 8 утра выползали из Дорогобужа. Маршал Ней, непрерывно теряющий людей и боевую технику, откатывался за Болдин монастырь (помните, он там ещё две пушки в колодец бросил?). Маршал взрывает ненужные повозки с боеприпасами и уже не подбирает отставших солдат, ему просто не до того. По пятам, буквально на расстоянии орудийного выстрела, за ним бодро скачут кавалеристы Милорадовича, боевой пыл которых сдерживают в основном не французские ружья, а тотальное отсутствие иных дорог для передвижения. Что примечательно, они тоже ночуют там же, где накануне ночевали наполеоновские войска, выбирая места для бивуаков по тем же самым причинам. Так и спят среди сотен окоченевших трупов. Не верите? Вот вам в доказательство письмо Вильсона, направленное им 7 ноября в Петербург, Александру I.

«Французская армии идёт на Смоленск, тяжёлая артиллерия, экипажи и прочие направляются к Духовщине. Та же печальная картина, которую я принялся было описывать во вчерашнем письме моём, продолжалась до здешнего города (Дорогобужа). *Она сделалась даже поразительнее. Нельзя изобразить с точностью всей картины бедствия, один взгляд на*

10 000 мёртвых лошадей, отчасти обезображенных и изувеченных, поражает ужасом. Не менее 4000 человек умирающих и мёртвых покрывают дорогу от Вязьмы до сего города».

Здесь уважаемый английский резидент малость приврал, но, в общем и целом, его сообщение объективно отражало реальный ход событий. Надо сказать, 6 ноября — вообще день скверных известий для Наполеона, но он же и день принятия крайне важных для нас решений, поскольку именно одно из его распоряжений, отданное в тот день, вскоре привело к трагической утрате того самого обоза, который мы назвали «Третий золотой» и за превратностями судьбы которого мы все так внимательно следим.

Так что же за скверные новости заставили Наполеона внезапно совершить столь экстравагантный поступок? Терпение, о нём я расскажу чуть позже, а теперь об известиях. Первая новость заключалась в том, что в Париже был раскрыт направленный против него заговор, возглавляемый г-ном Мале. Вторая новость касалась отхода с позиций его свежих корпусов, прежде стоящих на Западной Двине. Ну и, конечно же, сообщение об оглушительных потерях в людях и лошадях, понесённых армией за последние два дня.

Как же реагирует император на данные сообщения? Ну ладно, Париж далеко, и там его надежды на сохранение порядка связаны только с местной полицией. Западная Двина уже ближе, и тут он действует более энергично, отправляет депешу маршалу Виктору (герцогу Беллунскому), с приказом вновь занять Полоцк. Но вот третий его приказ повергает меня просто в изумление. Он повелевает сплочённой до той минуты армии разделиться! Вся прочие корпуса и отдельные части должны будут идти прямо на Смоленск, но корпусу вице-короля предписывается срочно повернуть направо и двигаться в направлении на Духовщину! Удивительное решение! Совершенно непонятный манёвр! Но явно он имел под собой какую-то тайную подоплёку!

Может быть, император надеялся, что его пасынок найдёт на этом направлении свежих лошадей, или как минимум больше фуража для оставшихся животных? А может быть, он надеялся на то, что казаки будут двигаться за ним и оставят пасынка в покое. Или он рассчитывал, что такой хитрый манёвр поможет «Третьему золотому» обозу быстрее достичь Орши или Витебска. Вопросов и ответов здесь может быть множество, но факт есть факт, и такой приказ Евгению Богарне был отдан.

И вот настало 7-е число. Ранним утром, не дав французам даже выпить утренний кофе, кавалерия Милорадовича набрасывается на войска марша-

ла Нея, которые, затыкая своей массой переправу на реке Осьма, мешали тем добраться до вожделенного Дорогобужа. Они с такой живостью начали теснить противника у деревни Горки, что вызвали в рядах арьергарда форменную панику. Бросая всё, что можно бросить, дабы облегчить себе бегство, французы поспешили отойти на левый берег реки. А в это время корпус вице-короля, отягощённый тяжёлой артиллерией и громадным обозом, в том числе и «Третьим золотым», сворачивает с большой дороги на второстепенную трассу, и насколько хватает прыти, движется к деревне Бизюково и далее на деревню Засижье, которая значилась как конечный пункт для дневного перехода.

Вначале в походных порядках отступающих всё шло как обычно. Но то, что произошло далее, было до той поры явлением во французской армии неизвестным. Передаю слово очевидцам.

«Покидая Дорогобуж, генерал Бонами теряет несколько пушек и более сотни повозок. Истощённые лошади, то и дело скользящие по льду, не могут перебраться через овраги, пересекающие дорогу, и мы принуждены заклепать свои орудия и покинуть большую часть обоза».

Капитан Франсуа, Золингенский полк, бригады Бонами.

«7-го ноября, как раз напротив города Дорогобужа, мы на плотах переправились через Днепр. Дороги обледенели, и запряжённым лошадям приходилось очень трудно. Измученные животные не могли больше везти повозок, и часто несколько пар лошадей были не в силах везти только одну пушку на самую незначительную возвышенность. Мы хотели в тот день дойти до Засижья, но дорога была так плоха, что даже к утру следующего дня (8 ноября) наши экипажи не достигли ещё назначенного места. Масса лошадей (элементарно сдохли) *и муниционных повозок* (остались без тяги) *были покинуты. В эту ночь солдаты без зазрения совести грабили фургоны и повозки. Вся земля кругом была покрыта чемоданами, платьем и бумагой. Масса вещей, вывезенных из Москвы и до сих пор припрятанных, появилась на свет Божий. Ночью около замка в Засижье повторилась сцены, виденные нами накануне. Несчастные лошади, которые, мучимые жаждой, били по земле копытами, стараясь пробить ледяную кору, чтобы под ней найти хоть немного воды.*

Наш багаж был настолько велик, что, несмотря на грабёж, у нас его всё-таки осталось много».

Лабом, служил при штабе вице-короля.

Какие выводы мы можем сделать из этих небольших отрывков? Их несколько. Вывод первый — лошади и люди находятся на крайней степени истощения и малейшая более или менее серьёзная преграда может реально привести к самым нежелательным последствиям. Вывод второй — едва корпус освободился от недреманного ока своего императора, как тут же в войсках происходит серьёзный бунт, сопровождающийся повальным грабежом своих же сослуживцев и даже трофейных ценностей, по идее принадлежащих государству. Вывод третий — количество перевозимых трофеев всё ещё очень велико и масса их превышает возможности по транспортировке. Сделав такие выводы, понимаешь, что развязка близка. Ощущение неминуемой катастрофы буквально висит над всей этой шайкой грабителей, которые буквально в порыве безумия начинают грабить… сами себя.

Колонна двигалась довольно медленно, растянувшись на восемь (!) вёрст. Скорость движения сдерживалась ещё и тем, что по приказу маршала Бертье пехотные колонны были удалены с дороги и шли по бездорожью, справа и слева от трассы. Таким образом, они являлись живой (но еле бредущей) защитой для обозных повозок, прикрывая их от возможного нападения казаков. А граф Платов особо и не спешил. Получив донесение от разведчиков, он потянулся вслед за Богарне, с нетерпением ожидая того момента, когда противник вообще не сможет передвигаться. Он на 100 % был уверен в том, что ещё день, от силы два, и отколовшийся корпус замрёт, даже не доходя до реки Вопь, и там, уткнувшись в разрушенные переправы, потеряет всякую способность к активному сопротивлению. Более мобильные войска русских (без обозов, лёгкие пушки поставлены на сани, вся конница подкована подковами с шипами) постоянно теребят еле ползущих французов, причём именно там, где удобно и безопасно для нападающих. Платов после успешного боевого дня с удобствами переночевал в доме священника в деревне Пушкино, а его казаки отъедались и отпивались в деревне Плоское, легко умчавшись аж на четыре версты в сторону от столбовой дороги.

Весь ужас своего положения вполне понимает и сам Евгений Богарне. Добравшись к 6 часам вечера до Засижья, он срочно пишет письмо в главный штаб. Данное письмо просто необходимо привести в полном объёме.

«Я имею честь дать отчёт Вашему Высочеству, что я отправился в путь из Дорогобужа в 4 часа утра 7-го ноября, но естественные препятствия и гололёд явились помехой марша моего 4-го армейского корпуса, что единственная головная бригада смогла прибыть сюда (в Засижье) *в 6 вечера, а хвост колонны только смог занять позицию в 2-х лье* (8,5 вёрст) *позади.*

С 2-х часов дня до 5 вечера враг оказался на правой стороне. Он атаковал в одно и то же время головную часть, центр и хвост (колонны) с помощью артиллерии, казаков и драгун. В головной части он нашёл слабое место, чем и воспользовался, чтобы закричать "ура" и взять приступом 2 полковых орудия (6-фунтовые пушки), которые находились на очень крутом и отдалённом склоне. Враг выстрелил в арьергард из 4-х пушечных орудий, и генерал Ориано полагал, без подтверждения, что видел пехоту. На каждом из других опорных пунктах было по 2 орудия.

Ваше Высочество легко решит, что поставленный в затруднительное положение моим громоздким транспортом, который мне доставили, и многочисленной артиллерией, более 400 лошадей, которые без преувеличения сейчас пали, моё положение довольно критическое. Тем не менее, я буду продолжать моё движение очень ранним утром завтра, чтобы прибыть в Пологи.

Оттуда я отправлю новости и сообразно с тем, что мне сообщат, я приму решение отправляться в Духовщину или Пнево. Я не должен скрывать от Вашего Высочества, что, использовав все способы (к продвижению вперёд), я лишаю себя возможности использовать мою артиллерию и что она должна приготовиться в этом отношении к очень большим жертвам. Уже сейчас многие орудия заклёпаны и врыты в землю.

Я повторяю Вашему Высочеству заверения во всех своих чувствах.

Засижье. 7-го декабря — 9 вечера 1812 г. Эжень Наполеон».

Да-а-а, что тут скажешь ещё? Чувства у вице-короля всё ещё есть, но артиллерия им уже обречена на уничтожение. А ведь только она одна и была способна несколько сдерживать ретивость рвущихся к французским обозам казаков. Но иного выхода у Евгения нет. Серебро и золото, буквально навязанное ему в Дорогобуже, он бросать не имеет права (поскольку приёмный отец не велел делать это ни в коем случае), а лошадей на подмену нет, хоть ты тресни! А ведь планы у него в письме заявлены грандиозные. На следующий день он планирует добраться до селения Пологи, то есть форсировать Вопь и после её форсирования продвинуться ещё как минимум на 4 версты. Предположим, он сам (т.е. лично) вполне мог это сделать. И лошади у него были несколько лучше, да и грузы легче. Ну а как же остальные войска? Они и так безмерно растянулись, а на завтра предстояло пройти ещё 25 вёрст! И всё по такой же ужасной, перерезанной во многих местах глубокими оврагами, дороге.

И тут напрашивается одно соображение. Если Евгений Богарне был столь уверен в своём завтрашнем ускоренном марше, то не потому ли, что закопал львиную часть обременявших его тяжестей прямо на месте своей стоянки, т.е. где-то вблизи Засижья? А что, и очень даже может быть. Причём он мог зарыть не только десяток-другой пушек, но вполне мог похоронить и солидный кусок «третьего золотого»!

Где именно? Вопрос, конечно, интересный. Но ответов на него пока нет. Единственно, сразу приходит на память одна фраза из письма. Но письма не Евгения, а Лабома. Помните? *«Ночью около замка в Засижье повторились сцены, виденные нами накануне»*. Вы полагаете, что он пишет о массово дохнущих лошадях? А я думаю, что он пишет о грабеже, что вторично случился как раз в ночь с 7-го на 8-е. Раз кто-то закапывал большие ценности, и даже пушки, то у многих опять могло возникнуть непреодолимое желание немножко пограбить закапывающих во время этого процесса, так сказать, «под шумок».

А где же, в самом деле, французы могли зарыть какие-либо ценности? Ответ напрашивается сам собой. Да там же, где и грабили, около некоего «замка». Что за «замок» такой, непонятным образом оказавшийся в деревне со столь неблагозвучным названием? По сохранившейся до нашего времени гравюре видно, что так назвали очень приличный, двухэтажный господский дом. Четыре колонны парадного входа, симметричные флигели, и даже небольшая площадь, на которой могло стоять сразу несколько конных экипажей. При таком солидном доме наверняка был и обширный сад, либо даже настоящий парк. Там всё ценное и полезное, скорее всего, французы и зарывали. Вполне логично и в чём-то понятно. Правда, ведь прошло столько лет. Наверное, от той блестящей усадьбы к настоящему времени абсолютно ничегошеньки не осталось, и доживают свой век лишь несколько вековых деревьев, которые шумом своей листвы напоминают нам о былом великолепии этого примечательного исторического места.

Впрочем, мои соображения пока самого общего порядка. В действительности, всё могло быть совсем не так. Ведь вблизи Засижья есть несколько днепровских стариц (ныне превратившиеся в замкнутые озёра части древнего русла), и что-то утопить в них было проще простого. Лёд на них был уже вполне приличный, как и на всех стоячих водоёмах, было совершенно нетрудно за ночь сгрузить в эти старицы даже сотню телег с какими угодно ценностями.

Лично мне довелось побывать в Засижье лишь один раз, и, к сожалению, с весьма кратким визитом. На месте, к моему удивлению, выяснилось, что почти всё, что я даже не предполагал отыскать в данном селении, сохранилось, пусть и не полностью. Разумеется, от господского дома осталась лишь небольшая часть, но зато почти в неизменном виде сохранился приусадебный парк, украшенный великолепными трёхсотлетними дубами, липами и елями, и охраняемый государством. Обнаружилось в данном парке и несколько весьма подозрительных подземных аномалий, которые, увы, так и остались нетронутыми, по недостатку времени. В парке же сохранилось и удивительное земляное сооружение, назначение которого так и осталось для меня полной загадкой. Те из поисковиков, которые когда-либо доберутся до указанного места, будут вполне вознаграждены за свои усилия одним видом данного сооружения. Впрочем, не будем отвлекаться на мелочи, пора возвращаться в 1812 год.

За ночными заботами случились у вице-короля и более приятные известия. На следующий день ему доложили, что отрезанная накануне казаками хвостовая часть колонны смогла сориентироваться в ночной мгле и к утру подтянуться к головной, самой боеспособной части его войск. Новость подбодрила Евгения, и в 5 часов утра (пока зловредные казаки смотрели третьи сны) он спешно выступил из Засижья и направился к Ульховой Слободе, до которой было 18 вёрст. И тут надо сказать, что от данного селения дорога вначале идёт под уклон, в овражек, после чего выходит на своеобразное плато. Но через пару вёрст дорога вновь спускается в уже довольно глубокий овраг. По дну оврага протекает ручей, а справа, за плотиной, в 1812-м расстилалось довольно обширное озеро. От плотины озера дорога очень круто поднимается вверх, к деревне Клемятино.

По дошедшим до нас преданиям, именно в районе этой деревни после ухода французов было найдено множество нательных крестов и другой мелкой церковной утвари. Поэтому возникла гипотеза о том, что именно в этом озере была затоплена значительная по массе часть ценностей. Почему именно здесь? Да просто потому, что фургоны из-за сильнейшей наледи просто не могли подняться на противоположный склон оврага, и вице-король, попав в безвыходное положение, принял решение избавиться от сковывавшего его чересчур массивного груза. А валяющаяся на земле серебряная и медная «мелочь» явилась лишь следствием того, что перед затоплением тщательно упакованных ящиков их «малость порастрясли» (просто привычка какая-то нехорошая выработалась). Искали, разумеется, вовсе не ценности, а продук-

ты питания и тёплую одежду, поскольку именно этого «товара» крайне не хватало голодным и замерзающим солдатам.

Насчёт данного эпизода у меня имеется собственное мнение, которое я не решаюсь вынести на страницы этой книги. Оно ведь подкрепляется только тем, что в данном озере не обнаружено никакой подозрительной аномалии, указывающей на наличие под толстенным слоем ила какого-либо металла. А ведь сокровищ без металла практически не бывает. И значит, они лежат где-то ещё!

Но вот многочасовой марш закончен. Голова 4-го корпуса, несмотря на все усилия и все утраты, так и не смогла добраться до назначенных накануне рубежей. Вице-король подсчитывает ущерб и пишет очередное донесение.

«Ваше Высочество, подвергшись внезапному нападению противника, не могу не дать Вам знать, что нахожусь ещё около Вопи. Я с меньшим отрядом покинул Засижье в 5 утра, но дорога так пересечена оврагами, что даже усиленным маршем не достиг места (селения Пологи).

Жестокая необходимость принуждает меня с сожалением признаться в тех потерях, которые мы потерпели, желая ускорить наше движение. Вчера умерло 400 лошадей, а сегодня может быть вдвое (800 шт.) *не считая тех, которые я велел прикалывать из военных и частных повозок. Целые упряжки издыхали в одно время.*

Последние три дня страданий так подавили дух в солдатах, что я не думаю, чтобы они были в состоянии сделать теперь какое-нибудь усилие. Много людей умерло от голода и стужи, другие, отчаявшись, сами сдались неприятелю. (В тот день Платову действительно сдалось в плен порядка 3000 человек.)

Сегодня головная часть корпуса армии была спокойна на марше. Появились какие-то казаки без артиллерии, это, оказывается, явились местные жители. Если верить донесениям стрелков, это является предвестником грабежа. Они следуют за колоннами пехоты, артиллерии и кавалерии, следуют сами, говорят, что к Духовщине.

Этой ночью отправлена сильная разведка на Духовщину, от которой я завтра получу подробный отчёт о противоположном береге и неприятеле. Но не одно сопротивление противника важно для нас. Потому я во второй раз не скрываю от Вашего Высочества, что эти три дня страданий так изнурили дух солдат, что я не верю в этот момент в то, что мы избрали достаточно хороший способ доставки. Необходимо сделать какие-то дополнительные усилия. Корпус армии в последние три дня потерял две тре-

ти артиллерии. Я повторяю Вашему Высочеству заверение во всех моих чувствах.

Ульхова Слобода. На пути к Вопи. 8-го ноября — 9 вечера. Е. Богарне».

Какое странное письмо, вы не находите? Путаное, противоречивое, полное каких-то недомолвок и неясностей. Давайте же разберёмся в нём чуть подробнее. И начнём мы как бы с его завершающей части, окончания. Не с чувств Евгения Богарне, разумеется, а с пушек и лошадей. Вице-король пишет, что уже потерял 1200 лошадей. Хорошо, запомним данное число. Далее, до реки Вопь он всё же доволок 35 орудий. Следовательно, потерял он за два дня не менее 70 пушек. Каждую такую пушку тащило минимум по 12 лошадей. Значит, всего на перевозку этих пушек потребовалось бы минимально 840 лошадей. Кроме того, артиллеристы бросали и ненужные зарядные ящики, причём успели бросить их не менее двухсот. Каждую такую повозку везли по 4 лошади. Значит, и на их транспортировку тоже требовалось 800 лошадей.

— И каков же результат? — спросите вы.

А результат таков. Для перевозки только брошенного имущества потребовалось бы 1600—1700 лошадей. Но сдохло-то их всего 1200. Так что он остался даже в некотором выигрыше. Не верите? Ну ладно, пусть их погибло даже 1500. Хотите, чтобы их сдохло больше? Прекрасно, будем считать, что у вице-короля сдохли все 1700 лошадей. Но это означает только одно: от повозок с трофеями не было взято ни одной лошади! И, несмотря на все потери в тягловой силе, все триста повозок с ценностями с 8 на 9 ноября, скорее всего, были на ходу. А если ранее из них что-то и было закопано либо утоплено, то оставшиеся в распоряжении вице-короля фургоны и подавно были исправны и обеспечены лошадьми. Заметьте, ведь в докладе Богарне чётко различает тех лошадей, которые обеспечивают ему выполнение основной задачи, и всех прочих, которых он велел прикалывать. И ещё эта неопределённая фраза в самом конце письма: *«...что я не верю в этот момент в то, что мы избрали достаточно хороший способ доставки».*

О доставке чего именно так невразумительно бормочет несколько растерянный Евгений? Во что он не верит? В то, что ему всё же удастся сохранить пушки или боеприпасы? Да он их щедро бросает на каждом углу, ни мало по этому поводу не переживая! Только на безвестном ручье Жерновка, что неподалёку от ещё более безвестной деревеньки Войновка, казаки Платова взяли 62 брошенные вице-королём пушки. Легко! И искать не нужно было,

они все в рядок стояли на обочине. Нет, нет, господа, как минимум 200, а то и 250 фургонов с ценностями Евгений Богарне ещё с собой тащит. Затем и разведку на переправы через Вопь послал. Очень ему интересно выяснить, удастся ли ему без проблем перескочить на другой берег, или же придётся прорываться с боями. А как воевать, если даже идти не по силам? Однако давайте оставим его на время со своими невесёлыми мыслями и посмотрим, что в тот момент происходит в стане русских войск.

8 ноября в районе деревень Марково и Мантрово казаки Платова взяли в плен 2800 человек солдат и 109 офицеров (отставшие и замёрзшие, которые не угнались за головной колонной). На почтовом тракте у Войновки наши кавалеристы захватили 62 пушки и 64 зарядных ящика. Кроме того, в скоротечных боях и кратковременных стычках убито ещё порядка 1600 французов. Казаки довольны. Ещё бы. Трофеев — море, только успевай подбирать. Да и француз пошёл не такой злобный, сам сдаётся.

Стараниями собирателей устного народного творчества сохранился рассказ крестьянина по имени Кирей, из деревни Плоское, Копырёвщинской волости, о событиях, происходивших в районе Ярцево 7—8 ноября 1812 года.

«Мне было тогда 25 лет, когда французы шли к Москве. Тогда их у нас в деревне Плоское тьма была: большак ведь от нас в 4-х верстах напрямик. Они забирали все наши стада и угоняли. Станешь просить — они часть себе оставят, а часть отдадут. Когда же их назад гнали, то их с дороги не спускали: как сойдут которые, то казаки, которые ехали по сторонам (только по одной стороне, слева от дороги), *закалывали сейчас: да мужики многих перебили, которые ходили грабить по 5—8 человек. Казаки Платова ночевали у нас, а он сам в Пушкине, у священника. Церковь видна недалеко из дому.*

Казаки, выходя утром 8-го ноября из деревни, сказали нам: "Ну, ребята, ступайте к Ярцеву, там Вам пожива будет". Мы и отправились и всё видели. Французов, как переправилась их часть через Вопь, казаки на них и налетели, да всех и захватили: кого побили, кто в реке утонул, кого в полон (плен) взяли. И начали всё брать. А добра-то, добра! Видимо-невидимо! И нам сказали: "Берите". Как сами уже набрали, и девать было некуда. Прежде много было на лошадях, а теперь лошади насилу шли, так на них навалили, навьючили. Платов в 3-х верстах велел у казаков всё отобрать, у них уже лошади были попорчены, сбиты. Собрал Платов в кучу всё добро, да и попалил (сжёг), *а казаков послал догонять французов и бить, и сам поехал за ними. А мы как бросились на добро, со всех сторон набежали*

мужики, как на ярмонку (ярмарку) *о Светлую — и глаза разбегаются: не знаем, что брать. Наберём, наберём — брать некуда. Как опять казакам попадутся французы, они лучшее отберут себе, лучшее в кусты спрячем и опять за добром. А многие были догадливы: с возами туда* (к реке Вопь) *приехали, со товарищами. Да, набрав на воз, за кустами положат: один останется караулить, а другой таскает. Иные куды много набрали, да дорогих вещей!»*

Что же, сцены народного грабежа прописаны очень достоверно. Вот только ни одного упоминания о том, что казаками или крестьянами были найдены и захвачены церковные ценности. Судя по тому, как поступил Платов (собрал в кучу, да поджёг), основную массу и казацкой и крестьянской добычи составляли носильные и бытовые вещи, предметы сервировки и рядовые украшения. И не стоит сильно напирать на слова «дорогих вещей». Для обычного крестьянина Смоленской губернии даже обычное поношенное пальто представляло собой невиданную ценность. Впрочем, что говорить о том, как жили 200 лет назад. Поезжайте туда сейчас и посмотрите сами на быт наших с вами современников. Без особых проблем увидите вдоль проселочных дорог те же деревянные пятистенки, да ватники в качестве повседневной одежды местных жителей.

Однако давайте вернёмся к письму вице-короля. Вот он пишет, что достиг Ульховой Слободы (ныне Ольхово). Причём двигался ускоренным маршем, бросив на произвол судьбы основную массу своих солдат. Теперь прикладываем линейку к карте и легко подсчитываем, что от Засижья до Ульховой Слободы всего-то 21 километр. Двигаясь обычным шагом, налегке, такое расстояние легко можно преодолеть всего за 5 часов. А ведь Богарне вышел из Засижья уже в 5 утра. Следовательно, не встречая на пути никакого сопротивления (казаки всё ещё изволили почивать), он уже к 10 утра мог добраться до Слободы. Ему ничего не стоило потратить ещё 2 часа и выйти на берег Вопи.

И тут же у меня возникает законный вопрос. Даже несколько вопросов. Почему Богарне выдвинулся так рано, в столь жуткий мороз? (В ту ночь заживо замёрзло 300 человек.) Почему при этой спешке он двигался так медленно? Ведь он вроде так торопился, и его ничего не сковывало на марше. Легко просчитываемая усреднённая скорость отходящих войск не превышала в действительности полутора (!) верст в час. Значит, даже продвигаясь «ускоренным маршем», основная колонна Богарне больше стояла, нежели шагала. И лично мне совершенно непонятно, что мешало ему прибавить

ходу! В отсутствие реально противодействующего противника мешать более быстрому движению могло только одно — наличие в головной части его колонны достаточно массивного обоза, продвигать который в тех конкретных условиях было совсем нелегко. Взглянем ещё раз на карту. От Засижья до места его следующей стоянки войскам Евгения Богарне пришлось преодолеть как минимум 3 мощные естественные преграды.

Первая преграда — впадина между деревней Засижье и деревней Клемятино. Смотрю на фотографию этого участка и мысленно представляю медленно ползущие по обледеневшей дороге фургоны. Длинный спуск вниз и крутой, затянутый подъём вверх. Справа от дороги в самой глубокой точке оврага имелся водоём, подпёртый плотиной.

Сразу же возникает мысль: «А почему бы возницам элементарно не спустить под воду тот груз, который остался без конной тяги? Ведь кони в основной массе погибали именно на таких чрезмерно затянутых и обледенелых подъёмах, когда они, выбиваясь из сил, скользили совершенно негодными (летними) подковами по свежеобразовавшемуся льду. Ведь этому на самом деле ничто не препятствовало. Лёд на относительно небольших водоёмчиках был уже достаточно прочен, и по нему вполне могла ехать даже тяжелогружёная телега. Даже без лошадей её было нетрудно вытолкать на руках. Пробить во льду прорубь тоже было не сложно, поскольку толщина ледяного панциря на тот момент не превышала 10 см. Так что тяжести далеко и таскать не надо. А самое главное, на другой же день не осталось никаких следов затопления. Любая прорубь в условиях сильно минусовых температур затягивается очень быстро. К тому же прорубей этих делалось великое множество, поскольку лошадей требовалось поить, а их всё ещё было очень много.

Вторая преграда возникла перед обозом за деревней Петрово, в виде реки Великой (правый приток Днепра). Та же самая картина: длиннющий полукилометровый спуск и не менее «приятный» подъём. Дорога идёт по глубокой выемке, и передвигаться можно только гуськом. Спустившись к самой реке, обозы встретили новое препятствие — узкий деревянный мост. Малейший затор, и останавливалось всё движение. Но, что характерно, и тут был подходящий для сброса груза водоём. Плотина и всё как положено, и повозки даже двигались по этому льду, преодолевая естественную узость моста. Почему бы и здесь не утопить часть груза, снятого с тех повозок, которые уже некому было везти? Тоже без проблем. Пили лёд тесаком (а они были с зубьями и выдавались каждому вознице), делай полынью и ссыпай в воду всё что по-

пало. Телеги с моста долой, и снова вперёд, к следующей преграде, третьей. Преграда эта была точно такой же, как и на реке Великая, только теперь эта речка называлась Ракита.

Помните, где в детских сказках прятался знаменитый Соловей-разбойник? Именно здесь располагалась его воровская «малина», под «ракитовым» кустом, вблизи «старой» торговой тропы. Ждал свою бандитскую удачу «Соловей» в крайне неудобном для переправы и обороны перевозимого имущества месте. Пожалуй, на всём пути от Дорогобужа до Ярцева это было последнее место, где можно было без особых затей затопить остатки «третьего золотого» обоза. Далее к переправе тащились только артиллерийские орудия, ибо только они могли и обеспечить относительно безопасную переправу и удерживать на достаточном расстоянии несносных казаков. Перепряжка лошадей производилась именно в нижней части оврага. Лошади отцеплялись от обозной фуры и прицеплялись к артиллерийским передкам. И только так, в связке по 15—20 лошадей, удавалось доставить наверх всего лишь тонную пушку.

Была ли у вице-короля иная альтернатива? Мог ли он спасти порученные ему императором ценности? Возможно, что сам Наполеон на подобное везение даже и не надеялся. Но всё же отправил пасынка из Дорогобужа по другой дороге, втайне рассчитывая, что погнавшийся за двумя зайцами охотник (казацкие полки и партизаны) упустит и одну, и вторую дичь. Что ж, так во время многочисленных войн поступали многие. И до Наполеона, и после него. Да, он потерял «третий золотой», но сохранил (по крайней мере на время) другие два не менее ценных обоза. К тому же Евгений всё-таки выполнил категорический приказ императора, повелевавший ничего ценного русским не оставлять. Он и не оставил. Весь 300-подводный обоз был им спрятан по частям на примерно 10-и километровом участке дороги. Некоторое количество грузов, видимо, было зарыто, а другая их часть затоплена.

Вот теперь вице-король был готов к переправе. Он освободился от сковывавших его манёвр грузов. Он усилил высвободившимися лошадьми артиллерию и кавалерию. Он очистил войска от раненых и ослабевших солдат. (Правда, в этом вопросе ему сильно помог наш генерал Платов.) Под его началом теперь находилось хоть и сильно поредевшее, но всё ещё боеспособное воинство, которое имело некоторые шансы пробиться на соединение со своими войсками, базировавшимися в Витебске. А ценности... А что ценности? Подумаешь, спрятали! Так ведь их потом и отыскать можно. Благо, где имен-

но их прикопали и притопили, лично ему прекрасно известно. Война, может быть, повернётся как-то по-другому, и тогда...

Но «тогда» так и не наступило, и драгоценный груз сотен и тысяч повозок так и остался дожидаться своих «освободителей», лёжа в грязи и глине. Теперь становится куда как более понятен и рассказ крестьянина Кирея. Видеть, как французы прячут самое ценное имущество, он (как, впрочем, и казаки Платова) никак не мог, поскольку толпы деревенских мародёров и строевые кавалерийские части двигались на достаточном удалении от столбовой дороги, справа от неё. А французы освобождались от излишних тяжестей либо ночью, либо в естественных низинах глубоченных оврагов, которые сами по себе являлись хорошим укрытием от посторонних глаз. Так что шансы доехать до переправы через Вопь, при прочих равных условиях, имели только небольшие повозки, по большей части набитые относительно лёгкими вещами.

К этому утверждению очень хорошо подходят строки из дневника де Лотье: *«Двигаться дальше невозможно — так трудна дорога. В два дня (7-го и 8-го) мы потеряли 1200 лошадей, на которых держалась вся наша надежда. Казаки то идут впереди нас, то за нами следуют, и мы больше не можем посылать ни отрядов, ни фуражировщиков, так как у нас осталось лишь небольшое количество всадников.*

Не находя никакого пропитания по дороге и увидев вдали деревню, которая представляется уцелевшей, многие солдаты выходят из строя и, перестреливаясь с казаками, идут туда наудачу. Некоторые из наших были, таким образом, захвачены в плен. Другим же удалось купить немного ржаного хлеба, сухого и чёрствого».

Написано офицером, который находился при штабе, рядом с вице-королём. Если для них всё было так трудно, то что же говорить об отставших пехотных частях и батареях? Там-то положение вообще было нестерпимое! Не чаяли сохранить самих себя. Но, несмотря ни на что, наиболее ценные вещи несли и везли до крайнего предела. И дотащили ведь! Форсировали Вопь у Ярцева перевоза и вышли-таки к долгожданным Пологам. Но ждало их там несколько не то, на что надеялись французы.

О тех далёких от нашего времени событиях по-свойски, по-домашнему рассказывает двоюродная сестра княгини Друцкой-Соколинской. Вскоре после войны она приехала в гости к Б.И. Потёмкину. Как раз напротив его дома происходило избиение переправившихся французов казаками. По стечению обстоятельств, личная карета Евгения Богарне досталась местному крепост-

ному. Тот продал её как раз отцу сестры за 10 четвертей ржи. Тот в свою очередь с барышом перепродал её другим лицам, несмотря на то, что она была с оборванной обивкой. Но суть моего рассказа состоит вовсе не в том. При капитальном ремонте пресловутой кареты, устроенном последним покупателем, в ней нашли несколько тайников с золотыми монетами, «бриллиантовыми вещами» и «другими богатствами»!

Остаётся только пожалеть того недалёкого крестьянина, который отдал доставшиеся ему на «халяву» ценности, оцениваемые сейчас как минимум в 500 000$, за несколько мешков какой-то примитивной ржи. Впрочем, от ошибок никто не застрахован. Я сам сто раз попадал впросак. И ничего, жив пока. Надеюсь в душе, что та рожь взошла и дала крестьянину большой урожай и хоть тем поддержала его несчастных детей.

Однако прервём наше лирическое отступление и вернёмся к 4-му корпусу. В Ульховой Слободе вице-король со своим штабом ночевал в красивой церкви, остатки которой до сих пор привлекают взор случайного путника. Солдаты и офицеры ночевали по домам и сараям. Всё-таки в селе было 17 дворов, что по тем временам было совсем неплохо. Известия со всех сторон приходили самые безрадостные. Громадные потери, падёж множества лошадей, утраты во всём. Всё вокруг было разорено, и казаки толпами носились вокруг лагеря, убивая и раздевая всех, кто осмеливался отлучиться в сторону в поисках пропитания. Но пока сохранялся хоть малейший шанс на спасение, Вице-король был просто обязан его использовать. Поэтому он уже с вечера посылает генерала с инженерами и сапёрами наводить переправу. На рассвете 9 ноября он, собрав все наличные силы в кулак, начинает движение к переправе. Но удача явно не на его стороне. За ночь поднявшаяся в реке вода снесла наскоро выстроенный мост. Около реки, преграждая путь войскам, теснились отправленные заранее обозные упряжки и вывезенные из Москвы лёгкие дрожки.

Пришлось солдатам восстанавливать мост заново, что сильно замедлило начало полноценной переправы. Но вот мост собран. Вначале переправляется гвардия и некоторая часть артиллерии. Вслед за ней Вопь пересекает и вице-король. И повозки, повозки, повозки — нескончаемой чередой. Наступает ночь, а переправа всё ещё не закончена. Те, кому совсем плохо и у кого пали лошади, вынуждены заночевать на левом берегу.

«Мороз всё усиливался, а пушечные выстрелы казаков делались всё ближе и ближе. Вице-король был принуждён, в конце концов, бросить всю артиллерию и те повозки, которые не были переправлены через Вопь. Как

только это вызванное "жестокой необходимостью" распоряжение сделалось известным на берегах реки, открылось зрелище, не виданное в летописях военной истории. У кого были ещё повозки, и кто вынужден был теперь их бросить, те поспешно стали навьючивать на лошадей наиболее ценные вещи и припасы. Как только кончилась переборка этих вещей, толпа "отсталых" кинулась к повозкам, выбирая наиболее роскошные экипажи.

Казаки, сдерживаемые горстью солдат, скачут вокруг и наблюдают, но не смеют приблизиться. Между тем жадная толпа кидается скорее на съестные припасы, чем на богатства. Ценные картины, вышитые одежды, серебряные канделябры валяются разбросанными, и никто не обращает на них внимания. Храбрые канониры и сапёры пытаются сделать последнюю попытку спасти свои пушки, а затем в отчаянье принимаются их уничтожать и разбрасывать порох по ветру. Другие посыпают им дорогу к артиллерийским повозкам, которые находятся позади обоза. Они кидают на этот порох бивуачные огни. Огонь с быстротой молнии пробегает по проложенной дорожке, артиллерийские повозки взрываются, гранаты лопаются, и казаки в ужасе стараются спастись».

Согласитесь, что автор этих строк, Цезарь де Лотье, просто мастерски описывает все страсти, которые кипели в тот момент на, казалось бы, заурядной переправе через самую заурядную речку (а переправа происходила в том самом месте, где речка Пальна впадает в Вопь). Наверное, многие из тех ценных вещичек, что так торопливо сыпали на землю в панике и хаосе эвакуации, так и были затоптаны в землю. Тут бы мне и дать дружеский совет поискать эту драгоценную мелочь с помощью металлодетекторов, но, к сожалению, дать такой совет не могу. Вокруг этого места давно выстроились городские постройки, а все прибрежные луга буквально завалены тысячами пивных и водочных пробок. Искать что-то в таких условиях поистине равнозначно поиску иголки в стоге сена.

Но есть сведения о том, что где-то здесь, вблизи воды, было под шумок закопано несколько пушек, до последнего момента прикрывавших переправляющиеся войска от тотального разгрома. Вот их поискать очень даже можно. Это тем более интересно, поскольку в некоторые орудийные стволы напоследок заталкивали всевозможные ценности. Вряд ли эти пушки нашли казаки. Прятали-то их в полном мраке, а ямки делались с помощью взрывов. В тех условиях, когда всё вокруг взрывалось и в разные стороны разлеталось, желающих подсматривать за действиями артиллеристов было немного. Ма-

родёров, накинувшихся поутру на брошенные экипажи с «добром», пушки тоже нимало не занимали. У них были иные, более приземлённые заботы. Всё вокруг, как обычно бывает в таких случаях, было затоптано тысячами ног, и стволы, скорее всего, остались ненайденными.

Но что же наш вице-король? Он-то куда делся с несколькими пушками и какой-то небольшой частью всё же спасённых ценностей? Он, как и было намечено ещё императором, рванулся на Духовщину. В этом городке он провёл весь день 11 ноября, отдыхая, отъедаясь и «зализывая раны». 12-го же, как обычно затемно, войска 4-го корпуса двинулись совсем не туда, куда, как казалось, они стремились изначально. Какой там Витебск! Внезапный резкий поворот на юг, в сторону Смоленска! Позади ещё догорала сожжённая дотла Духовщина, когда в 17.00 голова колонны 4-го корпуса вошла в деревню Володимирово, преодолев за переход расстояние в 28 вёрст. Здесь Евгений Богарне уже однажды бывал, когда шёл на Москву. Он, разумеется, тут же занял знакомую барскую усадьбу и провёл в ней ночь.

13 ноября был последним днём, когда вице-король путешествовал самостоятельно, в отрыве от основной группы войск. Вечером того же дня он добрался до Смоленска, где его уже поджидал Наполеон. На следующий день к нему присоединилась и дивизия Пино, которая от Вопи двигалась другим, более коротким маршрутом. Но вернулись они позже, поскольку их задержали войска генерала Грекова, которые встретили эту дивизию около деревни Каменки.

Теперь можно сколько угодно размышлять на тему о том, имел ли манёвр вице-короля какое-то тайное значение, или нет. Маловероятно, чтобы Наполеон не понимал всю мизерность шансов для пасынка без проблем добраться до Саксонии, как декларировалось вначале. Не для этого он отягощал его малоподвижными обозами и неподъёмной артиллерией. Но всё же нельзя не признать, что одной своей цели император добился однозначно. На самом проблемном участке пути от Дорогобужа до Смоленска он всё же смог рассеять внимание преследующих его русских войск и ослабить их давление на собственную, наверняка более ценную колонну. Да, несомненно, он вынужден был пожертвовать частью захваченных в походе сокровищ. Но, согласитесь, лучше пожертвовать некоторой частью чего-то, нежели потерять всё!

А ведь Наполеону было крайне важно доставить ещё два самых важных золотых обоза в Смоленск без потерь и разорений. Ведь там были свежие лошади и войска гарнизона, там был отдых для измученных солдат и пропитание для остающихся в строю собственных лошадей. В условиях той, поистине экстре-

мальной, погоды именно в этом и заключался тот единственный шанс на спасение основной армии и транспортируемых ею сокровищ. И мы видим, что своей цели он достиг. Пусть его пасынок вынужден был расстаться и с огромным количеством пушек, и с «Третьим золотым», а по сути, «серебряным» обозом, пусть. Зато было сохранено самое ценное — императорское золото!

14 октября

«Его Величество производит смотр кавалеристам, оставшимся без лошадей; их организуют в батальоны и оставят в Кремле в качестве гарнизона. Эта неудачная операция вконец погубит нашу кавалерию. Эти старые солдаты — драгоценные люди; их следовало бы отослать в депо и дать им лошадей. Самый плохой пехотный полк гораздо лучше исполняет пешую службу, чем четыре полка кавалеристов без лошадей. Они вопят, словно ослы, что они не для того предназначены. Сыро, но не очень холодно».

15 октября

«Император приказал генералу графу де Нарбону осмотреть госпитали, эвакуировали 1400 раненых, осталось 900; из них 500 таких, которых нельзя везти; их устроят в Кремле. Товарищи, которым предстоит выступать, ропщут, что это не их очередь. Во избежание препирательств я отсылаю подставных лошадей. Шабо отправляется к Неаполитанскому королю, он должен был уехать в 6 часов утра, но его слуга Жан не мог собраться раньше 3-х часов пополудни.

Во время похода, особенно трудного, надо быть строгим со своими людьми, не прощать им ни малейшее ошибки, не позволять им ротозейничать. Но я не решился бы их бить. В армии многие это делают. Это почти необходимо. Мой лакей Эйар тоже порядочно разбаловался: он видит всё в чёрном свете. Он служит у меня 8 лет, привязан ко мне, обладает хорошими качествами. Мне приходится часто об этом напоминать себе. Для похода надо брать людей сильных; этот же слаб, это делает меня снисходительным. Каждое утро он ворчит на меня за то, что я без сапог; моя единственная пара продырявилась.

Я не знаю, как достать новые; из вещей, посланных мне из Франции, ко мне ничего не дошло. А будь у меня эти вещи, я был бы одним из наилучше экипированных офицеров в армии...»

* * *

Не уверен в точности, но, скорее всего, именно в этот день произошли весьма любопытные события, о которых хочу упомянуть в главе:

Загадка деревеньки Бочейково

Живо интересуясь событиями 1812 года, я как-то наткнулся на упоминание белорусской деревни Бочейково. Упоминание было настолько крошечное, настолько расплывчатое, что поначалу я не обратил на него внимания. Правда, потом спохватился и вернулся к данному историческому эпизоду. Вот что я прочитал на одном из белорусских сайтов:

«Сохранилась легенда о кладе Наполеона, вывезенном из Москвы. Отступающие французские войска оцепили квадрат 1,5 км × 1,5 км недалеко от Бочейково, зарыли там пресловутый "скарб", сожгли повозки и ушли».

Заниматься поисками, имея столь «достоверные» указания, равносильно тому, чтобы идти туда, неизвестно куда, и искать то, не знаю что. Впрочем, сделать попытку не помешает. Возможно, если удастся максимально изучить район действий и воссоздать ту далёкую историческую обстановку, то удастся приблизиться к разгадке тайны очередного исторического клада. Начнём свой анализ с текста самого сообщения. И первое, что бросается в глаза, это абсолютное несоответствие написанного историческим реалиям. Нет, Наполеон действительно побывал в Бочейково, вот только произошло данное событие в иное время и другой обстановке.

11 июля 1812 года (т.е. задолго до отступления из Москвы) французский император Наполеон, двигающийся с войсками на Бешенковичи, остановился на ночлег в новом Бочейковском дворце. Наполеон удивился, что все слуги разбежались, остался только управляющий имения Лапицкий, лакей и мальчик из прислуги. Не удовлетворил Наполеона и завтрак, приготовленный Лапицким. По всему этому Наполеон выразил недовольство приёмом и утром отправился в карете на Бешенковичи. Так что никаких кладов лично он оставить там не мог только по той причине, что у него их пока не было.

А вот другое упоминание о присутствии французов в Бочейково заставило меня насторожиться. Выяснилось, что в октябре 1812 года в данной деревне остановилась французская дивизия генерала Леграна, забрала весь провиант и опять разорила усадьбу. Генерал Легран… фамилия смутно знакомая.

К тому же под его началом была пусть и потрёпанная, но всё же дивизия, многотысячное скопище людей и лошадей, которая вполне могла иметь в своих боевых порядках и излишне обременяющий их обоз. Так что сам факт присутствия отступающих французов в интересующем нас населённом пункте можно считать бесспорным. Естественно, требовалось выяснить, откуда и куда передвигался вышеупомянутый генерал, и почему же ему потребовалось срочно избавиться от сковывающего его передвижение обозов. Вот что мне удалось узнать из общедоступных источников.

«Во время злополучной кампании в России К. Легран отличился в боях при Янкове, Обояни, Полоцке. 21 октября 1812 г. он заменил маршала Л. Сен-Сира на посту командира 2-го корпуса. Как и генерал Эбле, Клод Легран прославился своими отважными действиями в сражении при Березине (28 ноября 1812 г.), где получил серьезное ранение, из-за которого был вынужден покинуть действующую армию. 5 апреля 1813 г. был назначен сенатором. После выздоровления в январе 1814 г. служил в корпусе маршала Ожеро. В феврале 1814 г. руководил организацией обороны Шалон-сюр-Сон. После отречения Наполеона К. Легран отошел от дел. 4 июня 1814 г. Людовик XVIII даровал храброму генералу титул пэра Франции и произвёл в кавалеры ордена Святого Луи. От полученной при Березине раны Клод Легран так и не оправился, и 9 января 1815 г. он скончался в Париже. Его останки перенесли в Пантеон, а имя этого достойного генерала увековечили в камне Триумфальной арки».

Итак, Клод Легран предстаёт перед нами не только храбрым, но и весьма опытным командиром, который отдавал себе отчёт в целесообразности своих действий и, следовательно, его приказы относительно уничтожения неких грузов были, несомненно, однозначно прагматичны. Давайте теперь подумаем над тем, что за грузы были им уничтожены? Но перед тем, как заняться этим вопросом, посмотрим, откуда же прибыла в Бочейково эта дивизия.

Нам известно, что она воевала под Полоцком, где произошло несколько весьма серьёзных и кровопролитных сражений. Между собой не на жизнь, а насмерть, сражались корпуса маршала Удино (мечтающего пробиться к Санкт-Петербургу) и войска Петра Христиановича Витгенштейна, всячески препятствующего любым намерениям французов. Бои были жесточайшие, и инициатива не раз переходила их рук в руки. Удино был тяжело ранен, и его сменил маршал Сен-Сир. Был ранен и Витгенштейн. Мало того, он даже попадал в плен, откуда сумел бежать. Вот выдержки из мемуаров генерала барона де Марбо.

«Теперь враг использовал настолько превосходящие силы, что, даже понеся огромные потери, Витгенштейн сумел овладеть укрепленным лагерем. Но, встав во главе дивизий Леграна и Мезона, Сен-Сир отбросил противника штыковым ударом. Русские семь раз ходили в ожесточенные атаки, и семь раз французы и хорваты отражали их и, в конце концов, остались хозяевами всех позиций. (Речь идёт об укреплениях в предместьях Полоцка.) Хотя маршал Сен-Сир и был ранен, он, тем не менее, продолжал руководить войсками. Его усилия принесли полный успех, потому что враг покинул поле сражения и отступил в соседний лес. 50 тысяч русских были разбиты 15 тысячами. Во французском лагере царила радость, но утром 19 (ст. стиль) октября стало известно, что генерал Штейнгель во главе 14 тысяч русских солдат только что переправился через Двину перед Дисной и двигался по левому берегу в обход Полоцка, чтобы овладеть мостами и зажать армию Сен-Сира между частями, шедшими вместе с ним, и армией Витгенштейна. И действительно, вскоре стал виден авангард Штейнгеля, появившийся перед Начей и двигавшийся в направлении Экимани, где находилась дивизия кирасир и полки легкой кавалерии, из которых маршал сохранил в Полоцке лишь один эскадрон».

Это был поворотный, самый драматический момент всей Северной кампании, после которого отступление французов и их союзников стало неизбежным. Последовало заключительное совершенно ужасающее ночное сражение в пылающем Полоцке, в результате которого наступательный порыв бывшего корпуса Удино иссяк окончательно.

«Полоцк полностью сгорел. Обе стороны понесли значительные потери, однако отступление наших войск (французских) осуществлялось в полном порядке. Мы увезли тех раненых, кого можно было перевозить; остальные, а также множество раненых русских погибли в огне пожара. Штейнгель начал принимать меры, чтобы атаковать нас, лишь 20 октября (ст. стиль) утром после того, как Сен-Сир, оставив город, оказался вне пределов досягаемости Витгенштейна, предав огню мосты через Двину. К этому моменту все французские части соединились на левом берегу, и Сен-Сир направил их против Штейнгеля, который был отброшен, потеряв свыше 2 тысяч человек убитыми или взятыми в плен».

Итак, дивизия Леграна, в составе которой было несколько тысяч военнослужащих, пользуясь ночной темнотой и поднявшимся с реки туманом, благополучно выскользнула из обречённого города и, отбросив угрожающего зайти во фланг Штейнгеля, отступила к югу. Надо сказать, на помощь от-

ступающим Наполеон незамедлительно направил довольно крупные силы. По его приказу маршал Виктор во главе 9-го корпуса, насчитывавшего 25 тысяч человек, половина из которых состояла из войск Рейнской конфедерации, быстро двигался из Смоленска, чтобы соединиться с Сен-Сиром и отбросить Витгенштейна за Двину. Этот план наверняка очень быстро дал бы хороший результат, если бы главнокомандующим оставался Сен-Сир. Однако Виктор из этих двух маршалов был более старшим, и Сен-Сир не пожелал служить под его командованием. Накануне их встречи, произошедшей 31 октября (ст. стиль) на подступах к Смолянам, он объявил, что не может больше продолжать кампанию, передал командование 2-м корпусом генералу Леграну и уехал, чтобы вернуться во Францию.

Заметим себе, интересующая нас дивизия начала отступление от стен Полоцка после 8-го, и через десять дней оказалась около дер. Смолянцы (неподалёку от селения Чашники). Поскольку Бочейково расположено как раз на перекрёстке важнейших дорог, то миновать его французы не могли никак. Мне представляется (исходя из анализа средней скорости передвижения воинских колонн и состояния дорог), что французы заняли его 14 или 15 октября. И, что немаловажно, вошли они в деревню с запада. Покинули же Бочейково французы на следующий день, направившись строго на юг, вдоль реки Улла. Далее последовали следующие события. 19 октября Витгенштейн разбил войска Удино и Виктора у дер. Чашники и отбросил их к дер. Сенно (примерно 30 км. к востоку от Чашников). После этого, опасаясь быть охваченным с фланга и отрезанным от Двины, Витгенштейн не продолжал своего наступления, но оставался в Чашниках, ожидая известий о действиях Кутузова и Чичагова.

Вот теперь давайте вернёмся к нашей поисковой задаче. Поскольку основные моменты, предшествующие нашей чисто кладоискательской истории, уже прояснены, то пора взяться за суть проблемы. Нам требуется выявить то место вблизи Бочейково, которое было оцеплено солдатами Леграна и где бесследно исчез некий таинственный обоз. Почему бесследно? Да если бы столь значительные по массе и ценности предметы были найдены, то скрыть такое событие в провинциальном местечке не было ни малейшей возможности.

Прежде всего, нам нужно понять, что именно было брошено. Поскольку Полоцк, равно как и окрестные селения, за четыре месяца оккупации был ограблен подчистую, то, несомненно, вывозить оттуда было что. Кроме того во время предыдущих сражений за контроль над данным городом францу-

зами были захвачены большие трофеи у русской армии. Ведь армейские подразделения к тому времени состояли по большей части из необученных ополченцев. Поскольку всё собранное на телегах добро удалось благополучно эвакуировать, то оно всё ещё находилось в боевых порядках стремящейся оторваться от преследователей группировки.

Но всё же настал такой момент, когда французский командующий должен был однозначно решить, что дороже: награбленное имущество и трофейное вооружение или скорость передвижения? Ведь к этому времени сожжённые французами мосты через Западную Двину были восстановлены и преследование отступавших войсками Витгенштейна продолжилось. Так что очень возможно, что от обременительных обозов действительно следовало немедленно избавиться. Впереди были ещё сотни километров скверных дорог, лютая зима, бои, и не обременённые поклажей лошади стали куда как большей ценностью, нежели церковное серебро и российские пушки.

Исходя из тех предпосылок, что груз был уничтожен со всевозможными предосторожностями (оцепление и прочее), можно понять, что в глазах тех, кто его прятал, он имел и несомненную ценность, и значительную тяжесть. И данное соображение для нас имеет первостепенную важность. Почему? Всё очевидно! Будь там что-то не очень ценное, его попросту вывалили бы в придорожные канавы, и делу конец, никто бы и заморачиваться не стал. Но нет, не вывалили, тащили сто километров от Полоцка до Бочейково и дальше бы тащили, но… Пришёл момент, и всё пришлось бросить. Однако не просто так бросить, а с большими предосторожностями. Стало быть, спрятанные ценности ни в коем случае не должны были попасть к противнику. Вот только для того и стояли солдаты вокруг места захоронения длинными шеренгами, чтобы никто не подсмотрел, где именно прятали. Вот только где именно они стояли? Что именно прикрывали?

Взглянем на карту местности. Славное наше Бочейково, к несчастью для генерала Леграна, стояло (и стоит поныне) на обширном холме, около которого совершенно нет крупных лесных массивов. Там небольшие рощицы, зарывать в которых что-либо было совершенно бесполезно. На следующий же день после ухода завоевателей лесочки были бы дотошно обследованы любознательными обывателями, и всё, что закопано, было бы непременно извлечено на свет божий. Октябрь, снега ещё нет, а трава уже увяла, так что замаскировать крупное захоронение не было ни малейшей возможности.

Может быть, имелись иные возможности для надёжного сокрытия груза с десятков, а то и сотен подвод? Да, такой действительно имелся! Един-

ственный! Грузы можно было просто затопить. Прекрасно, но где именно? Рядом протекает река Улла, замечательная такая речка, очень живописная. Только мелкая, метр с кепкой. Бросать туда ценности немногим более умно, нежели просто оставить их на уже упомянутой обочине. Первый же крестьянин, прогулявшийся вдоль реки с бреднем, непременно наткнулся бы на спрятанное. Если не первый, так второй — точно! Гораздо лучше утопить ненужные вещички в озере. Никаких следов, ни возможности их обнаружить и вытащить, особенно если озеро достаточно глубокое. А если не глубокое? Вот именно на тот случай, если оно не глубокое, и следует выставить надёжное оцепление, чтобы ни один излишне любопытный белорус хасидского вероисповедания не пронюхал, где именно находится то заветное местечко.

Снова взглянем на карту Бешенковического района. Теперь нам требуется срочно отыскать все озёра, расположенные в удобоваримой близости от Бочейково. Не буду перечислять их все, но, на мой взгляд, только одно из них на все 100 % устроило бы французского генерала. У этого озера есть сразу несколько неоспоримых преимуществ перед прочими окрестными водоёмами. Прежде всего, оно достаточно обширное: метров двести в ширину и почти восемьсот в длину. Озеро прикрыто, пусть и не идеально, густой прибрежной растительностью. А самое главное, французы видели его собственными глазами, когда подходили к месту своего суточного постоя. Колонны дивизии проходили всего в восьмистах метрах севернее его. К тому же и от Бочейково совсем недалеко. Вот только один недостаток — озеро не слишком глубокое, о чем упоминает справочник по белорусским водоёмам.

Но на этот счёт у военных всегда есть достойный ответ — оцепление. Скорее всего, именно так и поступил Клод Легран. Много войск для операции прикрытия ему не понадобилось. Человек двести для организации реденького заслона вокруг водоёма, да ещё человек сорок для проведения разгрузки и затопления. Разумеется, техника затопления в таких случаях может быть разной. Но вряд ли французы нашли на берегах Забельского озера пригодные для транспортировки грузов лодки. Сомневаюсь, что они стали строить и плоты. Плоты, конечно неплохо, но уже очень они тихоходны и неповоротливы. К тому же смысла нет делать большие плоты, поскольку глубоких мест на озере всё равно нет. Больше чем уверен, что был построен так называемый П-образный причал.

Принцип работы такого причала очень прост, да и собирается он всего за пару-тройку часов. При этом не нужны ни доски, ни гвозди, ни какие-либо

скобы. Десяток топоров и несколько мотков прочной верёвки. Да, такой «причал» не может быть очень длинным, но и в тридцати метрах от берега можно запросто затопить прорву ненужного и крайне обременительного имущества. Причём перегрузка одного фургона по циклу земля — вода занимает не более пятнадцати минут. Ведь солдаты с грузом бегут по кругу, друг другу не мешая, оттого и разгрузка столь стремительна. Тяжёлые предметы мгновенно погружаются в ил на достаточно большой площади (до 50 квадратных метров) и поэтому не образуют заметных куч. Причал, по окончании работ, разрушается так же быстро, как и создаётся, достаточно перерезать скрепляющие отдельные брёвна верёвки. Вот и всё. Идеальный способ сокрытия больших масс не слишком габаритного металла. Единственное условие — требуется соблюсти жесточайшую секретность. Но здесь, как мы знаем, был полный порядок. Сами французы поутру ушли на битву при Чашниках, а на поверхности озера и на его берегах не осталось никаких следов, кроме хаотически плавающих по воде брёвен.

В заключение несколько слов следует сказать о перспективности поисков данного ликвидационного клада. В принципе перспективы для его обнаружения есть. Как показывает практика, затопленные клады сохраннее своих чисто земных собратьев раз в 10 — 20. И это объяснимо. Водные преграды куда как надёжнее скрывают следы захоронений, к тому же для успешной работы на реках и озёрах требуется весьма специфическая и крайне дорогостоящая техника, как правило, недоступная рядовым поисковикам. Но тем не менее я желаю всяческих успехов всем, кто решится бросить вызов генералу Леграну.

***

Не могу в данном месте удержаться от того, чтобы не сказать несколько искренних благодарственных слов о великом российском полководце, которого лично я почитаю за истинного спасителя России во время Отечественной войны 1812 года. Рассказ о нём озаглавлю так:

О забытом полководце замолвите слово

С давних пор, едва ли не со школьных лет, как только на уроках заходила речь о Бородинской битве, так меня тут же начинал одолевать один, но совершенно неразрешимый вопрос. Какой вопрос? А очень даже простой. Почему

во время нападения на Россию в 1812 году Наполеон двинул основные силы на Москву, а не на Санкт-Петербург? Ведь это было бы куда как логичней и дальновидней. Ведь вспомните, уважаемые читатели, столица Российской империи была именно в Петербурге, а вовсе не в Москве. И правительство там заседало, и Александр I в Зимнем дворце пребывал, да и вообще вся власть государственная базировалась именно в городе на Неве. К тому же от прусской границы до нашей официальной столицы шагать коалиционным войскам Великой армии было ближе минимум на 350 км! Согласитесь, в те времена, когда передвижения основных масс войск осуществлялись пешим ходом, такая экономия в расстоянии была весьма существенна. Захватив же Санкт-Петербург, Наполеон одновременно обеспечивал себе не только надёжный тыл для манёвров остальной армии, но получал заодно и возможность на своих собственных условиях вести переговоры о мире и условиях капитуляции ускользнувших от него российских вооружённых сил.

Загадка сия была для меня совершенно неразрешима. И данное положение усугублялась тем, что на мои наивные вопросы учителя почему-то недовольно хмурились и быстренько переводили разговор всё на то же Бородино, «мудрую» сдачу Москвы и хитрый манёвр Кутузова, сбивший с толку французских преследователей. Все эти мудрствования и хитрости могут удовлетворить только учеников средней школы. И постепенно я пришёл к мысли о том, что и великий Наполеон был вовсе не так велик, если не додумался до такой очевидной истины.

Прошли годы, даже целые десятилетия. И уже в весьма солидном возрасте я наконец-то отыскал отгадку некогда мучавшей меня загадки. Случилось это тогда, когда я вёл расследование одного старого кладоискательского дела, носящего условное название «Дело полковника Яковлева». Вскоре вы будете иметь возможность с ним ознакомиться.

Так вот, оказавшись по ходу моего исторического расследования в городе Полоцке, я наконец-то получил доказательства того, что мои ранние суждения были весьма поверхностны и абсолютно неточны. Наполеон был-таки великим полководцем и свою кампанию в России он начинал, продумав её очень хитро, стратегически точно и весьма всесторонне. Так почему же его столь гениально продуманный план так и не сработал, как должно? Сейчас я поделюсь с вами добытой в поездке информацией и надеюсь, что и для вас сейчас откроются совершенно новые страницы из нашей истории.

Итак, в первоначальном варианте своей военной кампании Бонапарт весьма дальновидно рассчитывал непременно захватить **обе** наши столицы.

И поскольку все события, связанные с оккупацией Москвы, известны нашим читателям достаточно широко, то я сосредоточу свои усилия на описании военной ситуации и кровопролитных битв, развернувшихся на северном, т.е. санкт-петербургском направлении.

По диспозиции, разработанной императором Франции ещё в Париже, наступать на северную столицу должны были два отборных корпуса, специально созданные для этой ответственной задачи. Удивительно живо и образно об этом написано в «Журнале для чтения воспитанникам военно-учебных заведений». Его содержание я постараюсь цитировать максимально возможно полно, чтобы дать вам возможность в полной мере насладиться духом той далёкой и столь не похожей на наше время эпохи. Вот как воспринимался план всеевропейского завоевателя 150 лет назад.

«При вступлении Наполеона, как известно, разделённые корпуса 1-й Западной нашей армии, чтобы не быть подавленными полумиллионным полчищем неприятеля, отступили скорее к Дриссе, а затем к Смоленску, на соединение со 2-ю Западною армией. Граф Витгенштейн командовал в это время 1-м корпусом и составлял правый фланг 1-й армии. Здесь уже открылось исполинское намерение Наполеона действовать вдруг на обе наши столицы. Покорить Москву, как сердце России, Наполеон предоставил собственному гению; для сокрушения же Петербурга — назначил двух наперсников своих, маршалов Удино и Макдональда. Первый с отдельным гренадерским корпусом, носившим название "адского легиона", был отправлен по Псковской дороге, а второй с корпусом, составленным преимущественно из Прусаков, по Курляндской. Обоим маршалам был противопоставлен слабый корпус Графа Витгенштейна, который получил Высочайшее повеление действовать отдельно и вскоре оправдал Монаршую доверенность».

Я всегда считал, что истинный талант любого полководца может раскрыться только в условиях пусть и вынужденной, но всё же известной свободы действий. Только тогда, применяя всю свою военную изобретательность, достоинства находящихся в его распоряжении войск и оружия, полководец истинно способен показать, чего он стоит. И в этом смысле звёздный час Петра Христиановича Витгенштейна пробил именно 12 (24) июня 1812 года, то есть после переправы Великой армии Наполеона через Неман.

«Удино был столь уверен в успехе данного ему поручения, что, откланиваясь Наполеону, сказал с обыкновенным французским самохвальством: — Ваше Величество, мне очень совестно, что я прежде Вас буду в Петербурге!»

С формальной точки зрения Николя Удино был прав на все сто процентов. Даже он один, без войск маршала Макдональда, имел едва ли не двукратное превосходство сил над оставшимся без всякой сторонней помощи корпусом Витгенштейна. Но наш полководец вовсе так не думал. Ведь, как известно, дома и стены помогают.

«Находясь на берегу Двины (Западной) близ Дриссы, граф Витгенштейн наблюдал тщательно движение своих соперников, и как скоро известился, что Удино переправился через Двину у Десны, а Макдональд у Якобштадта; идут — первый на Себеж, а второй на Люцин, в намерении отрезать ему Псковскую дорогу, не колебался в избрании средства разрушить столь смелое неприятельское покушение, и решился разбить их поодиночке: поэтому, не теряя времени, он устремился на сильнейшего. Отделив часть своего небольшого корпуса для наблюдения за Макдональдом у Крейсбура, он сам, менее чем с 25 000 человек, обратился к селу Клястицам, где в достопамятной трёхдневной битве 18—20 июля разбил совершенно 45 000 отборных французских войск, остаток которых спасся от истребления только благодаря своему местоположению. По единогласному показанию всех пленных, неприятель потерял до 10 000 убитыми и ранеными и более 3000 пленных; в числе раненых были два дивизионных генерала — Лецаль и Вердье».

Не следует думать, что военные победы достаются просто так, по воле слепого случая или из-за бездеятельности противостоящей стороны. «Русские купили победу эту также не дёшево, храбрый Кульнев убит, а сам Витгенштейн ранен; штаб и обер-офицеров убито 18, ранено 62, нижних чинов убито 1195, ранено 2250». Дальнобойность оружия той эпохи была невелика, и сам факт того, что командир корпуса получил ранение, указывает на то, что он не в пример иным полководцам воодушевлял бойцов на битву, находясь прямо на передовых позициях. Не следует удивляться тому, что наши генералы действовали столь самоотверженно. Численность наших войск была столь мала, что отступление или нерешительность даже одного подразделения вполне могла самым пагубным образом сказаться на положении дел всего корпуса. И первая, столь важная в моральном плане, победа была завоёвана.

«Северной столице победа эта была извещена 25 числа пушечную пальбою. С умилением сердца, преклонив колена, воссылали мольбы во всех храмах торжественное моление ко всевышнему, прославившему праведное оружие. Невозможно описать всеобщего восторга. Истинная радость

воодушевляла всех жителей Петербурга. Сладостная надежда на избавление от нашествия вражьего и от разорения одного из лучших городов Европы, казалось, возвратилась в сердце каждого. Все благословляли имя Витгенштейна: оно было предметом всеобщего обожания, переходило тысячекратно из уст в уста, от мраморных палат до убогой хижины и, мешаясь с радостными восклицаниями ликовавшего народа, носилось по великолепным стогнам (городским площадям) града, бесчисленными огнями освещённого. Граф Витгенштейн сделался любимцем русского народа...»

Победы, как известно, окрыляют. А победы столь знаменательные и решительные окрыляют вдвойне.

«Ободрённый знаменитою победою Граф Витгенштейн быстро преследовал неприятеля к Двине в намерении обратиться потом на Макдональда. Но как этот маршал услышал об участи своего товарища, отступил к стенам Риги, защищаемой гарнизоном и гребной флотилией... Граф Витгенштейн снова устремился на разбитого, но всё ещё превосходящего его в силах Удино. Встретив неприятеля у местечка Кохановo, Русские 30 июля, по осмичасовом сражении опять его поразили и принудили отступить к самому Полоцку, где французы получили сильное подкрепление... Желая догнать неприятеля остановившегося перед Полоцком в самые его укрепления, Граф Витгенштейн сильно атаковал его 5 августа. После 14-и часовой битвы, неприятель принуждён был скрыться в свои укрепления, очистив весь занимаемый им правый берег (реки) Полоты и мызу Спас, в которой победитель учредил свою Главную Квартиру».

6 августа битва продолжилась с новой силой. Теперь уже генерал Сен-Сир, сменивший на посту главнокомандующего раненого Удино, двинул шесть пехотных колонн в контратаку. Их поддерживали не менее 60 орудий крупных калибров. И французские позиции, и даже некоторые улицы Полоцка несколько раз переходили из рук в руки. Но и на этот раз победа была у наших войск! Итог двухдневного сражения был таков. Баварцы потеряли 117 офицеров и более 5000 нижних чинов. Потери же самих французов приближались к 6000 убитых и раненых. Русские потеряли в тех сражениях до 4000.

Интересно отметить тот факт, что Наполеон, чтобы скрыть стыд этого совершенно незапланированного поражения, обнародовал сведения о том, что корпус Витгенштейна был будто бы усилен до 100 000 человек, и поэтому Сен-Сира за удержание Полоцка произвёл в маршалы.

После столь кровопролитных и изматывающих сражений Витгенштейн отвёл свои войска от Полоцка, оставив небольшой авангард в селении Белое. Пытаться взять сильно укреплённый город с теми 15 000 измученных и израненных солдат, которыми он располагал, было делом невозможным, если не сказать самоубийственным. Ведь в город вёл один-единственный узкий и простреливаемый со всех сторон мост, висящий над обрывистыми берегами реки Полоты, словно над горной пропастью. К тому же никто не снимал с него и основной задачи — прикрывать С.-Петербург с юга. А ведь надо понимать, что, кроме этого победоносного корпуса, оборонять столицу было совершенно некому. Получать подкрепления регулярными войсками и то представлялось совершенно невыполнимой задачей. И чтобы хоть как-то восполнить громадную убыль в людях и офицерах, в обескровленный корпус направляли престарелых отставников, служащих и наскоро переодетых в военную форму крестьян.

Понимая, что только что атаковавшие его войска Витгенштейна держатся из последних сил, свежеиспечённый французский маршал решился на дерзкую вылазку.

10 августа силами полнокровной дивизии он атаковал Белое, стремясь непременно взять реванш за столь неудачно разворачивавшуюся кампанию. Но маршальский жезл ему тоже не помог. Вновь кровопролитная многочасовая битва, и баварцы побежали назад, подгоняемые палашами гродненских гусар. Только после этой победы жители и С.-Петербурга, и Пскова смогли вздохнуть с облегчением. Стало понятно, что французы выдохлись и реальной опасности для наших крупных городов уже не представляют.

Фактически, если уж быть до конца откровенным, то надо признать без оговорок, что именно незабвенный Пётр Христианович навязал Великой армии войну на два фронта, став, таким образом, своеобразным родоначальником такого вида боевых действий. Да и к тому же он своими решительными действиями сохранил единственную почтовую дорогу, связывавшую С.-Петербург с Москвой и всей остальной Россией. Только за одно это ему следовало бы поставить бронзовый памятник. Ещё бы! Ведь в те времена не было ни радио, ни телеграфа, ни телефона. Почта на конной тяге! Она одна позволяла поддерживать связь, между нашей полураздавленной французами армией и Александром I. И посмотрел бы я, что смог бы предпринять тот же Кутузов, лишись он связи со столицей и Верховным командованием.

От полной катастрофы наше доблестное воинство, проигравшее генеральное сражение при Бородино, спасло только то обстоятельство, что

именно в те дни, когда Наполеон под гром фанфар входил в покинутую жителями Москву, именно Витгенштейн малым своим воинством прикрыл стратегически важную линию связи между двумя нашими столицами. Страшно подумать, если бы история развивалась по иному сценарию. Ведь достаточно было победоносному графу промедлить хотя бы 3—4 дня, и уже ничто не смогло бы спасти С.-Петербург от захвата и полного разорения. Соединившись воедино, корпуса Удино и Макдональда просто задавили бы наши войска одной своей массой, уж не говоря о том, что они имели бы трёхкратный перевес в артиллерии и почти пятикратный в кавалерии! Эти три дня фактически предрешили весь дальнейших ход всей Отечественной войны. Это несомненно любому здравомыслящему человеку. Смотрите, что было бы в противном случае.

Сумев объединиться в один оперативный кулак, Макдональд и Удино достигли бы С.-Петербурга самое позднее в первой декаде июля. Прижатый четырёхкратно превосходящими силами к окраинам города, корпус Витгенштейна долго сопротивляться не смог бы. Ведь, отрезанный от остальной территории страны превосходящими силами противника, он в ходе боёв не смог бы получать ни вооружение, ни пополнения людьми и лошадьми. Максимум неделю он ещё смог бы держаться на оборонительных позициях, до тех пор, пока 350 орудий франко-прусской группировки не перемололи бы его войска в труху.

А что же далее? А далее — настоящий и бесславный конец войне и полная капитуляция. Столица оккупирована. Захвачен и Сенат, и Генеральный штаб, да и сам государь в придачу. И, следовательно, никаких таких длительных переговоров о мире не было бы и в помине. А заодно уж и сидеть два месяца в обгоревшей Москве Наполеону не было бы ни малейшей нужды. Он спокойненько ограбил бы её дочиста и, разогнав за пару недель остатки нашей армии по окрестным лесам, без какого-либо напряжения вывез бы в Париж все захваченные им трофеи, при этом сохранив свою армию в полном составе. Ведь ехать назад ему пришлось бы не лютой и ранней зимой, а тёплой и обильной на урожай осенью! Далее, оставив сильные гарнизоны по линии С.-Петербург, Новгород, Витебск, Смоленск, Калуга, Гомель, Наполеон легко контролировал бы обезглавленную Россию, даже находясь в Париже. И надо помнить всем и каждому, что именно П.Х. Витгенштейн, он один, смог переломить ход истории, грозивший безусловной потерей России своего суверенитета и самобытности.

Но я рассказал вам только о начале той череды блестящих военных подвигов, которые совершил наш незаслуженно забытый герой. Я продолжу своё повествование дальше, и вы, дорогие читатели, прямо сейчас и окончательно убедитесь в моей правоте.

Бросим беглый взгляд на качество и количество того пополнения, которое получил корпус Витгенштейна из Петербурга. На помощь ему от С.-Петербургской и Новгородской губерний было собрано два отряда. Один, под командованием тайного советника Бибикова, имел в своём составе 5575 человек, из которых 4000 были ратниками, т.е. простыми крестьянами. Правда, впоследствии к нему присоединились два конных эскадрона. Второй отряд имел в своём составе около 7000 воинов, большинство из которых также не имело никакого боевого опыта. Иными словами, 1-й корпус лишь возместил свои потери, понесённые в предыдущих битвах, но сильно потерял в общей выучке и качестве личного состава. И тем не менее Витгенштейн решается штурмовать практически неприступный Полоцк. Задача была практически невыполнимая, и я полагаю, что он отважился на штурм, только видя величайший духовный подъём, царивший в войсках и подходящих подкреплениях. К тому же по другому (левому) берегу Двины приближались войска Ф.Ф. Штейнгеля.

Преодолев под осенними ливнями, по непролазной грязи примерно по 15—25 вёрст полей и болот, наши войска заняли позиции вокруг города. Первым 7 октября атаку начал Штейнгель. Битва у села Болонии была непродолжительной. Противник вскоре дрогнул и начал отступать в сторону города. Видя, что удача сопутствует нашему оружию, в атаку пошли войска графа Витгенштейна. Атакуя одновременно с северо-запада и с северо-востока, уже к вечеру этого дня они загнали французов и прусаков в стены города. Но впереди было самое сложное — форсирование реки Полоты и штурм городских укреплений.

И здесь нашим командующим было проявлено подлинное военное мастерство. Поставив пушки у самого берега реки, Витгенштейн приказал стрелять по городу раскалёнными ядрами. В результате возникшего вскоре пожара и начавшейся паники небольшому отряду добровольцев (раньше их называли «охотниками») удалось пробраться к городским воротам и взорвать заграждения, преграждающие дорогу через мост. После такой смелой вылазки начался собственно и сам ночной штурм, который завершился нашей полной и решительной победой. Правда, в ту ночь генералу Штейнгелю поучаствовать в этой победе не удалось, поскольку хлынувшие в его сто-

рону толпы убегающих из города французов заставили срочно перейти от наступления к обороне.

Взятие Полоцка, причём с относительно малыми потерями, было по достоинству отмечено в ликовавшей столице. Но графу Витгенштейну было не до праздников. Его войска активно преследуют отходящего на юг противника. 12 октября взяты Ушачи, а вскоре освобождён и Лепель. Противник бежит. Нами взято более 6000 одних только пленных, множество брошенного оружия и покинутых обозов!

Наполеон, уже находившийся в Верее, был не на шутку встревожен обстановкой, столь скверно складывающейся в его глубоком тылу. «Если так дело пойдёт и дальше, — наверное, думал он, — то этот неугомонный Витгенштейн сможет через несколько дней выйти на дорогу Минск — Смоленск и перерезать её!» Ситуация для отступавших из Москвы войск была настолько опасная и чреватая столь катастрофическими последствиями, что Наполеон вынужден был бросить в бой свой последний резерв — свежий, 9-й корпус маршала Клода Виктора, до этого момента базировавшегося в Смоленске.

«Корпус Сен-Сира, которым за раною его командовал генерал Легран, до того был уже ослаблен, что Наполеон, будучи и сам в весьма стеснённых обстоятельствах решил послать ему на подкрепление корпус маршала Виктора. Маршал Виктор с 15 000 человек своего корпуса остановил бегущих в Чашниках, ободрил их обещанием несомненной победы и занял самую крепкую позицию перед этим местечком...»

Встреча двух корпусов — нашего, измотанного двумя неделями непрерывного наступления и встречных боёв, и свежего французского — произошла в районе селения Чашники, что на реке Улла. Несмотря на то, что Виктор прибыл на позиции раньше и успел на них закрепиться, Витгенштейн, «горя нетерпением проучить новичка», принял решение нападать первым и с ходу.

«В 7 часов утра началась битва, а в 10 неприятель с первой позиции был совершенно выбит, и местечко Чашники, упорно им защищаемое, занято победителями. Неприятель понёс огромную потерю: всё поле сражения устлано убитыми; в плен взято 12 офицеров и более 800 человек нижних чинов. С нашей стороны урон убитыми и ранеными простирался до 400 человек...»

Самолюбие маршала Виктора было уязвлено так сильно, что он осуществил несколько серьёзных контратак, пытаясь потеснить Витгенштейна от Уллы, но, кроме дальнейших потерь в людях и вооружении, ничего не до-

бился. Витгенштейн же, наоборот, испытывая на себе постоянные удары весьма сильного противника, мыслил в тот момент куда как более дальновидный стратег. Некоторое количество своей конницы он немедленно перенацелил в селение Бешковичи, выбив оттуда крупный отряд французов. Направил крупные отряды в сторону Борисова и Минска, которые должны были затруднить сообщение между гарнизонами противника. Генерал-майора Властова с его отрядом Витгенштейн развернул на стратегически важный пункт Видзы, и там его подопечный добился успеха. И, кроме того, Властов бдительно смотрел за перемещениями корпуса Макдональда, всё ещё представлявшего немалую опасность.

Явных успехов Витгенштейна не мог не признать и Голенищев-Кутузов. Вот какое письмо он прислал ему из-под Ельни.

«Милостивый государь мой, граф Пётр Христианович!

Блистательные успехи Ваши доставляют важные выгоды всех движений. Поздравляя Вас с победою 19 числа, спешу Вас уведомить, что 26 октября при Дорогобуже неприятельской армии авангард был разбит нашим авангардом, где взято в плен 600 человек и 6 орудий. 27-го казаки нагнали бегущего неприятеля по Духовской дороге, разбили его 4-й корпус и взяли в плен генерала Сансона и 3500 нижних чинов. Неприятель бежит в величайшем беспорядке...»

Проходит ещё несколько дней, и вот корпус Витгенштейна участвует в новой серьёзной схватке. На этот раз в окрестностях Старо-Борисова он решает самую трудновыполнимую задачу — по блокированию войск Великой армии, вынужденно переправляющихся через Березину в районе деревни Студянка. Впоследствии во всех наших энциклопедиях будет написано, что князь Витгенштейн виноват в том, что Наполеон ускользнул из столь мастерски поставленной Кутузовым ловушки. Большей глупости я не читал нигде!

Приведу небольшую выдержку из энциклопедии, исподволь навязывающей жителям России заведомо ложную, официозную дезинформацию: «В березинской операции Витгенштейн не смог правильно оценить обстановку, французским генералам удалось ввести его в заблуждение, и он не нанес решительного удара по не защищенной с фланга переправе войск Наполеона».

Хочется прямо тут же воскликнуть:

— Помилуй Боже, о чём вы там лопочете! Какие такие стратегические задачи можно было ставить вусмерть измотанному корпусу, который четыре месяца не выходил из боёв и уже на три четверти состоял из не обученных военному делу крестьян!? А вся остальная наша армия, не в пример петербург-

скому ополчению десятикратно более многочисленная, свежая и на голову лучше вооружённая, она-то что делала? Где были наши лихие гусары-усачи и уланы-молодцы? По белорусским фольваркам пьянствовали, да грабили отставшие от французских колонн экипажи, ожидая, пока Наполеон сам не выдохнется?

Нет, господа читатели, надо признать безоговорочно, Кутузов как проиграл сражение при Бородине, так и находясь в совершенно выигрышной позиции на Березине, беспечно упустил Наполеона после отхода последнего от Борисова. Или там что, одна наскоро выстроенная березинская переправа спасла совершенно расстроенных французов? Э-э нет, там было ещё множество возможностей попытаться сделать хотя бы ещё одну попытку перекрыть дорогу французам. Ведь от Студёнки к Зембину вела столь плохая дорога, проложенная к тому же среди совершенно непроходимых болот, что перерезать её могла и горстка казаков. Вот почитайте дневниковые записи одного из участников тех событий.

«Император отправляется в 7 утра; в 10 мы были в Зембине (12 вёрст от Студёнки), маленьком польском городишке, где мы завтракаем. Мы проходим через лес, овраги, потом через длинные мосты на болотах; неслыханная вещь, неприятель не послал казаков разрушить эти мосты. Мы были бы тогда в большом затруднении, так как недостаточно крепкий лёд не мог бы выдержать нас».

Но, конечно, высокое начальство всегда найдёт оправдание своей недальновидности, переложив свои недоработки на головы нижестоящих чинов. Но в данном случае как раз именно обескровленный корпус Витгенштейна приложил максимум усилий, чтобы воспрепятствовать переправе французов через Березину. Кто мне не верит, может сам съездить в Белоруссию и посетить деревеньку Брили, расположенную на правом берегу реки, прямо напротив Студёнки. Ближайшая к деревне роща буквально усеяна громадными могильниками, в которых покоятся погибшие французы из прикрывающего переправу корпуса всё того же Виктора, старого противника Витгенштейна. Вот как об этом эпизоде писали наши и французские очевидцы.

«Корпус графа Штейнгеля после этой победы оставался у Старо-Борисова, а корпус генерал-лейтенанта Берга получил приказание атаковать неприятеля на рассвете при переправе его через Березину при селении Студенцы. В 10 часов утра, несмотря на сильную и выгодную позицию, занимаемую неприятелем, началась атака, и вскоре враг был выбит, но вторая (линия обороны) была ещё сильней. Неприятель, переправляясь с

величайшей поспешностью и в беспорядке, защищался весьма упорно и отчаянно. Сам Наполеон при этом присутствовал...»

Это наш взгляд на эти события, а вот и французская точка зрения, более сдержанная: *«28 ноября. Герцог Беллунский (маршал Виктор) в 11 часов был атакован на другом берегу Березины (на правом берегу, у селения Брили). Завязалась довольно живая канонада, он сохранил свои позиции. В 3 часа несколько ядер долетели до моста; это был момент большого беспорядка. Отсталые солдаты толпами бросились на мост и воспользовались суматохой для грабежа повозок. В конце концов, все они (повозки) были сожжены. Многие офицеры, посланные к герцогу Виктору, не могли протискаться по мосту, даже пешком; меня на мосту затолкали, когда я пытался перейти...»*

«На другой день 17 (29) числа с рассветом возобновилась канонада, но вскоре была прекращена, потому что неприятель пожертвовал всем своим обозом и частью артиллерии... зажёг мост, чтобы воспрепятствовать преследованию со стороны графа Витгенштейна».

Освободительный поход, позволивший выгнать армию всей Европы из пределов нашего отечества, продолжался успешно. На нашей территории уже не было крупных боевых столкновений, лишь сбор пленных и брошенных вдоль дороги трофеев.

«10 числа граф Витгенштейн перенёс главную квартиру свою в местечко Кайданы... Здесь получено известие о том, что Макдональд 5-го числа оставил Митаву (совр. Елгава) и находился с 4000 человек в Шавлях. Перехваченное письмо показало, что он ничего ещё не знал о происходившем и шёл, по мнению его, на соединение с Наполеоном».

Но совершить ещё один ратный подвиг Петру Христиановичу было уже не суждено.

«14-го числа по прибытии графа Витгенштейна в Гелевуда, замок на берегу Немана, получено известие от полковника Альбрехта, что находившийся в корпусе Макдональда прусский генерал Йорк... с извещением, что он не имеет войны с Русскими. Немедленно граф Витгенштейн отправил к нему князя Репнина-Волконского для переговоров. Сам между тем двинулся на Кенигсберг, и войска его в это время переходили границу между Средниковым и Юрбургом».

Заканчивая сей небольшой экскурс в историю, я хочу ещё раз отдать дань уважения скромному герою (отказавшемуся в 1813 году занять место совершенно одряхлевшего Кутузова), истинному патриоту и беззаветному хра-

брецу П.Х. Витгенштейну, само имя которого должно по праву стоять среди известнейших исторических личностей, своими подвигами действительно спасших Россию!

***

16 октября

«Приближается эвакуация раненых. Разрушили часть кремлёвского собора и свалили крест с Ивана Великого. При падении он сломался. Забрали и расплавили серебряную утварь кремлёвских церквей, пополнив этим кассу армии. Генерал Лористон вечером уезжает на аванпосты, чтобы узнать ответ Царя на предложение Наполеона. Великолепная летняя погода. Тепло и сухо».

Наполеон велел забрать брильянты, жемчуг, золото и серебро, которые были в церквях Кремля. Он велел даже снять позолоченный крест с купола Ивана Великого. Поэтому Наполеон велел вывезти все трофеи Кремля. Ими нагрузили 25 телег. У него были телеги, полные золота. Офицерам и солдатам выдали двойное жалование, но вместо серебра выдали русские кредитные билеты и солдатам приходится менять бумажный рубль на 20 копеек серебром».

17 октября

«С утра была генеральная раздача по всей армии. Раздают тулупы, бельё, хлеб и водку. Французы, проживающие в Москве, видя громадную добычу, укладываемую в повозки с офицерским багажом, а также сокровища московского искусства, решили, что им тоже следует уйти из Москвы вслед за отступающей армией».

18 октября

«С утра был сделан смотр корпусу маршала Нея в составе 10 000 человек. Было роздано много орденов и назначены офицеры на все свободные места (должности). Смотр продолжался два часа. После смотра получен приказ — выступать из Москвы. Корпус Вице-короля и корпус Даву выступили вечером из города на Старо-Калужскую дорогу. Корпус Нея и "старая" гвардия ночевали в Москве. На Можайск (т.е. по "Старой" Смоленской дороге) были отправлены все раненые и больные в сопровождении дивизии генерала Клапареда.

После смотра император объявляет о своём намерении ночевать вне Кремля, в предместье... Помещение Императору приготовляют у графини Орловой. Его Величество находит, что это слишком близко. Все будут в дежурной комнате; в 22 вечера нам объявляют, что Император ночует в Кремле.

Ночью до –3 °С, днём до 12-ти тепла».

19 октября

«Рано утром Император уехал по Калужской дороге. Я остаюсь до 3-х часов пополудни для того, чтобы вместе с генералом Нарбоном обойти госпитали; раненые в количестве 1500 собраны в Воспитательном доме около Кремля, где... оставлен гарнизон под начальством маршала Мортье.

Не было времени до отъезда пронумеровать повозки: (он свои собственные повозки он имеет в виду, а не армейские) *за нами следует, по меньшей мере, 15 000 (!!!) их; почти все захваченные в этом городе или принадлежащие поселившимся в России иностранцам. Они причиняли большие затруднения при выходе из Москвы. Вечером в Троицком — плохом поместье — мы догоняем императора. Погода мягкая».*

«"Старая" и "молодая" гвардия выступили из Москвы после полудня. За гвардией выступает общевойсковой обоз в 15 000 повозок; телеги, дрожки, кареты, фуры, палубы и фургоны двигались в несколько рядов, на протяжении более чем в 30 (!!!) вёрст. Среди этого необозримого обоза находился особый обоз с так называемыми "трофеями"... Вечером Наполеон остановился в плохом предместье села Троицкое, в 28 верстах от Москвы (совр. дер. Ватутинки). *Императорский обоз под охраной полков "молодой" гвардии и дивизии генерала Роге расположился позади в лесу. Впереди села Троицкое расположились войска Вице-короля и маршала Нея».*

20 октября

«В 4 часа я получил приказ отправиться с 25 уланами гвардии и инспектором почт в Малую Вязёму, поместье князя Голицына по дороге из Москвы в Можайск. Передавая мне этот приказ, Коленкур, очень ко мне расположенный, выражает мне своё огорчение по поводу того, что император доверяет мне такое опасное поручение. Я должен был проследить за движением войск, отступавших этой стороной, и дать о нём отчёт. Так как я должен был проезжать по краю, занятому неприятелем, то моя миссия

была очень щекотливая. Мой близкий товарищ Мортемар попрощался со мной, как с другом, которого ему больше не суждено видеть; он советовал мне, если на меня нападут, приказать броситься врукопашную, не отвечать на неприятельские выстрелы и пробиться на всём скаку. Я разделил свой отряд на два взвода; посредине первого ряда я поместил проводника — русского, связанного верёвкой, оба конца которой держали два улана. Его предупредили, что его пристрелят на месте, если он проводит нас к русским. Ночью во весь опор мы помчались по местечку, которого нельзя было миновать. Оно было занято. На оклики по-русски "кто идёт?" мы не отвечали. На некотором расстоянии мы услыхали "кто идёт?" по-французски. Никогда более мелодичный звук не касался моих ушей. Мы таки ускользнули от казаков, это нельзя назвать неудачей.

В 10 часов вечера 20-го декабря я великолепно заснул на моей медвежьей шкуре».

Пока столь красноречивый адъютант крепко спит, мы проанализируем его последние записи. Из них мы узнаём, что после длительных проволочек и неудачных переговоров Наполеон понял, что его жестоко «надули» с переговорами о мире, и принял однозначное решение экстренно покинуть столицу столь коварного государства. И завершающий, повальный грабёж во всех столичных церквях и монастырях, а также его попытки взорвать многочисленные кремлёвские сооружения нельзя объяснить ничем иным, кроме как чувством обиды и мести.

«Корпус Вице-короля, шедший впереди всех корпусов, достигнув села Горки на реке Пахре и переправившись на другую сторону реки, свернул вправо по просёлочной дороге к Фоминскому. Корпус маршала Нея соединился с авангардом Мюрата и расположился в деревне Чириково и занял позицию при развилке дороги на Подольск и Фоминское. Наполеон остановился в Троицком. "Старая" и "молодая" гвардия пешая и конная двигались по дороге берегом реки Пахры вслед за Корпусом Вице-короля к деревне Плесково и далее к деревням Игнатово и Руднево. За гвардией тянулся такой огромный обоз с поклажей, какого, вероятно, не было видно ни в одном походе. Все генералы и офицеры имели экипажи, нагруженные доверху ценными вещами. Тут были ковры, покрывала, церковные одежды, вышитые золотом и серебром, картины, множество шёлковой материи. У иного ларец с бриллиантами, у другого драгоценные камни и целые

пачки золота. У многих масса всевозможного серебра. Не было такого служащего, который не имел бы экипажа и драгоценных вещей. Меха, картины, некоторые везли даже библиотеки прекрасных книг в красных сафьяновых переплётах с золотым обрезом. Среди этого обоза двигался и обоз главной квартиры императора с казной армии и московскими трофеями. Сопровождали обозы полки "молодой" гвардии. Обслуживали императорский обоз 715 упряжных и верховых лошадей. За обозных лошадей нёс личную ответственность Арман де Коленкур. В арьергард двигалась дивизия Мюрата из корпуса Даву и гвардейская кавалерийская бригада Кольбера».

Заметьте, коалиционная армия вошла в Москву 1 сентября, а взрывы зданий, погромы и прочие пакости начинаются в Кремле только 16 октября, т.е. через 10 дней после того, как возвратился генерал Лористон, так и не договорившийся ни о чём с Кутузовым. Ни в одном из захваченных им государств императора Франции не подвергали таким унижениям. Тем более что подобное происходило после одной из самых, на его взгляд, убедительных и решительных побед при селении Бородино. Надо думать, он просто кипел от ярости и негодования и вопреки всей военной логике решил нанести напоследок России кроме военного поражения и сокрушительный экономический удар. Только принимая во внимание буквально затмевавшую его разум ярость, можно хоть как-то оправдать его решение о вывозе столь большого по массе и объёму количества трофеев.

В конце концов именно их совершенно безумное количество, тяжесть и объёмы и довели Великую армию до погибели. И в глубине души я уверен в том, что оспаривать такое мнение не будет ни один профессиональный историк. К тому же было безвозвратно упущено и благоприятное для отхода время. Согласитесь, что одно дело путешествовать на лошадях в середине сентября, когда на полях созрел урожай и вокруг полно подножного корма, а другое дело — в ноябре или декабре, когда надеяться можно только на тот провиант и фураж, который везёшь с собой. Ведь по неоглядным российским просторам перемещался не один человек, не два и даже не сотня. Сто тысяч человек и десятки тысяч лошадей разом двинулись по дороге, заполонив своей массой пространство на десятки километров. Да, мыслимое ли это дело — накормить такую ораву за счёт отнятого или купленного фуража и продовольствия в небольших, по большей части уже разорённых ранее сельцах и деревушках? Разумеется, нет.

И можно с полной уверенностью заявить, что основная масса спрятанных на всём пути продвижения французов к российской границе исторических кладов была обусловлена именно крайней измотанностью охранявших их солдат и изможденностью перевозивших ценности лошадей. Но самый первый достаточно массивный клад был закопан французами ещё тогда, когда они ещё были вполне в состоянии везти свои трофеи и защищать их. И произошло данное событие именно 20 октября совсем недалеко от Москвы, на реке Десне.

Наткнулся я на эту историю совершенно случайно, но именно с неё и началась моя работа по освещению вопросов, связанных с многолетними поисками «Московской добычи Наполеона». Первую свою статью, посвящённую данной проблеме, я опубликовал в газете «Клады и сокровища» и назвал её «Секрет сундука бабки Натальи». Приведу её полностью, поскольку она довольно маленькая, и ещё потому, что она касается самого неразработанного в поисковом смысле участка трассы, по которой первоначально отступала французская армия.

Эту главу назовём:

Сундук бабки Натальи

О наполеоновских кладах написано и сказано так много, что найти что-то новое в этом вопросе достаточно сложно, однако вот вам любопытная история, открывающая ещё одну грань этой проблемы. Будучи в гостях (в начале 90-х годов XX века) у своего друга на даче в подмосковной Апрелевке, я получил приглашение навестить его тётушку, жившую в нескольких километрах от его собственного дома. После полуторачасовой прогулки по живописным окрестностям города мы пришли в деревню к старому, но ещё крепкому дому, где и жила его родственница. Погостив у неё где-то часа полтора, мы собрались обратно, и тут, выходя из дома, мой друг обратил моё внимание на стоявший в сенях объёмистый сундук с коваными ручками и полукруглой крышкой, украшенной резной, но потускневшей от времени латунной лентой. Пока мы, не слишком торопясь, возвращались в Апрелевку, мой друг поведал мне историю этого сундука.

— Тот живописный сундук, что стоит у моей тётки Натальи в сенцах, достался ей в наследство от её прадеда, — начал он свой рассказ. — Появился он в их семье, которая издавна жила в этом селе, осенью 1812 года при весьма трагических и загадочных обстоятельствах.

Историческая ситуация на тот момент сложилась следующая. Часть большого обоза наполеоновских войск, отступавших из Москвы, заняла село Мартемьяново, и охрана обоза сразу же занялась грабежом, разоряя хлева и очищая от зимних запасов амбары. На стихийный отпор разозлённых такой бесцеремонностью крестьян французы ответили огнём из ружей и пистолетов, убив нескольких самых ретивых защитников. После чего они согнали всех остальных жителей села в церковь.

Среди народа, запертого в храме, оказался и прадед Натальи Васильевны, тогда ещё подросток. В то время пока французы, отбиваясь от крестьян, стаскивали мешки со съестными припасами и фуражом для лошадей в свои фуры, к селу внезапно подошло около двух сотен казаков, видимо искавших место для ночлега. Обнаружив неприятеля, казаки попытались с ходу выбить захватчиков, но не тут-то было. Во-первых, французов было довольно много, во-вторых, у них было несколько малокалиберных пушек, да и не были они ещё измучены долгими неделями отступления и постоянного голода. В результате бой принял затяжной характер. Сил у нападающей стороны явно не хватало для успешного наступления, а у обозников сил было недостаточно для прорыва, с тяжёлой поклажей, размещённой на многих десятках телег, к основным своим войскам, отходившим тогда по направлению к Малоярославцу. Целых два дня, укрывшись за домами и рядами телег, охрана обоза вместе с многочисленными возницами и даже полусотней польских улан держали круговую оборону на холме около реки Нары. На третий день к казакам подошла на помощь кадровая артиллерийская часть, и грозный свист картечи ясно сказал французам, что дело близится к развязке.

Тогда, воспользовавшись ранними осенними сумерками, обозная охрана собрала все боеспособные силы в ударный кулак и сумела внезапным кавалерийским ударом прорвать кольцо окружения и без потерь уйти к ближайшему лесу. За всеми этими событиями все три дня и наблюдал, взобравшись на стропила церкви, прадед Натальи — Фёдор. Утром наши воины освободили голодных и измученных страхом узников, и оказавшиеся на воле крестьяне тут же увидели на улице, кроме большого количества разбитых ядрами телег, множество прекрасных дубовых сундуков, валявшихся чуть ли не кучами по всему селу. Удивительно — все сундуки были совершенно пусты, а куда исчезла недавно лежавшая в них поклажа, так никто и не узнал. Лишь впоследствии на берегу неширокой речки Нары в кустах обнаружилось несколько серебряных тарелок и кружек.

Что настораживает в этой истории больше всего, так это то, что французы перед ночным прорывом перебили всех своих раненых — их утром обнаружили в погребе одного из домов. Держаться в сёдлах те явно не могли, а оставить их в живых французы почему-то посчитали невозможным. Видимо, раненые могли рассказать что-то очень важное, может быть, поведать о том, куда исчезла поклажа с десятков подвод и нескольких сотен весьма солидных сундуков. Вопрос остаётся открытым вот уже почти двести лет. Кто ответит на него?

К сожалению, местность эта теперь плотно застроена всевозможными особняками и дачами, так что провести полномасштабные поисковые работы здесь вряд ли теперь удастся. Но и по сию пору можно видеть странных людей, таящихся вдоль оврагов и опушек окрестных лесов и явно что-то разыскивающих. Церковь же, носящая название Святой Троицы, в 2005 году была капитально отремонтирована после нескольких десятилетий полного запустения, и в настоящее время в ней вновь идут службы.

Вот такая история случилась не так далеко от Москвы, всего в двух часах от её центра. А ведь дальше ситуация для отступающей Великой армии только ухудшалась, и весьма скоро всё чаще и чаще они были вынуждены освобождаться от сковывающих их движение тяжестей. Мы же с вами тоже последуем за ними и постараемся подсмотреть, выведать, или, на худой конец, вычислить, где, как, когда и почему это происходило.

* * *

21 октября

«Главная квартира императора в деревне Игнатьево. Повозки, обременённые московскими трофеями, ночуют в Горках (в 12 верстах позади главной квартиры) *до 4-х часов утра. Это вызвано крайней усталостью лошадей. Для их охраны генерал Роге выделил батальон гвардии. Корпус Вице-короля в Фоминском. Небо покрыто тучами и идёт мелкий осенний дождь.*

Вчера прибыли 1200 русских пленных, конвоируемые португальским батальоном. Майор, который ими командовал, нашёл на дороге 3-х жеребят; он их отдал пленным в пищу, а то эти несчастные оспаривали друг у друга куски трупов. Португальцы будто бы получили приказ расстреливать пленных, которые не идут; поэтому они прикладывают ружейное дуло к голове выбившихся из сил, которые уже не могут идти, и пристреливают их. Они совершают всё это с большой жестокостью, а сверх того, ещё и

неловко. Если бы они пристреливали их по краям дороги — можно было бы подумать, что эти люди пытались убежать; но они совершают свои "милые экзекуции" прямо посреди дороги. Боюсь, такое варварское поведение вызовет по отношению к нам беспощадную месть».

«Утром холодно + 3, с обеда дождь, дороги размыты».

22 октября

«Императорская штаб-квартира перенесена в Фоминское. Из Малой Вязёмы мы отправляемся в Кубинское. Из Кубинского шли три дороги: одна в Звенигород, две на юг, в Верею и Фоминское через Ожигово — Бекасово. Этот пост занят вестфальским батальоном, насчитывающим лишь 100 человек, накануне на мельнице он потерял 40 человек. Вскоре после нашего прибытия показались казаки. Они на "ура" накинулись на обоз с ранеными; эскортировавшие их солдаты плохо вели себя.

Полковник Бурмон приказал взяться за оружие; вестфальский отряд, продвинувшийся на четверть мили, выручил нескольких человек, бросившихся в лес. Я передал приказ баварскому полковнику начать атаку со своей бригадой; он мне ответил, что его истощённые лошади не могут галопировать. Во время этой экспедиции он (Бурмон) нам годился лишь на то, чтобы ежедневно забирать по 50 человек пехоты для охраны своего собственного фуража, да уничтожать баранов из стада, собранного испанцами, к большому неудовольствию последних».

«Целый день сильный дождь, дороги непроезжие».

«В 4 часа утра императорский обоз двинулся из деревни Горки по просёлочной дороге в деревню Плесково. К вечеру этот обоз прибыл в Бекасово. (От Горок до Бекасово всего 28 вёрст.) *Главная квартира перенесена в Фоминское (ныне Наро-Фоминск). Из-за дождя дороги испортились, что сильно затруднило движение обозов и артиллерии.*

В 7 часов вечера последние войска покидают Москву. К 11 часам вечера город и Кремль были совершенно очищены. Маршал Мортье с 10 000 человек двинулись по Можайской дороге».

23 октября

«В 2 часа 30 минут ночи послышался чудовищный взрыв, это в Кремле была взорвана Филаретовская пристройка. Толчок был так силён, что в 12 верстах от Москвы ощущалось колебание почвы под ногами. В 2 часа дня маршал Мортье с канцелярией Наполеона остановился в Яшкино.

В 5 часов утра отправлены инструкции герцогу Жюно, стоявшему с 8-м корпусом в Можайске. Ему приказано сжечь всё, что нельзя захватить с собой, и быть готовым к тому, чтобы по первому сигналу двигаться к Вязьме. Все начальники вплоть до Смоленска предупреждены о движении армии. Генералу Эверсу приказано выступить из Вязьмы с 4—5 тысячами и обеспечить коммуникационную линию на Смоленск.

Между Гжатском и Вязьмой тянутся обозы под прикрытием пехоты до 1500 человек. Обозы идут днём и ночью с фонарями. Целый день льёт дождь, дороги совершенно размокли. Грязь...»

24 октября

«Штаб-квартира императора находится в Городне. Мы отправляемся в Щелковку, пост, тоже занятый вестфальским батальоном. Батальон в Кубинском лишился людей и экипажей, посланных вперёд батальонным командиром. Этот офицер высшего ранга в отчаянье, но не от потери своих солдат, а от пропажи 1000 экю — всех его походных сбережений, которые были спрятаны в одной из повозок.

Мы подобрали нескольких человек из конвоя французских раненых, брошенных казаками. По дороге (Кубинка — Щелковка) *мы видели до сорока пленных русских, убитых португальцами. Один из них обязан жизнью лености их арьергарда. Этот русский упал, не будучи в состоянии идти дальше. Португалец стреляет в него в упор. Его ружьё даёт два раза осечку; в третий раз он восклицает: "Я буду великодушен! Следовало бы прочистить моё ружьё. Пусть себе остаётся". Несчастный пленный отполз на четвереньках с дороги, боясь следующих отрядов; они его, конечно, замечали, но не имели ни малейшего желания причинить ему зло.*

Наш ночлег отвратителен; рядом с комнатой, в которой мы скучены, находятся трупы; воздух убийственный!»

«Обоз с московскими трофеями находился близ Боровска. Дождь идёт, не прекращаясь третьи сутки. В этот день с утра и до позднего вечера шёл бой за город Малоярославец с переменным успехом. Поздним вечером старая гвардия заняла позицию в Городне. Корпуса маршалов Нея и Даву выстроились между Городнёй и Малоярославцем. У деревни Колодези казаки из отряда Кутейникова отбили часть обоза с церковным серебром».

«Император приказал разбить свой обоз на два. С первым в сторону Смоленска был отправлен обоз, состоявший из части экипажей императорской квартиры. Этот обоз в 200 подвод вёз золото и серебро, собранное

в церквях и монастырях Москвы и Кремля. Начальнику обоза было предписано идти скорым маршем, опережая авангард армии на 2—3 перехода. Охрану обоза составили примерно 500 человек егерей и гренадеров из 2-го полка "старой" гвардии».

25 октября

«Наполеон провёл ночь в Городне. Ночь была очень холодна. Стоял густой туман. В 7 ч. 30 мин. Император выехал в сопровождении большей части своего штаба и тремя гвардейскими взводами по направлению к Малоярославцу. Возле деревни Малечкино Наполеон подвергся нападению казаков. Казаки не атаковали конвой и свиту Наполеона, а кинулись на дорогу, по которой следовала артиллерия дивизии генерала Бриана. Часть казаков старалась захватить пушки, другая кинулась на обозы, в которых нашли бочонки с золотом. Подоспевшие конвойные драгуны и конные гренадеры атаковали казаков и принудили их отступить. Казаки захватили 11 орудий и богатую добычу деньгами.

В 10 часов утра Наполеон вновь выехал на поле битвы при Малоярославце, для принятия дальнейших решений. В 5 часов вечера Наполеон вновь осмотрел вновь поле битвы и затем возвратился в Городню. В 10 часов вечера был отдан приказ — отступать к Можайску на Старую Смоленскую дорогу.

От Боровска до Смоленской дороги не было настоящего пути, и императорский обоз пробирался через поля, леса и болота. Погода пока благоприятствовала отступлению армии. По дороге к Уваровскому на всём протяжении виднелись покинутые муниционные (амуниционные) повозки, обломки телег и фургонов, брошенных и сожжённых по причине отсутствия лошадей. Тот, кто вёз с собой добычу из Москвы, дрожал за свои богатства. Наполеон отдал приказ не оставлять русским никакого обоза».

«Казаки ежедневно захватывают по нескольку человек. Во время нашего перехода они показывались и справа и слева от дороги. Трупы полусотни пленных, попадающихся на нашем пути, словно вехи указывают, это португальский эскорт по-прежнему идёт перед нами.

Я отправляюсь в Верею. Приезжает из Москвы герцог Тревизский, маршал Мортье; он выехал из неё 23-го, приказав взорвать Кремль».

«Наполеон ночевал в Городне. Утром туман, сыро. Солнце проглядывало сквозь туман. Нападение на Императора».

«Выступили в путь, перешли речку Протву».

26 октября

«Утром Наполеон приказал маршалу Нею с третьим корпусом и со всеми обозами, стоявшими у Боровска, перейти к вечеру к Верее, и на следующий день к Можайску. Сам император отступил с гвардией к Боровску, где остановился на ночлег. Корпус Нея вечером подошёл к Боровску из дер. Чириково и присоединился к главной квартире. Кавалерийские и артиллерийские лошади были до крайности истощены непосильным трудом и плохим питанием. Дорога на Верею была вся завалена брошенными повозками, это затрудняло движение обоза. Кроме того, ручьи и речки от прошедшего накануне дождя вышли из своих берегов, поэтому приходилось строить временные мосты, чтобы провести артиллерию и тяжести.

Маршал Мортье, который должен был прибыть вечером к Верее, ускорил движение к Можайску. Клапареду приказано присоединить свою дивизию к корпусу Мортье. Корпус Жюно должен был двинуться к Вязьме немедленно по прибытии Мортье к Можайску».

«Опять остановились на привал».

27 октября

«Наполеон прибывает в Верею. Там он встречает маршала Мортье и молодую гвардию, пришедшую из села Фоминского. Ночью сделалось холодно, до –4 Реомюра».

«Главный штаб Вице-короля расположился в дер. Алфёрово в 15 верстах не доходя до Вереи. Лужи замёрзли, грязь покрылась ледовой коркой.

«Стоял сырой туман, наша одежда промокла насквозь, а почва размокла, как в самые сильные дожди. Пронумерованные повозки с трудом продвигаются вперёд».

28 октября

«Из Вереи мы выступаем в 6 часов утра. Мы прибываем в Можайск, почти целиком сожжённый, уцелевшие дома полны трупов. Император ночует в поместье в 8-и верстах за Можайском по Смоленской дороге. (Село Успенское. Церковь и господский дом.)

Мои лошади очень удобно помещены в церкви (г. Можайска). *Нам позволяют носить меховые шапки.* (Наступили первые холода, утром подморозило, пошёл снег.) *Всем имеющим повозки приказано было забрать по одному раненому; я получил бригадира конных охотников гвардии, раненного шты-*

ком в плечо. Я рассердился на моего слугу за то, что он выбросил железную кровать, увезённую из Москвы, так как моя повозка была слишком нагружена. Холодная солнечная погода (–2 °С)».

«Ночью термометр ужасно упал. Да, это зима. И, тем не менее, погода хорошая. Солнца достаточно пригревает. Только ночи тяжелы. Мы снова переходим Протву выше Вереи, которая петляет и идёт в Мятлево».

«Каждый мост загромождён людьми, лошадьми и багажом, все эти затруднения отнимают силы у солдат... Многие телеги сломались или попортились до того, что дальше их использовать невозможно».

«Ставка Наполеона расположилась в селе Успенском за Можайском. В три часа ночи Император ещё не спал и сказал Коленкуру: "Возможно, и даже вероятно, я поеду в Париж, после того как расположу армию на позициях"».

«В 5 ч. 30 мин. Наполеон заснул. В эти два дня промёрзла только поверхность почвы».

Этот день примечателен множеством мелких эпизодов, которые тем не менее могут стать надёжным основанием для организации ряда небольших поисковых экспедиций. Дело тут вот в чём. Как следует из вышеприведённых цитат, сущим проклятьем для отступающей армии стали многочисленные узости на дорогах. Узости эти в основном были там, где приходилось форсировать очередную водную преграду. То есть на и без того перегруженных дорогах образовывались самые настоящие «пробки». И если в такой «пробке» происходила серьёзная поломка транспортного средства, то с телегой или фаэтоном поступали весьма просто, но решительно — сбрасывали с моста. От Боровска до Вереи было несколько таких узких мест. Французы неминуемо должны были проходить через следующие водные преграды: через 8 и 10 вёрст — два малых притока реки Протвы; через 40 вёрст — река Истьма; через 56 вёрст — река Протва; через 60 вёрст — снова река Протва. Вот интересная задача! Необходимо отыскать места, где прежде располагались старинные мосты, и тщательно исследовать прилегающую к ним местность и акваторию. Ведь грузы могли сбрасывать не только в воду, но и оттаскивать на обочину. И соответственно, владелец тех или иных ценностей мог тут же зарыть то, что ему не удавалось унести с собой.

Ведь писал же в те дни Кутузов: «*В бегстве своём оставляет он* (неприятель) *свои обозы, взрывает ящики со снарядами и покидает сокровища, из храмов Божьих похищенные*».

Но это так, общая риторика, более предназначенная для поднятия солдатского духа, а не прямое указание к поискам. Но вот сведения более конкретные. Как-то Павел Андреевич Жилиц, бывший во Франции и поддерживающий контакты с французскими военными историками, обмолвился о том, что при отступлении от Малоярославца, на участке между Боровском и Можайском, командовавший частями арьергарда генерал Жерар потребовал от колонны отставших от своих частей солдат, невольно сдерживавших общий темп марша, разгрузить заплечные ранцы, выбросив их содержимое в реку. В противном случае раненым и отстающим грозила опасность попасть в плен казакам Платова.

Что ж, такой приказ вполне мог быть отдан. Как вы прочтёте в дальнейшем, при действительно реальной опасности французы легко жертвовали куда как более значительными ценностями. От деревни Волчанки до брода на реке Протве, где происходили эти события, примерно 4 километра на северо-запад. Да и вообще, судя по карте, в Протве могло быть много чего утоплено и, следовательно, не мешает проверить её русло на всём протяжении от Вереи вплоть до Спасского.

Тут настало самое время немного отстраниться от чисто французских приключений и вспомнить о союзных французам войсках — а именно войсках польских.

С ними связана одна интересная история, которую я изложил в главе:

Дело о бочке с золотом и сундуке с серебром

При выходе из Москвы 5-й (польский) корпус князя Понятовского насчитывал 5712 человек личного состава, 239 тяжелогружёных повозок обоза и артиллерийский парк в составе 49 орудий. Как раз 28 октября этот корпус выступил из села Егорьевского и по просёлочным дорогам двинулся в направлении города Гжати (нынешний Гагарин). Поляки двигались через следующие населённые пункты: Троицкое, Федисово, Якушкино, Соснавцы, Головино, Шахово, Губино, Бараново, Ивакино, Слащёво, Семёновское, Некрасово, Марьино, Ивановское и далее на Гжатск и Вязьму.

Казалось бы, вот прошли они, и след их простыл на земле… ан нет, оказывается, не простыл. Именно из ныне исчезнувшей с лица Земли деревеньки

Марьино дошла до наших времён интересная легенда, которую со слов местных жителей записал и в 1880 году опубликовал г-н А.Н. Величков. Легенда гласит: «В одной версте от Марьино находилось сельцо-усадьба, называемое Варганово, в котором была барская усадьба некоего господина Самбурова. Тут была плотина и завод сыроваренный. Близ деревни Марьино находился глубокий пруд, без дна. И крестьяне этой деревни имели стойкое убеждение в том, что именно в этом пруду утоплена "бочка с золотом". Они, кстати сказать, не только знали о тайне, но и несколько раз пытались достать пресловутую "бочку". Но действовали при этом самыми примитивными методами — таскали по "бездонному дну" так называемую "кошку" (кто жил в деревне, тот хорошо знает, что это за зверь), приспособленную для извлечения из колодцев сорвавшихся вёдер. Но вот интересный факт. Тех крестьян, что дерзнули проводить поиски, сослали на каторгу! Причина ссылки нам, разумеется, неизвестна, но факт есть факт».

Вот такое интересное сказание! И здесь мы имеем сразу несколько вполне правдоподобных гипотез. Первая связана с самим господином Самбуровым. Этот помещик вполне мог утопить в данном пруду всё своё более или менее ценное имущество, забив его в бочку из-под квашеной капусты. Почему он сделал именно так? Ответ ясен. Когда прискакали крестьяне с дальних полей его имения и объявили о том, что приближаются неприятельские войска, бедному помещику не оставалось слишком много времени на раздумья и подготовку более разумного тайника. Бочки в каждой деревне всегда под рукой. Все ценности туда валом. Крышку покрепче набить, бочку на телегу мигом погрузить и скорее галопом к «бездонному» пруду. Помещик ведь был не дурак, знал, что дно у прудика есть, и был уверен в том, что сокровища свои рано или поздно, но достанет. А вот французики заезжие их точно извлечь не смогут.

Согласитесь, что данная гипотеза не хуже прочих. Потому и крестьян тот Самбуров выслал после войны на каторгу — за то, что дерзнули покуситься на барское добро. Сидел наш помещик, словно собака на сене. Сам, видимо, вытащить свою бочку не мог, но и другим не давал.

Но есть и другие мысли на этот счёт. И связаны мысли эти именно с прохождением по этим местам корпуса пана Понятовского. Ведь поляки терпели все те же трудности, что и остальные части коалиционных войск. Яркий пример. Я уже писал о том, что вначале польский корпус имел под ружьём 5712 человек, а ведь в Вязьме их уже осталось около 3500. Заметьте, от Москвы до Вязьмы совсем недалеко, а уже какая разница в численности. И совер-

шенно не исключено, что, проходя глубокой ночью мимо деревеньки Марьино, польские войска втихомолку избавились от части своего груза. Причём я не случайно поставил слова «бочка с золотом» в кавычки. Ведь на самом деле там вполне могла быть и не бочка, и даже не с золотом. В марьинском пруду запросто могли утопить и колокола, и вооружение, и церковную утварь, и фарфоровые сервизы, и ещё много чего ценного и полезного, но слишком тяжёлого. К тому же и весь мой опыт показывает, что именно золото в те дни ещё не бросали. Очередь до столь ценных сокровищ дошла гораздо позже... много позже...

Но легенда о самом факте затопления в Марьино осталась. Что конкретно утопили в барском пруду иноземные супостаты, крестьянам было неизвестно, и они наивно посчитали, что была как минимум целая бочка с бесхозным золотишком. Насколько правдива легенда, можно выяснить, лишь проведя соответствующие изыскания. К тому же заняться данным районом нас побуждает ещё одна замечательная история. И связана она, вот ведь удивительное совпадение, с тем же самым районом.

С правой стороны просёлочного Калужского тракта, по которому отступал 5-й корпус Понятовского, некогда стояла деревня Дорогинь. В ней насчитывалось 20 крестьянских дворов, и располагалась она на реке Ворьке. Так вот, вторая легенда повествует о том, что как-то молодая женщина шла из деревни Дорогинь в хутор Блинова. Шла не по дороге, а напрямик. Недалеко от хутора в березняке она случайно наткнулась на плохо закопанный сундук, в котором было много церковного серебра. Поскольку предметы были явно культовые, то она рассказала о своей находке только священнику церкви села Семёновское. Вдвоём они вернулись на место находки, и священник взял себе несколько предметов из того сундука. Но, видимо, его обуяли сомнения насчёт сохранности всего остального, и он постарался замаскировать неожиданную находку лучше. Батюшка сделал это так удачно, что впоследствии отыскать сундук не смог и сам. Данная гипотеза тоже вполне правдоподобна. Вы ведь помните, что именно поляки бойко грабили Спасо-Андроников московский 2-го класса мужской монастырь.

Подробностей в данной истории довольно мало. Женщина то ли увидела торчащее из земли железное кольцо, то ли споткнулась о него. Естественно, потянула за него рукой. Крышка открылась, и заблестели сокровища... (Действительно, раньше часто встречались сундуки с массивными кольцами в центре крышки, я сам такие встречал неоднократно, так что здесь никаких противоречий нет). Единственное, что не совсем понятно, как французов за-

несло в какой-то глухой хутор? Но постепенно удалось выяснить причину их бокового рейда. Дело в том, что на хуторе Блинова была кузница, на которой ковали и лошадей. Многочисленные отряды польской конницы вполне могли заменять там подковы, снимая французские — плоские и ставя русские подковы — шипованные, способные держать лошадь на льду. Вот вам и убедительная причина для посещения кавалеристами даже весьма уединённого хуторка.

А заодно, пока шла перековка, поляки могли втихую освободиться и от части излишнего груза. Разумеется, одним сундуком тут дело явно не обошлось. Наверняка понятовцами в роще у хуторка было закопано гораздо больше количество ценностей, но лишь один из сундуков был спрятан ими недостаточно тщательно, и именно поэтому был довольно быстро обнаружен местной жительницей.

Вы будете смеяться, но и эта легенда не завершает загадки окрестностей деревень Дорогинь и Марьино. У хутора Блинова, оказывается, был приметный колодец с дубовым срубом. Так вот в этом колодце будто бы нашла своё упокоение богатая серебряная посуда, и якобы со стола самого графа Чернышева. Рядом с кузницей и колодцем к тому же росла сосна, и на её коре были вырезаны сабля и крест… Не правда ли, странные знаки были вырезаны на сосне? Вам так не кажется? Совершенно не характерны они для русского фольклора. А вот для польской шляхты такие символы очень даже свойственны и даже традиционны. И сабля, и крест постоянно и в массовом количестве встречаются на польских гербах и старинных знамёнах.

Таким образом, у нас имеется чрезмерное сосредоточение кладоискательских легенд на крохотном участке, в общем-то, и ничем особым не примечательной местности. И из всех известных нам исторически значимых событий там происходило только одно — массовое передвижение польской конницы в конце октября 1812 года. Вот и делайте теперь соответствующие выводы…

* * *

29 октября

«Ночью и утром холодно, небольшой мороз. Почва немного подмёрзла. Утром, при переправе через реку Колочь, утонуло несколько гвардейских пушек, их хотели переправить вброд».

«Его Величество почти в авангарде, вестфальцы — голова колонны. Армия двигалась по дороге густыми, беспорядочными толпами, артиллерия и

армейские фуры посередине, кавалерия и пехота подле. Холода давали себя уже чувствовать. Не все были одеты хорошо, многие носили ещё летние штаны, ни у кого, в общем, не было перчаток и тому подобных тёплых вещей.

Это был несчастный день, отступление французской армии превратилось в бегство. В пути находились более 12-ти часов и за это время прошли 57 вёрст. Небольшая остановка была в Колоцком монастыре, чтобы забрать раненых».

«Мы оставляем наш ночлег (в Можайске) *в 7 часов утра и в 6 часов вечера достигаем Гжатска; по пути останавливаемся в монастыре* (Колоцком), *служившим госпиталем для раненых, для того чтобы забрать их в проезжающие повозки. Ужасно зрелище этих искалеченных несчастных, которые все желают быть увезёнными. Несмотря на значительное число экипажей, средств для перевозки недостаточно и приходится браниться с провожатыми, отказывающимися принимать раненых».*

(В тот момент в монастыре было около 1000 раненых, не имеющих возможности передвигаться самостоятельно.)

«Гжатск — хорошенький городок, при нашем первом вступлении в него стоял, сожжён за исключением двух или трёх домов. Холодно».

Оценим состояние и положение французской армии на конец октября. Судя по дневниковым записям и прочим документам, положение отступающих войск достаточно стабильное. Потеря железной кровати некоторыми ещё воспринимается как значительная утрата, и многие и многие тысячи повозок всё ещё набиты доверху. Набиты так, что класть раненых просто некуда. От Можайска до Гжатска 63 км. Кастеллан проехал его на верховой лошади со своим небольшим обозиком за 11 часов. 5 с четвертью километра в час — совсем неплохая скорость, которая свидетельствует о пока ещё достаточной резвости его лошадей.

В тот день полки «молодой» гвардии проезжали мимо Колоцкого монастыря. По приказу императора раненых укладывали на повозки маркитантов. Но через некоторое время маркитанты побросали их под разными предлогами — и всё для того, чтобы не лишиться добычи, которую везли из Москвы и которой были нагружены все повозки.

В ночь с 29 на 30-е впервые шёл снег. К вечеру 29-го бесконечного дня императорская колонна достигла Гжатска. Колонна русских пленных количеством до 2000 человек двигалась впереди императора. Их конвоировали

португальцы, испанцы и поляки. В разорённом войной Гжатске отступающие неожиданно наткнулись на остатки обоза, посланного из Франции для императорского двора.

Вот в этом месте мне хотелось бы остановиться и вставить маленькую, чисто поисковую главу, названную мной:

Загадочная роща

О том, что в районе современного Гагарина (бывшего Гжатска) французами было спрятано «нечто», я догадывался довольно давно. Но приступить к целенаправленным поискам в том районе всё время что-то мешало. Единственное, что в конце концов подтолкнуло меня к более решительным действиям, было письмо, пересланное мне по случаю одним из соратников. Оглашу некоторые сведения из него, поскольку они впрямую касаются обсуждаемой нами темы.

«Попытаюсь Вам описать некоторые подробности, которые мне известны относительно укрытия французами некоей поклажи, которую они, возможно, сделали в нашей местности. Легенду эту я услышал ещё в 90 году, но особо не придал ей значения, до тех пор, пока не стали всплывать некоторые подробности от других очевидцев.

Первое, что я слышал, это была история о том, что приезжали два раза исследователи: 1 раз возможно в 80—81 году из исторического музея г. Москва, второй раз в 85 г. был в нашей местности Иван Дмитриевич Миляев, который... Далее стали появляться некоторые подробности: 1 призн.: Эту историю слышал сотрудник нашего краеведческого музея — Орешников, он умер в апреле 2003 года, но его рассказ в своё время записал мой знакомый, и я слышал его запись.

...зашла речь о визите работников из Исторического музея. Орешников рассказывал, что на план этого места в советское время у французов была обменена скульптура Наполеона I, если этот обмен подтвердится, то можно предположить, что это достаточно серьёзно. Орешников слышал обрывки разговоров рабочей комиссии, в состав которой входили: Кончаков Иван Васильевич, бывший директор нашего краеведческого музея, Бомот... возможно, он зам. директора Исторического музея, Стародубцев, бывший начальник милиции... что они два дня (по ночам) делали раскопки — окружали это место милицией и под свет фар производили раскопки, это ме-

сто находится от реки Гжати в шагах... (количество шагов неизвестно) в р-не стрельбища. Это место мне было известно. Недавние поиски результатов не дали — площадь достаточно большая и, не имея более точного плана, обнаружить что-либо будет затруднительно — на этом месте лес и около берега заросли черёмухи, которая осложняет приборный поиск, а также минувшая Вторая мировая война.

2-й визит — был уже Миляев И. Д., как мне удалось узнать, он организовал экспедицию в этот район и пытался привлечь командира поискового отряда для поиска на местности со щупом, но что-то не сложилось и в его изысканиях... Он говорил, что уже многое позабыл, но помнит, что во время поисков пошёл сопутствующий "подъёмный материал", но финансирование кончилось, и работы пришлось свернуть».

Письмо, конечно, малоинформативное, однако вполне достаточное для того, чтобы всё же преодолеть лень и съездить в современный Гагарин, своими глазами посмотреть на размах поисковых работ, которые вроде бы там проводились (при свете фар). Этому была, разумеется, и ещё одна причина. Вот что писал об этом времени бесславного похода Арман де Коленкур.

«29 октября мы (гл. квартира с императорским обозом) *прибыли в Гжатск. Стоял сильный мороз. Здесь в районе Гжатска зима давала себя чувствовать более сильно, чем под Боровском. Люди хорошо переносили наши длинные переходы, несмотря на морозы и дурное состояние дорог. Но с лошадьми дело обстояло иначе. Дурное качество корма, добываемого в восьми верстах от главной дороги, изнуряло лошадей. Лошади, не отличавшиеся особо мощным сложением, погибли все. В запряжке шли резервные лошади, да и их не хватало. Мы начали уже бросать свои повозки на дороге».*

Ночные бивуаки, особенно для крупных войсковых колонн, устраивались там, где рос лес и неподалёку был водоём (река или озеро), который мог утолить жажду как людей, так и лошадей. Соответственно, наиболее удобно для отступающих было прятать вывезенные из Москвы ценности именно на ночных привалах. И мне, прежде чем отправляться в путь, следовало выявить вблизи Гжатска те участки, на которых наверняка останавливались французские обозы. Судя по карте и воспоминаниям очевидцев, таких удобных мест было всего два. На участке деревня Ивашково — Гжатск самым привлекательным был обширный полигон вблизи моста через небольшую реку Алёшня. Широкие и ровные луговые пространства, ограниченные с одной стороны самой рекой, а с другой обширным вековым лесом, как

нельзя лучше подходили для армейского бивуака. И действительно, вскоре удалось выяснить, что именно в данном лесу останавливались полки «молодой гвардии», итальянской гвардии, а на следующий день и корпус вице-короля.

Сержант «молодой гвардии» Бургонь, ночевавший как раз в данном лесу, утром двинулся в очередной поход и видел всё, что творилось на дороге после Гжатска. Он пишет: *«Дорога от Гжатска была вся усеяна ценными предметами, картинами, канделябрами и множеством книг, переплетённых в красный сафьян с золотым обрезом. Повозки, нагруженные московской добычей, тащились с трудом, многие оказались сломанными, а с других возницы, опасаясь, чтобы они не сломались, спешили сбросить лишнюю кладь».*

Соответственно, было решено начать обследование именно с участка, прилегающего к западному берегу реки Алёшни. Конечно, это расходилось с указанием из письма (по поводу реки Гжать), но поскольку обе эти реки текут в одном направлении и недалеко друг от друга, то вполне возможна некоторая путаница в описании старых событий. Больше мучил другой вопрос — где же именно отступающие могли закопать оставляемые ценности? На первый взгляд, многочисленные обозы запросто могли располагаться по обе стороны дороги и их владельцы имели возможность прятать всё, что заблагорассудится на весьма обширных луговых пространствах, не говоря уж о ещё более обширных лесах. Пришлось пешком обойти всю пространную луговину как справа от дороги, так и слева от неё. Прежде всего, нас интересовали заметные ямы, расположенные не далее сотни шагов от речного берега.

Справа от дороги Ивашково — Гагарин ничего подобного отыскать не удалось, зато слева от неё нас ожидал весьма приятный сюрприз. Почти от самой дороги строго на юг уходила узкая кинжалообразная рощица, как нельзя лучше приспособленная для устройства захоронений любого рода. Кроме указанных в письме примет Второй мировой войны (цепочка немецких окопов) рощица была изрыта и множеством прочих ям, и к тому же среди растущих в ней деревьев многие были поражены молниями.

Здесь мне просто необходимо сделать некое лирическое отступление и рассказать о крайне важном факторе обнаружения в лесах следов от ударов молний для успешной работы поисковика-кладоискателя. Для обычных людей грозовые молнии несут только непосредственную опасность для жизни, особенно если человек оказался во время грозы на открытом пространстве.

Для людей же нашей профессии многочисленные попадания молний в определённый регион леса говорят о том, что в данном месте следует обязательно произвести приборную разведку. Дело в том, что большие массы легко окисляющейся меди, бронзы, а также и более благородных металлов, сосредоточенные в одной точке, создают настоящую приманку для «небесного огня». Легко разносящиеся грунтовыми водами ионы солей меди, цинка и серебра, а также окислы некоторых металлов, втягиваются древесными корнями и создают в земле область высокой электропроводности. А линейные, грозовые молнии весьма и весьма падки на такие места. Только не следует думать, что молния попадает точно в место захоронения самого клада, и сразу же бежать домой за мешком и лопатой. Практика показывает, что здесь легко ошибиться. Грунтовые воды весьма причудливо перемещают зоны хорошей электропроводности, зачастую удаляя их от места закладки ценностей на многие десятки метров. И, кстати сказать, эти зоны продолжают существовать ещё много лет после того, как клад или что-то на него похожее из этого места извлекают.

Поэтому всем заинтересовавшимся данным абзацем читателям, могу дать вот какой дельный совет. Если в лесу, парке или саду вы нашли поваленное молнией дерево (либо несколько деревьев), то вначале внимательно осмотрите прилегающую местность. Если в радиусе 50 метров от обожжённого обломка нет старых подозрительного вида ям или траншей, то смело обращайтесь за содействием к специалистам по поисковым делам, для инструментального поиска. При этом вам не стоит самим идти в магазин за металлодетектором. Такого рода клады (или залежи цветного металла) как правило, располагаются гораздо глубже тех слоёв почвы, которые металлодетектор в состоянии проконтролировать.

Итак, после изучения всего комплекса характерных примет нам стало ясно, что мы вышли именно в тот район, о котором шла речь в письме. Все признаки указывали на то, что именно в этом месте произошли события, связанные с захоронением первых крупных наполеоновских кладов. Близость к узкому окончанию рощи крутого речного изгиба, наличие нескольких окопов, равно как и большого количества явно невоенного предназначения ям, вкупе со значительным числом поражённых молниями деревьев, однозначно указывало на явную необычность данного участка рощи, отделённого от остального лесного массива небольшим овражком.

Мы тщательно прозвонили всю рощу из конца в конец, и только в конце работы поняли, что все наполеоновские захоронения в ней были сделаны в её

самом дальнем от шоссе конце. Естественно, всё же прятать что-то ценное люди предпочитают подальше от посторонних глаз, т.е. от основной дороги. Но, конечно, все интересные полигоны вблизи Гагарина изучить не удалось. А было бы интересно прочесать и сосновый бор на противоположной стороне дороги, и место, где ночевал корпус вестфальцев, да и много что ещё, но... увы, на всё прочее не было ни сил, ни времени, ни денег.

30 октября

«В течение 2-х суток (29 и 30-е) *я не видел никого из моих людей. Я остался без шубы и не могу заснуть — 4 градуса мороза. Если мёрзнешь всю ночь, утром чувствуешь себя не весьма хорошо. Мы говорим о наших зимних квартирах; предполагаем устроить их на Днепре* (Смоленск), *или Двине* (Витебск)».

«В Гжатск прибыл курьер от короля из Штутгарта, он привёз для корпуса маршала Нея много денег, орденов, серебряных медалей и почётных сабель, для раздачи офицерам и солдатам».

Раздачи «подарков», скорее всего, не произошло, поскольку уже было не до наград и веселья. Всё привезённое, скорее всего, было тут же зарыто в землю при выходе из города, т.е. вблизи Малой Гжати.

«Обозы Вице-короля и его гвардия утром проходили по Бородинскому полю. Вечером Вице-король расположился между Колоцким монастырём и Прокофьевым».

«В Гжатске оставались до полудня. В полдень император требует своих лошадей и останавливается за городом на 2 часа, чтобы пропустить мимо себя войска и обозы. Из-за шедшего ночью мокрого снега дороги испортились, повозки, нагруженные добычей, тащились с трудом. В тот день армия побросала повозки и фургоны разного рода, так как бывшие в запряжке лошади, изнурённые голодом и трудностью дороги, покрытой гололедицей, не могли продвигаться далее. Дорога от Гжатска, до самой Вязьмы была усеяна ценными предметами: картинами, канделябрами и множеством книг, переплетённых в красный сафьян. Особенно вязкая дорога была у Царёва Займища, где дорога шла по плотине.

Утром вюртембергская дивизия выступила из Колоцкого монастыря и к вечеру достигла Гжатска».

Виконт Пеллепор вспоминал об этом дне следующее: *«30 октября армия побросала фургоны и повозки всякого рода, так как бывшие в запряжке лошади, изнурённые голодом и трудностями дороги, покрытой гололедицей,*

не могли продвигаться дальше. На биваке открыли полковые фургоны, казна насчитывала 120 000 франков золотом. Каждый из офицеров, унтерофицеров и солдат получил маленькую сумму».

31 октября

«Вице-король остановился вечером 31-го октября в 2-х верстах от большой дороги в деревушке (Ивашково) *между Колоцким монастырём и Прокофьевым.*

Утром 31 октября выступили и, подойдя к Прокофьевским высотам, услышали канонаду — это Платов атаковал Даву у Колоцкого монастыря. Даву на ночь остановился в Гриднево».

«Император надел меховую шапку, зелёную шубу. Мы делаем 10 миль и приходим в Вязьму, почти совершенно сожженную. Находим там 8 эстафет, их не хотели отправлять дальше по причине казаков и вооружённых крестьян. Никогда никому не придётся идти столь длинным путём, усеянным трупами, как тот, которым прошли участники этого похода. Трупы видны по всем закоулкам, на всех дорогах, свежие и разлагающиеся.

Ясная солнечная погода, холодная, но сухая. Артиллерия и повозки продвигаются легко. Фураж можно найти в 4-х верстах от большой дороги. Я ночую в сводчатой комнате со своей лошадью, Жиру и Шабо, у которого украли часы. Лошади отвязываются, мешают нам спать, в чём им помогает и холод».

(Капитан Жиру был впоследствии ранен при битве у города Красный и скончался в городе Толочин).

«Полки "молодой" гвардии и императорский обоз в тот день прибыли в Вязьму вместе с Императором. Впереди колонны гнали русских пленных около 800 человек. Наполеон прибыл в Вязьму в 4 часа пополудни. К вечеру войска расположились следующим образом. Полки "молодой" гвардии из дивизии генерала Роге и кавалерия Мюрата в 8-и верстах за Вязьмою в лесу между деревнями Княгинкино и Новосёлками. Мортье и Жюно (Вестфальский корпус) *не доходя до Вязьмы. Вюртембергская дивизия, в 2-х верстах не доходя до Вязьмы в лесу. Корпус маршала Нея в Величеве. Корпуса Вицекороля и Понятовского близ Гжатска. Корпус Даву в арьергарде у Гриднево. Вечером на расположившихся в лесу вюртембержцев напали партизаны, и их дивизия отступила в Вязьму».*

Следующая глава о потерянных сокровищах называется незатейливо:

Вестфальская добыча

Да, вышедшие из Москвы полки гвардии конвоировали крупные ценности. Но были и другие обозы с трофеями, не менее ценные и для нас крайне интересные. Например, обоз Вестфальского корпуса. Этот корпус имел в своём составе до Бородинского сражения 13 000 человек. После Бородина корпус не пошёл далее на Москву, а был оставлен в Можайске и Гжатске. Задачей корпуса было охранять Смоленскую дорогу и обеспечивать жизнедеятельность обширного госпиталя в Колоцком монастыре, где находилось на излечении более тысячи тяжелораненых солдат французской коалиции. Кроме того, командиру этого корпуса, маршалу Жюно, предписывалось собрать на Бородинском поле всё брошенное там оружие и перевезти его всё в тот же в Колоцкий монастырь.

13 октября маршалу поступил секретный приказ: сжечь и спрятать все то оружие, которое невозможно взять с собой, и принять все необходимые меры для эвакуации подчинённых ему войск. По ведомости от 16 октября в Вестфальском корпусе числилось: 1916 пехотинцев, 775 кавалеристов, 34 орудия и 130 повозок строевого обоза. Общая численность людского состава корпуса — 5690 человек, конского состава 1375 голов.

Второй секретный приказ пришёл 23 октября. Приказ гласил: сжечь всё, чего нельзя захватить с собой и быть готовым по первому сигналу двигаться на Вязьму. Естественно, всё имевшееся в их распоряжении время вестфальцы употребили «правильно». Они упаковали все захваченные в округе ценности, запаслись провиантом и фуражом на дорожку. Кроме того, они закопали вблизи монастыря 27 пушек, около 5000 ружей, 500 сабель 15 000 бомб и ядер, собранных на Бородинском поле.

Что же забрали с собой хозяйственные германцы, скоропалительно избавившись от столь громадного количества вооружения? А забрали они с собой много всяческого добра. Ограбили Лужецкий монастырь, существующий с 1408 года. Очистили Введенский храм, а в церкви Святого Ферапонта они даже устроили столярную мастерскую, где из икон сколачивали ящики для укладки трофеев. То же самое происходило и в Саввино-Сторожевском монастыре, что стоит вблизи Звенигорода. Естественно, что в Можайске, Гжатске и в 50 километрах от них не осталось ни одной не обобранной церкви, ни

одной усадьбы. Все собранные грабежом ценности заботливо укладывалось в новенькие ящики — лампады, кресты, серебряные оклады, посуда, украшения с гробниц, металлические деньги и даже колокола. Точно известно, что они сняли и увезли два старинных и очень ценных колокола. Один весом в 13 пудов, а другой в 10 пудов.

Получив приказ на выступление, вестфальцы спешно покинули Можайск, бросив в монастыре несколько сотен раненых, для которых места на повозках, разумеется, не нашлось. Шли они очень быстро, стараясь опередить всю армию и встать в её авангарде. Именно такое положение обеспечивало наибольшую безопасность эвакуировавшимся ценностям. По ходу дела к корпусу присоединился 8-й пехотный вестфальский полк, тоже с большим количеством гружёных повозок. Но как они не торопились, 29 октября их обозы смешались с обозами гвардии, также двигавшейся впереди армии. Начался беспорядок и путаница. Дошло до того, что солдаты «молодой» гвардии отобрали у вестфальцев стадо рогатого скота, которое они гнали из Можайска.

2 ноября авангард армии ночевал за Семлево, на речке Осьма, у Протасова моста. Наполеон и его штаб ночевали непосредственно в Семлево.

3 ноября вестфальцы ускоренным маршем двинулись на Славково. Задачу имели одну — как можно быстрее достичь спасительного, как им тогда казалось, Смоленска.

Вот выдержка из письма маршала Жюно, которое он отправил 9 ноября из Смоленска, в нем он описывает свои мытарства.

«С самого начала нашего отъезда (из Можайска) *я не спал и двух ночей в доме, а всё на бивуаках, или у себя в карете, не евши целый день, до 9 или 10 часов вечера. 8-го ноября я прибыл в Смоленск, а теперь 9-е, уже 5 часов вечера, а до сих пор я не дождался ни одной из своих повозок».*

12 ноября Жюно с теми из вестфальцев, кто не отстал от корпуса в предыдущие дни, выступил из Смоленска в сторону Орши. Около 700 германцев, большой гвардейский артиллерийский парк, и около 500 безлошадных артиллеристов. Кирасиры без кирас в тяжёлых ботфортах волокли чемоданы и толкали набитые трофеями немногочисленные подводы. Ими уже было брошено почти всё. Пушки, боеприпасы и значительное количество так заботливо упакованных трофеев. Тащили только личное, что не было сил бросить. Но до сей поры остаётся загадкой, куда исчезло такое большое количество трофейного имущества.

Считаем вместе. 130 пароконных повозок вполне могли перевозить около 50 тонн груза. Да пушки общей массой в 10 тонн. Немаленькое хозяйство.

И вот исчезло бесследно. Непонятно даже, одномоментно всё случилось, либо захоронения делались постепенно, по мере выбывания из строя обозных лошадей. Ясно одно: до Протасова моста, что перекинут через речку Осьма, Вестфальский корпус сохранял относительную бодрость и сплочённость. И только за Дорогобужем они попали в то же отчаянное положение, что и остальная армия. Скорее всего, и тяжёлое вооружение, и трофеи германцы тайно закопали, даже не доезжая до Смоленска. Скорее всего, захоронение устроили на одной или двух последних ночёвках. Так что напрасно маршал в письме сокрушался по поводу отсутствия своих повозок, тащить их дальше у его солдат не было сил.

1 ноября

«Мои слуги всё не показываются; у меня нет ни белья, ни меховых вещей».

«1-го ноября багаж итальянской гвардии двигался по дороге близ Царёва Займища. Вечером остановился в лесу подле Величева».

«Наполеон целый день в Вязьме. Гвардии предписано отдыхать в городе сутки. В Вязьме в императорской колонне была перепряжка лошадей и уничтожена часть повозок. Приходится взрывать артиллерийские повозки, сжигать фургоны и разбивать или заклёпывать орудия. Никто уже не помышляет о том, чтобы сохранить драгоценности, добытые на развалинах Москвы.

В Вязьме встретили 8 эстафет, их не хотели отправлять дальше по причине казаков и вооружённых крестьян. В Вязьме к гвардии присоединился отряд Эверса в количестве 4000 человек кавалерии. В этот день корпус маршала Нея достиг Вязьмы. Чтобы ускорить наше движение, необходимо было принести в жертву весь обоз, но ещё никто не считал необходимым принимать такие крайние меры».

В те дни город Вязьма и стоящие вокруг него французы более всего походили на обложенного охотниками кабана. С запада к городку продолжали подтягиваться многочисленные обозы и подразделения Понятовского, Евгения Богарне и маршала Даву. Со всех же прочих сторон к Вязьме всё ближе и ближе пододвигались войска преследователей.

Генерал Уваров атаковал войска маршала Нея с юга, в районе деревни Крапивна. С севера непосредственно к окраинам города стянулись казачьи сотни генерала Платова. Милорадович широким фронтом продвигался с запада, грозя отрезать и пленить отстающие войска и обозы.

2 ноября

«Я остаюсь в Вязьме до 2-х часов в ожидании моей повозки; она была впереди меня и я её не нашёл дорогой. Меня это очень беспокоит, так как казаки по своему обыкновению ежедневно по нескольку раз бросаются на "ура".

Вёрст 12 я тащу за уздечку мою разбитую на ноги лошадь. В этом нет ничего удивительного; бивуаки без корма не способствуют хорошему состоянию лошадей.

Князь Экмюльский (Луи Даву) *подвергся нападению неприятеля и постепенно был принуждён по частям бросать свою артиллерию за неимением лошадей. Неприятель отрезал его от 1-го корпуса, так что они пробились в штыки. Наша потеря достигает до 3-х или 4-х тысяч человек ранеными, убитыми или пленными.*

Штаб-квартира Императора перенесена в Семлево (в ночь со 2-го на 3-е). *Я отлично высыпаюсь на соломе в комнате со всеми офицерами свиты. Мне тепло благодаря найденным женским шубам. У Шабо украли лошадь и чемодан; две из моих лошадей пали на пути.*

«Наполеон тронулся из Вязьмы в обед, т.е. в 12.00. В полдень было свежо и холодно, ярко светило солнце. Император выехал на коне в сером сюртуке, на голове зелёная шапка с серым мехом. Прибыл в Семлево в 4 часа пополудни. Начинало смеркаться. От Вязьмы каждую минуту дорога пересекалась оврагами, в которые по обледенелому склону скатывались повозки. Дорога из оврагов в гору была скользкая и обледенелая. Лошади с плоскими подковами скользили ежеминутно. Как возницы, так и сами лошади падали друг на друга».

«Холод становится всё сильнее, хотя погода продолжает быть ясной и днём солнце не перестаёт ещё греть. Ночью — 4 градуса С».

«Император расположился в небольшой церкви, обращённой в почтовую станцию и обнесённую палисадами. Его лакеи находятся наверху в деревянном приделе, внизу в храме были поставлены лошади, штаб и адъютанты расположились в алтаре.

Императорский обоз выступил из Вязьмы утром. Дорога в Семлево шла песчаная, тяжёлая для обоза, который начал отставать. Подмёрзшие дороги, испорченные броды, разрушенные мосты, болота, гололедица. Лошади выбились из сил из-за непрерывного безостановочного движения. Ввиду загромождённости дороги движение ещё более замедляется. Малейший подъём становится непреодолимым препятствием для несчастных

животных. Лошадей впрягаем по 15 в одну пушку. В Семлево император потребовал, чтобы его обоз был сокращён до самого необходимого, для обслуживания его двора.

В эту ночь войска расположились следующим образом. Полки "молодой" гвардии в Славково. Вестфальцы расположились в лесу на берегу Осьмы. Корпус Нея в Вязьме, на реке. Вюртембержцы стояли в лесу, 12 вёрст от Вязьмы, не доходя Семлево».

Утром, недалеко от Вязьмы, партизан Орлов-Денисов атаковал французов. Взял одно орудие, канцелярию Наполеона и 40 повозок с багажом».

2 ноября начальник штаба главной квартиры императора Бертье в письме к маршалу Даву писал из Вязьмы: *«Надо делать переходы так; обоз в середине и, во столько рядов, сколько позволит дорога, полубатальон сзади и несколько батальонов в одну шеренгу по бокам обоза, так, чтобы при повороте во фронт огонь был отовсюду...»*

3 ноября

«Днём летняя жара, по ночам очень холодно. На лошадей большой спрос. Солдаты захватывают их: они поедают всех тех, кого им удаётся зарезать.

Казаки захватывают экипажи и отставших, они беспрестанно кидаются на "ура".

(Записано Кастелланом вечером 3 ноября в районе деревни Славково. Скорее всего, на Жашковском постоялом дворе, стоявшем на берегу замёрзшего озера.)

«Предупреждённый о приближении неприятеля Вице-король отправил обозы ночью из Фёдоровского в Вязьму. Ночь со 2-го на 3-е ноября была очень холодная, пало много лошадей. За час до рассвета из Семлево двинулись обозы. Дорога была вся запружена телегами, фурами и каретами. Пешие и конные солдаты двигались беспорядочными толпами. Утром с высокой колокольни Наполеон обозревал окрестности Семлево. Когда пришло известие о возгорании Вяземского сражения, в колокольню ударило ядро, неведомо кем пущенное со стороны Саввиной горы, ядро не повредило храма, но все колокола гулко загудели.

Наполеон с гвардией поспешно покинул Семлево. Полк "молодой" гвардии и императорская колонна оставались весь день в Славково. По правой

стороне они видели русских казаков. В тот же день, но к вечеру к ним подошли другие полки, делавшие привал позади».

Наполеон пишет начальнику штаба Бертье: «Прикажите герцогу Мортье отправить графа Винценгероде в корпус маршала Жюно, который пошлёт его вместе с его адъютантом в Смоленск и далее в Вильну на почтовых под конвоем двух жандармов».

«В императорском обозе была перепряжка лошадей и уничтожена часть повозок».

Рано утром 3-го ноября на 12-й или 16-й версте от Вязьмы в лесу у дороги были закопаны 8 тяжёлых орудий. Маршал Даву подвергся нападению неприятеля и постепенно был принуждён бросать свою артиллерию за неимением лошадей».

Кстати сказать, бросали не только артиллерию и излишнее вооружение. Вблизи деревни Лукьяново, в сосновой роще (примерно 12 км западнее Вязьмы) французами был зарыт большой клад из состава московских трофеев. Его в 1830 году тайно выкопали оставшиеся в живых французы.

Но не только описанными событиями был знаменит данный день. Ведь именно 3-го около Смоленска зарыли ещё один весьма солидный клад, безуспешные поиски которого идут и по сей день. Предлагаю вашему вниманию главу, написанную много позже, нежели вышел в свет первый прототип данной книги.

Обоз капитана Лавилета

Совсем недавно в мои руки попала книга кандидата исторических наук И.А. Груцо «Сокровища Наполеона». И именно на её страницах я отыскал ранее неизвестную мне кладоискательскую легенду. Пройти мимо такого подарка судьбы я, разумеется, не мог. Поскольку описанный автором эпизод Отечественной войны был подкреплён документальными свидетельствами, он становился чрезвычайно привлекательным в плане проведения очередного поиска. Соответственно, и свой рассказ об обозе капитана Лавилета я начну именно с исторических свидетельств.

«Дело по отношению Генерал-адъютанта графа Чернышева о доставлении сведений о кладах, найденных в Смоленской губернии.

Начато 3 января 1831 года, окончено 5 сентября 1831 г.

Секретно. Главный штаб его Императорского Величества.

Могилёвскому, Витебскому, Смоленскому и Калужскому Генерал губернатору, Господину Генералу от Инфантерии и Кавалеру Князю Хованскому.

28 декабря 1830 г.

Дочь Майора Овцына, девица Елисавета Андреевна, доставила в Г. Обер-Прокурору Святейшего Синода, Тайному советнику князю Мещерскому препровождаемую при сём в копии записку, в коей объясняет, что во время войны 1812 года французской Артиллерии капитан Лавилет, сопровождая из Смоленска в Красное казну, состоявшую из награбленного в Москве золота и серебра, по невозможности доставить оную к месту назначения, зарыл имущество сие в землю неподалёку от Смоленска, в означенном месте.

По докладу моему Государю Императору сего показания Его Величество Высочайше повелел мне соизволить передать оное Вашему Сиятельству на тот конец, чтобы вы, Милостивый государь, изволили поручить кому либо по избранию вашему благонадёжному лицу удостовериться в истине оного, освидетельствованием означаемого девицей Овцыной места. Причём Его Величество отозваться соизволит, что хотя нельзя дать особенной веры показанию сему, но с другой стороны нет достаточного повода оставлять оного без исследования.

Высочайшую волю таковую вашему Сиятельству сообщить честь имею, по крайней мере, прося уведомить меня о последующем для доклада Государю Императору».

Теперь, когда мы прочитали преамбулу к очередной кладоискательской эпопее, можно перейти и к письму г-жи Овцыной.

«В 1812 году, наполеоновской старшей гвардии Артиллерии Капитан La Wilette был отправлен 3 ноября из Смоленска в Красное, для сопровождения казны, из в Москве награбленного золота и серебра, отъехав от Смоленска 7 вёрст, и заметя в пролесках казаков, он своротил влево с большой дороги, стараясь достигнуть проезжей дороги, идущей прямо из Смоленска на Ляды, местечко Белорусское, но как 2 тысячи Виртембергцев сопровождавших также казну испугались казаков положили орудия, то видя невозможность с одними прикрывавшими казну орудиями сражаться с казаками, он решил пробираться проселочными дорогами, почему опять взял влево по просёлочной дороге между мелким лесом и отъехал от Смоленска не далее 16 вёрст, на 17-й по его мнению версте, приехал к речке, через которую был крутой мост, по переезде через который надобно было взбираться на крутую горку по пе-

ску, а так как в то время была гололедица, и у них большая часть лошадей не были кованы, то переправа задержала его несколько часов, наконец видя, что многие лошади падают выбившись из сил, он решил золото и серебро из 12 фур зарыть в землю, из оного большая часть была церковного, а чтобы скрыть лучше, то вырыв две большие ямы, положа серебро, сверху заклал порубленным от фур деревом, и наверх наложив ельнику, выровнял наподобие могилы; зарыл он его на этой стороне от Смоленска, не переезжая моста, близ реки, на три шага от дороги. Приметы, где он зарыл это сокровище, следующие: в правой стороне церковь и господский деревянный двухэтажный дом, а в левой мельница, этот La Wilette был fils adoptix du Comte de la Ribossierd General intendant de l'Artillerid francaisd».

Вот, собственно, и вся фактологическая составляющая данного дела. Да, небольшая приписочка на французском, данная в конце письма, по-своему тоже весьма интересна. Пусть она написана и с некоторыми ошибками, но в ней содержится одна немаловажная подробность, которая в дальнейшем может помочь нам в расследовании. Дословно написано следующее: Ла Вилет был приёмным сыном графа де Ла Рибосье, генерал-интенданта французской артиллерии. Вот так, ни больше ни меньше! Только после того, как приписка была переведена, я решился заняться данной историей вплотную. Не понимаете почему? А загадки здесь нет никакой. Не то чтобы меня манило только злато-серебро, нет. Мне показалось, что французский офицер, выросший в столь знаменитом семействе, вряд ли будет придумывать и распространять откровенную небывальщину.

Итак, прежде всего, начнём вместе анализировать те мотивы, которые двигали девицей Елизаветой. Прежде всего, обратим внимание на то, что сообщение от её имени поступило в официальные органы империи только в 1830 году. Почему так поздно? И почему письмо пришло от какой-то незамужней девушки, а не от самого майора и наверняка участника той войны Андрея Овцына? Вот где тайна! Вот где настоящая вселенская загадка! И ещё. Откуда наша барышня знает о том, что некий французский капитан не только спрятал 12 подвод ценностей, но и к тому же был приёмным сыном генерала от артиллерии?

Давайте немного поразмышляем. Когда молодая девушка той поры могла отважиться написать письмо подобного содержания в высокие государственные инстанции? Отвечу не задумываясь: только после смерти либо безвозвратного отъезда своего информатора. Понятно, что данным информатором

никак не мог быть её собственный отец, поскольку он занялся бы поисками зарытого имущества лично, либо давно сообщил о столь значительном кладе в соответствующие инстанции. И в самом деле. Кем был её отец? Отставной майор (невысокая, надо сказать, должность), скорее всего, небогатый смоленский помещик, попавший на службу в армию уже в преклонном возрасте. А упомянутая Елизавета наверняка родилась уже после того, как её папенька вышел после войны в отставку и накрепко осел в любимом поместье. Условно говоря, к моменту написания ею исторического послания её отцу было далеко за 50, тогда как ей самой было от силы 17—19 лет. Иными словами, у Елизаветы был как раз тот возраст, когда девушка ещё не замужем, но уже освоила грамоту и готова идти покорять столицу с помощью непонятно откуда полученных секретных знаний.

И теперь настало самое время узнать, откуда столь юное создание оказалось в курсе весьма специфических событий, произошедших в то время, когда её ещё и на свете не было. Источником подобных сведений мог являться только один человек — сам капитан Лавилет, или как его там звали на самом деле. Только он, и никто иной, мог сообщить ей сведения подобного рода. Как и при каких обстоятельствах он оказался в доме Овцыных, мы можем только догадываться, но подобных случаев было не счесть. Поздней осенью и зимой 1812 года тысячи раненых, обмороженных, больных и пленных французов были так или иначе пристроены в тысячах русских усадеб. Некоторые впоследствии скончались от ран или неизлечимых болезней, а некоторые благополучно пережили лихие годы, подрабатывая камердинерами, учителями и даже наставниками подрастающего дворянского поколения. В какой-то момент в дворянской среде стало даже модно иметь при себе этакого заграничного «шер ами». Вероятно, что и герой нашего повествования точно так же оказался среди этих бедолаг, и именно он некоторое время воспитывал юную Елизавету, по мере сил прививая ей общую культуру и азы французского языка. На каком-то этапе учитель и ученица сблизились настолько, что он стал рассказывать ей о своих военных похождениях. Но были ли его истории правдивы? Насколько точно соответствуют действительности описанные в письме приметы того места, где были захоронены церковные сокровища?

Разбираться с данным вопросом начнём с ближайшей родни бывшего капитана. Покопавшись в Интернете, я выяснил, что действительно начальником артиллерии Великой армии был дивизионный генерал, граф Жан Амбуаз Бастон де Ларибуазьер, занимавший также должности начальника артиллерии

Императорской гвардии и 1-го генерал-инспектора артиллерии. Дочь майора несколько переврала его фамилию, равно как и должность, но в общем и целом всё же можно понять, о ком идёт речь. Сей почтенный генерал родился в 1759 году и погиб во время Бородинского сражения. В Россию же он заявился не один, а со старшим сыном, который служил у него адъютантом. Ну а где присутствует старший сын, там должен был быть и младший, пусть и приёмный.

Ориентировочно мы можем предположить, что младшему — Лавилету во время Отечественной войны было около тридцати или немного более. Стало быть, в те времена, когда юная Елизавета слушала его рассказы, ему было уже к пятидесяти. Солидный возраст, классическое воспитание, блестящее прошлое... смысла сильно врать юной россиянке у него просто не было. К тому же очень даже возможно, что именно так, через раскрытие тайны, он хотел определённым образом загладить свою вину перед страной, ставшей для него второй родиной. Но осуществить свой замысел прямо не решился. Может быть, он просто оставил ей прощальную записку, собираясь уехать на родину, понадеявшись на природную предприимчивость своей воспитанницы. Как бы то ни было, мы имеем письмо, в котором описаны некоторые приметы того места, где капитаном были закопаны некие ценности. Давайте посмотрим, достаточно ли их для отыскания спрятанного.

В нашем распоряжении нет ни одного названия, но зато имеются несомненные указания на то, что все события происходили вблизи некоего населённого пункта. Причём довольно крупного населённого пункта. На данное обстоятельство указывает то, что там имелись церковь, двухэтажный господский дом и мельница. Подобного рода сочетания были редки, и в Смоленской губернии встречались вовсе не часто. Далее перед нашим капитаном непреодолимой преградой встала некая речка, и именно к ней у меня больше всего вопросов. Почему мост через неё назван «крутым» и почему фургоны просто не могли его объехать? Казалось бы, совершенно ерундовые вопросы, но ответ на них может здорово подвинуть нас в ходе поисков. Прежде всего — мост. Представляется, что он назван «крутым» только за счёт того, что был переброшен через совсем не широкую реку. 4—5 метров — практически предел для длины пролёта. Именно при таких условиях деревянный мост обычной для Средней полосы России конструкции смотрится сильно выгнутым, т.е. «крутым». Поскольку короткие мосты не имеют центральной опоры, они, для сохранения прочностных характеристик, должны обладать весьма характерной бочкообразной формой.

Несомненно и ещё одно обстоятельство, а именно: исток данной речки был недалеко от места событий. Мало того, мы можем уверенно утверждать, что данное русло имеет значительный уклон, глубину не менее двух метров, и скорость потока в нём была гораздо выше, нежели в обычных равнинных речках. Почему так? Объясняю. Согласно сохранившимся мемуарам, температура воздуха ноябрьскими днями бывала почти летняя, но ночью падала до –7, –10 °С. Именно поэтому поутру, когда начиналось активное продвижение обозов, преодолеть даже невысокие подъёмы перегруженным повозкам, влекомым сильно ослабшими лошадьми, было крайне проблематично. Всё вокруг было покрыто достаточно толстой коркой льда. Поскольку же среднедневная температура в начале ноября 1812 года держалась выше нуля, быстротекущая вода не покрылась льдом и объехать мост ни по льду, ни вброд возможности у Лавилета не было.

Подведём некий промежуточный итог. Искать серебро следует вблизи наверняка сохранившегося до наших дней и довольно крупного населённого пункта, где 200 лет назад имелась церковь. Вблизи данного селения (не более чем в полукилометре) можно отыскать и следы от старой мельничной плотины. Заодно определимся и с исторической обстановкой, чтобы лучше понять, насколько время продвижения небольшого обоза Лавилета согласуется с общей картиной отступления Великой армии. Что происходило 3 ноября в Смоленской губернии, мы уже знаем.

«Наполеон тронулся из Вязьмы в обед, т.е. в 12.00. В полдень было свежо и холодно, ярко светило солнце. Император выехал на коне в сером сюртуке, на голове зелёная шапка с серым мехом. Прибыл в Семлево в 4 часа пополудни».

От Вязьмы до Смоленска — порядка 160 километров, и если Лавилет получил приказ на выдвижение 3-го, то это значит, что он осуществлял вывоз ценностей из Смоленска задолго до подхода основной армии. Ведь сам император прибыл в город только в середине дня 9-го числа. Соответственно, и области западнее Смоленска были весьма слабо контролируемы как французскими войсками, так и казаками. Да, там, разумеется, появлялись небольшие наши разведывательные отряды, которые, конечно же, не могли представлять большой опасности, ввиду своей малочисленности. Ведь основные подвижные подразделения русской армии концентрировались в арьергарде основного ядра отступающих французов. Поэтому небольшие обозики всё ещё имели некоторые шансы проскользнуть на территорию современной Белоруссии незамеченными.

Осталось уточнить ещё один тонкий момент. Елизавета упоминает о том, что вместе с обозом двигалась 2000 «Виртембергцев». Что это за войска такие? Могли ли они оказаться в одной колонне с обозом капитана? Почему такая масса войск не смогла прикрыть обоз с ценностями?

«Наполеон в обед переправился через Днепр у Соловьёвой переправы и остановился на ночлег в стороне от Соловьёво на мызе. После ухода императорской колонны в Михалёвку в 3 часа дня прибывает генерал Маршан со своей Вюртембергской дивизией».

Цитата связана с событиями именно 7 ноября, и из неё становится предельно понятно, что дивизия вюртембержцев находится ближе к концу растянувшейся на несколько километров многонациональной группировки. И поскольку обогнать идущие впереди войска не было ни малейших возможностей, то у нас возникает некоторое подозрение в том, что в истории, рассказанной девицей Овцыной, не всё так правдиво и абсолютно достоверно. Впрочем, не будем пока зацикливаться на этой досадной мелочи. Поговорим лучше о самой важной для нас детали всего повествования. Разберём маршрут, по которому двигался наш таинственный обоз. Ведь барских усадеб в тех местах было достаточно. К сожалению, и небольших речек с «крутыми» мостиками тоже хватало. Настоятельно требуется хотя бы приблизительно установить, как далеко и по какому именно маршруту продвинулись фургоны с трофеями, чтобы установить, пусть и приблизительно, район предстоящих поисков.

Что же мы узнаём из письма? Узнаём то, что капитан был направлен из Смоленска в Красный. Отъехал от города 7 вёрст и, заметив явную опасность, свернул с большой дороги влево, стараясь достигнуть проезжей дороги, идущей прямо из Смоленска на Ляды. И вот именно после этого утверждения я впал в настоящий ступор. О какой, собственно говоря, большой дороге идёт речь? Ведь он направлялся в Красный, это предельно ясно. Но едва мы взглянем на карту, то поймём, что попасть в белорусские Ляды из Смоленска можно только через Красный! Причём это была на тот момент единственная дорога, по которой можно было доехать в упомянутое селение. Так что главная дорога, по которой впоследствии откатывалась на запад вся французская армия, и была той самой трассой, по которой мог двигаться наш обоз. И раз данная дорога была единственно возможной, то получается, что обоз Лавилета никак не мог сворачивать на дорогу к Лядам, поскольку он и без того на ней находился!

Но не будем придираться и в данном случае. Будем считать, что юная барышня что-то не так поняла, будучи не слишком искушённой в географии и военной топографии. Будем изначально уверены в том, что бравый капитан продвинулся по дороге от Смоленска к современному городку Красный на 7 вёрст или 7,5 километров, после чего свернул куда-то влево. Снова вопрос: зачем? Ведь если он повернул влево, то подразумевается, что казаки были справа от главной дороги. Непонятно, откуда они там взялись? Ведь справа от трассы Смоленск — Красное и параллельно ей протекает Днепр. Ни дорог, ни мостов, ни путей для отступления и манёвра. Основных сил русской армии здесь нет и в ближайшую неделю не предвидится. И в этот самый момент две тысячи солдат Великой армии отчего-то бросают свои пушки и ни в какую не желают сражаться с небольшой горсткой неизвестно как туда забредших казачков. Странно всё это и удивительно!

Впрочем, странности странностями, а нужно продвигаться в нашем расследовании дальше. Будем считать, что капитан ехал по основной дороге на запад, со всех сторон прикрываемый громадным скопищем народа. Но где же именно он свернул влево? Ведь в любом месте такой манёвр не осуществишь. Если отсчитать от границ Смоленска двухсотлетней давности означенное расстояние, то роковой поворот, должно быть, состоялся в районе села Михновки, которое существовало и в те времена. И теперь давайте подумаем, отчего сей поворот был осуществлён. Ведь капитану изначально был дан приказ добраться до Красного! Да, в кустах замаячил десяток подозрительных всадников, так что с того? Ну, хорошо, пусть не десяток, а два десятка! Солидная опасность для одного небольшого обоза из двенадцати подвод. Но он ведь был вовсе не один в чистом поле! 2000 вооружённых людей окружали его сзади и спереди!!!

Что может сделать обычный армейский капитан при подобных обстоятельствах. Вариантов, как всегда, три. 1. Ринуться вперёд очертя голову и пасть смертью храбрых в ближайшей канаве. 2. Сразу сдаться в плен и не морочить себе голову глубокими раздумьями. 3. Попытаться обойти опасный участок дороги и выйти на неё в более безопасном месте. Вот и все вариации.

И, судя по содержанию письма, как раз и был выбран последний вариант (во всяком случае, мне поначалу представлялось именно такое развитие событий). Теперь посмотрим, имелись ли в тех местах возможности для объезда. Откроем карту Смоленской губернии от 1910 года и внимательно осмотрим участок дороги, ведущей на запад. Да, действительно, такой объезд существовал! Разумеется, по скверным просёлочным дорогам, не слиш-

ком удобный, но был! От Михновки следовало свернуть налево и доехать до Ширяева. Далее дорога шла в Хлясино, затем в Лубню и наконец, в Хохлово, которое стоит уже на столбовой дороге. Заметим себе, что расстояние от Михновки до Хохлова около десяти километров. Разумеется, в объезд несколько дальше, но в тех условиях, когда на телегах ещё отсутствовали спидометры, а световой день был уже короток, ошибиться на пару вёрст было немудрено.

И что же у нас теперь получается? Получается так, что если все наши рассуждения корректны, то обоз чётко исполняющего приказы начальства капитана Лавилета путешествовал именно по озвученному мной маршруту. Следовательно, нам нужно только посмотреть на карте, в каких же населённых пунктах протекала неширокая речка и стояли мельница с церковью. Прежде всего, все описанные в письме приметы имелись в самой Михновке. И речка, и церковь, и мосты, и господские дома, и даже плотина с обозначенной около неё мельницей были, как говорят, в наличии. В Лубне есть речка и господский двор, но всего остального нет. И в Хохлово не всё гладко. Да, есть церковь, есть и ручеёк, но крошечный. Что же касается мельничной запруды и господского дома, то они, хотя и присутствуют на карте, однако на значительном отдалении. В километре на запад есть маленькая плотинка (у дер. Запрудье, видимо мельничная) и два мостика неподалёку. Господский же дом «Белянновщина» стоит в полукилометре севернее церкви. При этом нужно особо уточнить, что нашему обозу для достижения мостов в Запрудье следовало непременно пересечь трассу Смоленск — Красный и вновь углубиться в непролазные российские грязи.

Самое время вспомнить ещё об одной подробности упомянутой в письме Елисаветы. Вот интересующая нас цитата: «Приметы, где он зарыл это сокровище, следующие: в правой стороне церковь и господский деревянный двухэтажный дом, а в левой мельница». И нам следует внимательнейшим образом рассмотреть обоих кандидатов на место наиболее вероятного кладохранилища. Довольно быстро можно отбросить Хохлово с Запрудьем. Как ни становись, не удаётся занять такую позицию, чтобы церковь и господский дом были чётко справа, а мельница слева. А вот в селе Михновка ситуация была совершенно иного свойства. Давайте я теперь расскажу вам, как всё происходило 200 лет назад, своими словами.

Ранним утром 3 ноября 1812 года небольшой обоз с заранее вывезенными из Москвы ценностями начал движение по дороге Смоленск — Красное. Кроме небольшой охраны из двух десятков пехотинцев и возниц их

«прикрывал» сводный «полк», сформированный из тех больных и раненых бойцов Великой армии, что не входили в Москву, а были оставлены в Смоленске на излечение. Возможно, среди них были и упомянутые девицей Овцыной солдаты из Вюртембергской дивизии. Моральное состояние этого контингента можно сразу определить как удручающее. Уже нахлебавшиеся военных тягот и тыловых мучений в наскоро приспособленных под госпитали конюшнях, они с ужасом обсуждали вынужденное отступление своего императора из сгоревшей Москвы. Они точно хотели как можно скорее унести ноги из столь негостеприимной страны, только вовсе не желали класть свои головы за неизвестно кому принадлежавшее и неизвестно кем награбленное серебро.

И около Михновки, едва только завидев впереди казачий разъезд, толпа плохо вооружённых и не готовых сражаться солдат наотрез отказалась идти дальше. Ещё бы, они ведь уже были столь наслышаны о звериной жестокости этих бородатых всадников, что без сопровождения боевых частей не желали делать и шага под их сабли и пики. Но французская армия была ещё далеко, копошилась между Дорогобужем и Вязьмой, ежедневно теряя пушки, лошадей и людей. Разумеется, перед капитаном Лавилетом мигом встала воистину неразрешимая задача. С имевшейся у него охраной он и помыслить не мог о том, чтобы тащиться ещё семьдесят километров до Красного в одиночку. Ведь наш капитан был вовсе не авантюрист, и прекрасно понимал, что всего с десятком солдат он представляет слишком лёгкую добычу не только для профессиональных солдат противника, но даже и для вооружённых чем попало крестьян.

Именно тогда он и принял нелёгкое решение. Пользуясь тем, что запрудившая дорогу масса солдат одним своим видом отпугивала зловредных казаков, он действительно свернул влево. Но свернул вовсе не для того, чтобы отыскать другую дорогу на Красное. Отнюдь! Он лишь хотел одного — поскорее вернуться обратно в Смоленск. И, надо сказать, такая возможность (во всяком случае, теоретическая) у него имелась. Сделав небольшой обходной манёвр, обоз мог совершить объезд через сельцо Ковалёво, откуда до смоленских предместий было не более двух вёрст, причём по хорошей, столбовой дороге.

Итак, решение его было однозначно — немедленно вернуться в Смоленск. Действительно, это для него было бы наилучшим выходом из создавшегося положения. Вот только пробиться через плотно забившую дорогу солдатскую массу с телегами и бричками было нереально. Поэтому, проехав всю Михнов-

ку до конца, он ещё раз поворачивает налево около двухэтажной господской усадьбы «Александровское». Такое положение дел прекрасно отвечает планам французов, и вот 12 фургонов резво катят фактически по направлению к Смоленску, имея справа от себя речное русло, а слева высокий холм. Вскоре они подъезжают к деревянному мостику, перекинутому через водную преграду. Обозу следует непременно преодолеть речку, ведь заветное Ковалёво на той стороне. Но вот беда — с другой стороны моста подъём крайне крут, да к тому же покрыт намёрзшей за ночь толстой коркой льда. Промучившись весь остаток светового дня в тщетных попытках взобраться с одним тяжёлым фургоном на непреодолимый для неподкованных лошадей подъём, Лавилет вынужден снова менять свои планы.

На дворе глухая ночь и леденящий холод. Его небольшой отряд стоит в еловом лесочке, и в любой момент можно ожидать внезапного нападения летучего отряда противника. Что бы вы сделали в таком случае? Я бы точно избавился от груза, гори он синим пламенем! Освободившись от фургонов, можно было усесться на высвободившихся лошадей и обрести столь необходимую в критической ситуации свободу манёвра. Так что всю длинную ноябрьскую ночь солдаты охраны обоза занимались сокрытием своего груза. Они не только выкопали две глубокие ямы, но и в целях маскировки оформили их наподобие одиночных могил. Поскольку фургоны стояли вдоль просёлка, то и таскать поклажу в глубь прибрежного леса им было совершенно ни к чему. В лесу было темно и страшно и запросто можно было пострадать от острых ветвей. Так что вполне естественно, что вместилища для церковных ценностей откапывали поблизости, действительно в трёх шагах от телег. Вот, собственно, и вся история про французского капитана и его якобы бесследно исчезнувший обоз.

Но чем же закончились поиски, предпринятые в 1831 году? Наверняка читателям будет интересно узнать и об этом. Документ, венчающий розыски, к счастью, сохранился и нам доступен.

«Его Сиятельству Генералу от инфантерии, Сенатору, Генерал-губернатору и Кавалеру Князю Николаю Николаевичу Хованскому.

На предписание Вашего Сиятельства от 27 мая и 28-го сего августа из коих при первом изволили препроводить ко мне копию записки дочери Майора Овцына девицы Елисаветы Андреевой о зарытом будто бы в земле неподалёку от Смоленска имущества в золоте и серебре состоящем, имею честь донести, что во исполнение ВЫСОЧАЙШЕЙ воли в тех предписаниях изображённой, дабы удостовериться в истине того показания, я лично,

по приметам в записке девицы Овцыной изъяснённым, отправлялся в некоторые селения для разыскания, но упомянутого золота и серебра зарытого будто бы в земле, не найдено.

Гражданский губернатор
2 сентября 1831 г.»

Нам осталось ответить лишь на один вопрос: почему же не были найдены довольно массивные и объёмные церковные ценности? Всё же, даже если предположить, что каждый фургон перевозил хотя бы по 200 кг поклажи, то и в этом случае речь идёт о двух с половиной тоннах драгоценностей. Конечно, могло случиться так, что две одинокие могилки вблизи безымянной речушки были раскопаны сразу после Отечественной войны досужими крестьянами. Однако такой вариант развития событий крайне маловероятен. Начать с того, что вся местность, вдоль которой двигалась Великая армия, обезлюдела до такой степени, что какое-то население начало возвращаться туда только года через три. И возвратившимся было вовсе не до каких-либо раскопок. Нужно было отстраивать сожжённые постройки, распахивать заросшие бурьяном поля, растить детей. За эти годы «могилки» однозначно сровнялись с землёй, заросли придорожной травой и совершенно слились с окружающей природой.

А поиски гражданского губернатора Смоленской губернии окончились провалом только потому, что он просто не знал, где именно следует искать сокровища. Ведь если бы знал, то так бы в своей докладной записке и написал. Мол, проводил поиски и раскопки вблизи села Михновки, у моста через речку такую-то, но ничего там не отыскал. Вот если бы я прочитал такой отчёт, то был бы в полной уверенности в том, что искали именно то и именно там. Но в данный момент у меня подобной уверенности нет совершенно. Естественно, зачем же копаться в «нескольких селениях», если ценности закопаны лишь у одного?

Впрочем, в настоящее время проверить правильность всех наших рассуждений всё равно невозможно. В советское время на месте маленькой мельничной плотины построили большую, и теперь воды обширного водохранилища надёжно скрывают от любопытных глаз место захоронения так и не найденного клада капитана Лавилета.

В заключение можно озаботиться ещё одним вопросом. Не ошибаюсь ли я сам, давая столь однозначный ответ по поводу местоположения исчезнувшего обоза? Конечно, и я могу ошибаться, поскольку от ошибок вообще ни-

кто не застрахован. Поэтому буду очень признателен тем читателям, которые укажут более подходящее место упокоения вывезенного из Москвы церковного серебра.

* * *

4 ноября

«Ночью шёл снег, и утром дороги превратились в глинистую грязь. Лошади вязли в грязи, обозы останавливались и загораживали дорогу. На мостах повозки сбрасывали в воду. Наполеон оставался весь день в барском имении Славково (Жашково). *Получив донесения от маршалов о происшествиях, случившихся накануне под Вязьмой, император приказал полкам "молодой" гвардии в полдень выступить скорым маршем в Дорогобуж. В Париж были направлены 4 курьера, вместе с ними был отправлен и Винценгероде с жандармами.*

В Смоленск были отправлены офицеры для квартирного расписания войск. Вечером пошёл густой снег густыми хлопьями. Расположение войск на тот момент было следующим. Наполеон и "старая" гвардия стояли в Жашково и Славково. В лесу на берегу замёрзшего озера, недалеко от имения Жашково расположился на ночлег штаб 1-го корпуса Даву. Корпус маршала Нея был в арьергарде в селе Семлево».

Судьба якобы спрятанных то ли у Семлево, то ли у Славково обозов с московскими трофеями Наполеона Бонапарта вот уже почти два столетия волнует всех, кому дорога и интересна история России. Эти так называемые сокровища московских и кремлёвских церквей, монастырей и старинных соборов имели весьма значительную материальную ценность. Говоря современным языком — это был (и есть) уникальный антиквариат, стоимость которого в настоящее время измеряется многими миллионами долларов или евро, как хотите. Только в одном Кремлёвском арсенале хранились тысячи предметов воинских атрибутов, и их свозили туда сотни лет. То есть самому «молодому» предмету среди них было не менее 200 лет! Французы вывезли их из Москвы, во-первых, для устройства собственного музея, а во-вторых, для передачи части трофеев дружественным полякам и туркам, ведь отобраны они некогда были именно у них. Но, как утверждает историк и генерал Сегюр (главный квартирмейстер в штабе императора), всё, что вывезли, утопили в Семлёвском озере.

Вот что он сообщает своим читателям: *«От Гжатска до Михалёвской деревни, расположенной между Дорогобужем и Смоленском, в императорской колонне не случилось ничего замечательного, если не считать того, что нам пришлось бросить в Семлёвское озеро вывезенную из Москвы добычу: пушки, старинное оружие, украшения из Кремля и крест с Ивана Великого. Трофеи, слава — все те блага, ради которых мы пожертвовали всем, стали нас тяготить: теперь решался вопрос уже не о том, как спасти их. При этом великом кораблекрушении армии, которая двигалась подобно громадному судну, разбитому страшнейшей бурей, с него не колеблясь выбрасывалось всё, что мешало его движению».*

В этом отрывке генерал Сегюр имеет в виду те трофеи, что вёз императорский обоз. И случилось это событие, как считалось до сих пор, именно 4-го числа, в окрестностях Жашково. В том районе, который на тот момент занимали полки «старой» и «молодой» гвардии. Но последующие поиски и исследования показали, что описанные Сегюром события произошли вовсе не у Семлево и даже не у Славково (Жашково, что стоит вблизи Славково). Выяснилось (правда, после многолетней работы), что факт именно затопления «железного обоза» действительно имел место. Вот только сам Сегюр (а за ним и Вальтер Скотт, и все последующие авторы) не имел к самому факту сокрытия многотонного клада никакого отношения. Он не был, да и не мог быть вблизи этого непримечательного озерка. И сведения о самом факте уничтожения части императорского обоза генерал получил несколько позднее, от офицеров, осуществлявших данное сокрытие. Кстати сказать, через десять лет, уже сидя в Париже и расписывая собственные мемуары, Сегюр, поскольку сам никогда не был на месте последнего упокоения кремлёвских раритетов, не смог даже припомнить название населённого пункта, возле которого происходило затопление. Немудрено — ведь он его и в глаза не видел. И он, не мудрствуя лукаво, назвал его Семлевым только потому, что именно в Семлево он устраивал очередную квартиру своему императору и данное название отложилось в его памяти.

Само же место исчезновения исторических ценностей расположено от современного посёлка Семлево на весьма значительном расстоянии. Впрочем, обо всех подробностях данного эпизода мы ещё поговорим несколько позже, сейчас же мне хочется обратить ваше внимание на ещё одну фразу мемуариста. Касается она того, что, мол, «выбрасывалось всё». Нет, здесь мы должны быть крайне недоверчивы к столь решительному выражению охватившего французов отчаяния. В своей экспрессивной реплике генерал Сегюр изрядно

приврал. До выброски «всего» был ещё целый месяц отступления, скоротечных кровавых боёв, побед и поражений.

Таким образом, по версии Сегюра, огромный обоз награбленных в Москве ценностей был утоплен по одной версии в реке Осьма, а по другой — в Семлевском озере. Ему вроде бы вторят и российские исследователи.

«Близ Семлева французы бросили в озеро большую часть старинных воинских доспехов из Московского арсенала. Наполеону было уже не до трофеев» (Михаиловский-Данилевский).

Уважаемый историк ошибается точно так же, как и французский генерал. Заботу об основной части трофеев, денежных средствах и прочих ценностях высшие военоначальники коалиционных сил проявляли просто исключительную. Их охраняли и спасали до последней возможности, буквально до последнего вздоха. Но если обстоятельства складывались таким образом, что с ценностями приходилось расставаться, их прятали самым тщательным и хитроумным способом. И в этом вы ещё не раз убедитесь, дочитав книгу до конца.

5 ноября

«У меня пала ещё одна лошадь. Это уже четвёртая с начала похода».

«Ночью и утром шёл мокрый снег. Утром в 5 часов Наполеон с гвардией выступил в Дорогобуж. Кавалерия выступила первой, час спустя, тронулась в путь пехота. Дорога была испорчена мокрым снегом. Телеги и лошади вязли в грязи, пехота еле плелась. Чтобы спасти обоз (императорский), *Наполеон приказал маршалу Нею отступать медленнее.*

Наполеон и "старая" гвардия в 5 часов вечера прибыли в Дорогобуж, на ночёвку. Вестфальцы, полки "молодой" гвардии, 2-й и 4-й кавалерийские корпуса расположились в лесу за рекой Ужей. В недалёком расстоянии (1 верста) *находилась деревня Семендяево и господский дом на берегу озера Семендяево».*

«Солдатам были розданы тяжёлые ручные мельницы, чтобы молоть зерно, которого не было. В эту ночь в этом лесу солдаты убили медведя. Ночью мороз усилился, и колеи грязи на дороге затвердели как камень».

Вечером 3-й корпус маршала Нея занял опушку леса, не доходя 2-х вёрст до деревни Чоботово. Казаки же генерала Милорадовича подошли к деревне Зарубеж. Весь этот день казаки не тревожили боевые части арьергарда, но сделали неудачное нападение на обоз корпуса.

Исходя из этих данных, можно вычислить местоположение некоторой части противоборствующих сторон. Замыкающий французскую армию 3-й корпус Нея расположился на перекрёстке дорог в деревне Прудище. Позиция прекрасная со всех сторон. Прежде всего, противнику наглухо перекрыта возможность ворваться в конном строю на основной почтовый тракт (лес слишком густ, и можно действовать лишь спешившись). И второе: сделано всё для того, чтобы помешать проезду к броду через реку Кострю. Многочисленные, но легко вооружённые конные отряды русских партизан не решаются прорываться через столь плотный заслон и вынуждены держаться от всё ещё боеспособных французов на расстоянии от двух до пяти вёрст. Сам же Ней ночует в Чоботово, вместе с многочисленными повозками своего до поры до времени уцелевшего обоза. Он как бы даёт возможность всем остальным корпусам перегруппироваться и освободиться от сковывающих движение грузов.

И вот тут мне хочется ненадолго остановиться и вернуться чуть назад. Маленькая фраза, мимолётное упоминание о каком-то незначительном населённом пункте заставляет меня сделать это. Обратите внимание и вы: *«Вестфальцы, полки "молодой" гвардии, 2-й и 4-й кавалерийские корпуса расположились в лесу за рекой Ужей. В недалёком расстоянии* (1 верста) *находилась деревня Семендяево и господский дом на берегу озера Семендяево».* Вас не удивило подобное упоминание? Нет? И меня оно тоже не удивляло… до поры до времени. А однажды удивило, и сильно.

Один из моих консультантов как-то спросил меня, почему Сегюр упоминает о каких-то утопленных московских сокровищах, лишь оказавшись в Михалёвке. Причём упоминает при этом некое Семлёвское озеро в качестве точного места, где они были утоплены. О Семлеве и окружающих его прудах и озёрах ему гораздо сподручнее было бы писать из Жашково. Он там с императором два дня просидел. Но почему-то упомянул о данном происшествии, только добравшись до Михалёвки! Правда, странно?

Странно, согласился я. Может быть, Сегюр просто перепутал названия за давностью лет? И в самом деле, во французском произношении названия «Семлево» и «Семендяево» звучат удивительно схоже. К тому же они (усадьба и озеро) лежат в пустынной местности, в стороне от основной дороги. К тому же там ночевали и те соединения, которые как раз и охраняли императорский обоз! Далее мысли сложились в голове сами. При условиях, когда передвижение по окаменевшей грязи стало чрезвычайно затруднительно, охрана запросто могла сбросить некие грузы именно в семендяевский, а

не в Семлёвский водоём. Усадьба ведь была пуста, русских там не было уже давно. А обозные конвоиры поили своих лошадей у прорубей, которые они неизбежно устроили на приусадебном озере. Оставалось только свалить излишние грузы в воду через пробоины во льду и... дело сделано. Через день от прорубей не осталось бы и следа. Пойди потом, найди...

Родившаяся гипотеза требовала немедленной проверки, и 8 октября 2003-го я выехал на поиски деревни Семендяево. Пропетляв по разбитым и не отягощённым какими-либо указателями смоленским дорогам несколько часов, мне всё же удалось отыскать данную деревушку, в которой на тот момент оставалось всего четыре постоянных жителя. Они-то и подсказали, где следует искать тот самый водоём, который вызвал у нас столь большие подозрения. В частности, выяснилось, что на месте той самой барской усадьбы и разрушенной в 20-х годах XX века церкви раньше стояли школа и громадные конюшни Г-образной формы. Разумеется, к настоящему времени и школа, и конюшни исчезли с лица земли, но заветный водоём всё ещё был на своём законном месте.

Выяснив столь необходимые сведения, мы бодро сели в машину и со свистом проехали последние 200 метров. Въехав на узкую земляную насыпь, мы затормозили и принялись растерянно озираться по сторонам. Оказалось, что ни о каком озере, или даже пруде, речь не шла. Слева от плотины простиралось густо заросшее камышом болото, сквозь который недобро просвечивали «пятачки» обводнённой трясины. У меня нехорошо заныло под ложечкой. В подобных, с позволения будет сказать, «водоёмах» мне уже приходилось трудиться, и каждый раз от гибели в пучине меня спасало только чудо.

Но, поскольку настоящий поисковик никогда не отступает от намеченной цели, пришлось готовиться к худшему варианту. Я решительно натянул резиновый комбинезон, вырубил трёхметровую жердину, навесил на спину поисковое оборудование и уже менее решительно полез в угрожающе пузырящуюся топь. На моей стороне были лишь два положительных фактора. Первый фактор — мой многолетний опыт, который говорил о том, что позволять погружаться ногам в трясину можно только до колена, но ни в коем случае не до пояса. А второй фактор заключался в том, что сам исследуемый «водоём» был, в общем-то, невелик по размерам. Вдоль плотины бывший мельничный прудик вытянулся всего метров на 50.

Но тем не менее мне пришлось «прозванивать» его не менее часа, пока я однозначно не убедился в том, что, кроме небольшого количества бытового мусора, в болоте ничего больше нет. Разумеется, жаль было уезжать с

пустыми руками, но мою душу грело то немаловажное обстоятельство, что в результате почти нечеловеческих усилий с поисковой карты мною всё же было стёрто ещё одно белое «легендарное» пятно.

После только что приведённого маленького примера из поисковой практики давайте более подробно и внимательно рассмотрим все обстоятельства, связанные с легендой о затоплении легендарного обоза с московскими трофеями в главе:

Обоз, утопленный близ Семлево

Первые поиски бесследно исчезнувших московских сокровищ начались довольно давно. В 1835—1836 годах, когда смоленский губернатор Н.И. Хмельницкий прочитал книгу В. Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов». И в третьем томе на странице 161 прочитал, что Наполеон повелел, чтобы московская добыча была сброшена в «Семлевское» озеро.

«Какое же такое озеро расположено вблизи Семлево?» — задался вопросом губернатор. И сам себе же и ответил: «Глубокое, конечно». Стало быть, именно в нём и спрятал зловредный Наполеон вывезенные из Москвы сокровища! Работы по извлечению вожделенного клада начались скоро и с размахом, но кончились тем, чем и должны были кончиться, т.е. ничем. Но поисковые работы (как таковые) в данном районе не прекратились, так как за дело взялись уже местные помещики. Они применили весьма прогрессивную по тем временам технологию. На середину озера вывозили венцы колодезного сруба, скрепляли их железными скобами и постепенно наращивали его до тех пор, пока он не утыкался в дно. Затем с помощью пожарной помпы откачивали воду из деревянной шахты, после чего вниз спускался человек с лопатой. Но всё равно и они ничего не нашли. Ввиду полной безрезультативности поиски были вскоре свёрнуты, но сама идея своей актуальности вовсе не потеряла.

Вторая крупная попытка извлечь мифические сокровища из чёрных вод озера Глубокое была осуществлена в 1912 году. Столетие нашествия супостата, как-никак, нужно было отметить его соответственно. Об этой экспедиции была написана отдельная глава в книге помещицы, и заодно археолога-любителя, Е.Н. Клетнёвой. Книга её называлась незатейливо «Село Семлево в 1812 году», но интерес её произведение вызывает даже и сегодня.

Вообще люди по своей природе неравнодушны ко всему таинственному, а если тайна связана со значительными по стоимости ценностями, то интерес

не угасает в течение столетий. И здесь случай совершенно аналогичный. Несмотря на то что все предыдущие поисковые работы были безрезультатны, в 1960 году была снаряжена очередная грандиозная экспедиция. На сей раз сомнений не оставалось ни у кого — сокровища будут найдены и возвращены государству. Ещё бы, ведь экспедицию поддерживала и организовывала могущественная газета — «Комсомольская правда».

Экспедиция отработала программу честно, но долгожданных находок всё равно не было. «Комсомолка» писала: «Семлевское озеро — наименее перспективное место для поиска. Похоже, что сокровищ здесь действительно нет». И вы думаете, данное заявление кого-либо остановило? Ничего подобного! Поиски продолжались и дальше. В 1979—1981 годах там работала самодеятельная экспедиция под руководством Д. Кравченко. Поисковики даже сняли фильм и показали всей стране, как под лёд проваливается трактор. Никакого более существенного результата данная группа так и не добилась.

Прошли годы, впрочем, не такие долгие, как прежде. И в 1994 году на озеро прибыла новая солидная экспедиция, уже французская. Результат её деятельности вы можете предсказать сами. Разумеется, кроме остатков жизнедеятельности более ранних экспедиций, с двадцатиметровой глубины не было поднято ничего путного.

О чём говорит данный опыт? О человеческой консервативности? О непрофессионализме организаторов? О нежелании критически осмыслить опыт предыдущих поколений? Ну да, конечно же, и об этом тоже. Но более всего данный печальный опыт говорит о том, что без специальной литературы, написанной самими поисковиками, для тех, кто действительно хочет отыскать то или иное историческое захоронение, дело продвинуться в желаемом направлении просто не может. За последнее десятилетие в этом направлении кое-что было сделано, в том числе и мной. Выходили довольно интересные книги, посвящённые кладоискательству, как особому виду человеческой деятельности, проводились соответствующие поиски.

Фирмой «Гера» издавалась даже специализированная газета «Клады и сокровища», освещающая на своих страницах всевозможные аспекты поискового дела. Но всё же надо признать, что всеобъемлющих исследований, касающихся всех тонкостей в деле поисков того или иного объекта, выпущено крайне мало. По-человечески такая позиция понятна и даже в чём-то оправдана. Ну, спрашивается, зачем я буду делиться с кем-то ещё добытой мной информацией, за которую я заплатил собственными деньгами и временем? Не

лучше ли полученные результаты скрыть? С одной стороны, вроде как лучше, ибо последующие поколения поисковиков тоже потратят значительную толику своих денег и времени впустую, неизбежно идя по вашим следам. Но если взглянуть на данную ситуацию с другой стороны, то все столь прогрессивно рассуждающие люди уподобляются десяти китайским мудрецам, решившим как-то совместно выпить немного хорошего вина.

Никогда не слышали эту притчу? Не беда, сейчас я вам её расскажу. Итак, собрались как-то десять китайских мудрецов и решили устроить совместную вечеринку. Было решено, что каждый принесёт на встречу баклажку своего лучшего вина, и все десятеро во всей прелести ощутят неповторимый букет, который образуют эти вина, будучи слитыми в один котёл. Накануне встречи первый из мудрецов спустился в винный погреб, но, поразмышляв несколько минут, всё же пожалел своего лучшего вина.

— Зачем нести лучшее вино? — подумал он. — В общем котле и так будет девять мер хороших напитков. Даже если я принесу обыкновенную воду, то на общем фоне это ничуть не ухудшит вкус объединённого напитка. Он налил в баклажку простой воды из колодца и уверенной походкой пошёл на встречу. Однако второй мудрец (на то он и мудрец), подумал точно так же, как и первый. И третий пришёл к такому же выводу, и четвёртый... Короче говоря, после того, как они выпили по первой чашке объединённого напитка, лица у них сильно вытянулись. Но, будучи людьми воспитанными, они всё же выпили по второй чашке и только после этого чинно разошлись по домам, восхищаясь не только своей собственной мудростью, но и просто потрясающей мудростью и предусмотрительностью своих коллег.

Если мы не хотим подобным образом восхищаться собственной «мудростью», а хотим действительно отыскать что-то стоящее, то придётся так или иначе объединять свои усилия, иначе многочисленные тайны, оставшиеся со времён нашествия Наполеона, так и останутся неразгаданными. Надеюсь, что выход в свет данной книги несколько сдвинет в нужном направлении процесс объединения усилий и позволит отыскать хотя бы некоторые из оставленных французскими агрессорами кладов.

Хотя, если быть честным до конца, то нужно признать, что значительное количество этих кладов уже найдена. Кем? Судя по оставленным на местности разными кладоискательскими командами специфическим следам, руку к этому приложили многие. Некоторая часть наполеоновских кладов явно обнаружена именно государственными организациями, а некоторая изъята частными лицами. Но об этом мы поговорим несколько позже.

В своём романе «Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов» весьма известный английский писатель Вальтер Скотт прямо указывает — *«Он* (Наполеон) *повелел, чтобы московская добыча: древние доспехи, пушки и большой крест с Ивана Великого — были брошены в Семлевское озеро...»*

Ему вторит и участник многих войн, Филипп Поль де Сегюр.

«В "Семлевском озере" были утоплены трофеи, везённые в императорской колонне» (Филипп Сегюр. С. 120).

Но какое же конкретное озеро имелось ими в виду? Ситуация в сильно растянутой французской колонне складывалась таким образом, что факт затопления мог иметь место на достаточно протяжённом отрезке пути, начиная от предместий самого Семлево и вплоть до окрестностей деревни Михалёвки. Но несомненно одно: данное событие могло произойти только в период со 2 по 5 ноября. Именно на протяжении данного отрезка времени и могло быть осуществлено затопление значительного груза, снятого с большого количества повозок, поскольку нужда в лошадях обострилась до крайности. Ведь теперь они служили не только как тягловая сила для артиллерии, транспортных нужд и кавалерии. Их ещё и начали употреблять в пищу! Причём в количествах просто удручающих.

90 000 голодных ртов за день способны были запросто скушать минимум по килограмму пищи. За неделю даже столь скудного рациона набегает 450 тонн! Но где было взять пропитание в таких огромных количествах? Деревушки, мимо которых пролегал маршрут отступления, были малочисленны по населению, а большей частью и вовсе разорены ранее. А лошадь, даже самая худая, способна предоставить голодающим до 300 килограммов хоть и жёсткого, но мяса. Таким образом, голодная армия за первую неделю ноября могла легко употребить в пищу до 2000 лошадей! А такое количество их, даже если намеренно уменьшить число конских потерь вдвое, могло транспортировать от 150 до 250 увесистых повозок.

Но давайте от вкусовых качеств конины всё же вернёмся к нашим озёрам. На указанном мною выше участке пути в 1812 году находились следующие водоёмы:

Пруд, подпёртый плотиной при въезде в Семлево.

Небольшой пруд в господском саду Семлево.

Озеро Стоячее, оно же Глубокое, расположено в вековом лесу к юго-западу от Семлево.

Озеро Лужковское, в 3-х верстах от озера Стоячего.

Озеро у деревни Каледино, в 3,5 верстах от Протасова моста.

Озеро (пруд) 200 × 200 метров вблизи Зарубежа (Зарубежье).

Озеро, образованное большой плотиной на реке Костря вблизи деревни Чоботово (в 100 метрах от тракта).

Громадное озеро, образованное мельничной плотиной у Жашково.

Маленькое, но глубокое (перепускное) озерцо, там же за плотиной.

Озеро при селе Славково, и т.д. и т.п.

Вот вам навскидку целый десяток водоёмов, в которые можно было легко сбросить обременявшие армию массивные и малоценные предметы. Некоторые из представленных в списке водных объектов были обследованы весьма тщательно, но другая их часть даже никогда не попадала в поле зрения поисковиков, а жаль.

Другой фактор, напрямую повлиявший на массовое заложение всевозможных и многочисленных кладов именно в этом районе. Неожиданно большой падёж основной тягловой силы — лошадей, на участке дороги Вязьма — Дорогобуж в буквальном смысле слова диктовал французам категорический приказ — освобождаться в дороге от грузов целых больших обозов. Причём бросали они не только добычу, но и собственное вооружение, военное снаряжение, амуницию и боеприпасы. Был даже издан специальный приказ императора, регулирующий процесс «уничтожения» тех запасов, которые больше не было возможности везти дальше. Пушки непременно закапывались либо топились. Всевозможные ценности и боеприпасы подвергались такой же бесславной участи, благо земля ещё не успела глубоко промёрзнуть и сама почва в тех местах была по большей части песчаная.

3 ноября адъютант Кастеллан, находясь вечером при главной квартире императора в деревне Жашково, записал в своём дневнике: *«Князь Даву подвергся нападению неприятеля и постепенно был принуждён по частям бросать свою артиллерию за неимением лошадей».*

Фраза очень значимая. До тех пор потери в артиллерии происходили по другим, более серьёзным поводам. По выходе из Москвы в первом корпусе маршала Даву числилось 144 пушки и 633 повозки строевого обоза, и сохранность артиллерии в его корпусе поддерживалась очень жёстко, если не сказать жестоко.

Кстати, именно тогда, во время длительной остановки в деревне Жашково, Наполеон решительно отверг предложение начальника артиллерии Ларибуазьера, испрашивающего разрешения покинуть на дороге половину

всех бывших при армии орудий, а лошадей из-под них запрячь под остальные пушки. В тот момент император не разрешил бросить ни одного орудия: он прекрасно понимал, что только артиллерия может помочь держать в отдалении отряды казаков, непрерывно кружащих вокруг отступавших войск.

В тот момент французские военоначальники пошли по другому пути. Согласно приказу начальника штаба Бертье от 2 ноября, императорский обоз был сокращён до необходимого минимума. Не во время ли неизбежного сокращения числа транспортных повозок и было утоплено некоторое количество увозимого из Москвы имущества? Когда же до Наполеона доходит известие о том, что казаки у селения Царёво Займище отбили примерно треть обоза с богатыми московскими трофеями, то он отдал приказ следующего содержания.

«Обозы держать в центре колонн. В голове и конце колонны должны двигаться по полбатальона, а по бокам по батальону, чтобы в случае нападения казаков открывать огонь во все стороны, точно батальон, построившийся в каре».

При таком способе передвижения осуществить масштабное захоронение или затопление поклажи с большого обоза можно было в единственном случае — если одновременно остановить всю колонну, включая боевое охранение, что не всегда было возможно. Да и осуществить такой синхронный манёвр на значительном многокилометровом пространстве было крайне затруднительно. Поэтому сама собой сложилась практика, при которой большую часть тем или иным способом сокрытого имущества войска прятали именно тогда, когда останавливались на ночёвки, либо там, где поили тысячи обозных лошадей. Отсюда же варьировались и способы захоронения. На ночёвки строевые части и прикрываемые ими обозы обычно вставали на опушках лесов, где было много топлива для сотен костров, но сохранялся обзор на те направления, откуда мог наступать неприятель. К тому же разогретую огнём костров землю потом было легко копать, а впоследствии затоптанная тысячами ног и копыт, превращённая в настоящее месиво почва никоим образом не выдавала наутро места очередного захоронения.

Затопление же осуществлялись там, где для этого были определённые условия, такие как хороший подъезд, достаточная глубина водоёма, наличие или отсутствие плотины и пр. В начале ноября слабое оледенение только начало покрывать стоячую воду. Но когда воду покрыл крепкий лёд, то возникла новая проблема — как поить обозных лошадей. Использовали наскоро устроенные проруби на естественных водоёмах и искусственных прудах. Водопои эти,

кстати сказать, обычно затягивались на довольно длительное время, поскольку не везде можно было в массовом порядке подвести лошадей к воде. Да и количество животных тоже было ещё велико. Так, например, только в императорском обозе было до 715 упряжных и верховых лошадей. В тех условиях, когда движение осуществлялось по 14—15 часов в сутки, из них как минимум два часа уходило на водопой. Именно за это время можно было свалить в ближайший пруд или промоину около водяной мельницы несколько тонн ставшего непосильным груза. Для этой же цели использовались и проруби.

Как же было организовано отступление (а ведь это тоже особый вид военного искусства)? За счёт чего французам удавалось столь длительное время сохранять трофеи, а если даже и прятать их, то прятать практически бесследно? Вы ведь понимаете, что столь грандиозное перемещение войск и транспортов не могло происходить некоей компактной массой. Так или иначе, но происходило растягивание военных и транспортных колонн по не всегда удобной для быстрого проезда трассе. А ведь от знания того, где именно находилась та или иная предназначенная для захоронения колонна, зависит и успешный поиск спрятанных ими ценностей. Не правда ли? Поэтому всем нам крайне важно знать, как и в каком порядке продвигались отступающие из Москвы коалиционные войска. Вот конкретный пример построения французских соединений при передвижении их в начале ноября 1812 года.

Передвижение всей отступающей армии осуществлялось по принятой в те времена схеме. Передовые подразделения, как бы прокладывающие путь и осуществляющие разведку, — авангард. Затем следовала некая основная колонна, везущая с собой наиболее ценные трофеи, а позади неё шёл замыкающий корпус. Но из-за безмерной многочисленности войск и транспортируемых ими всевозможных гужевых повозок каждая из таких частей растягивалась на несколько километров. В начале ноября вслед за императорской колонной постоянно двигался полк «молодой» гвардии, в котором служил сержант Франсуа Бургонь (весьма поспособствовавший своими воспоминаниями нашим поискам). Его полк целый день 3 ноября находился в деревне Славково, а неподалёку, ближе к Жашково, находился и императорский обоз, расположившийся на берегу озера в сосновом лесу. На другой стороне искусственного озера располагался Наполеон, остановившийся с главной квартирой в господском доме. Он с крыльца видел данное озеро (образованное плотиной, выстроенной на реке Костря ещё во времена Ивана Грозного) во время своего суточного отдыха. Вокруг него стояла лагерем старая гвардия, а молодая гвардия была расселена по окрестным деревушкам Таборы, Слав-

ково, Никитенка и Леоньково. Гвардейская артиллерия располагалась вдоль почтовой дороги, остатки которой (кстати сказать) всё ещё можно кое-где обнаружить, несмотря на минувшие годы. Неподалёку от пушек на берегах озера стояли и сотни телег с московскими трофеями. Так что только одна эта часть всей армии фактически была громадным по площади военным лагерем. И мы делаем вывод о том, что хотя отступающая армия терпела во всём нужду и недостаток, но 3 ноября она всё ещё могла дать сильный отпор русским войскам, безостановочно преследовавшим французские колонны.

Основу этого подвижного лагеря, разумеется, составляла гвардия, менее всего пострадавшая в предыдущих битвах. Перед выходом из Москвы в ней числились четыре дивизии. Одна дивизия «старой» гвардии, две «молодой» гвардии и конная польская дивизия. Вот состав этого воинского формирования: пехотинцы — 17 871 человек, кавалеристы — 4609 человек, 112 орудий крупных калибров, 275 повозок и 532 жандарма. Вся эта масса людей, упряжных повозок и орудий двигалась впереди всех остальных войск (без учёта авангарда). Следом за императорской гвардией двигался первый корпус маршала Даву. Он тоже имел в своём составе значительные силы. В нем числилось 27 449 человек пехоты, 1500 кавалеристов, 144 пушки и 633 повозки. Таков был передовой костяк громадной армии.

Вслед за корпусом Даву следовал пятый польский корпус Понятовского в количестве трёх дивизий. Там было 49 орудий и 239 повозок. Далее располагался четвёртый корпус вице короля Евгения Богарне, состоявший из 4-х дивизий. В его составе было 92 орудия и 450 подвод. Замыкал же головную колонну армии третий корпус маршала Нея, тоже состоявший из трёх дивизий. Он перевозил 71 пушку и около 190 повозок. Но это было далеко не всё. Вслед за головной колонной двигались сотни повозок беженцев, передвижные госпитали и подразделения, осуществляющие полевое снабжение войск.

Но мало того, впереди всей армии в качестве головного дозора шествовал 8-й Вестфальский корпус маршала Жюно. На его попечении было 34 орудия и свой собственный обоз численностью в 130 повозок, в основном забитых трофеями. Всем нужны лошади, пусть даже не молодые и свежие, пусть хоть какие-нибудь. К сожалению, как раз в это время буквально массовыми становятся случаи хищения и поедания лошадей солдатами во время длительных ночных остановок.

Теперь и вы можете оценить чувства Наполеона, когда к нему пришло прошение от начальника всей французской артиллерии сбросить половину всех гвардейских пушек. Формально тот был абсолютно прав. Если отцепить от

передков хотя бы 230 орудий, то можно было бы высвободить как минимум полторы — две тысячи лошадей. У французов сразу появлялась реальная возможность спасти и оставшиеся в их распоряжении трофеи, и всё ещё довольно значительное количество пушек.

Но Наполеон в тот момент ещё мыслит более высокими категориями. Он ещё мечтает устроить преследующим его русским полкам грандиозную западню в лесистой местности между Славково и Дорогобужем. А для этого сражения ему нужны пушки, много пушек. Поэтому он отдаёт категорический приказ — срочно избавиться от излишнего груза. Не самого, разумеется, ценного, но такого, который излишне обременяет измученных долгой дорогой и бескормицей обозных лошадей. Вот тогда-то и было принято соломоново решение.

Его я описал в особой главе, которую назвал:

«Железный обоз» императора

Пожалуй, всем тем, кто так или иначе интересуется судьбой сокровищ, вывезенных Наполеоном из сгоревшей Москвы в 1812 году, хорошо известно, что великим полководцем для отправки особо ценных трофеев было сформировано три так называемых «Золотых обоза». Каждый из этих обозов был составлен из нескольких десятков, а то и сотен особо прочных телег, и так уж случилось, что в дальнейшем каждый из них проделал свой уникальный маршрут, прежде чем бесследно исчезнуть. В дальнейшем я всесторонне затрону эту проблему, и мы с вами осветим тему исчезнувших обозов с сокровищами поподробнее.

Но в данной главе мне хочется поговорить о судьбе ещё одного обоза, о котором многие из вас даже никогда и не слышали, а именно о «Железном обозе». Хотя по общепринятой классификации он не подходил под определение «золотого», но по ценности и уникальности вывозимых в нём предметов он вполне мог поспорить с иными «золотыми обозами», и вот почему. Всем вам вполне привычно слово «антиквариат». Оно как бы постоянно на слуху. Данное слово встречается и на вывесках магазинов, и в повседневных разговорах. Но давайте вдумаемся в глубинный смысл этого слова. Несомненно, что раз торговля старинными вещами ведётся с таким размахом, то, значит, любителей и ценителей старинных вещей тоже имеется изрядное количество. И платить за уникальные раритеты они готовы весьма щедро. Но речь в дан-

ном случае идёт не просто о старинных предметах как таковых. Я веду речь о предметах, имеющих кроме солидного возраста ещё и уникальную историческую родословную. Вы ведь понимаете, что трофейные команды императора готовили к отправке в далёкую Францию не просто случайно попавшееся им под руки старьё. Нет, нет и нет. Их интересовал истинный антиквариат, в том числе и антиквариат военный, который мог бы занять достойное место в Музее покорённых народов, мечту о строительства которого лелеял великий корсиканец.

Какие же вещи отягощали самый большой как по своей массе, так и количеству задействованных транспортных средств обоз? Краткий перечень их мог быть примерно таков: значительное количество массивных бытовых предметов, как-то: мраморные и бронзовые статуи, старинные зеркала, серебряные и фарфоровые сервизы, бронзовые и серебряные элементы меблировки, исторические реликвии и тому подобное. Здесь же перевозилось имущество, изъятое из кремлёвского арсенала (старинные пушки, холодное и огнестрельное оружие, доспехи, военные трофеи московских правителей, предметы дворцовой меблировки и прочее имущество). Тут же путешествовали и особо массивные предметы христианского культа, взятые захватчиками из многочисленных храмов и монастырей, в том числе и масса разнокалиберных бронзовых колоколов.

Весьма вероятно, что мой список далеко не полон, но прошу меня извинить, поскольку уточнить его можно будет только тогда, когда удастся с точностью вычислить то место, где данный обоз мог быть захоронен. Теперь вы понимаете, что реальная, то есть антикварная стоимость спрятанного наполеоновскими войсками имущества вполне может составлять весьма солидную сумму, даже с учётом того, что практически все спрятанные 200 лет назад предметы сделаны из недрагоценных металлов. Ведь самым юным (если так можно выразится) предметам из него не менее 250 лет! А некоторым — свыше трёхсот и даже четырёхсот лет!!! Да по большому счёту всем этим вещам просто нет цены, ибо они не только старинны, но и исторически уникальны!

Предвижу ваши возражения в том смысле, что изделия из чёрного металла за столь длительный период могли безвозвратно сгнить. Позвольте с вами не согласиться. За десятилетия поисковой деятельности мне неоднократно приходилось отыскивать подобного рода предметы, практически не пострадавшие от ржавчины. Как дипломированный химик-технолог, я прекрасно представляю себе, почему так происходит. Постараюсь в нескольких словах объяснить и вам причину данного феномена. Напомню, что сталь, железо и

чугун, то есть все широко применявшиеся в оружейном деле материалы, ржавеют только тогда, когда в прилегающих к металлу пространствах имеется кислород. Если же он по тем или иным причинам отсутствует, то процесса окисления не происходит вовсе. Таким образом, крайне важно то, в какой именно почве находится предмет, изготовленный из «чёрного» металла. Если он лежит в плодородном рыхлом слое почвы, песке или попросту на поверхности земли, то процесс ржавления-окисления идёт очень интенсивно, ибо кислорода в данном случае имеется с избытком. Другое дело — плотные глинистые толщи или, что ещё лучше для поисковика, толщи иловые.

В последнем случае, ввиду полного отсутствия в иле враждебного железу кислорода, чёрный металл остаётся в своём первозданном состоянии! Неоднократно мне приходилось находить остатки невзорвавшихся миномётных мин, у которых полностью сгнил хвостовик стабилизатора, но уткнувшийся в болотный ил взрыватель очень часто оказывался просто в идеальном состоянии. Его можно было вывернуть даже пальцами! То есть через 60 лет после того, как данная мина вылетела из миномётного ствола! Поэтому при определённых условиях (об этом чуть позже), велика вероятность обнаружения нашего «Железного обоза» в очень хорошем состоянии.

Почему же столь ценный, а главное, столь массивный клад до сих пор не найден? Ведь его искали даже не десятилетиями, его искали столетиями. Первыми за поиски взялись местные помещики, вернувшись в разорённые войной родовые гнёзда и наведя в них минимальный порядок. Слухи о неких сделанных французами захоронениях наверняка будоражили провинциальное общество уже тогда. Ведь то там то здесь вдоль дорог постоянно находили всевозможные вещи, ранее вывезенные французами из Москвы. Какие-то из этих находок были небрежно спрятаны в придорожных кюветах, а большая часть разных вещичек была просто выброшена за ненадобностью убравшимися из страны оккупантами и лежала прямо на поверхности. Некоторые из них просто валялись в ближайших кустах, а некоторые были лишь чуть-чуть присыпаны землёй или даже опавшими листьями. И всем тогда казалось, что если копнуть чуть глубже, то тут же появятся и вовсе неисчислимые сокровища.

И ведь действительно, значительное количество находок имело вполне реальную ценность или по меньшей мере представляло собой утилитарный интерес для нашедшего. Поэтому, даже не имея ни малейшего понятия о том, что неподалёку действительно запрятаны десятки тонн уникальных и старинных предметов, вяземские помещики взялись за интенсивные поиски, дела

упор на осмотр собственных владений. Особенный размах они приняли после того, как небезызвестный романист Вальтер Скотт упомянул о том, что некие сокровища при отступлении были сброшены в некое «Семлево» озеро. Досужая, пересказанная к тому же с чужих слов легенда прекрасно прижилась на благословенной российской почве.

— Раз такой знаменитый авторитет утверждает, что сокровища сброшены в Семлевское озеро, — решили доморощенные кладоискатели, — то так тому и быть.

И с тех пор небольшое, ныне почти заросшее мхом озерцо, в изначальном варианте носящее название Глубокое и лежащее в нескольких километрах юго-западнее села Семлева, не знало покоя и отбоя от любителей лёгкой добычи. Но только в сказках и приключенческих романах герои-кладоискатели быстро отыскивают вожделенные дублоны и пиастры. В реальной жизни всё происходит вовсе не так быстро и гладко.

Судьба кладоискателя всем известна издревле — надежда и разочарование ходят за ним по пятам постоянно. Но столь фанатично искать сокровища именно там, где их никогда и не разу не находили, было под силу лишь российским кладоискателям. Почему-то именно тут были приложены максимально возможные усилия и в организацию поисков вложены максимальные денежные суммы. Что заставляло многочисленные экспедиции искать именно там? По-моему, на людей просто магнетически действовала своеобразная таинственная аура, окружавшая данное озеро. И в самом деле, эти мрачные, чёрные воды, этот таинственно колышущийся мох, это глухое безлюдье внушали мысль о том, что именно здесь и есть идеальное место для тайного захоронения ценностей. Каждый доморощенный кладоискатель мог легко вообразить себе невесть что, особенно в таком уединённом и мрачном месте.

Но легенды легендами, а установить истинное место захоронения «Железного обоза» было совершенно необходимо. И вот, собрав достаточное количество материалов, касающихся короткого времени пребывания отступающих от Москвы французов, некоторые исследователи сделали однозначный вывод о том, что действительно именно здесь, в районе села Семлево, Наполеоном и был сброшен с сотен повозок уникальный по массе и ценности военный трофей. Этому вроде бы даже были и подтверждения некоторых участников того похода. И даже сама история о том, что сокровища были утоплены в некоем озере, тоже была реальным историческим фактом. Вот только озеро было совсем не то озеро Глубокое, в котором впоследствии велись масштабные и длительные поиски. К тому же и сокровища, утопленные в до сих пор не най-

денном озере, были спрятаны особого рода, вовсе не золотые и серебряные, а именно антикварные.

Да, кстати, слово «спрятаны» я применил вовсе не случайно. Музейные экспонаты были преднамеренно спрятаны, а не просто выброшены на обочину дороги. Для пояснения я напомню вам о классификации кладов, делящихся поисковиками в основной своей массе на клады «до востребования» и «ликвидационные». При этом нужно понимать, что клады «до востребования» закладывались так, чтобы их впоследствии было легко отыскать, а отыскавши — извлечь. Клады же «ликвидационные» закладывались с прямо противоположными намерениями. Поэтому, прежде чем начинать искать тот или иной клад, следует непременно прояснить этот основополагающий для любого серьёзного исследователя вопрос. Так как же насчёт «Железного обоза»? Он-то к какой категории кладов относится?

Чтобы ответить на данный вопрос, давайте мысленно вернёмся в то далёкое время. Да, Наполеон покинул Москву. Да, он отступал. Да, его войска уже терпели определённые лишения и неудобства от холодов и голода... но! Но тем не менее отходящие войска ещё двигались в определённом порядке, в войсковых колоннах поддерживалась должная дисциплина, и даже в отступающих подразделениях действовала полевая жандармерия. И самое главное, судя по многочисленным мемуарам, император Франции всерьёз рассчитывал на зиму разместить свои войска в Смоленске и продолжить русскую кампанию с наступлением более тёплых дней.

Именно из этих соображений, и ещё из некоторых фактов мы с вами сможем сделать весьма определённый вывод. И вывод этот будет таков. «Железный обоз», вынужденно сокрытый из-за ощутимой нехватки лошадей в артиллерийских упряжках, был захоронен по схеме «до востребования». Его точно рассчитывали достать по весне, и достать без особых проблем. Из столь определённого заключения тоже можно получить практические указания для его поисков.

Представляется, что «Железный обоз», скорее всего, был именно затоплен, а не зарыт. Зарывать его было много хлопотнее. Ведь количество вещей было весьма значительным и, следовательно, для их захоронения пришлось бы вырыть весьма протяжённые и глубокие траншеи. А в лесной местности, где базировались обозы, осуществить подобное весьма затруднительно. Войскам было и без того тесно на узкой дороге. К тому же скрыть следы столь масштабного захоронения было бы крайне трудно. По весне земля должна была неминуемо просесть и указать на место заложения громадного по объёму клада.

И отсюда следует как бы второе указание для поисков. Если обоз был затоплен «до востребования», то сделано это было, скорее всего, там, где воду, как серьёзную преграду, можно было бы без труда удалить либо отвести. И, следовательно, никогда и ни при каких обстоятельствах многотонный антиквариат не мог быть сброшен в так называемое Семлевское озеро! Всё было против этого, причём не по чьему-то субъективному желанию, а по чисто географическим показаниям. Плохой подход к удалённому от дороги водному зеркалу — раз. Слишком узкая, пешеходная тропа делала невозможным разъезд на ней даже двух повозок — два. Слишком большая глубина озера и отсутствие естественного стока делали заодно совершенно невозможным извлечение утопленного имущества в дальнейшем — три.

Вот что мне об этом рассказывал один из известных исследователей данной проблемы: *«Нет, не мог Наполеон ничего там* (в Глубоком) *утопить. И не мог он это сделать по двум весьма веским причинам. Причина первая — путь до озера, которое лежало в полутора километрах от Старой Смоленской дороги, и в то время был весьма не лёгок. Поясню данный тезис расширенно. Зачем, Вы думаете, понадобилось французам что-либо топить, или скажем проще — прятать? Причина была довольно тривиальна. Голод, во всю свою силу обрушившийся на Великую армию, коснулся не только людей, но и лошадей, которые составляли основную тягловую силу тогдашних вооружённых сил. Холод и бескормица начали косить их как мух, а у оставшихся в строю лошадей силы были уже не те, и возницам зачастую приходилось в стандартную повозку впрягать уже не две пары животных, а три или четыре. А гвардейские, тяжёлые пушки тащило аж по пятнадцать лошадей! Транспортный кризис был столь очевиден, что был отдан строжайший приказ — немедленно сбросить с телег столь отягощающие лошадей тяжести».*

Зададимся на минутку и мы весьма нетривиальным вопросом. Подумаем: а что это были за тяжести такие? Можем смело сказать, что на тот момент это в самой малой степени касалось боевого оружия и реальных, как сейчас бы сказали, золотовалютных ценностей. Сбросу подлежали вещи в принципе довольно ценные (даже и в те далёкие времена), но в данных обстоятельствах всё же не столь ценные, чтобы пытаться тащить их дальше в далёкую Францию. То есть речь шла скорее о значительной массе бесполезного в данных обстоятельствах металла, нежели о реальных ценностях. В связи с этим можно вспомнить один почти анекдотический случай, который произошёл дня примерно через три или четыре после захоронения все-

го этого скопища чёрного и цветного металла. Поскольку многие предметы, вытащенные французами из кремлёвских строений и Арсенала, были украшены драгоценными камнями, то решено было эти камни предварительно выдрать из оправ и отправить в далёкий Париж обычной почтой (наивные, наивные европейцы). И что же? Камни действительно были спешно вынуты из эфесов сабель и рукоятей наградных пистолетов, сложены в большой ящик и вручены почтовым работникам, с указанием конечного адресата, но без указания ценности вложения.

Всё вроде было сделано правильно, однако многоликая судьба к почтовым работникам отнеслась в тот раз крайне немилостиво. Не прошло и нескольких дней, как одинокая почтовая повозка подверглась нападению одного из вольных отрядов небезызвестного Дениса Давыдова. Облегчая повозку, почтовики недолго думая выбросили весь груз на дорогу и только прибавили скорость. Откуда им было знать, что в скромном деревянном ящике лежали ценности на несколько миллионов франков? Наши же налётчики были, разумеется, весьма рады такой славной добыче.

Однако давайте продолжим разговор о спрятанном неудачливыми завоевателями металле. Собственно, французы могли бы попросту вывалить тяжести на дорогу, но, видимо, «жаба» душила не только наших современников, но и Наполеона тоже. Было решено надёжно спрятать награбленное, поскольку французы в то время ещё не потеряли надежду отсидеться зимой в Смоленске и вернуться за спрятанным имуществом несколько позже, при более благоприятных обстоятельствах. Итак, перед отступающими войсками стояла задача как можно быстрее спрятать несколько десятков тонн чёрного и цветного металла, причём они должны были сделать дело быстро и без особых технических ухищрений.

Вернёмся теперь ненадолго к началу нашего разговора. Согласитесь, что в данном-то случае озеро Глубокое подходило для клада «до востребования» менее всего. Перво-наперво, до него и добраться-то можно было с большим трудом, поскольку к озеру вела лишь обычная пешеходная тропа. А раз тропа, то, само собой, грязная, топкая и, как всегда на Руси, — тесная. Гнать обессиленных лошадей с тяжёленной поклажей по ней было бы просто самоубийственно. Кроме того, ещё было не совсем ясно, как именно топить. Попробуйте вы утопить что-нибудь, не имея возможности поднести свою ношу непосредственно к воде. Французам требовалось строить плоты, перегружать тяжести на них и только потом сбрасывать в воду, поскольку подвести грузы к самой воде по лишь слегка подмёрзшей трясине было совершенно невоз-

можно. В итоге их ждала только масса забот и трудов, как видно из приведённого анализа, абсолютно напрасных. Кроме того, достать утопленное с такой глубины и из такой непроходимой трясины было бы делом практически безнадёжным. Требовалось совершенно иное решение. Повторяю, во-первых. Что же во-вторых? А во-вторых, над «похоронной командой» непрерывно довлел проклятый и часто роковой фактор неумолимого хода времени! В селе Семлево Наполеону просто некогда было заниматься разгрузкой и перепряжкой множества подвод. Ведь известно, что едва он расположился на отдых в помещении местной церкви, как она подверглась артиллерийскому обстрелу со стороны русских войск. Пришлось французам во главе с разбуженным императором срочно сниматься и двигаться дальше. Куда же?

«Скорее всего, — размышлял далее наш консультант, — сопровождаемый день и ночь стерегущей обозы "молодой" гвардией, Наполеон вполне мог дойти от Семлева до деревеньки Жашково, что находится двумя десятками километров западнее. Тем более что в ней император уже останавливался однажды на ночлег в доме местного помещика, ещё тогда, когда двигался на Москву».

В таком случае, в первую очередь следовало поискать скопище антикварных изделий в районе этой ныне почти исчезнувшей деревеньки. Но где же конкретно? Проведённый осмотр местности показал, что удобных мест для этого имеется немало. Если внимательно рассмотреть старинные крупномасштабные карты тех мест, то, прежде всего, обращаешь внимание на наличие довольно многочисленных водоёмов. В частности, тогда течение речки Костря (около которой и стоит современное Жашково) перекрывала большая, примерно стометровой длины плотина, которая образовывала обширное, хотя и неглубокое озеро с островком для вымачивания льна. Рядом с плотиной, чуть ниже по течению, стояла большая мельница, сожжённая уже после революции. Она питалась водой от большого озера и образовывала ещё одно перепускное озерцо, связанное с рекой небольшой, не более чем двадцатиметровой протокой. Далее, значительный интерес представлял смешанный лес, тянущийся вдоль большого озера, ведь именно в нём стояли обозы, и где металл мог быть попросту зарыт в песчаный грунт или сброшен в озеро. Также моё внимание привлекли и два глубоких карьера, откуда в своё время (ещё при Иване Грозном) брали песок для постройки плотины. Естественно, имелись в округе и некоторые другие весьма привлекательные места, где так или иначе мог быть захоронен стеснявший движение французской армии излишний груз.

Поскольку с теоретической точки зрения план поисковых мероприятий был вполне ясен, то пора было браться за дело в практическом плане. Но из-за недостатка средств и отсутствия приличного транспорта основные поисковые действия начались только в мае 2002 года. С помощью электронного оборудования мы осматривали и прозванивали старинные карьеры вблизи деревни Жашково, леса, водоёмы, да и попросту подозрительные места. К сожалению, полностью выполнить план поисковых мероприятий нам так и не удалось, но из того, что удалось обследовать, самая интересная на тот момент информация была получена именно из маленького перепускного озерца, оставшегося от некогда работавшей на плотине мельницы. Создавалось впечатление, что невзрачный с виду прудик, начиная от плотины и вплоть до центральной своей части, был буквально завален металлом. Измерили ради любопытства и глубину этого водоёма. Полученные данные нас просто поразили. Буквально в десяти метрах от плотины грузило мерной верёвки опустилось на почти семиметровую глубину!

Мы вполне обоснованно возликовали, поскольку место для захоронения вывезенных из Москвы предметов было, по всем «поисковым» параметрам, просто идеальным. Рядом с местом захоронения, на невысоком холме, располагался дом, занятый для ночлега самим Наполеоном. Оттуда со всеми удобствами он мог наблюдать всю картину сокрытия первого своего «клада». Прочная, широкая, известная ещё с XV века плотина отделяла большое мелкое озеро от маленького и глубокого. Поэтому не было никаких трудностей с затоплением тяжестей. Достаточно было уложить на свежий лёд озерка несколько десятков брёвен (большое озеро было в то время ещё в значительной своей части свободно ото льда), и всё, сгружай туда хоть пушки, хоть многопудовые колокола. Всего-то и нужно было выехать на плотину, скатить груз на самодельный мостик, после чего докатить его до проруби. Возможно, был использован и более примитивный вариант. Груз попросту выбрасывался с плотины вниз, а освободившаяся телега тут же уходит наверх по холму, в сторону бивуака «молодой» гвардии. На её место тут же подгонялась новая, пока ещё гружёная, телега из обоза, сконцентрированного на левом берегу реки Костря.

В глубине души все участники поискового проекта посчитали, что именно таким образом проводилась операция от начала до самого конца, то есть до затопления всего излишнего груза «Железного обоза». Только так можно было справиться с поставленной задачей достаточно быстро, без излишних ухищрений, столпотворения пустых и полных телег и неизбежной в таком

случае суеты. Глубины же ямы, промытой водой, падающей из-под мельничного колеса, с лихвой хватало для затопления чего угодно. Для сравнения, например, там могли быть преспокойно утоплены два тяжёлых танка «Тигр», причём поставленных один на другой.

Как вы понимаете, радости нашей не было границ. Найти столь интересный объект было и интересно, и почётно. Оставалось самое малое — удостовериться на все сто процентов в том, что на дне прудика лежало именно то, что мы предполагали. Однако сделать это мы по целому ряду причин в то время не могли. И только в конце сентября того же года, когда в нашем распоряжении оказался георадар, мы смогли вновь выехать на загадочное озерко. Собрали аппаратуру, надули лодку и, с трудом скрывая обуревавшее нас нетерпение, принялись сканировать дно пруда, рассчитывая найти там гору металла. И буквально через полчаса работы тайна озерка была раскрыта, и нам осталось только... готовиться к новым походам и поискам.

Оказалось, что сбившее нас с толку сильнейшее магнитное поле создавали две толстые стальные трубы, укрепляющие основание плотины. Они находились друг над другом примерно в двух с половиной метров под поверхностью воды и отстояли от самой плотины примерно на полтора метра. Неудивительно, что мы впали в заблуждение — ведь холоднокатаные трубы обладают очень сильным собственным магнитным полем, а кроме того, они и расположены были строго с севера на юг.

Что ж, скрепя сердце пришлось констатировать, что нас и на сей раз постигла определённая неудача. Но это означает только одно — поиски будут непременно продолжаться и, может быть, уже в следующем году удача повернётся к нам более дружелюбным ликом. Ведь в конце концов и размах поисков, и их результативность во многом зависят просто от наличия денег на счету и профессионального умения работающих в «поле» поисковиков. Вот поэтому мы твёрдо рассчитываем на то, что рано или поздно, но «Железный обоз», к настоящему моменту уже ставший «Золотым», будет наконец-то найден.

* * *

6 ноября

«Ночью ударил мороз, и утром колеи грязи затвердели как камень. Поднялся сильный ветер, и весь день снег падал большими хлопьями. В 8 часов утра императорская колонна, "старая" гвардия и Наполеон выступили из

Дорогобужа и в полдень достигли деревни Михалёвка. Прошли 22 версты при сильном ветре. К обыкновенным неудобствам дороги прибавилась гололедица. Артиллерия с трудом продвигается по кочкам и рытвинам. Там и сям валялись на земле сброшенные кирасы. На дороге встречались брошенные зарядные ящики, оставленные из-за потери лошадей. Артиллеристы выбрасывали из них и топили в воде заряды, чтобы они не достались русским».

«Вице-королю приказано отступить за Днепр по дороге на Духовщину в 4 часа утра 7-го ноября. С ним был отправлен многочисленный обоз с "тяжестями", взятыми в Москве, и многочисленная артиллерия».

«Мы выступаем (из Дорогобужа) *в 8 утра и в полдень достигаем дер. Михалёвки, при колодцах, где имелась почтовая станция. Впервые устанавливается снег».*

Получается так, что полк «молодой» гвардии, в котором служил сержант Бургонь, дошёл до Михалёвки и остановился неподалёку от леса, так как за Михалёвкой дорога входила в лес и была достаточно узкой. А императорский обоз был уже впереди, значит, где-то в центре леса. В тот день гвардия остановилась ещё засветло, где-то в 3 часа пополудни. Местом привала было пожарище какой-то деревушки (Дубки или Челновая). Мороз был 8—10 градусов.

7 ноября

«Император установил свою штаб-квартиру за одну милю по ту сторону Днепра; так как я дежурный, то меня оставляют в Михалёвке с поручением доставить известие об арьергарде.

Идёт сильный снег. В деревню Михалёвку прибывает генерал Маршан со своей дивизией, имевшей в начале кампании 13 000 человек, а теперь 450.

В 3 часа дня арьергарда всё нет, и я отправляюсь в обратный путь, чтобы присоединиться к маршалу Нею. Целую милю я тащу за повод мою лошадь, благодаря гололедице она падает на каждом шагу, так что я вынужден отвести её назад. Генерал Фуше приказывает своему кузнецу подковать её; я снова отправляюсь в путь и в 7 вечера присоединяюсь к корпусу маршала Нея, расположенного на бивуаках в лесу, за полмили от реки Ужи.

Солдаты молодцами: едят только конину. Ропота не слыхать, но генералы и солдаты имеют чрезвычайное желание отступать, так что в половине восьмого утра маршал, имевший за собой намерение сохранить за собой позицию на реке Осьма, оставил её и направился в Дорогобуж.

Герцог Эльхингенский предполагал остаться в Дорогобуже; не неприятель, а генералы и солдаты заставили его уйти отсюда. Он был атакован около 11 часов утра двумя полками пехоты и казаками, которые являлись его неразлучными спутниками. Битва длилась до 3-х часов дня. 4-й линейный полк произвёл храбрую атаку и отбросил неприятеля. Маршал Ней получил две пули, застрявшие в его сюртуке; это очень мужественный человек, поразительной отваги, всегда с застрельщиками (в передовой линии обороны или атаки)».

«Герцог Эльхингенский — блестящая голова, опасность изощряет его способности, в момент, когда все теряются, он незаменим для армии. Император хотел бы, чтобы он расположился позициями на Днепре; но это оказалось невозможным, вследствие разнузданного желания высших офицеров и солдат достигнуть Смоленска.

В 4-м стрелковом полку осталось 20 лошадей; в 3-м корпусе дивизия была сведена к 50 лошадям, хотя она была ему полезна при разведках.

В течение дня заклепали 14 пушек. Солдаты, которые едят только лошадей, заболевали странной болезнью, у них вид пьяных, судорожные движения, они падают на землю, говоря: "У меня больше нет сил" и умирают. За сегодняшний день их осталось на дороге 50 человек; на бивуаке, покинутом маршалом Неем этим утром, умерло 200 человек из его корпуса и отставших от других.

Ужасно, когда приходится бросать раненых, не имеющих сил идти. 2-х фунтовый хлеб продаётся за 20 франков и ещё счастье, когда удаётся его найти. Путь усеян павшими лошадьми».

«Я отправляюсь в 9 часов вечера (7 ноября), довольно хорошо пообедав небольшим количеством хлеба с адъютантом маршала (Нея) на бивуаке, среди снега и сосен. К обеду пригласили полковника, так как у него не было хлеба. Я минуя (на обратном пути) *значительное количество бивуаков "добровольцев", название, данное солдатам, идущим на свой страх и риск* (т.е. разрозненными и неуправляемыми толпами)».

«Пройдя 8 вёрст, я покормил свою лошадь. Я отправляюсь в 11 часов вечера при ужаснейшей, снежной метели. Беспрестанно падаю вместе с лошадью, так что вынужден почти всё время идти пешком.

Пройдя от Михалёвки до Пневой Слободы около 20 вёрст и, так как сторожевые посты для обозначения помещения императора не были постановлены, я проезжаю мимо, делаю длинный и утомительный переход

пешком столько же, сколько и верхом и, наконец, в 8 утра натыкаюсь на императорскую штаб-квартиру в стороне от дороги. По физическим данным это одна из самых жестоких ночей моей жизни».

«Стала зима. Идёт сильный снег. Метель. Рано утром ещё не рассвело, императорский обоз и гвардия поспешили в Пнево Слободу, местечко, растянувшееся вдоль равнины и окружённое садами. Дома в ней отчасти сгорели, равно как и церковь, но часть домов была не тронута огнём. Главная улица была запружена повозками. Они остановились тут в ожидании проехать мост, на котором что-то приключилось с передним обозом. Наполеон в обед переправился через Днепр у Соловьёвой переправы и остановился на ночлег в стороне от Соловьёво на мызе. После ухода императорской колонны в Михалёвку в 3 часа дня прибывает генерал Маршан со своей Вюртембергской дивизией.

Поздно вечером император ночует в Пнево, в 4-х верстах от Днепра. Императорский обоз с казной и московскими трофеями ночует там же. В тот день при выезде из Михалёвки Его Величество сел в карету в первый раз со дня выезда из Москвы. Снег и сильный ветер делали верховую езду очень неприятной. Мороз, сопровождающийся ветром, был всё время от 4 до 8 градусов.

Лошади истощены. Было сделано всё, для спасения артиллерии. Некоторые обозы остались позади. Арьергард корпуса маршала Нея расположился в лесу в 2-х верстах от речки Ужа. Русские по причине сильной метели ночь провели в Дорогобуже».

На пути от Семлева до Дорогобужа французы бросили на дороге 140 зарядных ящиков. Стало быть, начиная от Вязьмы, они потеряли около 400 зарядных ящиков и до 10 000 лошадей (частью съеденных). Улики для рядового кладоискателя, конечно, косвенные, но очень красноречивые.

Полк Бургоня выступил затемно. Прошли 4 версты и, когда забрезжил рассвет, показались корпуса императорской колонны. Сделали маленький привал недалеко от деревни Челновая. На одну милю дальше (1,6 км) возле леса остановились на большой привал. На этом месте как раз накануне ночевала часть артиллерии и кавалерии, так как солдаты нашли много павших лошадей. Причём туши павших животных были заморожены так, что невозможно было отрубить кусок даже с помощью топора. Мороз ночью был действительно нешуточный. Реки, плотины и озёра были покрыты льдом и снегом и по виду не отличались от окружающей местности. Через час гвардейская колон-

на двинулась в путь и, отшагав 12 вёрст, вышла из леса вблизи Соловьёвой переправы.

«Приближались к жалкой деревушке Гари, состоящей всего из нескольких домов. Увидели невдалеке почтовый двор. Это был огромный сарай с двумя воротами. В нём к тому времени скопилось до 800 человек. В основном это были старшие офицеры с денщиками и лошадьми».

Бургонь обошёл этот сарай кругом, а в то же время императорская колонна и его полк прошли вперёд к деревне Пнево Слобода. Понимая, что далее столь роскошного места для ночлега может и не встретиться, Андриан Бургонь остался у стен этого огромного почтового сарая. В нём, в этом своеобразном ковчеге, кстати сказать, скучились многие армейские богачи, которые изрядно нажились при грабеже Москвы. Практически каждый имел при себе немаленький мешочек, а то и чемодан со столовым серебром, ювелирными украшениями, золотом в монетах и ломе. И надо же было такому случиться, что глубокой ночью, примерно в 23 часа, этот почтовый двор загорелся изнутри, причём сразу в двух местах. Положение усугубилось ещё тем, что многие имели при себе пороховые заряды, спали на соломе вповалку и в большой тесноте. Пожар распространился очень быстро, и спастись удалось немногим, да и те в панике вынуждены были расстаться со своим драгоценным имуществом.

Многие российские поисковики длительное время были озабочены розысками этого российского Клондайка (полумифической деревеньки Гари). Все быстро сообразили, что если даже у половины погорельцев было чуть больше чем по килограмму каких-либо ценностей, то суммарное их количество могло быть не меньше полутонны! Сказочное богатство, волею нелепого и трагического случая собранное на ограниченной по площади площадке! К тому же всеобщий энтузиазм подогревало то соображение, что к тому времени, как пожар утих, стоящие неподалёку от места ночной трагедии части были вынуждены сниматься с бивуаков и спешно выдвигаться в сторону Смоленска. Значит, долго копаться на пепелище непосредственным очевидцам было просто некогда. А потом непрерывно идущий снег должен был неминуемо засыпать место пожарища и похоронить его до весны.

Но что же прочие части, подходящие к переправе со стороны Славково? Они-то вполне могли покопаться в остывших угольях. Но и здесь всякое могло случиться. Сержант Бургонь ведь пишет, что специально свернул с дороги, стараясь пристроиться на ночлег в громадном амбаре. Следовательно, стоял почтовый двор в некотором отдалении от основной дороги. И последующие

колонны, утром следующего дня проходившие данное место ускоренным маршем, вполне могли и не обратить никакого внимания на очередное пожарище, коих за время своего отступления французы повидали предостаточно.

Кстати, было бы неплохо выяснить, какого размера мог быть тот постоялый двор. Стандартный размер строительного бревна на Руси издавна был длиной в три сажени, то есть 6,5 метра. Из скольких же стандартных брёвен могла быть сделана обвязка «огромного сарая»? Раз он имел двое ворот, то, скорее всего, они были сделаны на боковых, самых узких торцах строения. Значит, узкие стены имели в обвязке не меньше чем 4 бревна или 25 метров. А какова же тогда была длинная сторона? Шесть брёвен? Допустим, что так, т.е. примерно 40 метров по длинной стороне. Площадь такого помещения составила бы 1000 квадратных метров как минимум. Да, при известной скученности в таком помещении действительно могли поместиться до 800 человек и даже с багажом. И на ночь двери они, разумеется, накрепко заперли, чтобы тепло не выпускать. Не выпустили...

— А как же следующей весной? — наверняка поинтересуетесь вы. Весной-то кто-то вполне мог найти на бывшем пожарище что-то ценное!

Да, разумеется, мог... бы, если бы там было кому копаться. Вы-то сами можете припомнить хоть один случай из своей жизни, когда вы сами копались на каком-то пожарище? Вот то-то же. Немногочисленным оставшимся в живых жителям тех мест по горло хватало и иных забот. Надо было восстанавливать уничтоженное зимой жильё, пахать, ухаживать за скотиной и т.д. Да что там говорить, вся страна ещё три года приходила в себя после такого вселенского разора и поругания. Так что место бывшего почтового двора и на самом деле могло остаться в полнейшей безвестности, заброшенности и постепенно зарасти вначале луговой травой, затем кустарником, а впоследствии и вовсе деревьями. К тому же местечко Гари могло и вовсе не существовать. Как отдельный населённый пункт, разумеется. Название его могло быть выдумано самими французами, привязавшими стоявший отдельно от ближайших деревень постоялый двор к некоей сгоревшей постройке. Спросить название им было не у кого, поскольку русских людей поблизости не было совершенно, а на географических картах сей убогий сарай просто не значился.

Так стоит ли искать столь замечательное место? Честно сказать, даже не знаю, что и посоветовать. С одной стороны на буквально крохотном пятачке действительно могут лежать расплавленные металлические ценности и драгоценных камни на несколько миллионов долларов. Но именно поскольку пя-

тачок этот действительно крохотный, то отыскать его будет ох как непросто. По здравому соображению, на поиски столь малозаметного объекта может уйти и несколько поисковых сезонов. Если кто-то может позволить себе такую роскошь, могу посоветовать только одно — как следует набраться терпения.

8 ноября

«Я отдаю отчёт начальнику штаба — против своего обыкновения император приказал принцу Невшательскому (начальник штаба Бертье) *выслушать меня по моём прибытии. Его Величество, вероятно, спал. Я постарался, как можно ярче изобразить угнетённое состояние 3-го корпуса* (маршала Нея) *и передал настоятельную просьбу маршала о немедленной присылке продовольствия; вследствие этого 3-му корпусу отправили водки и несколько быков, взятых у гвардии».*

«Влево от дороги горел костёр из сломанного лафета, вокруг стояли четверо, среди них Император, они грели закоченевшие члены».

8 ноября штаб Наполеона и его штаб остановились в деревне Бредихино. Всё вокруг было покрыто сплошным льдом. Дорога была столь скользкой, что армия потеряла множество лошадей, разбившихся при нескончаемых падениях. Только корпус вице-короля потерял 800 упряжных лошадей. Поэтому все, в том числе и император, шли пешком.

Из донесения Милорадовича мы узнаём, что в тот день русская кавалерия переправилась через реку Ужу в районе села Усвятье. Казаки и гусары отбили 3 пушки и взяли в плен 40 тирольцев.

9 ноября

«Мы выехали из Бредихино в 7 утра; входим в Смоленск в час дня. Большинство ведёт лошадей на поводу по снегу.

Наше горячее желание достигнуть Смоленска, почти целиком сожжённого, очень слабо обеспеченного провиантом, показывает всю степень наших бедствий. У меня пала седьмая лошадь.

Витебск занят большим отрядом русских, они взяли там 1500 человек; в том городе у нас были очень значительные провиантские склады».

«Казначей Дювержье был послан из Бредихина в Смоленск за лошадьми. Дювержье шёл вместе с Наполеоном, он встретил его на мосту через Днепр. В Смоленске Дювержье достал лошадей и продовольствие и выехал в главную квартиру».

«Приближаясь к Смоленску, обоз с казной и обоз с добычей (московские трофеи) *растянулись до самых ворот. Мы* (казначеи) *получили приказ — не пропускать между нашими повозками никаких иных экипажей».*

«Днём 9 ноября была ясная погода и светило солнце».

Да, сбросив в районе Славково (условно говоря) «второсортные» тяжести, император ощутил реальное облегчение. Боевые части получили в своё распоряжение несколько сотен лошадей, хотя и ослабевших, но всё ещё пригодных к передвижению по раскисшей от непрерывного снегопада дороге. Но обстановка на манёвренной войне меняется очень быстро и зачастую кардинально. Еще 3 ноября Наполеон «полон решимости» дать русским встречное сражение, а 4-го он почему-то отменяет свою диспозицию и в полдень приказывает полкам «молодой» гвардии выступить в Дорогобуж. А ещё дальше, в Смоленск, отправляются специально назначенные офицеры для скорейшего квартирного расписания войск для всей армии. Но положение продолжает ухудшаться.

В письме герцогу Бассано от 9 ноября 1812 года Лелорн писал следующее: *«Лошади истощены. Было сделано всё возможное для спасения артиллерии. Некоторые обозы останутся позади. Это не важно, важно было спасать людей, лошадей и орудия».*

10 ноября

«Прибыла (в Смоленск) *моя повозка. Это счастливое событие, поскольку я был без рубашки. В моих сапогах оторвались подошвы — получилась обувь, мало пригодная для того, чтобы ходить по снегу. У меня украли лошадь. Взяли в плен полубригаду и генерала Ожеро».*

«Мы (1-й корпус маршала Даву) *остановились около места, на котором был убит генерал Гюден, на мосту через речку Строгань (ныне Еревня), недалеко от Лубина».*

Река Днепр замёрзла в ночь с 9 на 10-е ноября.

«Рано утром казаки Карпенкова переправились по тонкому льду через Днепр у Соловьёвой переправы. После обеда прибывает императорский обоз с казной и обоз с московской добычей. Приближаясь к Смоленску, этот обоз растянулся до самых ворот почти на две версты. Охрана обоза получила приказ не пропускать между повозок никаких экипажей».

Вот так, господа! Теряли, теряли имущество французы. Зарывали, зарывали, топили, топили, и всё равно обоз на две версты растянулся (причём речь идёт только об одном обозе, императорском, в 300 повозок как минимум).

И двигаются в нём телеги плотно, друг за другом, никого не пропуская. Ведь других повозок ещё пруд пруди, и все вперёд норовят пролезть, без очереди. Но не всем это удаётся, и приходится то одно, то другое имущество прятать. Так что не унывайте, господа кладоискатели, нам ещё работы хватит, её ещё просто непочатый край.

11 ноября

«Прибывает 1-й корпус. Прибывает Вюртембергская дивизия с несколькими орудиями. Наполеон расположился в доме губернатора. Мороз и ветер. Императорский обоз в Смоленске, идёт перепряжка лошадей».

«Дневной приказ предписывает образование кавалерийского корпуса под командой генерала Латур-Мобура, предназначенного охранять зимние квартиры. Из каждого полка будут образованы эскадроны в 76 человек в зависимости от того, сколько солдат остались верхами (в сёдлах на боеспособных лошадях). *Будет две дивизии, одна тяжёлой кавалерии, составленной их 4-х полков* (3-х кирасирских и одного драгунского), *другой лёгкой кавалерии из семи полков. Люди, оставшиеся без лошадей, направлены в нестроевые части впредь до снабжения их лошадьми.*

Мне повезло, удалось купить за 72 франка у конюха императора пару сапог с отворотами. Это очень большая удача, я сильно страдал, мои ноги распухли, а дырявые сапоги от снега сузились; я мог честно констатировать, что обут не очень хорошо».

12 ноября

«Обоз с казной готовится к выступлению на следующее утро. Всю ночь идёт ковка лошадей. Коленкур, отвечавший за обоз лошадей, приказал сжечь много экипажей и повозок в соответствии с числом наших лошадей, такую предосторожность он предпринял уже один раз, 10 дней назад.

700 человек вестфальцев под командой Жюно, большой артиллерийский парк и 500 человек безлошадных кавалеристов выступили по дороге на Красный. Отправлен обоз маршала Нея и генерала Маршана под охраной 40-а человек».

«Холодно (–17 градусов) *и северный ветер. У комиссара по провиантской части мне удалось выменять мешок муки для наших людей. Я отлично сплю на моей медвежьей шкуре, которая пока ещё у меня».*

«Четвёртый день пребывания в Смоленске. Наши лошади без пищи, и служители (имеются в виду конюхи) *отправились в фуражировку за одну*

милю отсюда; преследуемые казаками, они ничего не принесли. Из Дорогобужа 4-й корпус свернул на Витебскую дорогу; он прибыл в Смоленск, бросив всю артиллерию.

Всё время после полудня слышна пушечная пальба. Вечером дерутся около Смоленска. Холодно, но сухо.

У нас очень скверное пристанище, мы осуждены либо замерзать, либо задыхаться в дыму; или садиться около проклятой печки. Генерал Нарбон рассказывает мне забавнейшие истории».

«Мороз так силён, что говорят он достигает 28 градусов С».

Так, так, что там Кастеллан пишет про события десятидневной давности? Граф де Коленкур тогда тоже распорядился о сожжении множества повозок? Значит, всё правильно, и наши предположения о том, что в районе Семлево или Славково были утоплены немалые по массе ценности («Железный обоз»), получили ещё одно подтверждение. Ведь повозки отступавшие войска сжигали не из-за какой-то особой французской вредности, а только для того, чтобы их скопище не выдало место, вблизи которого было произведено захоронение. Ведь понятно же и дураку, если в каком-то месте стоит сотня пустых телег и фургонов, то, стало быть, груз, с них снятый, лежит где-то неподалёку.

13 ноября

«13 ноября 1812 г. в сторону г. Красный был отправлен небольшой артиллерийский парк (пехотной дивизии Клапареда), *к которому был присоединён войсковой обоз, вёзший трофеи, захваченные в Москве, а также императорский обоз».*

14 ноября

«Мы оставляем Смоленск. Дежурный адъютант сначала назначил меня ждать здесь арьергарда, так как не нашёл под рукой других офицеров. У некоторых из наших товарищей просто талант уклоняться от трудных поручений. Я заметил ему: — Я останусь, но это не моя очередь. Он мне ответил: — Я это знаю, вы посылаетесь чаще, чем другие, вы деятельны и усердны. Он добавил: — Это несправедливо, если я найду кого-либо другого, он получит работу.

Император садится в экипаж с неаполитанским королём (Иоахимом Мюратом), *эскортируемый в первый раз пехотным батальоном "старой"*

гвардии. Принц Невшательский, министр двора, шталмейстер и дежурный адъютант следуют за ними в санях.

Падает большое число лошадей. Приходится бросать много пушек. Переходим через два моста, эти переходы дьявольски трудны. Я нахожу экипаж генерала Нарбона, который не может проехать вперёд. Егерь нашего генерала, очень сильный мужчина, выпив чересчур много водки, заснул и умер. Мороз — 19 градусов.

Императорская штаб-квартира в Корытне. Очень холодно и очень скользко. Почти всю дорогу (22 версты) *я иду пешком и падаю не один раз. Мы спим вповалку в крестьянской избе».*

«Наполеон выступил из Смоленска в 8 ч. 30 мин. утра. На пути обогнал обоз с трофеями и обоз главной квартиры недалеко от деревни Уфимья. В Корытню прибыл довольно рано; через час узнал о нападении партизан на обоз в расстоянии 2,5 км от Корытни. Партизаны захватили 10 лошадей и разграбили часть фургонов императорского обоза. Мороз достигал 20 градусов».

Как точны и как полезны воспоминания Кастеллана. «Мы теряем много пушек». Не просто теряем, замечу, а прячем. Но обратите внимание, температура в тот день падала, чуть ли не до –20-ти. Следовательно, зарывать свои пушки в земле у французов не было никакой возможности. Но возможность их утопить, напротив, была прекрасная. Преодолели два «дьявольски трудных» моста. Вот вам и подходящие места для затопления тяжестей. Какие речки встречаются после Смоленска? Берём в руки карту, увеличительное стекло и смотрим. На всём пути до Корытни французам пришлось преодолеть 3 реки. Одну у деревни Ясенная, другую у деревни Лубня и третью в непосредственной близости от Корытни. Вот вам и объекты для работы. Пушки ведь (из тех, которые ещё оставались на ходу) были относительно небольшие по размерам — 3- и 6-фунтовые — и они, пробивая лёд, сразу глубоко уходили в речной ил. Так что увидеть их по весне было уже невозможно.

15 ноября

«Г. Красный. Холодно, по крайней мере –12 градусов, небольшой снег. Вчера 1200 человек русской пехоты под командованием генерал-адъютанта графа Ожеровского с отрядом, состоявшим из: 19-го егерского, Мариупольского гусарского и 4-х казачьих полков с полуротой конной артиллерии на рассвете атаковали польскую дивизию генерала Зайончика, остановив-

шуюся в г. Красный. Но, видя приближение сильной колонны французов под командованием генерала Себастьяни, русские оставили Красный и отошли за 3 версты в дер. Кутьково, уводя за собой 11 обер-офицеров и 900 человек нижних чинов».

«Казаки с артиллерией появились у главы нашей колонны. Вестфальцы прогнали их; тогда они напали на хвост колонны, застрявший при переправе через тесный мост на речке Лосмине в овраге. Во время перехода по мосту дьявольские казаки взяли у нас несколько человек. Большое число повозок было разграблено; таким образом, вечером 15 ноября мы один за другим узнавали о пропаже наших вещей; вероятно, и моих в том числе. Я не буду роптать, если это научит нас идти в большем порядке».

«Два ящика с трофеями, между которыми находился и крест с Ивана Великого, утонули во время переправы по льду; погибли все и люди и лошади».

И здесь, именно в этом самом месте, настаёт самое время для очередной главы, названной мною:

«Крест и слава»

Давайте сейчас вместе с вами вспомним об одном знаменитом объекте, который несколько раз и теряли, и вроде бы находили, причём (что удивительно) тоже несколько раз, но до сих пор толком неизвестно, нашли ли его вообще хотя бы один раз. Речь пойдёт о крайне запутанной истории похищения французами креста с колокольни Ивана Великого. История эта довольно интересна и поучительна не только с точки зрения записного кладоискателя, но даже и обычного человека.

История похищения знаменитого креста, снятого с колокольни Ивана Великого, его утери и последующих поисков составляют особую кладоискательскую тему. И начну я эту захватывающую историю вовсе не с истории постройки знаменитой колокольни, и не с параметров не менее знаменитого креста, а с выдержки из письма человека, который в прямом смысле слова несколько лет тому назад буквально шёл по следу почти что исчезнувшей реликвии.

«...Передо мной лежит документ 1812 года. Письмо французского офицера из главного штаба Великой армии. В письме говорится о том, что повозка, на которой везли большой крест с колокольни Ивана Великого,

утонул во время переправы, и рядом с ней утонули два зарядных ящика с московскими трофеями. Где это произошло, в письме не было сказано, была лишь маленькая зацепка — дата, когда это случилось. И я уцепился за эту дату, как утопающий за соломинку.

Дело в том, что императорский обоз был всё время в движении. В сутки он проходил по 30, иногда и 40 вёрст. А раз так, решил я, то, зная дату катастрофы при переправе, я смогу вычислить эту переправу. Согласно этой дате обоз вышел ...ноября из пункта "А" и поздно вечером этого же дня прибыл в пункт "Б". Между этими пунктами расстояние в "Х" вёрст. На подлинной карте 1812 года я отметил все речки и установил, что на этом отрезке дороги было всего "N" переправ. Следовательно, требовалось обследовать все эти переправы между "А" и "Б" на реальной местности.

А начал я с того, что много раз приходил в Кремль и подолгу стоял и смотрел на большой крест колокольни Ивана Великого. Мысленно представлял, как его снимали французские сапёры и плотники, как он покачнулся и сорвался вниз под собственной тяжестью. Как его укладывали на большую телегу и везли в Париж...

Летом 1984 года я выехал на ту дорогу, по которой двигался императорский обоз из пункта "А" в пункт "Б", имея при себе карту 1812 года. Я ехал на велосипеде по этой дороге и ни о чём не думал, кроме как о том, что везу тяжёлый крест на телеге. Подъезжая к очередной переправе, я мысленно говорил себе, что вот здесь утопили повозку с крестом, как бы мысленно топил её. Но не получалось, интуиция и какой-то внутренний голос подсказывали: нет, не здесь. Это было необъяснимо, но так было тогда. Проехав много вёрст, я подъехал к очередной переправе и решил обследовать берега реки. Прошёл вдоль берега, и в одном месте меня почему-то неудержимо потянуло в воду, на небольшой островок, что виднелся на середине реки. Я даже разулся и уже хотел идти через протоку к островку, но остановился и стал туго соображать, почему меня так неудержимо тянет на этот остров. Я долго смотрел на него, потом решил пройти по берегу реки ещё немного. Прошёл ещё метров 500, но нигде меня в воду больше не тянуло. Решил вернуться к островку. Когда пришёл опять на это место, меня вновь потянуло через протоку. Я было разделся, но чего-то испугался и не поплыл, а просто долго сидел на берегу и смотрел. Запомнил это место и поехал дальше. Обследовал ещё две переправы, но уже никаких эмоций не испытывал.

Я решил капитально обследовать этот островок. Выезжал из Москвы много раз и зимой и летом. И не ошибся. В этом месте произошла катастрофа: утонули два зарядных ящика с трофеями и телега, на которой везли в Париж большой и тяжёлый крест. Я ничего не стал трогать, оставил всё как есть. До настоящего времени там ничего не изменилось, только разрастаются кусты ольхи и черёмухи на берегу реки.

С того времени прошло 12 лет. За этот период я обращался в разные московские организации с просьбой помочь достать со дна реки утонувшие вещи: большой крест и два зарядных ящика с московскими трофеями. Писал заявления на Петровку 38, заказное письмо президенту, в администрацию Кремлёвских музеев, в организацию "Охрана памятников г. Москвы". Подал три заявления на имя мэра Москвы Ю.А. Лужкова.

Ответы я получил, но... Одни отвечают, что нет средств, другие говорят, что это не их территория, а некоторые даже сердятся и отвечают, чтобы я не морочил им голову, и такое было.

У меня теперь осталась последняя надежда, на фирму "Гера" и ещё газету "Клады и сокровища"».

Вот такое письмо. В чём-то искреннее, в чём-то наивное. Но для большинства из вас оно явно непонятно, так как закодировано и несёт очень мало практической информации. Постараюсь прояснить намеренно скрытые в письме моменты. И вот теперь я начну с самого начала, что называется, от «печки».

«Во второе лето царствования Бориса Годунова (1600) *была выстроена восьмигранная Ивановская колокольня. В народе эта колокольня получила название Ивана Великого. На той колокольне крест деревянный, обитый медью позолоченной через огонь, вышина креста две сажени и два аршина».*

Выписка дана из исторического описания московского Успенского собора (А.Г. Левшин. С. 242. Издание 1783 г.).

Значит, наш крест был деревянный! Дубовый, если быть совершенно точным. Длиной он был 5,68 метра. Центральный брус имел сечение 210 × 280 мм. Его покрывали медные (по другим данным, серебряные), позолоченные полосы, общим весом 270 кг. И общий вес всей грандиозной конструкции достигал 940 кг!

Неудивительно, что когда его стали снимать с колокольни, он покачнулся, увлекаемый собственным весом, и, падая, чуть не убил и не потянул за собой

людей, державших его за цепи. Как они ни напрягались, но всё же удержать почти тонную махину и спустить её на землю им не удалось, и крест при падении сломался. Но тем не менее его всё же погрузили на особо прочную телегу и повезли в императорском обозе в Париж, под усиленным конвоем.

Зачем? Вы не задавались вопросом о том, зачем им понадобилось тащить весь крест? Содрали бы с него металлические полосы, и все дела. Но нет, это был вовсе не простой крест с рядовой колокольни! И Наполеон мечтал вывезти его из России именно целиком, не разбирая. И роль ему, и место для последующего размещения он избрал особые. Остановлюсь на этом моменте немного подробнее. Наполеон лично приказал снять данный крест, поскольку намеревался водрузить его на куполе Дома инвалидов (по-русски этот дом назывался бы Дворец ветеранов).

Этим актом он намеревался поставить окончательную точку в этой войне. Ведь крест на колокольне Ивана Великого был не обычным крестом. Бытовало поверье, что с потерей именно этого креста неминуемо падут и свобода, и слава России, как самостоятельного государства. Поэтому он нужен был императору в любом состоянии, целиком, пусть даже и разобранный на составные части. Характерны и знамения, которые происходили и при его снятии, и при потере. Я уже писал, что когда его спускали на землю, то едва не погибло несколько человек. Так вот, данный крест в конце своего земного пути всё же утянул «на тот свет» несколько человек. То есть как бы и сам не дался, и обидчиков наказал. И это есть истинный факт.

Теперь давайте вернёмся к письму. Что это за пункты «А» и «Б», о которых пишет автор? Попробую реконструировать его шифрограмму. Итак, в тот роковой день императорский обоз двинулся в очередной переход из деревни Корытня. Это-то и был пункт «А» из письма. Где же был расположен пункт «Б»? Откроем карту Смоленской области. Смотрите, накануне обоз выступил из Смоленска и, преодолев за один переход порядка 25 вёрст, расположился вокруг Корытни. Следующий же переход должен был быть ещё более протяжённым. Основные силы Наполеона и, разумеется, самые ценные обозы должны были непременно достичь города Красный.

Это была дорога длиной более 35 километров в современном исчислении. Мороз стоял под двадцать (то есть едва переносимый изнеженными европейцами), и дорога совершенно обледенела. Дул резкий северный ветер, и не привыкшим к таким лишениям теплолюбивым французам казалось, что такое буйство природы наверняка послано им в наказание из одного круга подземного ада. Но и малейшей возможности отсидеться около спаситель-

ных костров у них не было. Шла смертельная гонка и бескомпромиссная игра на выживание. Русские войска постоянно стремились охватить авангард французской армии и заставить сойти отступающие колонны с главной дороги. Если бы им это удалось сделать (использовав какой-нибудь удобный естественный рубеж), то гибель Великой армии была бы ускорена многократно.

Поясню, в чём тут было дело. Спасение падающих от истощения и усталости французов парадоксальным образом заключалось в том, чтобы двигаться как можно быстрее. Так быстро, как только возможно, несмотря на отставших людей и гибнущих лошадей. Только так они могли выскользнуть из окружения, которое постоянно грозило со стороны двигающихся параллельно полков Кутузова. Но те обогнать французов никак не могли, несмотря на то, что наши солдаты тоже выбивались из последних сил. Всё дело было в том, что французская армия двигалась по хорошей и достаточно широкой дороге, а российские войска большей частью вышагивали по совершеннейшему бездорожью. И как ни торопились наши генералы, опередить отходящего на запад неприятеля им никак не удавалось. Кстати сказать, на пространных русских равнинах не везде засаду можно было устроить и по чисто географическим причинам. Ведь рельеф, наличие естественных препятствий и тактические особенности той или иной местности играют в военном деле далеко не последнюю роль. Так вот, именно в пункте, обозначенном автором письма как «Б», и было решено устроить врагам практически непреодолимую западню.

А теперь раскроем тайну непонятных букв. Под пунктом «Б» в данном случае автором понимался город Красный (или, как говорили в те времена, Красно́й, с ударением на последний слог). Примерно в двух с половиной километрах к востоку от этого старинного города есть уникальное место, чрезвычайно удобное для быстрой организации оборонительного рубежа. Достоинство его заключалось в том, что река Лосмина (ныне Лосвинка) своим руслом образовывала естественное препятствие для движения больших масс войск и обозов. Сама по себе речка вовсе не так широка (всего-то 2,5—3 метра), но течение её весьма быстрое, и западный левый берег (на который предстояло взбираться французам) весьма крут. К тому же преодолеть реку вброд практически невозможно из-за того, что Лосмина хоть и не слишком широка, но весьма глубока и берега её в районе столбовой дороги обрывисты. Да что там говорить, они практически отвесны. Для переправы же гужевого транспорта был переброшен всего один неширокий деревянный мост, через ко-

торый, как вы прекрасно понимаете, большим массам людей и телег быстро переправиться не было никакой возможности.

Отсюда был понятен и замысел наших генералов. Если установить на высоком берегу реки хотя бы пару артиллерийских батарей, держащих под прицелом мост, то легко можно было бы заставить армию Наполеона свернуть с дороги и направить её в сторону Днепра. К несчастью для наших военоначальников, такую печальную возможность предвидел и император Наполеон. В его оперативных планах значилось во что бы то ни стало достичь города Красный первым. И вот ранним утром 14 ноября смертельная гонка на выживание началась. Великие планы и амбиции «великих мира сего» были поставлены в тот день на карту. И выигрыш в том бескомпромиссном поединке мог быть только — один либо жизнь и слава, либо… смерть и проклятье. И в значительно мере удача способствовала французам.

Вот как писал о дне, предшествовавшем этому эпизоду, Арман де Коленкур.

«Через час после прибытия в Корытню мы узнали, что в расстоянии одного лье (4,16 версты) *от нас казаки только что атаковали небольшой артиллерийский парк и войсковой обоз, перевозивший трофеи, захваченные в Москве, а также императорский обоз, присоединившийся к этому парку, то есть тот, который мы только что обогнали. Казаки захватили около десяти лошадей и фургоны императора. Они захватили часть вещей с собой, а всё остальное разбросали. Был разграблен фургон с планами и картами императора. Артиллерия потеряла в этом деле половину своих запряжек: большая часть офицеров ставки лишилась своего багажа».*

Обратите внимание, уважаемые читатели, в каких условиях отходила из Смоленска французская армия. Как и описал в своём письме охотник за знаменитым крестом, на пути императорского обоза, выдвинувшегося из Корытни, лежали три переправы. Одна была совсем недалеко от самой Корытни, в «старой» Жорновке. Вторая — в деревне Никулино, где французам предстояло преодолеть речку Дубрава. И третья — через Лосмину. На какой же из них был потерян крест со знаменитой колокольни? Непонятно! Автор письма был прав. Ни в Жорновке, ни в Никулино телега с крестом утонуть просто не могла, потому что просто негде было. Речки в этих населённых пунктах столь малы и узки, что в них даже человеку утонуть невозможно, не то что сразу трём экипажам одновременно!

Нет, нет, первые две худосочные речушки бегущая в страхе армия преодолела без каких-либо ощутимых потерь. Все основные трудности начались

только вблизи третьей реки — Лосмины. Туда, на высокий западный берег, русские войска уже успели доставить на санях несколько малокалиберных пушек, и артиллеристы попытались с их помощью затруднить движение головной колонны. Однако в полной мере достичь поставленных задач им не удалось, на их пути встали озлобленные потерей своих трофеев вестфальцы. Им удалось не только отбить нападение русских войск, но и решительной контратакой отбросить с дороги вымотанные длительным переходом части корпуса Платова. Наши войска, не ожидавшие от не менее обессиленных французов такой прыти, бросились бежать назад через Уварово к лесу, побросав свои пушечки в большой пруд (ныне совершенно исчезнувший). Вряд ли они были подняты впоследствии, поскольку на дне пруда уже тогда лежал толстый-претолстый слой ила. И, скорее всего, они так и лежат в земле, неподалёку от еле заметных останков «старой» плотины. То есть ситуация во время отступления из Смоленска была такова, что казацкие сотни и полусотни непрерывно кружили вдоль дороги, выжидая подходящего момента для молниеносной атаки. И нападение у Лосмины (ныне Лосвинка) было лишь одним из многих подобных нападений.

Но давайте зададимся вполне резонным вопросом: где всё же могли одновременно утонуть три весьма большие повозки? На всём пути от Смоленска до Красного в действительности нет ни одной крупной, или, лучше будет сказать, достаточно широкой реки! Ведь не с пятиметрового же (по длине) моста целых три экипажа одновременно свалились в трёхметровую по ширине реку? Если они и утонули, то явно не упав с моста. Но как же всё это произошло?

Загадка исторического эпизода была столь очевидна, что требовала однозначного ответа. И для того, чтобы ответить на этот вопрос, и в самом деле нужно было приехать на место краснинского сражения. Только приблизившись к современному мосту через резвую Лосвинку, можно в полной мере понять, как развивались те трагические события в середине ноября 1812-го.

Спустившимся в речную долину французским обозам можно было безопасно переправиться через практически непреодолимую водную преграду всего в двух местах. По основному деревянному мосту (это само собой), но проехать можно было и по неширокой плотине, которая была выстроена для того, чтобы можно было устроить около неё особое место для вымачивания льна. Данное сооружение было возведено ниже по течению, примерно в полукилометре от основной дороги. Река перед плотиной естественно разливалась на приличном пространстве, течение её сильно замедлялось, и на образовавшемся почти стоячем пруду стоял уже достаточно прочный лёд.

Во всяком случае, так казалось тем из французов, кто не сумели переправиться и вынужденно скопились на правом берегу реки. Но вот по тонкому льду пробежал один солдат, вот другой... Целый взвод, вразнобой бренча развешенной на спинах военной амуницией, перебрался на противоположный берег. Вот открытое пространство преодолела разрозненная группа всадников... проехала одна повозка, вторая... Лёд держал! Держал даже в центре пруда!

А казаки отчаянно и яростно наседали с тыла на заполнившие речную долину обозы. И, к сожалению, вестфальцы, столь деятельно оборонявшие головные обозы, были теперь далеко от переправы, на другой стороне реки. В этот роковой момент они воевали с новой группой русских войск. И эта битва вообще происходила довольно далеко, намного ближе к деревне Уварово, а вовсе не к переправе. Именно там велось основное сражение за контроль над главной транспортной артерией. Здесь же, у моста, казацкие отряды действовали более решительно и дерзко. У них уже явно был наработан богатый опыт нападения именно в таких, неудобных для быстрого продвижения местах. Писал ведь тот же Кастеллан, что казаками в плен было взято несколько человек. Значит, дошло уже и до рукопашной схватки! Со всех сторон неслись воинственные крики, звон сталкивающихся сабель и ружейные выстрелы. И вот тут-то у многих возниц просто не выдержали нервы. Понимая, предчувствуя всем своим естеством, что спасение может быть только на той стороне реки, многие из них очертя голову погнали лошадей через проточный пруд, благо именно там крутой берег сходил на нет, и в принципе у них была вполне реальная возможность даже на отощавших лошадях выбраться к своим передовым частям.

Трагедия произошла именно в этот самый момент. Ещё очень непрочный лёд вполне справлялся со своей задачей, когда по нему перебегали люди и проезжали отдельные повозки. Но когда на него одновременно выкатилось несколько тяжело гружённых зарядных ящиков, одни кованые колёса которых достигали 1,6 метра в диаметре, лёд прогнулся и лопнул сразу в нескольких местах. Всё произошло в считаные мгновения. И лошади, и возницы, и бегущие рядом с ними солдаты под оглушительный треск непрочной опоры мгновенно провалились в чёрную быстро несущуюся воду. Ледяную воду, добавлю от себя. Шок и ужас тут же сковал не только людей, но даже и лошадей. Все провалившиеся пошли на дно, не побарахтавшись и нескольких секунд. Оставшиеся на правом берегу обозные повозки были вынуждены пробираться либо по всё ещё действующему мосту (он лежал ниже зоны огня русских

пушек), либо через дальнюю плотину. Но многим было уже не до спасения груза, и поэтому значительное количество повозок и телег было брошено в долине перед мостом. Несомненно, что те, кто наблюдал за затоплением трёх подвод с трофеями, имели возможность видеть, что именно утонуло. Во всяком случае, все свидетели сходились на том, что утонули именно два зарядных ящика и телега с громадным крестом. Всё это имущество пошло на дно, но, в отличие от пушек в деревне Уварово, в слое матёрого ила не утонуло. И здесь момент очень тонкий, для каждого серьёзного поисковика крайне значимый.

Когда я сам прибыл на существующий по сию пору проточный пруд на Лосвинке с целью всесторонне проверить гипотезу автора письма, то сразу обратил внимание на стволы достаточно толстых деревьев, которые торчали из воды чуть ли не в центре реки. Создавалось впечатление, что довольно длительное время плотина была либо случайно разрушена, либо специально перекопана, и река длительное время протекала в довольно узком, т.е. естественном русле. Причём время это было достаточно продолжительным, раз рядом с ним успели вырасти достаточно взрослые деревья, остатки которых торчали теперь из-под воды.

— Стало быть, — подумал я, — много лет назад практически вся территория пруда была осушена и могла быть обыскана вдоль и поперёк. Но догадки — догадками, а мне предстояло однозначно убедиться в том, что на дне проточного водоёма точно нет того, что ожидал там обнаружить человек, приславший мне это письмо. Мои помощники уже натянули над прудом опорную верёвку, и мне оставалось лишь несколько раз пересечь озерко, пытаясь выявить присутствие металла под поверхностью воды. К сожалению, я оказался прав. И сами утонувшие телеги и, разумеется, их драгоценный груз давно были извлечены. Когда это случилось? Большой вопрос. Это могло произойти и сразу после ухода неприятеля. Ведь в поисках брошенного захватчиками имущества тогда спускались многие водоёмы. Да, ствол небольшой пушки или малоразмерные россыпные предметы могли и не попасться на глаза искателям сокровищ, но массивные, совершенно целые зарядные ящики не могли быть не замечены.

Однако был вполне возможен и иной вариант развития событий. Ведь рядом с переправой населённого пункта нет, и нежелательных свидетелей из местных жителей на месте происшествия не могло быть в принципе. Значит, не могло быть и мотивов, по которым кто-то решил срочно спустить водоём, будучи твёрдо уверен в том, что на дне его скрывается что-то ценное. Очень

даже могло и так статься, что плотину разрушили много позже, может быть, даже и в XX веке. Естественно, что к тому времени телеги давно распались на составные части и их остатки были постепенно занесены речным илом.

В таком случае раскопки и последующее восстановление плотины могли происходить и относительно в недавнее время. Разумеется, отыскать транспортные средства, столько лет пролежавшие под водой, после спуска плотины визуально было совершенно невозможно. Поиски (если они и в самом деле велись в данном месте) явно проводились целенаправленно и со знанием дела. Но кем и когда было извлечено утопленное имущество, выяснять было некогда, да и незачем. Оставалось только прикинуть примерную стоимость найденного добра, хотя дать точную оценку крайне затруднительно. Но, исходя в своих оценках исключительно из массы металла, можно прикинуть, что в настоящее время извлечённое некогда из Лосминки имущество вряд ли стоит меньше $ 200 000.

Единственное, что я сделал для успокоения совести, — проверил прилегающую к реке территорию, но и там ничего крупнее чугунного пушечного ядра от двухфунтовой пушки (единственного свидетеля происходивших здесь событий) обнаружить не удалось.

Казалось бы, вопрос полностью исчерпан. Крест с колокольни Ивана Великого вместе с частью прочих трофеев затонул 15 ноября 1812 года в безымянном проточном озерке в полукилометре от шоссе Смоленск — Красный. И сам крест, и прочие трофеи извлечены задолго до наших дней. Местонахождение их неизвестно. Конец истории? А вот и нет! Почитайте-ка другие отрывки из мемуаров и донесений.

«Стоило неимоверных усилий, чтобы сорвать с колокольни Ивана Великого её гигантский крест. От Гжатска до Михалёвки, деревни, расположенной между Дорогобужем и Смоленском, в императорской колонне не случилось ничего примечательного, если не считать того, что нам пришлось бросить в Семлевское озеро вывезенную из Москвы добычу: пушки, старинное оружие, украшения Кремля и... крест с Ивана Великого...»

Кто же это пишет? А пишет эти строки главный квартирмейстер императорской квартиры генерал Филипп Поль де Сегюр. Не последний человек в штабе Наполеона. Должен был быть хорошо информирован по долгу службы. И он утверждает, что наш крест был затоплен давным-давно, аж 2 или 3 ноября, ещё задолго до подхода основной массы войск к Смоленску. Тогда совершенно непонятно, что же утонуло в Лосмине! Другой крест? Но и это ещё не всё, послушайте, что было дальше.

18 ноября штабс-капитан Байков, командир 3-го батальона лейб-гвардии Финляндского полка, был послан из города Красного в Петербург для доклада государю императору. Прибыв в Петербург, Байков доложил Александру I об отбитии у французов большого креста с колокольни Ивана Великого!!!

Вот это фокус! Вот это неожиданный поворот сюжета! Ну не мог обычный штабс-капитан нагло врать императору Александру прямо в глаза. Ложь на таком высоком уровне, да ещё в военное время, просто недопустима и к тому же наказуема. Даже если предположить, что сам капитан креста не видел и говорил с чужих слов... Но ведь сведения для доклада высшему лицу государства утверждались на самом высоком армейском уровне, то есть самим Кутузовым. А тот непроверенные слухи и домыслы вряд ли стал бы докладывать в Петербург. За такую неслыханную дерзость и головы можно было лишиться.

А тем временем донельзя заинтригованный Александр сам пишет Кутузову.

«Князь Михайло Ларионович! Присланный от вас курьер, будучи мне лично представлен, между прочим, объявил, что будто бы похищенный в Москве с колокольни Ивана Великого крест отбит нами у неприятеля, изъясняя, что он основывает сие донесение на изустном Вашем в том приказании...» (Александр I тоже знает связанную с крестом легенду и именно поэтому беспокоится о нём в первую очередь.)

Кутузов, естественно, незамедлительно отвечает на запрос.

«В армии распространился слух об отобранном у французов кресте с колокольни Ивана Великого. Я всеподданнейше доношу, что об отобранном у французов кресте действительно носился слух и в предводительствуемой мною армии, но известию сему я не могу поверить оттого, что после всех донесений, какие сделаны ко мне от частных начальников об отбитых ими вещах, никто из них не упоминает об обозначенном кресте. Неприятель принужден был его или потопить, или зарыть в землю, как обыкновенно делал сие он и со всеми другими вещами».

Какую только что произнёс Кутузов знаменательную фразу, крайне для нас знаменательную! «Потопить или зарыть в землю». Значит, уже не раз наши военные встречались с практикой массового сокрытия вывозимых из Москвы ценностей. Ну да, конечно, ведь брали много пленных, среди которых наверняка встречались и те, кто сам либо что-то закапывал, либо топил. Другое дело, что за военными заботами некогда было заниматься поисками, и это дело оставили «на потом». И это «потом», как мы видим, растянулось до наших дней, считайте, на два столетия.

Но давайте всё же вернёмся к основному предмету нашего обсуждения. Косвенным образом представленная переписка подтверждает нашу версию о том, что знаменитый крест пропал именно при сражении на реке Лосминке. Ведь в руки наших войск попало несколько десятков пленных. А пленные, как мы теперь знаем, были захвачены именно среди тех возниц, кто занимался проводкой обозных повозок. И весьма вероятно, что именно они стали источником тех слухов, которые носились в армии Кутузова, поскольку являлись непосредственными свидетелями произошедшей на озерке трагедии. Вот только, как это часто бывает, слух о том, что крест утонул в реке, трансформировался в сообщение о том, что он якобы найден. Да он и в самом деле был рядом, можно сказать, в двух шагах, от русских войск, вот только, кроме давно отправленных в тыл пленных, никто не знал, где же именно. Судя по общему тону письма Кутузова, он сам об этом даже не догадывался.

Дополним дневник де Кастеллана рассказом о тех событиях, что происходили на этом в принципе небольшом отрезке длинного пути, проделанного наполеоновской армией.

«Дорога от Смоленска до Красного 12 и 13 ноября была свободная, на ней не было ни русских, ни французских войск. 12 ноября в сторону Красного из Смоленска было отправлены вестфальцы под командованием Жюно. С этим отрядом в 700 человек был отправлен большой артиллерийский парк и 500 человек безлошадных кавалеристов. В этот же день выступил к Могилёву, южнее Краснинской дороги, польский отряд в количестве 800 человек (не считая безоружных), *но, прибыв в деревню Червонное* (существует и поныне) *и, встретив там казачьи разъезды, двинулся по просёлочной дороге к селу Волково* (ныне не существует) *и далее на Краснинскую дорогу в город Красный».*

В тот же день в город Красный из Смоленска прибыл большой транспорт в количестве (примерно) 200 подвод и под охраной в 400 человек гренадеров и егерей «старой» гвардии. Этот обоз шёл, опережая армию на два-три дня пути, и состоял из части императорского обоза; он вёз так называемые «московские трофеи» в Париж.

Этот большой транспорт был отправлен из Боровска по приказу императора. Отдохнув и пополнив запасы продовольствия, этот транспорт на другой день (утром 13 ноября) отправился далее в сторону Орши.

«Из Смоленска 13 ноября в город Красный выступила дивизия Клапареда с так называемыми трофеями, казною и императорским обозом» (М. Богданович. История Отечественной войны 1812 года. Т. 3. С. 110).

Д.В. Давыдов, известный своими подвигами партизан, пишет в своих записках следующее. *«Взяв направление на деревни Червонное и Манчино, где ещё не было неприятеля, я мог быть у Красного 13 ноября, в тот самый день, как дивизия Клапареда, прикрывавшая транспорт трофеев, казну и обозы главной квартиры Наполеона, выступила из Смоленска по сему направлению. Правда, это известие о том дошло до меня весьма поздно. Как ни слаба была дивизия сия, но она превышала мою партию. Дивизия была пехотная, а моя партия конная».*

Надо думать, наш славный партизан, неожиданно для себя наткнувшись в районе Червонной на тысячу поляков, попросту решил не рисковать. Пытаться перерезать основную дорогу, имея у себя в тылу столь мощную группировку, было бы для него сущим самоубийством. Тяжёлого вооружения наши кавалеристы не имели и по большей части промышляли нападением на слабо защищённые обозы. Там они были в своей стихии. А профессиональная пехота, да ещё и с артиллерией, это совсем другое дело! Против неё так лихо не выступишь. Именно это обстоятельство и имел в виду наш поэт-кавалерист, когда заявлял в своё оправдание, что *«дивизия была пехотная, а моя партия конная».*

Точно так же поступил и командир польского отряда. Не имея понятия о том, какие на самом деле ему противостоят силы, он тоже решил лишний раз перестраховаться. Ведь он-то намеревался по-тихому прошмыгнуть по рокадной дороге до Монастырщины и уже оттуда через Досугово и Палкино доскакать до города Красного, где вскоре должны были сосредоточиться основные силы отступающей армии. А тут на тебе, и здесь оказались зловредные казаки! Поляки, ровно так же, как и полковник Давыдов, решили не рисковать, а торопливо вернулись на торную дорогу.

Весьма вероятно, что именно это небольшое по военным меркам происшествие значительно изменило расстановку сил и предопределило весь дальнейший ход сражения у города Красный. Отступающая от Смоленска группировка, причём самая ответственная её часть (авангард), была усилена крупным кавалерийским отрядом в самый неподходящий момент. Если бы вестфальцы (практически все безлошадные) не получили помощь польской кавалерии, то весьма вероятно, что вся армия Наполеона, и так вынужденно растянувшаяся почти на 50 километров, была бы успешно разрезана Кутузовым на две части. В том случае, если бы русские войска смогли надёжно заблокировать переправу на Лосминке, то последствия были бы куда как более серьёзные, нежели потеря нескольких повозок и какого-то количества пленных.

Давайте вернёмся в своих рассуждениях несколько назад и рассмотрим данную ситуацию более подробно. Как следует из приведённых мною выше выдержек из воспоминаний всевозможных участников тех событий, основная масса вывозимых из страны ценностей распределялась между двумя основными обозами. Первый обоз уже покинул Красный и двигался к Орше. Второй, составной обоз, охраняемый «молодой» гвардией, тащился из Корытни. Взять первый обоз было, в общем-то, нетрудно. Войска, его охранявшие, были хотя и отборны, но малочисленны. Но нападать на него было просто некому, поскольку все боеспособные части Кутузова, Платова, Давыдова, Орлова-Денисова были нацелены на основную армейскую группировку французов, в которой двигался и сам император, и второй обоз с трофеями. И конечно, для них было гораздо важнее остановить и столкнуть с дороги именно эту самую многочисленную и боеспособную группировку. Ведь в случае успеха всей затеи появлялась реальная возможность заставить армию захватчиков свернуть вправо, в сторону Маньково, а затем прижать к Днепру, причём в том месте, где не было мостов вообще, и принудить к сдаче. «Первый золотой» обоз, вестфальцев, польскую дивизию и ещё кое-какие части можно было догнать и добить впоследствии.

Но... военное счастье вообще переменчиво, и совсем небольшое запоздание наших сил не позволило осуществить сей гениальный план в полном объёме. Вот как об этом пишет сержант Бургонь, непосредственный участник сражения.

«В тот день (14 ноября) *император ночевал в Корытне, а мы* ("молодая" гвардия) *немного позади в лесу. На другой день мы выступили раненько (понимали, что надо торопиться) направляясь в Красное, но, прежде чем войти в город, голова императорской колонны была остановлена двадцатью пятью тысячами русских, заграждавших путь. Но гренадеры и егеря сгруппировались тесными колоннами и русские отступили. Два часа спустя после стычки с русскими, в Красное прибыл император с первыми полками гвардии, нашим полком и фузилерами-егерями».*

Такому успеху французов способствовало то, что Красный был недавно занят их подразделениями. Там был польский гарнизон (сильно потрепанный впоследствии), подходили вестфальцы с артиллерией, туда же прибыла и польская кавалерия, вынужденно свернувшая с окружной дороги на дорогу основную. Вымотанные длительным переходом, не выстроившиеся толком в боевой порядок русские силы были хотя и многочисленны, но совершенно небоеспособны. Количество наших войск, противодействующих французам,

сильно разнится от автора к автору но, разумеется, численность их была невелика. О 25 тысячах (упомянутых Бургонем) речь, разумеется, не шла.

Решительная атака французов одновременно и с фронта и с фланга русской группировки позволила им расчистить себе путь, но не способствовала ускорению продвижения обозных колонн.

Вспоминает месье Булар, командовавший в тот период артиллерией в основной колонне. *«Прибыв сюда* (к Лосминскому оврагу) *вечером, я тот час увидел полную невозможность перейти овраг сейчас же и поэтому отдал приказ остановиться и покормить людей и лошадей. Генерал Киржене, гвардейского инженерного корпуса, командовал моим конвоем. После трёхчасового отдыха мне донесли, что движение экипажей приостановлено, и переход через мост прекращён, так как невозможно проникнуть через скопившиеся здесь экипажи. Зная критическое положение, в котором я находился благодаря близости казаков к моему левому флангу, я решился двинуться вперёд и проложить себе дорогу силой сквозь эту беспорядочную кучу экипажей».*

Естественно, ведь лёд на озерце был уже взломан утром (там три подводы утонули, помните?), а до дальней плотины добраться было совершенно невозможно. Фактически для переправы на левый берег действительно оставался лишь один узкий мостик.

«Я отдал приказ, чтобы все мои повозки следовали бы друг за другом на самом близком расстоянии, без перерыва, чтобы не быть разъединёнными, и сам встал во главе колонны. Мои люди убирали с дороги экипажи, мешавшие нашему проходу, и опрокидывали их, медленно продвигаясь вперёд. Наконец голова колонны достигла моста, который пришлось также очистить, и пробилась через бывшее здесь заграждение. Путь был свободен, но здесь дорога шла круто вверх и земля вся обледенела. Я велел колоть лёд, взять земли с придорожных боковых рвов и набросать её на середину дороги. За час до рассвета вся моя артиллерия была уже на вершине».

Господи, как почитаешь этот отрывок, так кажется, что французы поднимались как минимум на пик Коммунизма. Но в действительности от моста (сейчас, разумеется, от него почти ничего не осталось, только огрызки сгнивших свай) до относительно ровного поля, то есть то расстояние, которое следовало пройти французским артиллеристам в гору, не превышает 250—300 метров.

Вышеупомянутый эпизод косвенным образом подтверждает нашу гипотезу. Если движение через пруд было парализовано после инцидента с одно-

временным затоплением трёх повозок, то, естественно, что все те экипажи, что выдвинулись к «старой» плотине в первой половине дня, попали в своеобразную пробку. Вперёд они продвинуться не могли (взломан лёд), а развернуться и переправиться через мост тоже не было возможности, ибо со стороны Корытни прибывали всё новые и новые обозы, артиллерийские батареи, зарядные ящики, войсковые кухни и толпы пехотинцев. Неудивительно, что переправа основной колонны растянулась на двое суток.

Но посмотрите, как известие об утоплении столь весомого по значению раритета, как крест с Ивана Великого, распространялось в массе наших войск. В книге «Русская старина» за 1910 год генерал Адамович пишет, что крест, снятый с кремлёвской колокольни, потоплен в пределах Могилёвской или Минской губернии по дороге от города Орши до города Борисова. В 1862 году он, проезжая по этой дороге, заметил, что запруды на реках спущены. От своего спутника помещика Гурко он узнал причину этих масштабных работ. Тот ответил, что когда он некоторое время жил в Париже, то познакомился с бывшим министром Гино, который сообщил ему, что он был в 1812 году поручиком в армии вторжения. Гино упомянул, что на первом или втором переходе от Орши по приказу Наполеона знаменитый крест был потоплен в озере вправо от дороги. Розысками креста занялся родственник Гурко, некий Лярский. Несмотря на трату больших средств, крест не был найден.

Бывший поручик Гино был не так уж и далёк от истины. Хотя описываемое им событие произошло на втором переходе вовсе не от Орши, а от Смоленска, но слухи об утоплении креста могли распространиться по сильно растянутой французской армии, как раз ближе к Орше или прямо за ней. Причём он правильно указывает на то, что затопление произошло именно справа от дороги, и неправильно на то, что приказ исходил от Наполеона. Последняя ошибка, впрочем, вполне естественна, поскольку приказы по армии издавал именно он, а никто иной.

Значит, основные поиски сокровища велись именно там, где известие об утрате мистического церковного раритета широко распространилось от тех, кто мог быть истинным свидетелем данного эпизода. Ведь от Красного до Орши французские войска практически бежали без остановки, и болтать по дороге было просто некогда. Кстати, ведь именно тогда сведения о данном эпизоде в устном виде дошли и до М.И. Кутузова. Ведь и нашим войскам, едва поспевающим за удирающим противником, тоже было не до праздной болтовни. Следовательно, можно обоснованно предположить, что поиски на лосминской плотине даже не велись. И перекопана данная плотина

была только в конце позапрошлого века, после отмены крепостного права (в 1870—1890 годах). К тому времени обломки телег и повозок наверняка были занесены плотным слоем речного ила.

Вроде бы все исследования и свидетельства убеждают нас в том, что крест (или кусок от него) был утоплен именно в речке Лосминка. Кажется, никаких сомнений быть уже не может. Масса косвенных доказательств однозначно указывает на это место. Все остальные потенциальные переправы, озерца и прудики отброшены по разным причинам. Останавливаться на них мы не будем, но поверьте, они были проверены все, и даже совершенно невероятные варианты тоже. Но как же тогда расценивать строки из мемуаров графа Хохберг-Баденского? Смотрите, что он пишет.

«Мы шли по большой дороге из Минска в Строгани ночью 5-го декабря. Недалеко от села Крапивны ночью мы нагнали главный штаб итальянского вице-короля, который ещё не выступил дальше, и нам пришлось ждать на морозе, пока он не очистит квартиры. Потом нам сказали, что ещё не продвинулись фургоны с трофеями, взятыми из Москвы, как, например крест Ивана Великого и другие вещи из Кремля. И мы опять должны были ждать. Обиднее всего, что часть этих вещей всё равно погибла в непродолжительном времени в пути, а их остаток около Вильно».

Вы не находите это заявление, этот абзац странным? Через двадцать дней после того, как наш крест точно упокоился на последней переправе перед городком Красным, он словно птица Феникс воскрес вновь! Причём заметьте, говорится об этом событии весьма буднично, в том контексте, что, мол, зря мы его так берегли, всё равно пропал. Откуда же взялся второй крест? Или их в действительности было несколько?

Чтобы разобраться в данной проблеме, давайте сходим в Кремль и посмотрим сами на знаменитую колокольню. Вот мы подходим к громадному белокаменному сооружению, задираем голову и видим... целых три креста! Не один, не два, а целых три! Вот это фокус, вот это поворот! Несомненно, и во время французского нашествия данная постройка была в том же самом виде, и кресты над ней возвышались точно так же, как и сейчас. Теперь становится совершенно непонятно, сколько же крестов было снято в Кремле с колокольни. И заодно не мешало бы выяснить то, какое количество из снятых французы увезли из Москвы!

Поиски дополнительной информации по этому вопросу вскоре дали кое-какие результаты. Выяснилось, что перед уходом французов из Москвы была предпринята попытка взорвать и Ивановскую колокольню, и расположенную

рядом с ней Филаретовскую пристройку. Приказ отдал маршал Мортье (будь вечно проклято его имя). Но провидение помогло и здесь. Самая высокая московская колокольня (Ивана Великого) осталась цела, хотя стоящая рядом с ней Филаретовская пристройка развалилась на куски, засыпав обломками площадь перед Чудовым монастырём и Успенским собором.

В марте 1813 года, когда начал таять снег, у северной стены Успенского собора под обломками камней и кирпичей был найден большой крест. По этому поводу начальник Кремлёвской экспедиции тайный советник П. Валуев уведомил епископа Августина в своём донесении, что найденный крест принадлежит Ивановской колокольне. В рапорте было сказано: *«Сего марта 5-го числа смотритель надворный советник Аталыков докладывал присутствию (совет директоров), что при обозрении им Кремля, оставшегося после сгоревшего дворца с Грановитою палатою железного материала, который по предписанию экспедиции велено было ему собрать и положить в кладовую, усмотрен им крест, бывший на Ивановской колокольне, лежащий у стены Успенского собора — близ северных дверей — приказано было от присутствия директору чертёжной, архитектору, статскому советнику и кавалеру Еготову и правящему должность архитектора коллежскому асессору Томанскому оный крест осмотреть и в каком положении найдут донести экспедиции, коими и надо знать, что по свидетельству их тот крест оказался действительно с главы Ивановской колокольни, но во многих местах, по-видимому, от падения с большой высоты повреждён и, что, кроме собственного их осмотра, приглашён ими был кузнец Ионов, производивший кузнечные работу, и звонарь Ивановской колокольни, которые тож утверждают».*

Так, оказывается, крест нашли! И никуда его не возили, а значит, и не топили! О таком радостном событии незамедлительно уведомила газета «Московские ведомости». 29 марта 1813 года она писала следующее: *«Крест с главы Ивановской колокольни найден ныне в Кремле у стен Большого Успенского собора».*

Но вы теперь сами можете поправить торопливых репортёров. Ведь среди обломков был найден железный крест, а вовсе не деревянный! Мало того. В тех же обломках был найден и второй крест, на сей раз уже деревянный. Ключарь Архангельского собора А. Гаврилов в рапорте Августину докладывал: *«Два креста, поднятые в развалинах Филаретовской пристройки, один железный, резной и вызлащенный, стоявший над большим колоколом, именуемый Елизаветенским, хранится в палатке, что под Грановитою па-*

латою. Другой деревянный, обитый медью и вызлащенный с простыми каменьями, стоявший над будничным колоколом, хранится в Архангельском соборе за жертвенником».

Вот так! С одной стороны, вроде ясности прибавилось, но с другой — больше её не стало. Ясно, что железный крест никак нам не подходит. А второй, деревянный? Нет, оказывается, и этот деревянный не подходит. Обит простой медью, да и значительно меньше по высоте, чуть более 4-х метров. Вывод один: из трёх крестов был вывезен только один-единственный, самый большой и самый дорогой. Стоп, стоп, что-то мы с вами упустили. Раз самый большой, то, следовательно, и самый тяжёлый... да ещё повреждённый при падении, да ещё с позолоченными цепями... которые одни тянули килограммов на двести... А не везли ли наш крест сразу на двух подводах? На одной ехал вертикальный фрагмент креста, а на другой — горизонтальный с цепями. Так, пожалуй, и правильнее будет. Примерно по полтонны на каждую телегу. И лошадям не так тяжело, и не требуется особо грандиозных транспортных средств для перемещения половинок столь массивного креста.

Если мы правы в своём предположении, то сразу всё встаёт на свои места и разрешаются все противоречия. Значит, правы оказались одновременно и адъютант Кастеллан, и Хохберг-Баденский. Выходит так, что одна часть разобранного креста утонула в Лосминке, а вторую упорно тащили до Литвы, и многие об этом знали и впоследствии писали в своих воспоминаниях. Видимо, от этого и пошла великая путаница, когда одни из бывших завоевателей писали, что крест уже утонул, а другие, ничуть не менее уважаемые, писали, что его гораздо позже всё ещё везли по бесконечным и извилистым белорусским дорогам.

Что ж, теперь мы в состоянии подвести некоторый итог нашему исследованию. Мы уже можем более или менее уверенно рассказать о судьбе одного из значимых раритетов той войны. Крест с колокольни Ивана Великого так и не доехал до Парижа, как планировал Наполеон I. Обе части его, вот уж невыдуманный зигзаг судьбы, остались в России. Порознь, конечно, но всё же остались. А давайте-ка вспомним, что было связано с этим крестом, какое устное предание? Правильно, от наличия в стране данного божественного знака зависели и свобода, и военная слава государства. Можно, конечно, всячески иронизировать над всевозможными знамениями и поверьями, но посмотрите сами.

Да, знаменитый крест из России вывезен не был. Но и в полном своём виде и на законное место он ведь тоже не вернулся. Так что же сталось с на-

шей военной славой и свободой? Да, слава военная после 1812 года у России была, но какой ценой она доставалась! Что ни война, то тяжелейшее и кровавейшее побоище, какую ни возьми. Да к тому же и большинство войн было проиграно нами вчистую! Крымская война — поражение! Русско-японская война — позорное поражение. Первая мировая война — грандиознейшее поражение! Гражданская война — и вовсе сплошное поражение (друг друга избивали почём зря), Финская и Вторая мировая, хоть и окончились победами, но победами кровавыми — воистину пирровыми (пятерых своих за одного противника отдавали, да ещё и приплачивали). Что, перечислять дальше? Не надо? Понятно, что не надо, поскольку хвастать особо нечем. Насчёт свободы я уж и не заикаюсь, до сих пор в полурабском обществе живём. Так что иной раз и призадумаешься над тем, что пора бы всё-таки изловчиться и собрать крест воедино, а то так и будем дальше мучиться.

Кстати, автор письма, с которого я начал своё повествование, тоже заботился о возвращении России не какой-то материальной ценности, а её исконной сути, причём чисто инстинктивно об этом беспокоился, бескорыстно. Он, бедняга, как мог, на сколько хватало его сил, старался подвигнуть государственные организации на осуществление чего-то большего, нежели чисто формальных государственных функций. Старался он, разумеется, совершенно напрасно, поскольку ждать от какой-либо государственной организации нестандартного поступка — совершенно бессмысленная затея. В нашей стране лишь конкретный человек способен на выдающийся поступок, на худой конец — небольшая группа единомышленников. А сборище даже очень профессиональных бюрократов пригодно лишь исполнять нечто предписанное свыше, и не более того.

16 ноября

«Обоз главной квартиры и трофейный обоз выступили в сторону Ляд, по Оршанской дороге. Наполеон с гвардией стоял перед Красным у деревни Уварово и ожидал корпус Вице-короля. В 15 часов пополудни ожидаемый корпус тянется густыми колоннами из Ржавки. Поздним вечером и ночью весь корпус переправился через Лосминский овраг и соединился с войсками в городе Красный».

17 ноября

«3-й полк гренадеров гвардии, состоящий из одетых в белое голландцев (о Господи, сколько же всякого европейского сброда к нам пожаловало!)

сведённых к количеству 300 человек, атакует деревню справа от дороги и теряет половину своих людей. Неприятель развернул приблизительно 2000 человек и значительное число пушек; он почти окружил Красный. Уланы гвардии выстроились направо от дороги под неприятельскими ядрами. Император был на дороге с 4 полками пехоты "старой" гвардии.

Неприятель показался налево; первый батальон 1-го полка пеших стрелков гвардии смело бросился вперёд на неприятеля и потерял своего командира и нескольких человек, убитых ядрами. Немного погодя после движения этого батальона прибывший офицер сообщает о соединении 1-го корпуса с "молодой" гвардией. 1-й полк стрелков был уничтожен, так как единственный батальон — каре, который он смог образовать, был опрокинут русскими кирасирами.

В ту минуту, когда Его Величество вступал в Красный, ядра пролетали через дорогу, и герцог Коленкур заметил ему, что он подвергается большой опасности. Император очень решительно оборвал его, заявив: "Двадцать пять лет ядра взрываются у моих ног!" Однако... дальше пошли ускоренным шагом.

«Приблизительно в 10 часов утра император с тростью в руке стал во главе "старой" гвардии; его экипаж следовал за нами. Через некоторое время Император сел на коня. По выходе из Красного с левой стороны нас прикрывала кавалерия гвардии, за которой неотступно следовали казаки с пушкой.

Главный штаб императора потерял в этот день капитана Жиру, хорошего и храброго офицера. Возвращаясь из арьергарда, он хотел пробиться во главе нескольких собранных им отставших солдат, и был смертельно ранен штыком.

Штаб-квартира перенесена в Ляды; там мы в первый раз встретили польских евреев. Мы испытываем большое удовольствие оттого, что в домах находим живых людей; часть города, по обыкновению, оказалась сгоревшей. Я нахожу свои вещи на тележке, так как мой экипаж бросили, я их уже считал потерянными».

«Корпус Даву в 3 часа утра выступил из Корытни и к 9 утра продвинулся к Лосминскому оврагу, гвардия во главе с Наполеоном прикрывала их. Как только колонны Даву перебрались через овраг, император решил отступать из Красного. Наполеон ушёл со своей гвардией за час до наступления темноты. Ночь была светлая и морозная. При выходе из города с правой стороны дороги на Оршу было маленькое озерцо, в которое была брошена часть снарядов и несколько орудий».

В тот же день граф Платов захватил Смоленск и вечером остановился на ночёвку в Катыне, на правом берегу Днепра.

В 17 верстах к западу от Смоленска, в овраге речки Уфинья казаки наткнулись на брошенные артиллерийские орудия. Их было 112.

В то время как несгибаемый император Франции Наполеон I, демонстративно помахивая тростью, покидал Красный, неподалёку от этого невеликого городка разворачивались воистину драматические события.

Их я описал в главе:

Капкан для маршала Нея

Давайте теперь рассмотрим общую стратегическую обстановку, создавшуюся после сражения у Красного. Да, основной массе отступающих коалиционных войск удалось сохранить за собой контроль над основной дорогой, но когда эта многочисленная и всё ещё довольно хорошо вооружённая масса людей схлынула в сторону Орши, переправу через Лосминку нашим артиллеристам удалось захватить без проблем. Но не забудем, что с востока к Красному приближался ещё один армейский корпус — арьергард Великой армии, корпус маршала Нея.

Сам по себе корпус на тот момент был уже невелик: примерно 3000 человек солдат и офицеров, 6 пушек, небольшой обоз, как и у прочих корпусов, в значительной степени заполненный трофеями и личным багажом. Боеспособность его была тоже на среднем уровне, оснащённость гужевым транспортом тоже. И всё же он сильно отставал от графика движения, и это опоздание на следующий же день поставило отставших французов на грань жизни и смерти. Всё дело было в том, что именно арьергард Великой армии, её 3-й корпус должен был подбирать и как-то продвигать дальше многочисленных отставших, раненых и обмороженных солдат. И, кроме того, в составе корпуса двигались сотни экипажей гражданских лиц, вынужденных бежать из России с вместе отступающей коалиционной армией.

Приблизившись к лосминской переправе, командиры передовых отрядов корпуса мгновенно поняли, что перебраться на левый берег без громадных потерь совершенно невозможно. Обледеневший береговой склон, разбитый настил моста и главное — кучно стоящие на противоположной стороне русские пушки — без лишних слов подсказали им, что успешная переправа прак-

тически невозможна. Ещё раз повторю, что в данных обстоятельствах перебраться через реку можно было только в единственном месте — по дальней плотине. Но она находилась на совершенно открытом месте, под кинжальным огнём нескольких полевых орудий, установленных в санях на господствующих высотах. Плотина, как вы помните, была весьма узка, и достаточно было застрять там хотя бы одной подводе, как и эту переправу можно было считать наглухо перекрытой, поскольку свернуть ни вправо, ни влево с крутого бугра совершенно невозможно. И огонь со всех сторон, в упор, прямой наводкой, картечью, прямо в лицо.

И у Мишеля Нея, справедливо названного Наполеоном «храбрейшим из храбрых», оставалось всего две разумные линии поведения. Он мог попытаться либо пробиться через преграждающий путь кордон силой, неизбежно потеряв весь обоз и как минимум половину личного состава, либо попробовать каким-либо образом обойти неожиданную преграду. Но и здесь всё было не так просто и однозначно. Куда следовало повернуть? Налево, к Уварово? Попытаться перейти реку там? Но всю дорогу от Смоленска до Красного именно слева от основной дороги густо клубились казачьи разъезды. Именно с этой стороны они непрерывно атаковали зазевавшихся ездовых и небольшие воинские команды. Поэтому двигаться налево было бы сущим самоубийством.

Может быть, Нею следовало пойти направо? Тоже не лучший выход. И без того измученные войска должны были совершить довольно большой обходной манёвр и при этом длительное время передвигаться по бездорожью. Представляется, что первоначально маршал рассчитывал добраться до деревни Маньково (она примерно в 2-х километрах от основной дороги), и далее идти на населённый пункт Чёрный (ещё 2 км), и, перейдя там по мосту через Лосминку, добраться до Красного кружным путём, по просёлочной дороге, как бы с севера. Ему казалось, что это будет хотя и тяжело, но выполнимо. Три-четыре часа мучений, и вот он — спасительный город!

Ней в тот момент ещё не знал, что угодил в хорошо рассчитанную и ловко расставленную ловушку. Но тем не менее полки его арьергарда развернулись и двинулись в сторону Маньково (во всяком случае, с той стороны не гремели выстрелы). Французы заняли село и, переправившись через реку Лосмину, остановились на отдых в деревне Супротива (к настоящему времени не сохранилась). Выслали на разведку конные дозоры, и не только их...

А теперь давайте оставим 3-й корпус и буквально на несколько минут вернёмся в наше время, раскроем газету «Вечерний клуб» за 29 октября

1992 года. Небольшая заметка и броское название — «Золото Наполеона у Чёрного Вира». Читаем...

«...Армия отступала. Русские солдаты и партизаны, мороз и голод гнали вчерашних триумфаторов назад, по безжизненной дороге, той самой, которая привела Наполеона в Москву.

Лишний груз всегда помеха при бегстве, и многие расставались с награбленным добром. На дорогу вытряхивали содержимое полевых ранцев, оставляя только самое ценное и необходимое. С повозок сбрасывали раненых.

Капитан Морни и корнет Ленору выехали из Смоленска с обозным отрядом. Шестёрка жалких кляч, бывших когда-то боевыми лошадьми, с натугой тащили набитую богатствами карету. Закутанные в овечьи тулупы Морни и Ленору перекидывались фразами, стараясь заглушить голод, позывы совести и чувство долга.

Обоз углубился в лес. Неожиданно сзади на дороге показался казачий отряд. С огромным трудом французы перевели измученных лошадей в галоп, дабы спасти скарб и жизни. На пути река, и — вот удача, — через неё перекинут мост. Но когда лошади ступили на деревянный настил, мост рухнул. То ли карета была слишком тяжёлой, то ли просто кончилось везение. Воды Чёрного Вира сомкнулись, поглотив богатства навсегда...»

Интересное начало, правда? Дальше будет ещё интереснее, обещаю. Продолжаем наше увлекательнее чтение.

«Это отрывок из литературного сценария ещё неснятого фильма. Сколько здесь правды, а сколько вымысла — узнаем в будущем году. А пока о том, как всё начиналось.

Есть в Москве независимая телестудия "Ченч", которая занимается загадками природы, культуры и человеческой личности. Директор студии Александр Кузнецов встретился как-то с тестем. Сели за стол, беседовали "за жизнь" и, желая по российскому обычаю узреть корни, добрались постепенно до Отечественной войны 1812 года. И вот тут тесть, уроженец Смоленской области, поведал любопытную вещь.

От отца к сыну, из поколения в поколение передавалась в деревне история о том, как проходила здесь в период французского отступления часть наполеоновской армии. С годами рассказ терял свою чёткость, расплывались детали, но неизменным оставалось одно: несколько больших карет с гербами проезжали через мост, он обвалился, и кареты упали в воду и затонули.

Кузнецов загорелся и организовал прошедшим августом экспедицию в деревню "N". Выезжали телевизионщики, геохимики и гидрологи, а также специалисты нестандартного профиля — экстрасенсы. Брали пробы воды и грунта, выявляли отклонения рельефа местности за период с 1812 года, составляли карту магнитных аномалий. А главное — искали. И нашли...

Пока не золото. Нашли само это место — Чёрный Вир, где вполне могло лежать что-то с давних времён. Небольшая, метров восемь—десять шириной, речка достигает значительной глубины — шесть метров. Именно здесь существовал когда-то мост: его дубовые сваи до сих пор сохранились под водой. Сделанные замеры показали увеличенное содержание тяжёлых металлов в иле и воде под бывшим мостом, причём выше по течению это содержание обычно, а ниже последовательно уменьшается. Что же касается экстрасенсов, то они обнаружили у Чёрного Вира значительные магнитные отклонения и сделали вывод: место "нечистое". Кстати, на берегу реки растёт очень старое дерево. На нём, тоже очень давно, прибито колесо от кареты. Не той ли самой?

В 1993 году планируется вторая экспедиция. Количество её участников расширится — прибудут водолазы и строительные рабочие с соответствующей техникой. Найдут ли драгоценности, пока трудно сказать. Но фильм "Золото Наполеона" будет снят в любом случае.

Название деревни пока держится в секрете, чтобы не вызвать потока "кладоискателей"».

Ну как, интересно? Не очень? Что ж, я понимаю. Много розового тумана и полная неопределённость. Попробую сам дать вам максимально полную информацию по этому «литературному сценарию».

Сразу же определимся с конкретным местом, где могли происходить описываемые события. Разумеется, данный эпизод (во многом реальный) можно без оговорок приписать спешно отходящему к Маньково корпусу Нея. Ведь только здесь, по этой самой дороге, проходили некоторые подразделения наполеоновской армии. Основная масса войск, как мы теперь знаем, пошла по другой дороге. А эти были вынуждены свернуть, им не оставили иного выбора. И в составе обозной колонны, ровно так, как и указано в статье, действительно двигались несколько богато изукрашенных карет. Везли ли они трофеи? Несомненно! Довезли ли их хотя бы до Белоруссии? Однозначно — нет. Но на этом, пожалуй, правдивая информация столь замечательно названной заметки иссякает.

Кстати, о названии. В нём, и именно в нём, кроется основная интрига публикации. Зловещее какое-то название… у Чёрного Вира… Что это за «вир» такой? Слово-то какое-то нерусское. И почему он чёрный? У нас вроде бы не Африка…

Поначалу и нам самим это было совершенно непонятно, пока однажды не позвонил мне знакомый поисковик и не сказал, что слово «вир» на местном наречии означает резкий, петлеобразный изгиб реки.

— А почему же он чёрный? — удивился я.

— Да потому, что именно у селения Чёрный (ранее Черныши) вся эта катавасия и происходила! — ответил он. Вот и получился — «Чёрный Вир».

Если перевести на русский язык данное словосочетание, то получится вот что: переправа у посёлка Чёрный в том месте, где река делает резкий извив, более всего похожий на греческую букву «омега».

Чтобы проверить возможность затопления одной (или даже нескольких) карет именно на этой переправе, следовало съездить непосредственно на место событий и посмотреть своими глазами на знаменитый «вир» и не менее знаменитое колесо (якобы прибитое к дереву).

Эту поездку мне удалось осуществить летом 2001 года. Место, где был выстроен старый мост, нами было найдено по «старой» карте, оно было вблизи впадения в реку небольшого ручья. Поэтому отыскать то место, где якобы затонула карета, удалось без труда. Боже мой, что там могло утонуть?! Ну, разве что детская коляска. Да, каньон там довольно глубокий (метра четыре), но воды в нём крайне мало, по колено, ну, максимум по пояс. Если карета или иная повозка и сверзнулась некогда с мостика, то, разумеется, всё её содержимое было на виду, и всё было растащено по домам местными жителями. Но после расспросов местного населения выяснилось, что подобных легенд и воспоминаний в современной деревне Черныши старожилы не припомнили. А ведь чужое обогащение в нашей стране запоминается надолго и не прощается никогда. Стало предельно ясно, что сюжет статьи (да и сценария тоже) высосан из пальца. К тому же и магнитометрические замеры показали полное отсутствие в речном русле какого-либо цветного металла. Не было следов и того, что кто-то работал здесь прежде.

Однако поисковая неудача в данном конкретном месте не отменяла того факта, что корпус Нея проходил именно в этом месте. Вот только повернуть на Красный он не смог, ему этого сделать не дали. И, повнимательнее рассмотрев карту местности, маршал понял, что его загнали в мышеловку. Ему оставался открытым только один путь — вдоль Лосминки на север. Через

деревню Смилово в конечный пункт — Сырокоренье. А что ждало его там? А вот там-то и было самое неприятное. Справа река Дубрава, слева Лосмина, а прямо — Днепр. Классическая ловушка из водных преград, и бежать из неё абсолютно некуда — дорог нет никуда.

И вот во время последней ночёвки в Супротивах Ней собирает военный совет, на котором без обиняков объявляет о том, что дела настолько плохи, что приказывает своим товарищам по несчастью прятать всё, что можно и нужно спрятать. Завтра наступит решающий день, который однозначно определит их дальнейшие судьбы, и разбираться с багажом будет просто некогда. Нервы у всех окруженцев, надо полагать, были натянуты до предела. Каждый наверняка думал о том, что следующий день может оказаться последним днём в жизни. И весьма вероятно, что, не желая оставлять врагу что-то ценное, солдаты и беженцы в ночное время спешно прятали обременяющие их ценности и оружие.

Ранним утром, оставив позади себя заслон из смертников, практически окружённый корпус попробовал пробиться напрямую к деревне Воришки (нынешние Варечки). Из Смилово они пошли не в заведомо гибельное Сырокоренье, а в крохотную деревушку Мироедово, затерявшуюся в глуши дикого леса. Далее их путь лежал в Нитяжи и уже затем в Воришки, расположенные на левом стороне Днепра. И вот передовые полки французов уже на берегу Днепра. Эх, если бы на нём лежал толстый лёд, то можно было бы попробовать перебраться на противоположную сторону, и даже перевезти кареты и пушки. Но накануне разразилась внезапная оттепель и лёд на реке «поплыл». К тому же и спуск к реке, и противоположный берег были крайне круты, и заодно покрыты слегка подтаявшим льдом.

Что делать? Куда бежать? Тревожно ржут некормленые лошади, плачут женщины, глухо ропщут солдаты, с понятным страхом глядя вниз со слишком крутого берега. Ней понимает, что оторваться от преследователей ему не удастся, если он не бросит крайне обременяющих его движение всех раненых, больных и гражданских. Предоставив несчастным бедолагам возможность спасаться, кто как может, он поворачивает боеспособные части корпуса и бросается с ними вверх по течению реки, стараясь найти более пригодное для переправы место. То есть он движется к тому самому Сырокоренью, в которое так не хотел идти. Но иной дороги просто нет. А в Сырокоренье есть брод, и по нему можно попытаться выбраться в деревню Алексеевка, которая процветает в своей глуши и поныне. Полтора часа пути, и вот передовые части французов приближаются к спасительной переправе, но торопливая

пальба из заранее установленных на ближайшей к броду горке пушек атамана Платова показывает Нею, что спокойно переправиться не удастся и здесь. А ему нужно на тот берег Днепра просто позарез. Там нет крупных воинских команд противника, и можно надеяться, что зловредные казаки наверняка отстанут. Момент для его корпуса был воистину критический, или, как иногда говорят профессиональные говоруны, — судьбоносный. Такие роковые моменты не часто случаются даже у очень бывалых вояк.

И в этот момент очень вовремя подоспевший лейтенант, час назад посланный на разведку ледовой обстановки, докладывает, что в одном месте около берега держится большое ледовое поле. Если извернуться и нарастить несколько метров до противоположного берега, то, возможно, удастся переправиться довольно быстро.

Карета Нея поворачивает к указанному месту. Пять минут скачки, и вот он уже жадным взором вглядывается в неверный, набухший от прошедшего дождя лёд. Да, шанс спастись у них есть, но шанс этот на грани возможного. Малейшая ошибка, пусть и случайный, даже неосторожный удар, и неверный лёд лопнет. И тем не менее именно здесь, между Сырокореньем и Воришками, он отдаёт приказ утопить всё, что ещё осталось в колонне из тяжёлого имущества и весь уже бесполезный транспорт. Согласно дошедшим до нас свидетельствам, здесь были затоплены и трофейные кареты (те самые, золотые, с гербами на дверцах) и оставшиеся пушки.

Но вот какая наблюдается странность, господа. От затонувших экипажей отдельные остатки обнаружились, хотя и очень скромные. А вот артиллерийских стволов в Днепре почему-то найдено не было. Во всяком случае, я самолично проплыл на лодке почти от самого Сырокоренья до Варечек и далее до Гусино, но не засёк ни одной крупной магнитной аномалии, во всяком случае, ни одной аномалии от цветного металла. Этот факт наводит нас на некоторые размышления. Ведь пушки, будучи спущены даже с достаточно крутого берега, далеко укатиться не могли никак. Перетащить их на другую сторону солдатам 3-го корпуса тоже не было ни малейшей возможности. Какие там пушки, когда даже лошадей приходилось связывать, укладывать на усиленный сучьями лёд и только в таком виде тащить к другому берегу волоком! Вполне допускаю, что именно в районе переправы были сброшены в воду последние ценности и боеприпасы. Но вопрос о том, куда делись пушки, остаётся открытым и по сию пору. А их ведь было как минимум шесть!

Места, где маршал Ней некогда перебирался через реку, были тогда глухие, да и теперь там, кроме журавлей и зайцев, никого не встретишь. И ни-

кому из русских крестьян не было возможности ни отследить, куда именно были сброшены пушки, ни достать их впоследствии. Сообщений о том, что их достали впоследствии, тоже не было. Так что весьма вероятно, что пушки вовсе не были утоплены. Скорее всего, их просто закопали, причём недалеко от реки в очень подходящей для этого песчаной почве.

— А где же ценный груз с обозных телег и повозок? — наверняка спросите вы. — Ведь не вывалили же его прямо на дорогу!

С этим вопросом масса сложностей и неясных моментов. Но давайте обратимся к книге «Отечественная война 1812 года в пределах Смоленской губернии». Откроем её на 232-й странице.

«Имение Маньково принадлежит господам Печковским, в семье которых можно слышать много рассказов о сокрытых в недрах имения сокровищах маршала Нея. Здесь у селения Маньково и поныне существуют следы "старой" плотины и переправы. О спрятанных в Маньково кладах передаются и в настоящее время (в 1912 году) *целые легенды».*

Вот такая цитата. И, скорее всего, легенды те базировались не на пустом месте. А старая плотина и переправа, о которых упомянуто в книге, это как раз те самые места, вокруг которых происходили события, связанные с затоплением половинки креста с кремлёвской колокольни. Поэтому я надеюсь, вы понимаете, что реку Лосминку необходимо досконально изучить и электронными приборами тщательно «прозвонить», причём желательно по всей её длине.

Но должен сразу предупредить заинтересованных лиц. Речка эта имеет такой сложный рельеф и так замусорена упавшими в её русло деревьями, что, несмотря на относительно небольшую длину (около 8 км), её вряд ли удастся обработать меньше чем за 4—5 дней. Разумеется, это только один эпизод обширной программы, призванной прояснить судьбу хотя и небольшого, но весьма ценного обоза знаменитого маршала. Как минимум потребуется прочесать и окрестности ныне исчезнувшей деревни Супротивы. Ведь именно там французы могли закопать основные ценности, а вовсе не утопить их в почти пересохшей реке. Площадь для обследования там весьма приличная, что-то около квадратного километра, так что и на эту работу следует класть не менее недели.

Тот факт, что там что-то массово зарывали, у меня почти не вызывает сомнения. Во всяком случае, я лично видел характерные следы от старых раскопок, которые в основном велись по левому берегу Лосминки, то есть именно в том месте, где и стояли французы.

Как бы в заключение предоставленного материала, необходимо сказать о том, что самой скромной поисковой команде из 2-х человек при двух приборах на месте деревни Супротивы придётся трудиться как минимум неделю, а то и десять дней. Этот срок я оцениваю, как минимальное время, потребное для того, чтобы хотя бы чуть-чуть приподнять полог тайны, скрывающий до сих пор неразгаданную тайну пусть и кратковременного, но очень насыщенного событиями пребывания арьергарда французской армии на левом берегу Днепра.

* * *

18 ноября

«После спокойной ночёвки в Лядах гвардии и Наполеона продолжилось общее отступление к Дубровне».

«Оттепель, сани становятся бесполезными. Мы узнаём о занятии русскими Минска, в котором были собраны большие провиантские запасы. Всю ночь император на ногах. Я дежурный; у нас нет ни минуты спокойствия. Его Величество поместился в доме одной польской княгини; переходить двор приходится по колено в воде; вещь очень приятная ночью, когда нужно идти в город».

«Вечером гололёдица — подморозило. Наполеон ночует у княгини Любомирской в Дубровне. Гвардия расположилась частью за пределами города».

«Настала ночь, да такая тёмная, хоть глаз выколи».

Кажется, перед нашими глазами тянется самый обычный день нескончаемой войны, ничем особым не примечательный. Но нет, не верьте, дорогие читатели, обманчивому покою и ежедневной походной рутине — страсти, причём страсти именно кладоискательского свойства, бушевали и в тот день. Поэтому мы начнём новую главу:

Сгинувший обоз маршала Виктора

Главу мы начали, и поэтому сразу предоставим слово одному из участников этого приключенческого эпизода.

«В Бабиновичах я не застал французов, но был радушно встречен жителями-евреями. Тут я узнал, что в полупереходе от Бабиновичей, в деревне

Неклюдовой, стоял обоз французский, а именно казна Наполеона. Захватить его было бы славное дело, но я полагал, что по усталости лошадей и людей двинуться туда было бы им не по силам. Слово "КАЗНА" произвело магическое действие на моих казаков. Пошли (в смысле поскакали), но, прибыв туда, узнали, что накануне (18 ноября) *уже выступил тот обоз, и что мы его не догоним...»*

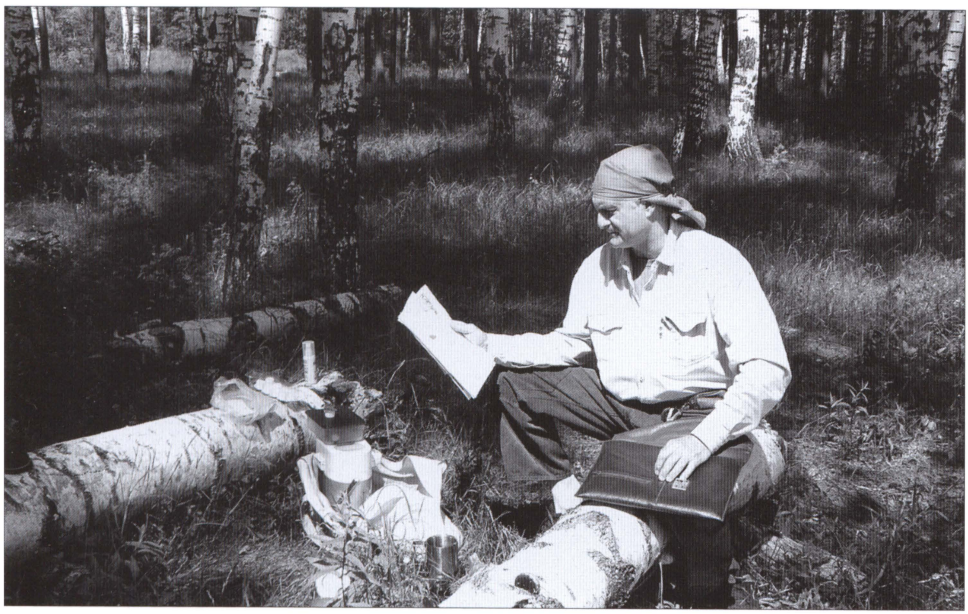
Кто же пишет такие интересные строки? О каком, собственно говоря, обозе здесь идёт речь? Да и речь идёт о каком-то безвестном Неклюдово. Да там Наполеон сроду не появлялся, а уж казна его там и подавно не проезжала!

Желание разгадать очередную загадку подстёгивает кладоискателя крепче любой плётки. Узнать и выяснить все подробности, причём срочно, вот какая мысль буквально гонит его в архивы и библиотеки. Как точно выразился некогда Владимир Маяковский: «В грамм добыча, в годы труды!» Но вот и первые находки. Выяснилось, что автором вышеозвученных строк был Сергей Григорьевич Волконский.

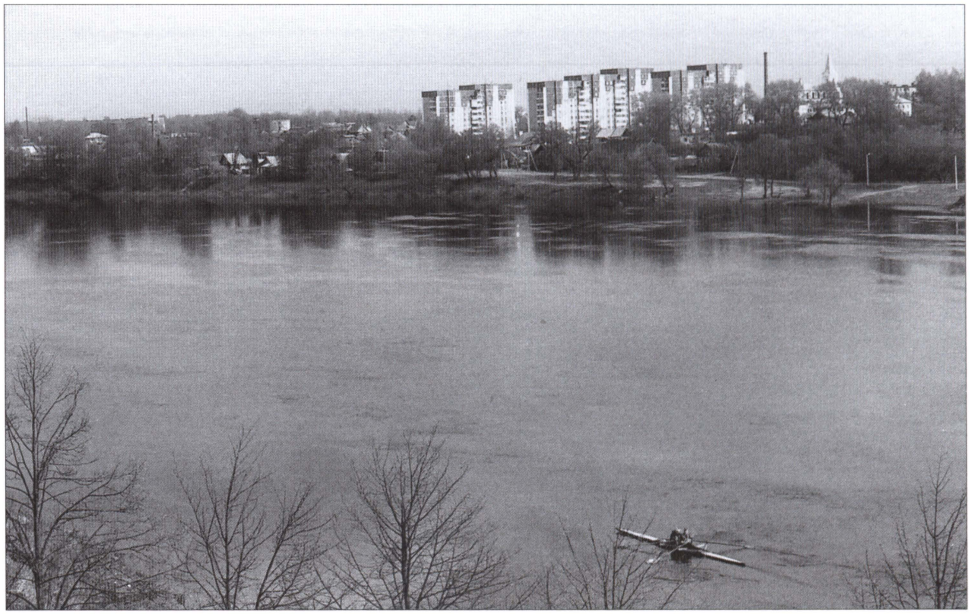
Где же действовал наш генерал-майор в середине ноября 1812 года? На каком таком оперативном направлении бойко махали шашками его казаки? Что за обоз такой они мечтали захватить? Постепенно, не сразу пришло понимание сложившейся на тот момент обстановки, и новый, неведомый нами ранее эпизод раскрылся перед нами во всей своей красе. Итак, если внимательно изучать события Первой отечественной войны, то можно отыскать в ней такой боевой эпизод. 17 ноября генерал С.Г. Волконский со своим конным отрядом в 300 человек двинулся от Смоленска в Бабиновичи...

И сразу, едва была получена такая информация, так сразу же возникли и недоумённые вопросы. Что это его туда понесло? Наполеоновская армия у Дубровни и движется на Оршу, а он в какие-то Бабиновичи вдруг поскакал! Что он там ищет? Кого? Но не будем забывать, что в городе Витебске с начала оккупации России стоял большой французский гарнизон. Только 7 ноября, после упорного боя, русские войска выбили противника из города и вынудили отступить. Куда же они могли отступить? Поставим вопрос несколько иначе. А куда вообще могли отступить выбитые из Витебска и Полоцка войска французов. У них, в отличие от русских войск, возможностей для манёвра было куда как меньше. И фактически отступать они могли только в одном направлении — на юг! То есть их спасение заключалось только в одном — скорейшем соединении с основными силами Наполеона, которые (как им наверняка было известно) имели намерение двигаться после Смоленска вовсе не через Витебск, а через Оршу!

Трофейные орудия армии Наполеона у стен Кремля



Автор книги на месте стоянки обоза «молодой» гвардии Наполеона



Западная Двина в районе Полоцка

Здесь был бивак полка Йоахима

Марков монастырь вблизи Витебска

Место на Днепре, где переправлялся обоз майора Бланкара

Монастырь вблизи Орши, где ночевал Наполеон Бонапарт

Около этой церкви пленный поляк спрятал ранец с драгоценными камнями

Благовещенский собор Кремля

Храм вблизи озера Ропно

Встреча Наполеона и Александра в Тильзите

Золотые монеты, достоинством в 20 и 40 франков

Золотой сосуд

Золотое блюдо

Озеро Рака вблизи Браслова

Река Мерейка

Ручей вблизи селения Александрия

Тяжёл труд современных кладоискателей

Расчёт боевого орудия. Современная реконструкция

Образец артиллерийского орудия времён 1812 года

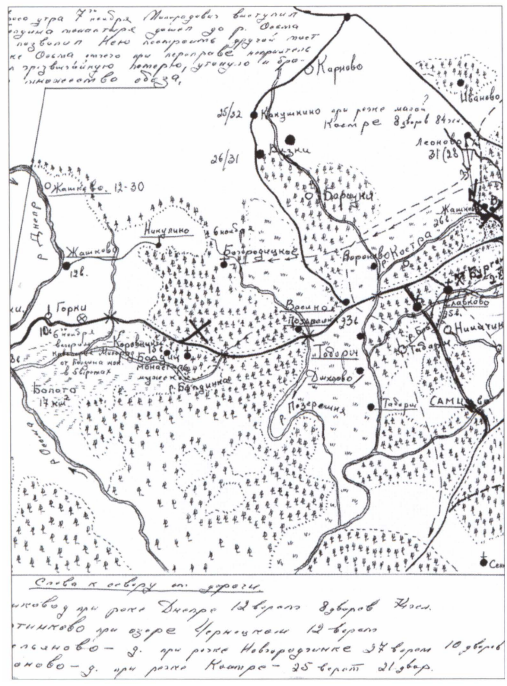
Успенский собор Кремля

Новодевичий монастырь

Андреевский монастырь

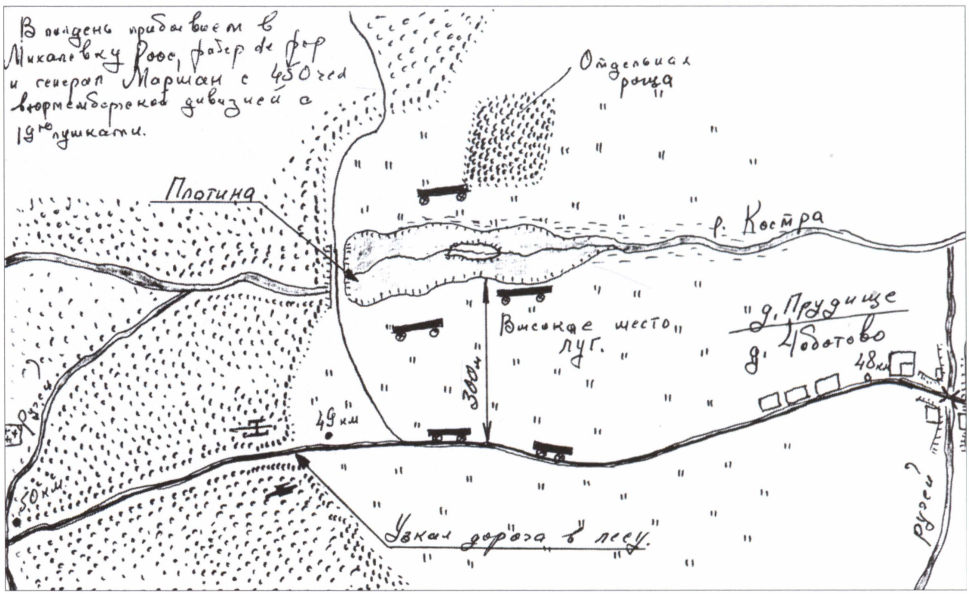
Архангельский собор Кремля

Кладоносные
места России



Заповедные уголки
Старой Смоленской
дороги

Клад вблизи Неманицы искали сами французы



Места поисков кладов Наполеона

М.И. Голенищев-Кутузов

А.Х. Бенкендорф поручил поиски
7 бочонков золота полковнику Яковлеву

Александр I поддерживал поиски
оставленных французами кладов после
войны 1812 года

Денис Давыдов активно нападал
на неповоротливые обозы французов

Маршал Лоран Сен-Сир

Маршал Луи-Николя Даву

Маршал Мишель Ней

Маршал Николя-Шарль Удино потерял свою кассу и трофеи под Браславом

Итак, французы отходят на юг. Вначале они двигаются по хорошей дороге на Люзну (ныне Лиозно), но вскоре сворачивают на дорогу просёлочную, скверную и добираются... да, да, именно до Бабиновичей! Вот где их засекли востроглазые иудеи, которые при первой же возможности передали эти сведения русским войскам. И не зря они говорили о том, что французы везли именно КАЗНУ. Евреи, как люди бедные, очень зорко подмечали всякое движение любых денег и ценностей. И верить им в этом деликатном вопросе можно было на сто процентов. Конечно же, французские войска, действовавшие несколько севернее основной армии, тоже везли с собой ценности, это несомненно. Транспортировали они и собственные гарнизонные кассы, и награбленные в Витебске и окрестных населённых пунктах ценности, и прочее воинское имущество. Двигались данные обозы с сокровищами и вооружением по следующему маршруту: Витебск, Люзна, Бабиновичи, Неклюдово, Черея. До Люзны было 42 версты, далее до Бабиновичей ещё 18...

Чтобы пройти примерно 100 вёрст до Неклюдово, этому обозу понадобилось бы не менее чем 5—7 суток. Если французы покинули Витебск 7-го, то прибытие их в Неклюдово могло состояться 16 или 17 ноября, что хорошо согласуется со всеми историческими хрониками. А из Неклюдово довольно приличная дорога вела прямо в Черею. Расстояние между этими населёнными пунктами 28 вёрст, и обоз с казной мог преодолеть его за одни сутки. Так что обозные повозки в Черее могли быть как раз 18-го.

К этому моменту в местечке Черея уже сосредоточились два французских корпуса. Корпус маршала Виктора (9-й корпус, 12 000 человек) в который входили следующие дивизии: 22-я пехотная генерала Партуно, 22-я пехотная генерала Дендельса, 28-я генерала Жирара. Второй корпус маршала Удино прибыл в Черею 16 ноября. Он имел в своём составе 6-ю пехотную дивизию генерала Леграна, 8-ю пехотную генерала Вердье, 9-ю пехотную дивизию генерала Мерля и кавалерийскую дивизию генерала Фурнье.

Кроме того, именно в Черее находился большой госпиталь, в который раненых свезли из Сенно ещё 2—5 ноября. Черея, как мы видим, отстоит достаточно далеко от основной дороги, по которой двигаются основные колонны коалиционных войск. Поэтому там останавливаются только обозы, госпиталя и прочие нестроевые учреждения. Боеспособные силы немедленно вводятся в бой. 21 ноября корпус Удино перебрасывается на большую дорогу у местечка Бобр. И на следующий день, соединившись с остатками дивизии Домбровского у местечка Крупки, его корпус направляется к Борисову. Ясно как божий день, что никакие тяжёлые обозы они с собой не тащили. Пройти за

день 60 вёрст той безумной зимой можно лишь верхом и налегке. Только относительно свежая французская кавалерия была способна на такие подвиги. С обозами они гарантированно не прошли бы и 30 вёрст.

А что же войска Виктора? О-о-о, им досталась не менее важная задача. Они должны были прикрывать основные силы французов от нападения с севера (от ударов П.Х. Витгенштейна). На 23 ноября тактическая обстановка складывалась следующим образом. Удино сражался в Борисове, выбивая из города русские войска. Маршал Виктор с двумя дивизиями подошёл к Доннице. Дивизия генерала Дендельса дралась с русскими кавалеристами у деревни Батуры. В три часа пополудни отряд французов в семи верстах от Бобра атаковал отряд полковника Власова. После упорного боя русские были оттеснены до Узнацка.

Вечером отряд Власова расположился в Холопеничах, где стоял накануне. Вопрос стоял очень серьёзно. Русская кавалерия во взаимодействии с полевой артиллерией пытались сбросить с позиций французский авангард у деревни Худовцы. Деревенька эта находилась всего в семи верстах от местечка Бобр и, соответственно, от единственной столбовой дороги. Возникала крайне опасная ситуация для императорских войск, и Виктор должен был ни в коем случае не допустить прорыва противника к главной транспортной артерии.

24-го маршал Виктор начал сосредоточивать свои войска у местечка Батуры и около полудня начал отступление к местечку Шавры. Арьергард под командованием Делетра был выставлен впереди обширного леса, через который шла дорога. Виктор приказал Делетру держаться до тех пор, пока артиллерия и многочисленные обозы не успеют пройти лесное дефиле. Когда же натиск русских усилился (из Холопеничей подошёл отряд Власова и соединился с отрядом Гарпе), отряд Делетра отступил к Гуте, где и остановился на ночлег, прикрывая собой обозы, которые стояли у местечек Шавры и Клён.

И вот здесь начинается самое интересное. В ночь с 23 на 24-е Виктор (квартировавший в местечке Докучино) получил депешу из главной квартиры Наполеона, в которой были указания императора, принятые им на совещании в Бобре. Указания, которые Наполеон разослал по всем войскам, содержали кроме всего прочего строжайший приказ об уничтожении всех излишних обозов и тяжестей и передаче лошадей и повозок в артиллерийские парки.

Были ли обозы такого рода у маршала Виктора? Да, несомненно, были! Можно даже и не сомневаться. Ведь кроме собственных немалых по числу повозок обозов к нему вынужденно присоединились и обозы Витебского гарнизона! Данному факту есть и независимые свидетельства. Вот что писал в

своих воспоминаниях фельдфебель 2-го батальона 2-го Баденского полка 9-го корпуса — Штейнмюллера.

«Корпус Виктора продолжал отступать 22 ноября к Холопеничам. 23-го ноября маршал Виктор с двумя дивизиями пришёл в Донницу. Дивизия Дендельса продолжала идти на Батуры, но остановилась на дороге варить пищу. Подходя к Батурам, шли взводами, потому что заметили поблизости от обоих флангов казаков. Поэтому пришлось отправить вперёд по дороге обоз, состоявший из множества повозок. Обоз двигался по дороге до Батур на Вольковыск и далее на Бобр».

«Мы спокойно грелись у огня, когда в три часа дня появились казаки, опрокинули несколько постов и начали в нас стрелять, произведя большой беспорядок. Но наши войска тут же были стянуты на такие позиции, которые были более всего выгодны при сражении... Бригада Бельяра отступила к деревне Узнацк. Русские к ночи 23-го ноября отступили к Холопеничам, где они были накануне. Когда обозы оказались в безопасности, корпус отступил с наступлением темноты к Узнацку. Казаки шли за нами по пятам и, к сожалению, захватили наш скот...»

То есть обстоятельства складывались таким образом, что обстановка на фронтах и приказ из штаба вынуждали Виктора срочно что-то с данными обозами делать. Но что? Зарывать? Топить? Давайте разбираться с этим вопросом подробнее. Соображение первое. Когда маршал мог отдать приказ на затопление или захоронение обозов с ценностями? Ясно, что не ночью! Ночью все отдыхали от беспрерывных дневных сражений. Значит, только утром 24 ноября могли быть отданы какие-то приказы на этот счёт. Какова же была погода в тот момент? Известно, что с 23-го на 24-е мороз чрезвычайно усилился, снег в лесах лежал по грудь лошади (значит, примерно на метр или немногим меньше).

Что бы вы сами сделали в такой нерадостной обстановке? Закопать значительные по объёму трофеи было фактически невозможно. Глубокие снега (по пояс), сильно промёрзшая земля не дали бы сделать это ни при каких обстоятельствах. Это вам были не те благословенные времена конца октября, когда в окрестностях Гжатска кавалеристы Понятовского легко закапывали десятки сундуков с поклажей. Следовательно, более или менее легко можно было выполнить приказ французского императора, только отыскав место именно для затопления обозов! Поскольку мы точно установили, что обозы маршала Виктора были захоронены именно 24 ноября, то желающим отыскать утопленные им ценности необходимо тщательно проследить маршруты его передвижений в этот день.

Соображение второе. Как мы знаем, его дивизии от исходного пункта сосредоточения Батуры через Шавры пошли на Ратуличи. И 25-го корпус в полном составе вышел на столбовую дорогу в районе деревни Лошница. Причём мы даже не спрашиваем о том, были ли довезены грузы до самой Лошницы. Нет, вопрос стоит так — тащил ли 9-й корпус свои и приблудные (витебские) обозы даже до Ратуличей? Вряд ли. Зачем тащить что-то так далеко (целых 24 версты), чтобы потом всё равно всё бросить. Стало быть, велика вероятность того, что многочисленный и довольно ценный груз Виктор приказал спустить под лёд в треугольнике, образованном следующими населёнными пунктами: Батуры, Узнацк и Волковыск. Озеро или пруд, в которое 24 ноября были свалены немалые ценности, в том числе и большое количество церковного серебра, скорее всего, лежало вблизи дороги и было доступно для подъезда гужевого транспорта.

19 ноября

«19-го на рассвете около 7 часов была тревога; за городом показались казаки и заставили бежать 5—6 тысяч отставших солдат, которые ворвались в город с криком: "К оружию! Неприятель!"

Гвардия приготовилась к битве. Они готовились отбивать нападение тысяч двадцати человек; всё ограничилось дюжиной казаков.

Капитан артиллерии 1-го корпуса, Караман, не имея больше ни канониров, ни пушек, потеряв своих лошадей и свои вещи, пришёл к нам просить убежища. Я дал ему одежду, генерал Нарбон — лошадь. Мы едим рис и шоколад — это событие! Остатки артиллерии переместили за ручей. 19 ноября утром подморозило, и вновь настала гололедица».

«Мы переходим Днепр и приходим в Оршу. Дорога обсажена прекрасными берёзами, местность изрезана оврагами. На пути мы переходим два ручья. Император помещается в большом монастыре. Мои планы потеряны. Нападения врасплох казаков ежедневны.

«В 2 часа дня Наполеон прибыл в город Орша и встал у самого моста, там, где стоял пост жандармов. Наполеон с тростью в руке лично около 2-х часов руководил переправой. Пропускал одних, некоторые повозки приказывал сжечь, а лошадей передавал в артиллерию.

Ночью все желающие проехать миновали мост, так как переправой командовал простой офицер».

Расклад по силам французов, вступивших в Белоруссию и сосредоточившихся в Орше, был таков:

Императорская гвардия — 7000 человек.

1-й корпус — 5000.

4-й корпус — 4000.

6-и и 8-й кавалерийские корпуса — 2000.

Итак, можно с уверенностью утверждать, что к 20 ноября, то есть к началу завершающего этапа отступления, под ружьём у Наполеона было никак не менее 18 000 боеспособных солдат и офицеров. И, кроме того, с армией тащилось примерно 50 000 тысяч бросивших оружие военнослужащих, отставших от своих полков солдат и беженцев. И, самое главное, — два больших и очень ценных обоза! К последней декаде ноября было потеряно не менее трёх четвертей всех вывозимых из России трофеев (по массе), но всё же оставшаяся четверть сокровищ по стоимости превосходила все понесенные утраты. Но приготовьтесь уважаемые читатели, недалёк тот час, когда французы начнут топить и прятать самое ценное.

20 ноября

«Император приказал генералам распорядиться сожжением всех повозок, фургонов и даже всех упряжных экипажей. Лошадей в артиллерию. За нарушение приказа — расстрел. Генералы Жюно, Заончик и Клапаред принуждены сжечь половину фургонов и колясок. Император дал разрешение брать лошадей, лично ему принадлежавших. Были истреблены понтоны, а 600 лошадей из-под них переданы в артиллерию. Днём главная квартира перенесена в Бараны. Вечером Наполеон покинул Оршу и ночевал в Береновe (совр. Барань), *поместье немного вправо от дороги, в восьми верстах от Орши».*

«Вечером в Бараны прибыл офицер Генерального штаба де Бриквиль».

«Но тут у Наполеона было едва 6000 солдат, несколько пушек и расхищенная казна. В Смоленске оставалось всё-таки 30 000 строевых солдат, 150 орудий, казна.

Генерал-лейтенант граф Де Сегюр».

21 ноября

«Сыро, местность изрезана оврагами вперемешку с лесом. Дорога от местечка Бараны (Барань) *до Толочина обсажена по обе стороны берёзами. Незадолго до прибытия императора казаки с пушкой показались впереди пути: они атаковали нескольких пеших кавалеристов, выступивших им навстречу и считавших их* (казаков) *малочисленными. Казаки показались в*

небольшом количестве по своему обыкновению, чтобы заманить нас. Полковник 12-го кирасирского полка был взят в плен со многими офицерами».

«Утром Наполеон, гвардия и обозы выступили в Коханово. Пройдя 20 км, остановились на ночлег. Погода тёплая, днём таяло, ночью подмораживало».

Сержант Бургонь в этот день выступил из Орши и ночевал со своим полком в Коханово. Казалось бы, самый обычный день войны. Стычки с казаками, липкая грязь на сапогах, да выматывающие последние силы марш-броски. Но именно в этот день был заложен очень крупный, буквально легендарный клад, более известный как клад солдата Иоахима. И сейчас я хочу более подробно рассказать об этом интересном событии, в главе, названой:

Восемь бочонков червонцев

Случилось данное происшествие как раз в тот день, когда войска адмирала Павла Васильевича Чичагова с боем заняли город Борисов. Однако расследование обстоятельств, связанных с заложением и поисками данного клада, судя по архивным данным, началось гораздо позже.

В 1836 году в доме дворянина Станислава Рачковского на одной из окраинных улиц Борисова остановились на воинский постой — в то время это было обязательной повинностью для цивильных жителей — четверо солдат ветеранов, возвращавшихся домой после окончания 25-летней службы. Переночевав, они отправились дальше, за исключением одного, некоего Иоахима, католика, уроженца Могилёвской губернии. Он почувствовал себя плохо, и хозяин оставил его на излечение. Вечером на Покров день (14 октября н. ст.), солдат стал совсем плох и во время некоторого облегчения попросил хозяина дома подойти к нему.

Оказалось, что Иоахим уже был в Борисове в ноябре 1812 года в составе батальона 14-го егерского полка 15-й пехотной дивизии авангарда графа Ламберта. Командовал полком полковник Красовский (впоследствии ставший генералом). В ту осеннюю пору, а это было с 20 по 29 ноября, непролазную белорусскую грязь уже схватило первым морозцем. Земля была покрыта снегом, днём таяло, а к вечеру слегка подмораживало. Почва выдерживала пешего солдата, но тяжело гружённые армейские повозки то и дело застревали на дорогах, так что приходилось подпрягать пристяжных лошадей. Реки Березина и Сха ещё не замёрзли. По Березине ещё только плыли первые тон-

кие льдины, и она извивалась широкой чёрной лентой по однообразной белесой равнине.

20 ноября 1812 года авангард армии Чичагова под командованием Ламберта в составе 7, 13, 14 и 38 егерского полков, четырёх эскадронов Арзамасского, и четырёх эскадронов Александрийского гусарских полков, 34-й батарейной роты и двух рот Витебского пехотного полка был на марше и, сделав 35-вёрстный переход, расположился на ночлег у Жодино. Выдвинутая вперёд конница заняла Упоревичи, что были всего в 10 верстах от Борисова. Дав войскам непродолжительный отдых, Ламберт поднял их среди ночи и приказал двигаться дальше. Город Борисов и, самое главное, мосты через Березину, были крайне важны для успеха задуманной Кутузовым операции, и поэтому нашим солдатам приходилось поторапливаться. Этот ночной марш 14-го егерского полка прошёл без каких-либо осложнений. За час до рассвета (уже 21 ноября) полк остановился в одной версте от предмостного укрепления (тет-де-пона), который совместно охраняли французы и поляки. Укрепления состояли из двух редутов, построенных южнее деревни Дымки и соединённых между собой траншеей (ретраншементом).

В Борисове, который планировали захватить русские войска, находились остатки Минского гарнизона, всевозможные сборные команды, части тылового обеспечения и отдельные части вновь формируемых французских полков. Кроме того, к «тет-де-пону» подошла польская дивизия Домбровского. Она имела в своём составе 2000 пехотинцев, 500 кавалеристов и 12 артиллерийских орудий. Всю пехоту с четырьмя пушками разместили около предмостных укреплений, а кавалерия с остальной артиллерией осталась в городе. Таким образом, в Борисове сосредоточилось от 5500 до 6500 оккупантов. Выбить их было не просто, и тут могли помочь только внезапность и решительность атакующих.

Батальоны 14-го полка ночью подобрались к укреплениям и начали их штурм на рассвете. К десяти часам утра егеря заняли правый и левый редуты. В 15 часов русские полностью сломили сопротивление французов и поляков и устремились через мост к городу. Впереди в полувзводных колоннах двигался и солдат Иоахим, рассказавший впоследствии помещику Станиславу Рачковскому о тайне захоронения 8 бочонков золота. Не зная, сколь большие силы русских войск штурмуют город, наполеоновские войска оставили Борисов без особого сопротивления. Они отступали за город, к плотине, перекрывавшей речку Сха. За плотиной шла дорога, выводившая их на передовые

части основной армии, которая двигалась навстречу им из Лошницы. Итак, вся дорога на Оршу была запружена телегами, фургонами, артиллерийскими упряжками и просто дезорганизованными толпами людей, как военных, так и гражданских. Солдаты Домбровского ещё какое-то время удерживали саму плотину, прикрывая отход прочих войск, но, не выдержав напора, снялись и поспешно отошли к сосновому лесу. Преследовавшие противника егеря 14-го полка, измотанные бессонной ночью и долгим боем, гнались за ними недолго. Примерно в полутора верстах от плотины полк остановился на привал в густом сосновом лесу, примыкавшем к большой дороге (лес этот сохранился до нынешнего времени). Было уже 4 часа пополудни. Днём погода стояла относительно теплая, но к ночи стало сильно морозить, и солдаты зажгли костры. По приказу Красовского было выставлено боевое охранение. Десять человек ушли вправо от дороги, а десять других, среди которых был и Иоахим, двинулись влево, в сторону просёлочной дороги, которая тянулась между основной дорогой и рекой Сха.

Пройдя через небольшой перелесок (тоже уцелел, несмотря на прошедшие столетия), они увидели в полумраке раннего вечера крытый фургон, застрявший на раскисшей дороге. Не слишком скрываясь и громко переговариваясь, солдаты двинулись к нему напрямик. Это помогло вознице-французу (или поляку) вскочить на пристяжную лошадь и умчаться в ту сторону, откуда всё ещё слышались выстрелы. (Это арзамасские драгуны преследовали медленно отходящих к Неманице польских улан). По нему наши солдаты не стреляли, и, скорее всего, он спасся. Иоахим одним из первых подбежал к фургону и откинул тяжёлый кожаный полог. Сначала ему показалось, что фургон пуст, но потом он разглядел восемь небольших бочонков, стоявших на дне фургона. Решив, что в них вино, солдат попытались вытащить один из них, но едва смог сдвинуть его с места. Тогда он поддел крышку тесаком и увидел, что бочонок наполнен вовсе не вином, а золотыми монетами (Скорее всего, золота там было не так много, в основном в ходу было серебро, но во мраке ночи разбираться с достоинством монет им было крайне сложно.) То же самое было и в других семи.

Раздумывать было некогда. Каждую минуту на просторном лугу могли показаться либо промедлившие с бегством французы, либо наша кавалерия, и неизвестно, что в данной ситуации было хуже. Здесь же, неподалёку от берега реки Сха, около двух больших приметных дубов (вот он, традиционный местный ориентир) солдаты вырыли тесаками неглубокую яму, устлали её кожаным пологом с фургона и высыпали туда монеты. Прежде чем засыпать

новоявленный «земельный банк», каждый взял себе по горсти золота, а один из егерей даже бросил в яму свой нательный крест (чтобы вернуться). Для маскировки раскопа солдаты разожгли костёр (из обломков разбитого на куски фургона) и, пока он горел, строили планы о том, как счастливо будут жить после того, как закончат службу и уйдут вчистую на гражданку.

Тут можно немножко абстрагироваться и задаться нетривиальным вопросом: почему же остававшийся в фургоне возница сам не предпринял никаких мер для захоронения бочонков? В принципе он вполне мог это сделать, время у него для этого было. Как минимум целый час, а то и два, он стоял среди кустов около раскисшей просёлочной дороги в полном одиночестве. Тут возможны два варианта. Либо он ждал помощи, которая, как ему тогда казалось, могла вскоре прийти. Либо просто был травмирован или даже слегка ранен во время поспешного бегства из Борисова. Ведь пока на него не натолкнулись гренадеры, он просто сидел в повозке тихо, как мышь, и даже не делал попыток спрятать свою поклажу. Впрочем, поскольку это никак не повлияло на ход дальнейших событий, я оставлю эту тему и продолжу своё повествование.

На другой день 14-й полк оставался на месте. В тот день не был назначен начальник авангарда на место раненого графа Ламберта, отчего действия авангардной службы прекратились. Только поздним вечером 22 ноября возглавить авангард было приказано графу Палену. Всему авангарду было приказано выступить в четыре часа утра 23 ноября и продвигаться вслед за отступившим противником в общем направлении на Лошницу. 14-й гренадерский выступает в 6 утра. Промаршировав около 8 вёрст, полк остановился на кратковременный отдых. Подтянулись части 7-го и 38-го полков, подошла артиллерия…

Однако на подходе к Лошнице их ждал неприятный сюрприз. Выстроившиеся и изготовившиеся для атаки кавалеристы корпуса маршала Удино словно вихрь налетели на наш авангард, едва тот показался из неманицкого леса. Бой длился недолго, густые колонны французской кавалерии смогли вдавить нашу пехоту обратно в лес и словно железный поршень погнали её вдоль Екатерининского шляха. Погнали, разумеется, обратно в направлении Борисова. Так как в густом лесу конница Удино толком развернуться не могла, то основной массе наших войск удалось отступить по чащобе и, кое-как форсировав холодноющий и грязнющий приток Березины, выбраться к мызе Старый Борисов.

К счастью, там они встретили многочисленный отряд русской кавалерии. Поскольку прорваться к основным частям армии через вновь отбитый фран-

цузами Борисов было теперь невозможно, то и наша кавалерия, и остатки егерских полков направились в деревню Студёнку, где и переправились на правый берег Березины частью вброд, а частью на лодках. К захваченному Чичаговым «тет-де-пону» они добрались только поздним вечером. Добрались, к сожалению, далеко не все. Пятеро из тех, кто совсем недавно прятал трофейное золото, уже не смогли бы им воспользоваться никогда, поскольку погибли в дневном бою. Общие же потери авангарда графа Палена достигли в тот день 1000 человек.

Впрочем, к этому примечательному моменту мы ещё с вами вернёмся, поскольку для нас он представляет определённый интерес. Вскоре кирасиры маршала Удино восстановили в потерянном было городе статус-кво, и на сей раз уже бежали войска П.В. Чичагова, побросав свои повозки и оружие. Полякам-то накануне удалось отделаться малой кровью, они всё же удирали по твёрдой дороге. Нашим же солдатам из 14-го гренадерского полка пришлось спасаться куда как менее романтичным способом. В надежде спастись от таранного удара французской конницы им пришлось перебираться вплавь через маленькую речушку Сха (левый приток Березины). Маленькая-то она маленькая, однако кое-где и по шейку будет. Да ещё и конец ноября на дворе, вода... сами понимаете, какая. Но деваться им было некуда, поскольку на достаточно обширном лугу между деревней Углы и рекой не было никакого укрытия, и убежать от несущихся во весь опор кавалеристов не было ни малейшей возможности.

Чичагов, хотя и был вынужден оставить занятый накануне город, но, поспешно отступив на правый берег Березины, он не забыл дотла спалить за собой большой городской мост. Теперь, чтобы преодолеть столь серьёзную водную преграду, как достаточно широкая и заболоченная по берегам река Березина, французам пришлось бы форсировать её на подручных средствах, под огнём выставленных на прямую наводку орудий. Такой способ переправы был для них, разумеется, совершенно неприемлем. Мало того, что потери были бы просто невосполнимыми, но после даже успешной переправы людей армия наверняка осталась бы и без лошадей и без обозов. Наполеону следовало спешно искать другой выход, позволяющий спасти сразу всё: и людей, и пушки, и лошадей, и даже оставшиеся на колёсах ценности. И, как мы знаем из военной истории нашей страны, он его нашёл.

Впрочем, об этой эпопее я расскажу вам в следующих главах, а пока давайте вернёмся к солдату Иоахиму. Больной солдат обещал показать место, где у реки Сха было зарыто золото, но встать с постели ему так и не удалось.

В последний день перед смертью Иоахим просил Рачковского в случае обнаружения клада три раза в год заказывать панихиды о погибших в ту войну солдатах.

Ветеран Отечественной войны скончался на следующий день и был похоронен на городском кладбище. А Станислав Рачковский остался невольным хранителем поведанной ему тайны. Он, разумеется, отлично знал место, указанное Иоахимом. Правда, росшие там дубы были уже лет пятнадцать назад срублены, но два больших пня всё ещё торчали из земли и в принципе могли служить ориентиром для поисков. Тем не менее клад так и оставался недвижим. Рачковский не решался заняться раскопками, поскольку клад лежал на общественной земле, и он обоснованно опасался, что золото у него попросту отберут городские власти.

Прошли годы. Скончался и сам Станислав Рачковский, а его сын Юлиан, слышавший все разговоры Иоахима с отцом, был сослан в Вятскую губернию (за вольнодумство). Вернуться на родину ему разрешили только тогда, когда ему было под семьдесят. В 1897 году Юлиан обратился к властям за разрешением на поиски спрятанного золота, о котором он слышал в далёком детстве. Разрешение он получил и в течение всего лета искал ценности. Но с того далёкого дня, как был зарыт клад, прошло 85 лет. Берега реки Сха неузнаваемо изменились, и от некогда росших там деревьев не осталось и следа. Ю.С. Рачковский тем не менее нанял нескольких землекопов. Те вырыли несколько траншей, потыкали землю железными штырями, но, разумеется, безрезультатно. На том поиски и закончились. Поскольку Юлиан не имел ни точного плана, ни соответствующих приборов (которых тогда вообще не было), то у него практически не было шансов на отыскание ценностей.

Какова же реальная стоимость закопанного десятью солдатами золота? Полностью засыпанный золотыми монетами бочонок из-под пороха весил не менее 50 кг, несмотря на то, что по размерам совсем невелик. Бочонков было всего восемь, и значит, в очень компактном по площади захоронении содержится не менее 400 кг золота (серебра, или того и другого вместе). Стало быть, свыше $ 4 500 000 по нынешнему курсу, при максимальном везении. Но вовсе не денежная составляющая интересовала меня, когда я в первый раз приехал в сильно разросшийся после войны город Борисов. Ничего из того, что я вам только что рассказал, я в ту пору ещё не знал, но был полон юношеского энтузиазма и жажды приключений. Ведь, пожалуй, ни одна кладоискательская легенда не привлекала меня больше, чем легенда о захороненных в окрестностях Борисова восьми бочонках золотых червонцев.

Почему именно она? Право, не знаю, что и сказать. То ли потому, что услышал её в достаточно ещё романтическом возрасте, то ли потому, что чем больше узнавал я об этом малоизвестном эпизоде нашей истории, тем больше проникался идеей непременно отыскать следы сего загадочного клада. Надо сказать, что традиционно, исходя из имевшейся у меня скудной информации, поиски восьми бочонков велись мною вдоль реки Березины, поскольку в исходной легенде довольно ясно указывалось на то, что события происходили именно около этой реки. Ах да, я же не рассказал о том, как узнал о самой легенде! Сейчас исправлю это досадное упущение. Предоставляю слово старой-престарой вырезке из газеты «Неделя» аж за далёкий 1977 год.

«О том, что, отступая из Москвы, Наполеон увёз с собой много награбленных сокровищ, писалось не раз, — пишет Н. Матуковский, собственный корреспондент «Известий». — *Всевозможные гипотезы сводились, в общем-то, к одному: сокровища были брошены где-то в районе белорусского города Борисова, там, где войска Бонапарта потерпели очередное сокрушительное поражение. Гипотезы эти время от времени подогревались сообщениями о найденных на дне Березины золотых и серебряных монетах, то химическим анализом воды в одном из озёр (повышенное содержание серебра). Но вот я листаю документы, обнаруженные недавно в архиве.*

"Дело канцелярии минского губернатора. О кладах найденных в Минской губернии. Начато 20 июня 1896 г., окончено 8 ноября 1897 г. Имею честь препроводить при сём на рассмотрение Вашего сиятельства докладную записку отставного губернского секретаря Рачковского об оказании ему содействия при раскопках зарытых, будто бы в земле около Борисова, бочонков с золотом".

Губернатор Минска в свою очередь запросил: "На какой земле зарыто золото — казённой, церковной, общественной или частной?" На что Юлиан Рачковский ответил: "Местность принадлежит городу Борисову. Она луговая и никаких там памятников древности не было, и нет..."

Как отставной губернский секретарь узнал о наполеоновском кладе? Оказывается, через много лет после войны в его дом зашёл пожилой солдат и рассказал следующее. "...Французы двинулись из Борисова на переправу, устроенную в 10 верстах от Борисова на реке Березине у деревни Студёнка, — передаёт рассказ солдата в своей записке Ю. Рачковский. — Я и десять моих товарищей напали на крытый шарабан, запряженный тройкой лошадей. Возница-француз соскочил с козел, обрезал постромки, вспрыгнул

на неё верхом и умчался. Мы бросились к бричке и увидели бочонки, их было восемь. С одного сбили тесаком обручи — там лежали золотые червонцы. Мы вырыли яму, высыпали золото в неё, затем набросали туда поломанные ружья и сабли, засыпали землёй, сверху разожгли костёр, погрелись и двинулись за войсками".

Рачковский сообщает далее: "Солдат Евхим хотел показать моему отцу, где зарыты червонцы. Но за ночь всё покрылось снегом. Ещё через ночь Евхиму сделалось хуже, и он сказал: "Видно не пользоваться мне богатством. Все мои товарищи погибли, остался один я. И мой конец близок"».

Вот, собственно говоря, и вся та информация, на которую я опирался в своих ранних поисках. Информация, согласитесь, очень скудная и крайне фрагментарная. Но меня воодушевляло то, что общий район действий был очерчен достаточно точно. Напомню дошедшие до нас слова самого старого солдата Иоахима, повествующего об этой истории. Он говорит о времени захоронения клада так: «Когда французы двинулись к Березине...» Отсюда я делал однозначный вывод о том, что эпизод с захоронением клада произошёл именно в момент отступления французских войск от Старо-Борисова к Студёнке, к наскоро выстроенным переправам. Вполне вписывалось в эту легенду и упоминание о том, что на следующий день пятеро из десяти закапывавших клад солдат погибли в бою. Видимо (думал я), имелось в виду известное сражение при Брилях, в котором действительно обе противоборствующие стороны понесли значительные потери. Каждый из нас и теперь может увидеть высокие насыпи громадных братских могил, воздвигнутых на правом берегу Березины, как раз напротив деревни Студёнки.

И всё бы хорошо, всё бы здесь ладно, но вот только никаких следов золотого захоронения отыскать не удавалось многие годы. Следы прочих исторических кладов я, так или иначе, но находил, а здесь так и сохранялась полная неясность. Впрочем, бог бы с ним, с золотом, не в нём была суть. Мне не удавалось отыскать даже и следов того раскопа, которые однозначно указали бы, что искомый клад уже давно выкопан и вывезен.

Хотя нет, два следа от каких-то раскопок всё же отыскались — две явно искусственного происхождения воронки. В номере газеты «Клады и сокровища» № 1—2 за 1998 год в своей статье «Конец старинной легенды» я изобразил план местности, где, по моему мнению, происходили основные события, изложенные в данной легенде. Однако одна из подозрительных воронок была уж очень мелка и жалка, и представить себе, что именно здесь некогда

скрывались монеты из восьми бочонков, я никак не мог. Вторая же воронка была примерно в четыре метра диаметром и очень походила на место чьих-то давних и, я бы сказал, чересчур масштабных раскопок. Она была, напротив, слишком велика и уж слишком глубока для нескольких вёдер золотых монет. Сделать столь глубокую «закопушку» без хорошего шанцевого инструмента, одними тесаками, наши солдаты просто не могли.

Тщательно обыскав прилегающую к реке местность, я тогда подумал, что если клад и был некогда зарыт здесь, то произошло сие событие именно в этом месте. И не нахожу я его только потому, что он спрятан на участке, совершенно непроходимом и для поисков недоступном. Но, как потом оказалось, я сильно заблуждался. Случилось так, что в начале 2001 года одному моему знакомому поисковику позвонил житель г. Борисова и заявил о том, что имеет сведения о том, где захоронен большой клад, лежащий неподалёку от города с наполеоновских времён. Проверить данное сообщение попросили именно меня. Вышедший на место условленной встречи белорус долго петлял по лесу (видимо, хотел меня как следует запутать), пока не вывел меня на давным-давно проверенный мною заливной луг, расположенный рядом с широким водоотводным каналом.

— Вот именно здесь и лежит тот старинный клад, — торжественно объявил мой проводник, щедро обводя рукой площадь размером примерно в половину квадратного километра.

Я, естественно, тут же поинтересовался, что предположительно находится в этом месте, и откуда, собственно говоря, ему про него известно. На что мне было уверенно заявлено, что сведения об этой тайне сохранялись в одной деревенской семье, предок которой видел, как отступающие французы закапывали на лугу какие-то ящики. Таким образом, сразу возникали два явных противоречия с содержанием основной легенды о солдате Иоахиме. Во-первых, становилось ясно, что данное захоронение осуществляли сами французы, а вовсе не наши солдаты. А во-вторых, в яму на лугу зарывались какие-то ящики, а вовсе не содержимое разбитых бочонков. Но делать было нечего, пришлось провести повторную проверку.

Ещё раз тщательнейшим образом прочесав местность на правом берегу водоотводного канала, я перешёл на его левый берег. Ещё несколько проходов, и я вновь уткнулся в крохотное озерцо хорошо известной мне второй воронки. Получалось так, что именно сюда, и больше никуда, в далёком 1812 году были опущены таинственные ящики, и никакой связи между искомыми восемью бочонками и данной воронкой не было и быть не могло.

Следствие моё однозначно зашло в тупик. Там, где, по идее, мог быть закопан клад, там не было ни его самого, ни следов того, что он был выкопан ранее. А искать там, где его просто не могло быть по определению, было совершенно бессмысленно. Я вернулся в Москву и тут совершенно случайно встретился с подлинным корифеем кладоискательского дела В.Т. Смирновым. Выслушав историю моих поисков, он деликатно улыбнулся и уверенно заявил о том, что там, где я искал легендарные бочонки, они никак не могли быть зарыты. Разумеется, я тут же попросил его изложить свою версию событий, поведанных в записке дворянином Юлианом Рачковским в 1897 году.

— Нет, любезнейший, восемь бочонков никак не могли быть закопаны у берегов Березины, — начал Смирнов своё повествование, — и вообще это событие, если, конечно, оно когда-нибудь происходило, могло случиться только около реки Сха (левый приток Березины).

Как следовало из анализа разысканных им старинных документов, события разворачивались следующим образом. Русская армия сумела опередить довольно медленно продвигающиеся войска Наполеона и неожиданным ударом с юга захватила мосты через Березину в районе Борисова, перерезав, таким образом, французам путь к отступлению. Но не забудем, что в Борисове стоял довольно многочисленный французский гарнизон, работали администрация, тыловые, интендантские и финансовые органы, готовившиеся принять и обеспечить подходящую к городу с запада измотанную армию. Естественно, что как только загрохотали русские пушки и штурмовые отряды (а среди них был и 14-й гренадерский полк графа Ламберта) пошли на штурм предмостных укреплений, то все тыловые части бросились прочь из города. Возникает законный вопрос: в какую сторону они направились? И если взглянуть на старую карту города, то становится понятно, что удирать тыловики могли только на запад, в сторону Неманицы, поскольку к этому населённому пункту уже подошли передовые части маршала Удино, идущие со стороны Москвы. Ведь для спасения жизней и ценностей у отступавших французов были только один мост и только одна дорога. Мост, соответственно, был переброшен через речушку Сха, а дорога вела на Оршу (через Лошницу и Бобр). Получалось, что именно по этой дороге и устремился основной поток бегущих поляков, вынужденно стиснутых на узкой дороге осенней распутицей.

Но, как обычно бывает в любом деле, нашлись желающие не плестись в плотном потоке подвод, тарантасов и бричек, а обогнуть возникшую на основном тракте пробку по боковой дороге. И такая возможность у них была! Сразу за спасительным мостиком, вдоль речки в направлении деревни Углы

проходила (да и сейчас проходит) просёлочная дорога, которую можно увидеть и на карте 1812 года выпуска. Вполне возможно предположить, что и повозка с бочонками тоже свернула на неё. Ведь сразу за виднеющейся на горизонте деревней дорога ещё раз поворачивала и, по идее, непременно выводила нашего незадачливого возницу всё к той же Неманице. Но, к несчастью, проходила эта дорожка по торфяному лугу и имела два очень неприятных, а попросту топких участка. И вполне возможно, что повозка застряла на одном из них.

А что же наши войска? Мы точно знаем, что они, заняв мосты через Березину, прошли через охваченный паникой город и продолжили преследование убегающего противника. Но в ноябре дни короткие, и вскоре командиры отдали приказ становиться на ночлег. Приказ этот застал воинов 14-го полка примерно в полутора верстах от моста через реку Сха, в густом сосновом лесу, к счастью, сохранившемся и до сей поры. Естественно, что, расположившись в незнакомом месте лагерем, военные тут же выслали в стороны боевое охранение. Десять человек двинулись вправо и вышли на основную дорогу Борисов — Орша. А ещё десять были направлены в противоположную сторону, и естественным образом выбрались из леса как раз на ту просёлочную дорогу, где несколькими часами ранее и застряла повозка с золотом. Далее всё хорошо известно из рассказа того же Иоахима. Десять разведчиков, держа оружие наготове, прошли через перелесок (сохранился и сейчас) и вышли на пустынный, прилегающий к реке луг. Тут нужно заметить, что расстояние от края перелеска до застрявшей на дороге повозки было весьма приличное, и у настороженно сидевшего около неё возницы имелось вполне достаточно времени для того, чтобы унести ноги на пристяжной лошади. Вполне возможно, что увязшая в торфяной жиже повозка эта была там не единственная, и только топот копыт привлёк внимание наших солдат именно к этой небольшой тележке.

Далее всё происходило точно так, как в ранее озвученной версии. Тяжёлые бочки разбиваются, и их содержимое торопливо закапывается недалеко от реки у некогда росших там громадных дубов. Правда, никаких дубов в той местности теперь нет и в помине, но протекающая неподалёку река Сха вполне могла некогда принести жёлуди из огромного дубового леса, что раскинулся всё у той же Неманицы. Но давайте проследим, как же развивались события далее, и главное, как они согласуются с изложенной Иоахимом легендой.

Утром все 10 несказанно обогатившихся солдат как ни в чём не бывало возвращаются в свою часть из ночного охранения и вместе со всеми продолжают

преследование отошедших из Борисова французов. Но вот тут-то их как раз и поджидает крайне неприятный сюрприз. Передовые части 14-го егерского полка встречает уже изготовившаяся к стрельбе французская артиллерия и, самое неприятное, из засады внезапно вылетают свежие батальоны тяжёлых кирасир. Обстоятельства данной стычки сложились таким образом, что вначале наши воины попадают под картечь выставленных на прямую наводку пушек, а затем, когда они бросаются назад в лес, их начинает преследовать тяжёлая конница.

— Ага, — решил я, — значит, именно в этом бою 14-й гренадерский полк понёс основные потери, потери настолько тяжёлые, что после этого поражения он был выведен за Березину и в дальнейших сражениях участия не принимал. И, стало быть, битва при Брилях не имеет к данной легенде ни малейшего отношения! А потрепанный и обескровленный 14-й полк в дальнейшем охранял лишь вспомогательные дороги на правом берегу реки, вдалеке от разворачивающихся впоследствии сражений.

Получалось, что все мои предыдущие выводы были в корне ошибочны, и именно поэтому многолетние поиски просто не могли дать результата. Стало ясно, что искать пресловутые червонцы следовало не на левом берегу Березины, а на левом берегу реки Сха. Естественно, я приступил к прочёсыванию нового района так быстро, как только смог. Работу предстояло проделать просто гигантскую, но избежать её было невозможно, поскольку проклятые бочонки вновь звали в поход.

Вскоре мною было проверено громадное пространство, от моста через реку до деревни Углы. Один раз мне даже показалось, что удача наконец-то мне улыбнулась. В один из дней прибор недвусмысленно показал, что в земле находится цветной металл, но при проверке аномалии с помощью лопаты радужные мои надежды быстро рассеялись. Оказалось, что примерно на метровой глубине от поверхности лежало несколько кусков толстых освинцованных кабелей, и не более того. Короче говоря, и на этот раз судьба легенды не была прояснена однозначно.

Теперь, по прошествии стольких лет, мне уже кажется, что вся эта история была просто-напросто выдумана самим старым солдатом. Вспомним, что он, больной и уже пожилой человек, был принят на постой к самому предводителю местного дворянства. С чего это такая честь рядовому ветерану? Может быть, Иоахим, думая о том, что в доме знатного дворянина ему будет оказан более квалифицированный уход, просто быстренько сочинил столь привлекательную легенду? Так или иначе, но согласитесь, что,

изо всех сил борясь с одолевавшей его болезнью, он вполне мог и выдумать довольно-таки правдоподобную легенду лишь для того, чтобы получить спасительную помощь.

Итак, давайте подведём, пусть и неутешительный, но всё же правдивый итог годам поисков, надежд и разочарований. Шансов на то, что в ближайших окрестностях города Борисова по-прежнему лежат вожделенные бочонки, почти не осталось, но красота и спокойствие тамошней природы заставляют меня вновь и вновь приезжать в эти благословенные места, невзирая на то, есть ли в ней золото Наполеона, или его там уже нет.

Но всё же общеизвестный, хотя и никем не виданный, «червь сомнения» всё ещё точит душу. Все ли собраны сведения, все ли полигоны проверены? Давайте подумаем над этим вопросом вместе. А для того, чтобы лучше думалось, я изложу вам всю хронологию действий 14-го гренадерского полка с 20 по 29 ноября.

20 ноября. 14-й полк был весь день на марше, прошёл 35 вёрст и остановился у мызы Жодино. Ночью продолжил марш к г. Борисову.

21 ноября. 14-й полк весь день в бою за мосты через Березину у «тет-де-пона». В четыре часа пополудни остановился на бивуак в одной или полутора верстах от плотины на реке Сха, на Большой Оршанской дороге. Ночевали солдаты в сосновом лесу, который сохранился и поныне.

22 ноября. Полк целый день стоит на бивуаке. Золото, по идее, уже зарыто, и перевозивший его фургон сожжён без остатка. И вчера и сегодня оттепель, лишь к вечеру слегка подморозило.

23 ноября. С шести утра солдаты на марше и в бою на подходах к Лошнице. Авангард русских войск во встречном бою с французской кавалерией потерял до 1000 человек. Пятеро из тех, кто закапывал золото, убиты. После полудня остатки 14-го полка переправились вброд через реку Сха и двинулись к мызе Ст. Борисов и далее к дер. Студёнка. Переправились и кружным путём через деревню Брили и Большой Стахов добрались до «тет-де-пона».

24 ноября. Полк стоит на месте, в бывших французских укреплениях. В тот день ударил мороз, и болота наконец-то замёрзли.

25 ноября. 14-й полк после полудня вместе с остальными войсками пошёл в Забашевичи. У «тет-де-пона» оставлен корпус графа Ланжерона в составе 15-й пехотной дивизии (без 14-го полка), Житомирского и Арзамасского драгунских полков.

26 ноября. 14-й полк на марше из Забашевичей к Борисову.

27 ноября. Полк вновь отдыхает у «тет-де-пона».

28 ноября. Утром 14-й полк и отдельная колонна под командованием полковника Красовского были направлены по опушке леса вдоль реки Березины от деревни Б. Стахов до деревни Занивки. После двух часов дня до позднего вечера сильная ружейная и артиллерийская стрельба с обеих сторон. (Французы демонстрируют нашим генералам своё твёрдое намерение форсировать Березину вброд.)

29 ноября. В 9 часов утра мосты через Березину были сожжены французами, и Наполеон вновь счастливо избежал, казалось бы, неизбежного окружения и плена.

Если ещё раз проанализировать десять дней из истории одного отдельно взятого полка, то действительно получается, что десять солдат из боевого охранения вполне могли наткнуться на брошенный французами фургон с ценностями и без помех закопать его содержимое только вечером 21 ноября 1812 года. В другие дни они либо не соприкасались с французами вовсе, либо им просто было не до того.

Исходя из этого твёрдо доказанного факта, я всё же надеюсь, что мои изыскания непременно будут продолжены следующими поколениями поисковиков, и им удастся-таки разгадать загадку солдата Иоахима.

* * *

22 ноября

«Двигаемся экипажами от Коханова к Бобру. Император остановился в здании чем-то вроде монастыря (в городе Толочин). На пути к Толочину встретили адъютанта маршала Удино (с донесением о занятии Борисова русскими)».

К полудню сержант Бургонь добрался до Толочина. Пройдя через данный городок, «молодая» гвардия сделала короткий привал. Все остатки ещё боеспособных частей армии очутились как бы в одном месте, в сборе. «Молодая» гвардия встала по правую сторону дороги тесной колонной подивизионно. Гвардия была под ружьём, примерно 7000 человек.

«Прескверно проведя ночь в селении Коханово, где уцелела только одна "рига" (большой сарай для хранения зерна), служившая почтовой станцией, да 2—3 дома, мы ("молодая" гвардия) *рано поутру в 6 часов утра пустились в поход. Мы шли по дороге, страшно грязной вследствие оттепели. Пройдя 17 вёрст, к полудню добрались до Толочина. Пройдя его, сделали*

привал. Это было перед мостом через речку Друть. Речка была замёрзшая, в полях лежал снег по колено. За Толочиным "молодая" гвардия, егеря, и егеря "старой" гвардии сформировались в каре. Наполеон вышел в его центр и произнёс речь. После этого правый фланг начал движение. Поток в несколько тысяч человек двинулся по дороге в городок Бобр».

«После речи Наполеон ушёл в здание монастыря и там, расстелив на столе 100 листовую карту, начал соображать, как выбраться из ловушки, так как считал, что он полностью окружён русскими».

«Глубокой ночью Наполеон вызвал к себе обер-шталмейстера двора герцога Коленкура и имел с ним беседу, приказав ему: "Надо заранее подготовиться на тот случай, если придётся уничтожить всё, чтобы не оставлять трофеи неприятелю. Я лучше буду есть руками, чем оставлю вилку с моей монограммой". Далее Коленкур пишет, что он распорядился, чтобы все офицеры штаба обходились своими приборами, не рассчитывая на обоз главной квартиры».

Императорский обоз, отправленный 25 октября из-под Малоярославца (200 подвод) под охраной 400 егерей гвардии, в полдень находился за Толочином в 8 верстах (ближе к Бобру). В 15.00 этот обоз нагнали польские уланы кавалерийского полка, спешившие на помощь маршалу Удино, который торопился отбить у русских Борисов и стратегически важный мост.

«Двигаемся эшелонами от Коханово к Бобру, следуя за Императором, перенесшим главную квартиру из Каменицы в Толочин, и встречаем на пути к Толочину прискакавшего к нам во весь опор адъютанта маршала Удино. Он принёс весть, что русские овладели не только оборонными укреплениями («тет-де-поном») *но в их руки попал также и город Борисов со всеми складами. Известие о потере борисовского моста было громовым ударом, тем более что Наполеон, считая утрату этого моста делом совершенно невероятным, приказал, уходя из Орши, сжечь все находившиеся там понтонные повозки, чтобы везших их лошадей* (600 шт.) *назначить для перевозки артиллерии».*

«Император приказал генералам распорядиться сожжением всех повозок и даже всех упряжных экипажей; лошадей приказано было немедленно отобрать в артиллерию, всякого же нарушившего этот приказ — подвергать смертной казни».

«И вот (в районе Толочина) *началось уничтожение всех "лишних" экипажей; офицерским чинам, включая сюда и полковников, не разрешалось иметь больше одного экипажа. Генералы Зайончек, Жюно и Клапаред так-*

же принуждены были сжечь половину своих фургонов, колясок и разных лёгких экипажей, которые они везли с собой, и уступить своих лошадей в артиллерию гвардии. Один офицер из гл. штаба и 50 жандармов должны были при этом присутствовать.

Император дал разрешение брать в артиллерию всех лошадей, какие только понадобятся, не исключая и лично ему принадлежащих, только бы не бросать пушки и зарядные ящики».

Приказ это имел далеко идущие последствия и в конце концов привёл к заложению ещё как минимум 3-х, а то и 4-х драгоценных кладов. Два из них, относительно небольших (по весу менее тонны), были спрятаны явно до востребования, другой же (просто гигантский по своей массе) был однозначно ликвидационным. Давайте же посмотрим, где и при каких обстоятельствах это произошло.

Но прежде отметим, что положение коалиционной армии было и в самом деле просто угрожающим, и Наполеон прекрасно понимал, что он медленно, но неуклонно втягивается в очередной капкан, подготовленный командованием русских войск. И действительно, давайте мысленно взглянем на схему, отражающую положение обоих противоборствующих сторон. Итак, 22 ноября основные силы французской армии были растянуты от западных окраин Коханово до восточных окраин Лошницы. Они двигались на запад довольно свободно, почти не встречая сильного противодействия, но, по существу, наполеоновские войска находились в своеобразном подвижном окружении. Откройте карту Белоруссии и следите за перемещениями русских войск, так вам будет легче проникнуть в замысел Кутузова.

С северо-запада у селения Холопеничи расположился корпус подполковника Власова. На севере у Лукомли войска генерала Витгенштейна противостояли корпусу Виктора. Голенищев-Кутузов наступал от Бабиновичей. Платов подходил к Коханово. Генерал Ермолов занял Оршу. Милорадович выступал из местечка с забавным названием Лещи. Конница Ожеровского форсировала Днепр у городка Шклова. А полки Чичагова и вовсе заняли город Борисов, перехватив основные мосты через Березину на главной дороге. Таким образом, все, буквально все основные и даже второстепенные дороги были блокированы, и ожидать самых решительных действий русских войск можно было в любое время.

* * *

Сержант Бургонь шёл со всеми по дороге, с нетерпением ожидая долгожданного отдыха и хоть какой-то пищи, обычно выдаваемой на привале. Потом он

какое-то время отдыхал у костра. За это время его полк ушёл вперёд. Его заметил сослуживец Гранжье, и затем они уже вдвоём догоняли своих однополчан.

Вы, наверное, удивлены тому, что я то и дело упоминаю о каком-то заурядном сержанте? Не сомневайтесь, всё делается правильно, с весьма дальним прицелом. Судьбе было так угодно, что именно он, сержант Бургонь, вскоре будет иметь непосредственное отношение к сокрытию самого большого, самого тщательно охраняемого во время движения и заодно самого ценного обоза с московскими трофеями — императорского.

Для того чтобы наиболее точно вычислить то место, где была надёжно спрятана наиболее ценная часть французских трофеев, необходимо шаг за шагом, не пропуская ни одной, даже, казалось бы, несущественной мелочи, проследить все манёвры данного обоза, предшествовавшие этому роковому моменту.

Все эти моменты и нюансы мы рассмотрим в особой, самой важной главе, названной:

Последнее золото Кремля

Поскольку нам, как действующим или будущим поисковикам, крайне важно вычислить конкретную точку, в которой был спрятан 2-й золотой обоз, то, прежде всего, нам нужно чётко определиться с местоположением данного обоза, скоростью его продвижения и присмотреться к тем, кто его сопровождал. Не менее важны и события, которые происходили в тот день. Вот с них-то мы, пожалуй, и начнём.

Так вот, среди ночи с 21 на 22 ноября 1812 года в селение Крупки вихрем влетело несколько всадников, среди которых заметно выделялся генерал Бранниковский. Спросив у часовых, где остановился маршал, он спрыгнул с еле стоявшей на ногах лошади и бегом бросился в указанном направлении. Известие, которое привёз генерал, было даже не ошеломляющим, оно было просто ужасным. Фактически он привёз французам смертный приговор.

— Русские внезапным ударом захватили укрепления на правом берегу Березины, — сообщил он, — и в течение нескольких часов овладели не только мостами, но и всем городом Борисовом!

Маршал Франции Николя Удино, будучи весьма опытным военоначальником, тут же оценил всю степень возникшей угрозы. Потеря главной транс-

портной коммуникации, позволявшей им без особых проблем перебраться на правый берег всё ещё не замёрзшей Березины, грозила всей армии крупными неприятностями. Только своим непрерывным перемещением французы не давали возможности сконцентрироваться разобщённым русским войскам. Если бы те имели время для того, чтобы собраться в единую группировку и занять удобный для обороны рубеж, то шансов у французов пробиться далее на запад не было бы однозначно. Ведь теперь перевес по всем позициям был на стороне русских армий. И вот теперь последний козырь — скорость передвижения — был выбит из рук Наполеона. Если не удастся вернуть мосты, то длительная остановка будет неизбежна.

Выслав адъютанта, чтобы вовремя проинформировать императора о произошедшем, маршал поднял войска корпуса по тревоге.

Кстати сказать, несущийся во весь опор адъютант маршала (а от Крупок до Толочина путь неблизкий — 40 километров) должен был непременно повстречать на своём пути большой обоз, который среди прочих военнослужащих сопровождал и солдат Пикар. Он, как и Бургонь, тоже сыграет свою роль в покрытой мраком забвения истории «2-го золотого обоза». Дорога-то была одна, и их встреча была предопределена, но мы, к сожалению, не знаем, где и когда она произошла. Однако точно известно, что адъютант маршала Удино встретил всадников и экипажи главной квартиры где-то за Толочиным, примерно в 11 часов дня. Следовательно, он проехал селение Малявка часов в 9, а из Крупок выехал где-то в 6 утра. Именно в это время полки Удино выступили из Крупок и Бобра в направлении Лошницы, имея основной задачей отбить стратегически важный город Борисов обратно.

Из показаний очевидцев нам хорошо известно, что императорский обоз в 3 пополудни был на подходе к Малявке, и значит, в районе Толочина он был в 9 утра. Запомним этот факт. А полк «молодой» гвардии и служащий в его рядах Бургонь выступил из Коханово утром. И он встретил адъютанта на подходе к Толочину, отшагав 18 км. Тем временем интересующий нас обоз с 12 часов неторопливо двигался от Толочина к Бобру. Но никто в самом обозе и охране его на сей раз не знал, каков конечный пункт, к которому они стремятся. Скорее всего, в тот день только у начальника обоза имелся некий секретный приказ императора, полученный им после того, как Наполеону стало известно о падении гарнизона Борисова. И я сильно подозреваю, что ему были даны полномочия при первой же серьёзной опасности спрятать грузы, находящиеся на его попечении. И такой случай не замедлил представиться.

В 14 часов, едва миновав деревеньку Тростянка, обоз («2-й золотой») подвергся мощнейшей фланговой атаке казаков. Если учесть, что численность охраны составляла 400 человек, а нападающих было не менее 200, то вы понимаете, что атака была крайне опасна. Положение обоза усугублялось ещё и тем, что никто толком не знал, каковы на самом деле действующие против передового транспортного отряда силы. Эти двести казаков вполне могли представлять только небольшой отряд более крупного русского соединения. И если в первый раз удалось отбиться, то не было никакой гарантии в том, что через какое-то время не последует более мощная атака, на этот раз с применением артиллерии. К тому же именно в это время «2-й золотой обоз» оказался в своеобразном вакууме. Конница Удино и Понятовского умчалась из Бобра к далёкой Лошнице, а полки егерей и гвардии сильно отстали и топтались где-то около деревень Романовка и Матиево.

Таким образом, при серьёзной опасности прийти на помощь солдатам, охранявшим московские трофеи, было фактически некому. И, оценив сложившуюся ситуацию, начальник обоза принял однозначное решение. Весь груз был обречён на уничтожение именно в тот момент, когда отзвучали последние ружейные залпы и атаковавшие конвой казаки резво умчались в бескрайнее поле. Опасность вроде бы и миновала, но миновала явно ненадолго. Охране и возчикам следовало поскорее выбрать подходящее место и способ для скорейшей ликвидации обременявших их тяжестей. Вскоре после боя, наскоро приведя нарушенный строй фургонов в порядок, возницы двинулись дальше и, повинуясь приказу, примерно в 13 часов пополудни обоз резко свернул налево. Впрочем, относительно успешное продвижение повозок и фургонов было прервано примерно через 800—900 метров, когда головная повозка неожиданно накренилась и через секунду свалилась в скрытый снежным сугробом овраг, связанный с водной системой реки Плиса.

Проехать далее было невозможно, и повозки ещё раз свернули налево. Двух лошадей, тех, что тащили повозку до падения в овраг, распрягли и увели вместе с основным обозом. Саму же повозку оставили внизу, поскольку вытащить её на руках из сугробов было невозможно. Для охраны перевозимых ценностей около неё оставили двух егерей и уже упоминавшегося мною солдата Пикара. Однако егерям стало холодно, и вскоре они ушли вслед за обозом. Но вместо них появились мародёры из числа разрозненно отступавших небольших групп так называемых «волонтёров». Разграбив повозку, они торопливо ушли в сторону большой дороги, а Пикар, естественно, остался, поскольку был на посту, да и побоялся (а может быть, просто поленился идти

по незнакомой местности в одиночку). Кроме того, он не собирался никуда трогаться с места, поскольку резонно рассчитывал, что его рано или поздно заберут возвратившиеся обозники и подвезут на санях.

Но долго в одиночестве он не оставался, около 5 вечера невдалеке от охраняемого объекта показался раненый казак, которого наш часовой отогнал с помощью нецензурных выражений и угрозы оружием. Прошло ещё несколько часов, и уставший ждать возвращения сослуживцев Пикар забрался в ящик повозки, где было относительно тепло, и уснул. Но спал он недолго. Примерно через час что-то сильно стукнуло по крышке его пристанища, и снаружи раздалась сильная ругань. Поскольку ругались по-французски, то Пикар безбоязненно приподнял крышку. Каково же было его изумление, когда он увидел своего старого знакомого, сержанта Бургоня. (Они были знакомы ещё по совместной службе в Париже.) Наобнимавшись вдоволь и расспросив друг друга о последних новостях, они вместе забрались в повозку, где и спали до полуночи. Затем развели костёр и какое-то время отогревались. Но после этого они вновь улеглись всё в ту же повозку. Некоторое время в лесу было тихо, и они смогли спокойно выспаться.

Под утро, в 4 или 5 часов, рядом с ними зазвучали кавалерийские рожки, и по краю оврага промчался полк русской кавалерии. На полуопрокинутую повозку никто из конников не обратил внимания, но перепуганная до смерти парочка французов ещё долго лежала не шевелясь и тревожно затаив дыхание. Только в шесть утра (23 ноября), когда забрезжил робкий рассвет, они выбрались из оврага и пошли по полю, в направлении большого леса. Избрали они это направление по одной-единственной причине — именно туда уходили следы так и не возвратившегося назад обоза. На полпути до дальнего леса им встретился ещё один, довольно глубокий овраг. Они перешли через него и через некоторое время добрались до самого леса. Так шли они больше часа, и при этом ветер дул им в спину. Поскольку ветер был северо-западный, то нетрудно сообразить, что двигались они на юго-восток. Заметённые вьюгой следы обоза они давным-давно потеряли, но надежда отыскать своих сослуживцев их не оставляла.

Достигнув леса, Пикар и Бургонь пошли вдоль его опушки, имея ветер слева, то есть на восток, точно в противоположном направлении, нежели в тот момент двигалась вся остальная французская армия. Конечно, им бы нужно было возвращаться на северо-запад, к большой дороге, но ни у одного ни у другого, не было компаса, а небо в тот день было закрыто плотными, быстро несущимися облаками. Наконец они увидели плоское, занесённое снегом

пространство, которое было похоже на большое озеро, и начали огибать его со стороны леса. Обогнув озеро, они неожиданно вышли на остатки чьего-то большого бивуака.

Теперь давайте спросим самих себя: кто же мог занимать накануне это место? Какой большой отряд? Может быть, тут останавливались те самые казаки, которые вчера (22-го) напали на императорский обоз? Нет, не похоже. Данный бивуак был слева от большой дороги, а ведь нападение было произведено справа. Да, ведь на месте бивуака наши путешественники увидели несколько слабо чадящих костров и 7 туш издохших лошадей. Они начали осматриваться вокруг с определённой опаской и через некоторое время заметили, что пространство озера пересекает не менее 25 всадников, выдвинувшихся со стороны небольшой деревеньки. Но, к счастью, двигались они достаточно далеко от них, вне дистанции прямого выстрела (т.е. метров за 300) от французов, которые незамедлительно спрятались в невысоких прибрежных ёлках. Вскоре показалось ещё пять всадников, которые ехали на вдвое меньшем расстоянии от их леса.

Вскоре оба отряда встретились на середине озера у громадной проруби, около которой спешившиеся казаки принялись поить лошадей. Надо при этом отметить одну тонкость. Бургонь пишет, что казаки разбивали лёд своими пиками, что совершенно невозможно себе представить, если бы лёд на проруби не был совсем свежим. В ту пору лёд на озёрах достигал 20—25 сантиметров, и пробить его, не имея пил и топоров (чего у казаков точно не было), было совершенно невозможно. Это подтверждают и выдержки из записей самого Бургоня.

«Мы попробовали топориком прорубить лёд, чтобы достать воды для варки супа, но у нас не хватило ни сил, ни терпения».

Но супом, разумеется, они занимались позже, когда, напоив своих лошадей, казаки ускакали и французы смогли безбоязненно выйти на открытое место. Тогда же они стали невольными свидетелями поистине ужасной сцены. В какой-то момент (вскоре после ухода конного отряда), они увидели бегущих по глади озера 3-х солдат французской пехоты, за которыми на рысях гнались три казака. Но, добежав до середины озера, трое пехотинцев разом провалились в воду. Казаки, мчавшиеся за ними во весь опор, увидев это, попробовали остановить разогнавшихся лошадей, но не успели и тоже рухнули в ту же самую прорубь. И сколько ни смотрели Пикар с Бургонем в сторону громадной полыньи, из гибельной ловушки никто из шестерых не выбрался.

Вот здесь у нас и возникают уже два абсолютно законных вопроса. Кто останавливался на бивуаке, где остались мёртвые, но ещё не заваленные снегом лошади? Кто и зачем проделал на середине озера столь громадную прорубь, что в неё могли одновременно свалиться три всадника?

Мне представляется, что ответы на эти вопросы однозначны. Столь большую прорубь, причём на весьма большом удалении от самой деревни, вряд ли стали бы делать деревенские жители. Им это просто не к чему. Все, кто бывал зимой в деревне, знает, что проруби делаются к берегу поближе и размером поменьше. Да, туда, конечно, может провалиться один человек (при известной сноровке), но чтобы там могли утонуть сразу трое, причём сидя на лошадях! Трём всадникам, да одновременно, упасть в маленькую бытовую прорубь не получится ни при каком раскладе! И значит, данная громадная дыра во льду не имела к деревенским водным источникам никакого отношения.

К тому же ещё два странных, но знаменательных фактора вмешиваются в ход наших рассуждений: павшие лошади и слишком тонкий лёд, прикрывающий большую порубь. Сантиметровый лёд образуется при сильном морозе в стоячем водоёме всего за несколько часов, это понятно. Следовательно, толстый лёд был удалён с центра озера только минувшей ночью, и сделали это явно не крестьяне и уж тем более не случайные казаки. К тому же павшие лошади (уже давно ставшие фирменной маркой отступающей французской армии) могли принадлежать только отряду французской армии. И самое главное — именно в этом направлении именно вчера вечером двигался императорский обоз! Получается так, что странную стоянку занимали, причём довольно длительное время, именно сослуживцы наших двух путешественников!

Вы замечаете, что всё как-то само собой складывается таким образом, что Пикар и его приятель Бургонь варили свой незамысловатый суп из конины как раз на берегу того самого озера, в котором накануне был утоплен «2-й золотой обоз». Какие-то иные толкования как-то и не приходят в голову. Закопать груз с двух сотен повозок (так, чтобы не осталось следов) было совершенно нереально. А утопить их можно было только в данном водоёме. Но двое наших французов об этом даже не догадывались, поскольку в тот момент им было не до того. Впрочем, давайте проследим далее за обоими заблудившимися приятелями.

Пообедав, они двинулись в обратном направлении, стремясь как можно скорее встретить своих собратьев по оружию. Но сделать это оказалось не так-то просто. Выйдя из леса на открытое пространство, они очень быстро

были замечены двумя казаками, которые двинулись вслед за ними. Пришлось французам вновь углубиться в лес, в котором было очень много снега и бурелома. Но казаки не отставали. Так они шли полчаса, после чего увидели большой снежный вал, который тянулся вправо и терялся в овраге на равнине. Казаки повернули лошадей и направились в овраг, надеясь объехать высокий вал. А Пикар с Бургонем просто перелезли через данный вал и тут же вышли на открытое пространство.

Они одолели примерно полкилометра, когда казаки показались вновь. Произошла перестрелка, в результате которой Пикару (а он в своё время брал призы по стрельбе) удалось подстрелить одного казака, второй же ускакал галопом и скрылся в овраге. Так они стали обладателями лошади, пусть одной, но всё же тягловой силы. Через некоторое время они вышли на незнакомую им лесную дорогу и поехали по ней верхом, поскольку она шла в направлении на северо-запад. Ехали они довольно долго, но не встретили на пути ни одной деревни.

И на большую дорогу они выехали где-то в районе населённого пункта Бобр, раскинувшегося на берегу одноимённой реки. Дорога была совершенно пустынна, и они повернули лошадь на запад, в сторону Крупок (что в принципе было вполне логично). Вскоре наши невольные путешественники миновали Крупки — по-прежнему не наблюдая никаких следов армии. Вокруг стоял вековой лес, и населённых пунктов им не встретилось вновь. Пришпорили лошадь (благо она была крепкой и хорошо откормленной) и доехали до селения Острово-Нача. Таким образом, они покрыли примерно за три с половиной часа расстояние в 20 км. Опустились сумерки, у почтовой станции злобно лаяли собаки, и им стало понятно, что зря так торопились, поскольку армия до этих мест ещё не дошла. Определить это можно было по тем же собакам, которые моментально отлавливались голодными солдатами и съедались.

Переночевав, неразлучная пара старых вояк, прихватив в провожатые местного еврея, назвавшегося Самуилом, вновь пустилась в путь (24 ноября). Возвращаться назад они были вовсе не намерены, поскольку двигаться впереди основной армии было хотя и опасно, но зато более сытно. Шли лесными дорогами, стараясь не вылезать на основной тракт (надо думать, во избежание встречи с казаками). Во время путешествия они слышали далёкий грохот пушек, но не знали, что бой происходил в двух верстах от деревни Батуры. (Я ранее упоминал об этом сражении в главе «Сгинувшие обозы маршала Виктора».) Уже затемно они набрели на одинокую избу, где и заночевали.

Встали по привычке рано в 4 утра и в 5 (25 ноября) уже вышли из дома. Через 7 или 8 вёрст вышли на большую дорогу и далеко на востоке увидели

приближающуюся к ним голову французской армейской колонны. Если бы Пикар и Бургонь задержались на этом месте ещё пару часов, то смогли бы воочию наблюдать, как по приказу Наполеона у перекрёстка дорог зарывается очередной громадный клад (более 1200 кг монет). Но они не обладали даром предвидения и при этом, прямо скажем, нерядовом событии не присутствовали. (Но мы-то с вами таким даром обладаем и поэтому обязательно сюда вернёмся.)

Однако они, разумеется, некоторое время ждали приближения колонны. Вскоре из нестройных рядов проходящих мимо сводных полков и поредевших рот вдруг раздался изумлённый возглас:

— Смотрите, как будто бы это Пикар стоит!

— Да, это я, — немедленно отозвался старый гренадёр, — друзья мои! Я самый, и теперь не покину вас до самой смерти!

Офицер спросил Пикара, откуда он взялся и как очутился впереди всей армии, в то время как все 400 человек охраны, которые сопровождали императорский обоз в его последний путь, вернулись обратно на большую дорогу в 10 вечера ещё 22 ноября. Надо полагать, что в ответ он услышал тот самый рассказ, который вы только что прочитали.

Не правда ли, трогательная история? И главное — очень информационно насыщенная. Как же эти сведения были использованы в дальнейшем? Как происходил поиск невиданного сокровища? Обратимся с этим вопросом к известному поисковику и исследователю-любителю, много лет изучающему судьбы исторических кладов наполеоновского периода — В.Т. Смирнову. И вот что он рассказал по этому поводу.

«Что же касается так называемого "Императорского золотого обоза", то здесь всё много сложнее. Изучив документы и подробные карты 1812 года, я приехал на то место, где ночевали полки "старой" и "молодой" гвардии в ночь на 22 ноября, и где во 2-й полк старых гренадеров была возвращена по приказу Наполеона охрана императорского обоза. Место это — Старый Екатерининский шлях. Справа и слева от дороги растёт вековой лес — большие сосны. Лес тянется вдоль дороги четыре версты, но в 1812 году он тянулся много больше. Деревень, речки и колодцев нет. Охрана обоза сопровождала большой транспорт императорской квартиры примерно в 200 повозок с московскими трофеями. Следы пропавшего обоза теряются в том месте, где была переправа через овраг.

Я пришёл на то место, где теряются следы обоза. Стал соображать, куда он мог направиться. Было три возможных направления движения.

Строго на юг в сторону большого леса, который растёт у высоты "196". На запад, вдоль оврага, либо на восток, тоже вдоль оврага, в направлении деревни Химец, до которой было около версты. Но мне показалось, что самый лучший вариант — двинуться на юг, к лесу, туда, где можно было укрыться на ночь, так как уже наступали сумерки. Этот маршрут вполне мог привести обоз на край большого леса, прилегающего к искомому озеру. Это озеро имело в 1812 году следующие размеры: длина — 1200 метров и ширина — 400 метров. От этого озера до места, где охрана вернулась в свой полк, шесть или семь вёрст. Утопив драгоценный груз на середине озера, охранники и сопровождаемые ими пустые подводы вполне могли преодолеть это расстояние всего за час-полтора.

По описанию французов, данное озеро имело следующие признаки и приметы: с той стороны, где не было леса, на пригорке находилась небольшая деревушка. На противоположной стороне озера рос большой лес, на берегу же росли небольшие сосенки и кусты. Из тех же документов следует, что лёд на озере был достаточно прочный, выдерживал и всадников и телеги, запряжённые парой лошадей. Кроме того, известно, что в тот вечер, когда охрана обоза вернулась в свой полк, до 9 вечера светила полная луна и вся местность, покрытая нетронутым снегом, просматривалась даже ночью на две-три версты.

Итак, чтобы отыскать пропавший "Золотой обоз", мне пришлось в самом начале поиска найти тот овраг, куда свалилась головная повозка, запряжённая парой лошадей, и где встретились: гренадер Пикар, сопровождавший императорский обоз, и его старый товарищ по совместной службе — сержант Бургонь. Разыскав это место, я двинулся вдоль оврага налево, т.е. в ту сторону, куда свернул обоз, пытаясь найти проход через этот овраг. Пройдя примерно 800 метров, увидел, что в этом месте есть удобный выезд из оврага, и именно здесь императорский обоз мог свободно переправиться на другую сторону и проследовать дальше. Переправа здесь происходила днём в три часа пополудни 22-го ноября 1812 года. 400 человек охраны возвратились примерно в 10 вечера. Таким образом, получалось, что обоз был надёжно захоронен всего за 6—7 часов.

Я распределил это время следующим образом: один или полтора часа на движение к озеру, где он мог быть спущен под лёд, два или три часа нахождения на озере, и затем один или полтора часа на возвращение в свой полк. Мне тогда казалось, что именно таким образом вся операция по захоронению и была осуществлена. Ведь исходная легенда, на которую я опирался, прямо

указывала на то, что императорский обоз был именно затоплен, а не зарыт. Вот это-то озеро мне и предстояло найти в этом районе. Итак, из трёх возможных направлений я избрал направление на юг и двинулся по нему, сверяясь с показаниями компаса. Пройдя полторы версты, я (равно как и разыскиваемый обоз) встретил уже другой овраг и, естественно, повернул вдоль него. Пробиться напрямую телеги не имели ни малейшей возможности...

Вот уже причуды исторических совпадений. Ведомый исключительно здравым смыслом, я неожиданно для себя вскоре вышел на берег довольно большого озера, причём именно в том его месте, где в 1812 году случилось некоторое время стоять имперскому обозу в ту роковую ночь, как он был безжалостно утоплен. А совсем недалеко от себя я увидел и ту деревню, о которой упоминали в своих воспоминаниях французы и в которой ночевали те самые солдаты, что разграбили упавшую в овраг головную повозку обоза. И так сложились потом обстоятельства, что именно на это озеро пришли на следующее утро (т.е. 23 ноября) *наши приятели Бургонь с Пикаром. Сомнений у меня больше не оставалось. У большого, двухсотподводного транспорта не было иного пути, и, следовательно, именно здесь окончил свои дни "Второй золотой обоз"!*

Совпадали все приметы, приводившиеся в воспоминаниях многих участников тех событий. Я весьма благодарен за это сержанту Франсуа Бургоню, адъютанту де Кастеллану, Евгению Богарне и прочим мемуаристам».

Небольшой комментарий к воспоминаниям заслуженного российского поисковика просто необходим. Смотрите, как просто и в то же время изящно был найден самый, пожалуй, крупный и самый ценный ликвидационный клад, оставленный в России Наполеоном I. Этот самый хорошо охраняемый и оберегаемый на всём пути следования от Москвы груз (широко известный всем поисковикам как «Золотой обоз № 2») был затоплен только тогда, когда везти его далее не было и малейшего смысла. Наполеон понимал, что ещё день, ещё два дня, и перевозить 200 повозок с ценностями не будет никакой возможности. А ведь это была громадная тяжесть. Пусть каждая пароконная повозка обоза перевозила всего по 400 кг груза. Всё равно простейшая арифметическая операция даёт нам фантастическую цифру в 80 тонн! Отсюда проистекает и столь длительное время, понадобившееся возницам, чтобы утопить перевозимое имущество.

Как же можно будет повторно отыскать заветное озеро? Начнём с того, что попробуем сами шаг за шагом проследовать за обречённым обозом, дви-

гаясь как бы вместе с ним. При этом нужно иметь в виду, что к озеру, намеченному для того, чтобы принять в свои воды вывезенные из Москвы сокровища, не вело никакой дороги. Поэтому и путь туда в действительности занял примерно полтора часа. Ведь приходилось идти на ощупь, пробивая путь в довольно глубоком снегу. Преодолевать овраги тоже было непросто, и сделать это можно было только в определённых местах. Но вот наконец показалось и озеро. На его берег головные повозки выбираются уже в сумерках. Но французам это было только на руку — темень весьма способствует сохранению тайны.

На некотором отдалении (ближе к сосновому бору) они разожгли небольшие костры и отправили солдат пробивать лёд. Глубина озера «могильщикам» была неизвестна, и промерять её тоже было некогда. Начальник обоза ограничивается тем, что приказывает устроить прорубь ближе к его центру, полагая, что именно там глубина наибольшая. Ведь сам император приказал ему так спрятать трофеи, чтобы достать их было совершенно невозможно.

Устроить подходящего размера прорубь тоже было не так-то просто. Ведь лёд достигал толщины 20—25 сантиметров, и чтобы выпилить полынью шириной хотя бы в 2 и длинной в 4 метра, им понадобилось не менее часа напряжённой работы. К тому времени стемнело совершенно, и только несколько примитивных факелов освещали место действия. Но вот, кажется, всё готово и начинается процесс затопления. Возницы, гревшиеся до этого момента у костров на бивуаке, берут лошадей под уздцы и ведут их к проруби. С каждой стороны проруби легко помещается по телеге, и специально назначенные солдаты из охранения начинают торопливо сбрасывать в воду то, что с таким трудом и с такими жертвами притащили из Москвы в самый центр современной Белоруссии.

На разгрузку двух телег уходит немного времени — от трёх до пяти минут, но напомню, что телег примерно две сотни и разгрузка поневоле затягивается минимум на два часа. Уставших солдат своевременно меняют свежие, и к девяти вечера всё кончено. Освободившиеся от груза телеги всё так же неторопливо вытягиваются наверх и гуськом, ориентируясь вначале по собственным следам, а затем и по компасу, двигаются обратно. Тут же на бивуаке французы добивают падающих от усталости лошадей и производят перепряжку резко полегчавших саней и фургонов. Единственно недвижим многочисленный конвой. Все солдаты терпеливо ждут окончания операции, кто с тоской, а кто и с облегчением провожая глазами каждый падающий в прорубь мешок, каждый ящик и сундук.

Какова же примерно нынешняя стоимость сброшенного на дно озера драгоценного имущества? Вопрос вполне закономерный, но как ответить на него, не достав спрятанного? Можно только гадать. Грубый подсчёт может запросто вывести нас на цифру 100 000 000 $, а ещё более грубый поднимает планку до 500 000 000 $. Хотя в принципе это, конечно же, всё равно. Какую цифру ни возьми, всё равно сумма получается просто астрономическая. Вот только воспользоваться сокровищами вряд ли удастся. Почему? Да потому, что за время, прошедшее с момента затопления основной массы московских трофеев, местность в тех местах преобразилась настолько радикально, что и без того надёжно укрытые ценности стали ещё более недоступны.

Там, где некогда разливалось красивое озеро, теперь расстилается зловонное, смертельно опасное болото. Человеческая деятельность привела к тому, что здесь возникла самая настоящая зыбучая трясина. Через неё невозможно не только протащить какую-либо технику, но даже и просто пройти. Неоднократно там погибал домашний скот, и поэтому люди туда даже не суются. Но, разумеется, с современной техникой можно творить чудеса. Если вложить в проект миллион долларов, то, возможно, удастся осушить данное болото. Вот только незадача. Местность эта, ещё раз повторюсь, находится на территории современной Белоруссии, куда теперь со своим бульдозером просто так не полезешь. А как-то втихую, по ночам, проделать такой гигантский объём земляных работ никому из одиночек явно не удастся. Так что приходится только грызть локти и терпеливо ждать… Вот только чего?

* * *

23 ноября

«Колонны главной армии двигаются с трудом. Вышли из Толочина ещё с рассвета и остановились уже тёмной ночью. Эти бесконечные переходы, медленные и скучные, раздражают и утомляют солдат. В конце концов, они разбегаются, и ряды войск всё более редеют. Многие сбиваются с большой дороги в мрачных огромных лесах, и нередко, лишь проблуждав целую ночь, находят, наконец, свой полк. Сигналы не давались больше ни к выступлению, ни к остановкам. Заснув, рисковали пробудиться в неприятельских руках.

Император прибыл в Бобр. Он приказывает образовать 4 отряда "почётной" гвардии, составленных из всех офицеров кавалерии, у которых ещё остались лошади (примерно в 500 человек). *Дивизионные генералы*

будут капитанами или лейтенантами, бригадные генералы — подлейтенантами. Орлы (имеются в виду особые украшения на древках знамён) кавалерийских полков сожжены; мы уверены, что таким образом их у нас не отнимут.

Государственная канцелярия сожгла свои бумаги; Дарю настаивал на этом, начиная с Гжатска, где мы начали уничтожать свои обозы.

8-й вестфальский корпус под командой герцога Жюно совершенно разгромлен; в нём осталось 200 человек пехоты и 100 кавалерии.

В холодный ноябрьский вечер 23 ноября среди дремучих лесов сходились французские армии на ночлег вокруг Бобра. В Бобре Наполеон встретил часть войск маршала Виктора. Хорошо экипированные и вооружённые.

Поздно вечером в 22 или 23 вечера прискакал от Удино адъютант с донесением, что Борисов взят.

В этот день погибло много лошадей из-за трудностей добычи фуража и воды для лошадей. Ночью в Толочине умер адъютант Жиру».

Товарищи Бургоня рассказывали ему, что когда они шли 23-го по дороге, пересекающей лес у Бобра, они видели полки маршала Виктора.

24 ноября

«24 ноября 1812 г. Императорская штаб-квартира перенесена из местечка Бобр в Лошницу. Плохое пристанище, сплошные леса. Даже сам император, отправившийся в 8 часов утра и прибывший в Лошницу в 7 часов вечера, помещён очень неудобно. Мы слышим канонаду герцога Беллунского в 25 верстах вправо от нас. (Маршал Виктор в тот момент сдерживал атаки ополчения П.Х. Витгенштейна, в районе селения Черея.) *Маршал Удино находится со 2-м корпусом в г. Борисове. Вчера у него было удачное дело, он вытеснил неприятеля* (армию генерала Чичагова), *который отступил, сжёг мост, но побросал все свои экипажи. Число солдат, отстающих от армии, значительно увеличивается с каждым днём. Солдаты умирают от голода под знамёнами. Корпус маршала Нея состоит теперь из 600—700 человек. По-прежнему идёт снег.*

Прибыв сюда (в Бобр), *император приказал генералам Эбле и Шаслу выступить в 6 утра со всеми своими сапёрами, захватить все оставшиеся у них инструменты и идти немедленно в Борисов для починки мостов на реке Березине, в тех местах, какие будут им указаны герцогом Удино. Они должны быть там ещё до наступления ночи и 25-го на рассвете начать работы.*

Наступил холод, и дороги опять заледенели. Император переносит главную квартиру в Лошницу».

24 ноября (из Бобра) последовало повторное предписание отрядам Зайончика (поляки), Жюно (вестфальцы), Клапареду и всем прочим корпусам — сжечь все излишние фургоны и экипажи.

Генерал Роос прибыл в Бобр 24 ноября после полудня, т.е. когда Наполеон с гвардией выступили оттуда, и был на полпути к Лошнице.

25 ноября

«От Лошницы наполеоновская армия двигалась в следующем порядке: Императорская группа, за которой двигалось до 800 человек офицеров и унтер-офицеров. Потом шла императорская гвардия и егеря. Затем 1-й полк старших гренадеров и 2-й полк старших гренадеров. (Пикар ждал целый час, пока подойдут его сослуживцы.) *Вслед за ними шло примерно 30 000 прочего войска. В арьергарде шагали полки "молодой" гвардии, а за ними часть артиллерии и зарядные ящики. (Основное количество боеспособной артиллерии под командой генерала Негра находилось впереди). Среди ночи мы прибыли в Старый Борисов. Наполеон остановился в 2-этажном доме на втором этаже.*

25-го числа мы вышли на большую дорогу (Пикар с Бургонем) *недалеко от Лошницы. Через некоторое время я увидел колонну, шедшую по дороге в нашу сторону. Первыми, кого я увидел, были генералы, некоторые ехали верхом, но большинство шло пешком, остатки "священных" батальона и эскадрона, которые были сформированы 22 ноября и от которых теперь остались лишь жалкие следы. Затем я увидел императора. Он шёл пешком с палкой в руке. Он был закутан в длинный плащ, подбитый мехом, а на голове его была шапка малинового бархата, отороченная кругом черно-бурой лисицей.*

Справа от него шёл король Мюрат, а слева принц Евгений (Богарне), *далее маршалы Бертье, Ней, Мортье, Лефевр и другие маршалы и генералы. За генералами шла колонна, состоящая сплошь из офицеров и унтер-офицеров, что-то около 800 человек. За офицерской колонной шла пешая гвардия — впереди егеря, за ними старые гренадеры. Я не видел армии целый месяц с 25 октября (!!!).*

Когда показался мой 2-й полк, я присоединился к своему батальону. Меня узнали и стали приветствовать. Когда колонна остановилась, офицер спросил меня, откуда я взялся и почему очутился впереди, когда все,

которые подобно мне (Пикару) *сопровождали обоз, уже вернулись три дня тому назад».*

Эта фраза — в очередной раз доказывает, что особый обоз с трофеями («2-й золотой») двигался впереди всей армии, стараясь не сбавлять скорость передвижения ни при каких обстоятельствах. Причём заметьте, что отрыв от армии был осуществлён скрытно и сразу же после сражения при Малоярославце (а это случилось именно 25-го).

«На половине перехода, в приметном месте, где дорога раздваивалась, и у обочины торчал большой пень, Наполеон слез с лошади и долго глядел на бежавшие толпы.

Мы, генеральный штаб, подходим к Борисову. Я видел, как Наполеон, сидя в экипаже, диктовал какой-то приказ начальнику штаба Бертье».

Место, где стоял император, весьма примечательное. И стоял он там не один. Именно в этом месте жандармы проводили своеобразную селекцию, отделяя из общей массы отступавших войск небоеспособных солдат без оружия, беженцев, торговцев и раненых. Всю эту массу неорганизованных людей они направляли в сторону Неманицы. Боеспособные же части разворачивались на Борисов. И именно здесь, на этом участке дороги, случилось событие, которое я описал в следующей главе:

«Касса» маршала Жюно

Начало этому поисковому эпизоду было положено через много-много лет после окончания Отечественной войны 1812 года. Случилось так, что ровно через восемьдесят лет (!) после окончания наполеоновского похода в Неманицу приехали два француза и на хотя и ломаном, но всё же русском языке принялись расспрашивать местных крестьян о некоей острой железке, торчащей из некоего толстого дерева в некоем окрестном лесу. При этом они сулили немалое вознаграждение каждому мало-мальски наблюдательному мужику, который согласится проводить их к помеченному таким необычным образом растению.

Разумеется, искали они вовсе не эту ржавую железку. Их внимание наверняка привлекало какое-то сокровище, спрятанное вблизи столь необычной отметки. Почему же французы, а это были, скорее всего, внуки тех, кто

зарывал клад, сразу не отправились на заветное место? Вопрос не праздный. И чтобы разобраться в нём, следует мобилизовать все сведения о событиях, которые происходили именно на этом отрезке дороги и были как-то связаны с французами.

Впрочем, с последним вопросом всё много проще. Французы здесь появлялись только один-единственный раз, а именно 25 ноября 1812 года. И положение их было таково, что они вполне могли закопать в этом месте некие обременявшие их ценности. Вспомним, что именно здесь, в окрестностях этой рядовой белорусской деревушки, стоял Наполеон Бонапарт и вместе со специально выставленными вдоль дороги жандармами внимательно следил за формированием ударного отряда прикрытия, призванного обеспечить переправу через Березину.

Логика у него в данном случае была железная. Он уже имел «удовольствие» преодолевать со своей армией водные преграды и знал, что скученность и сумятица в местах переправ гарантированы. Что могло прикрыть это беззащитное скопище бегущих людей и лошадей от гибельных казацких налётов? Ответ ясен — только артиллерия могла обеспечить надлежащее прикрытие его подданных. Но и без того немногочисленные французские батареи ещё следовало как-то дотащить до места будущей переправы, по возможности не потеряв ни одного орудия, ни одного зарядного ящика. А для выполнения этой задачи нужны были лошади, причём с двойным запасом. Ведь истощённые лошади падали каждый день сотнями, голод и холод косили их не хуже пулемёта. И вы ведь помните эту фразу: *«Я видел, как Наполеон, сидя в экипаже, диктовал какой-то приказ начальнику штаба Бертье»*.

Наполеон в тот момент как раз писал очередной приказ о конфискации лошадей в артиллерийские упряжки. Но мало того, он сам же и начал свой указ претворять в дело. Своим собственным императорским пальцем указывал на тележки и фургоны, лошадей которых следовало немедленно отцепить и передать специально выделенным офицерам. И вполне возможно, могло так случиться, что ему под горячую руку мог попасться один или несколько фургонов, перевозивших денежные средства «1-го золотого обоза», охранявшегося на тот период солдатами маршала Жюно.

И, может быть, разозлённый общим неважным видом своего растрёпанного и измождённого воинства, император мог запросто приказать немедленно закопать бочонки с бесполезными монетами, а перевозивших каждый номерной фургон четвёрку лошадей тут же сдать в артиллерийский парк. Своя рука — владыка, что хочу, то и ворочу. Логично? Логично! В конце концов,

денег в его армии было ещё очень много, да и тратить их особо некуда, а вот лошадок могло и не хватить.

Отсюда можно сделать однозначный вывод, что закапывали монеты именное те, кто их и перевозил, т.е. возницы и кассиры. Но раз потомки тех, кто прятал малоценные серебряные монеты, не поленились притащиться из такой-то дали, то они наверняка имели как минимум рукописный план места захоронения. Но понятно также, что план этот был со значительным изъяном. Он был плохо (вернее будет сказать, весьма приблизительно) привязан к самому главному ориентиру — самой деревне Неманица.

Ведь как обычно прячутся клады до востребования. Они, как правило, имеют тройную систему опорных ориентиров. Первый ориентир — основной, обычно связан больше не с самим кладом, а с той местностью, где он был спрятан. В качестве основного ориентира берётся либо населённый пункт, либо приметное строение вблизи заветного места (замок, усадьба, церковь) — высокая гора, озеро или плотина на конкретной реке. Отыскав основной ориентир, им следовало искать ориентир местный. Им могло быть небольшое здание, длинная канава, валун, перекрёсток дорог, слияние двух рек, группа деревьев и т.д. И последний ориентир, уточняющий, непосредственно указывает, где же следует копать.

Но что можно взять за ориентир в конкретном громадном лесу? Дерево? Да их там миллион, и все одинаковые! Следовательно, те люди, которые прятали ценности вблизи Неманицы, были изначально поставлены в крайне неудобное положение. Им необходимо было так спрятать нечто ценное, чтобы потом сокровище всё же можно было бы как-то отыскать. А поскольку ничего, кроме деревьев, вокруг них не было, то они постарались использовать их с максимальной выгодой для себя. Подумаем и мы, как же можно использовать деревья в качестве местных и уточняющих ориентиров. Поставим себя на место людей, что-либо зарывающих в лесной чаще.

Разумеется, выбирались не простые деревья, а деревья приметные, особого вида. Для такого рода дел обычно используются либо дубы, либо старые, изуродованные ветром и временем сосны. В лесах у Неманицы (к сожалению), полно и тех и других. Но ведь кассиры могли подыскать отдельно стоящую группу деревьев, либо некую пространственную комбинацию из нескольких приметных деревьев, образующих геометрическую фигуру, например, треугольник или квадрат. А та железка, которую так усердно искали приезжие французы, наверняка являла собой уточняющий ориентир, прямо указывающий на место захоронения ценностей.

Кстати, вспомним и о той железке, о котором говорили приехавшие издалека французы. По оставшейся с тех пор легенде следовало, что в некий дуб был вколочен некий нож... Но мы все прекрасно понимаем, что за 80 лет любой перочинный ножичек мог запросто превратиться в труху. Иное дело — строевой тесак, который был на вооружении французской армии. Тесак — оружие солидное и довольно прочное. Примерно 70 сантиметров длиной, и лезвие у него имело толщину не менее 5 мм. Да, такой «ножичек» вполне мог продержаться на свежем воздухе и целое столетие!

Так что была надежда, что данное оружие всё ещё цело. Но у приехавших за «наследством» французов была ещё одна трудность, причём весьма существенная. Им предстояло отыскать самый главный — основной ориентир. Как же они справились с данной задачей, когда в однообразном лесу ничего подобного отыскать просто невозможно?

— Это же элементарно, Ватсон! — воскликнул бы в таком случае Шерлок Холмс. Давайте представим себе, что же именно могли нарисовать в своём памятном плане закопавшие ценности казначеи. Лес, и в нём в лучшем случае несколько приметных деревьев. А между деревьев яму, или, допустим, просто непритязательный крестик. Но вы сами прекрасно понимаете, что искать в лесу (а он тянулся в то время почти на 10 вёрст) одиночное дерево, пусть даже и с вколоченным в него тесаком, дело абсолютно безнадёжное. Значит, кроме всего прочего на плане был указан и первый же попавшийся им на дороге населённый пункт, и это была именно Неманица. Но вписано данное название в план было уже после того, как ценный груз был закопан, поскольку на момент сокрытия целой кучи бочонков с мелочью поблизости не было ни одного населённого пункта или даже одиночного дома.

А в Неманице кроме всего прочего был замечательный и, главное, надёжный ориентир. Вот именно поэтому иноземные гости сразу же туда и отправились. Ведь именно в этой деревне, в Неманице, с давних пор стоял (и, что удивительно стоит до сих пор) основной ориентир, которым являлся для возницы каменный верстовой столб под № 7. Именно этот столб и был той центральной приметой, от которой следовало плясать тем, стародавним поисковикам.

А что же мы, поисковики современные? Мы-то что получили в качестве путеводной нити? Честно скажем, получили мы немногое. Только легенду о том, что в Неманицу приезжали странные французы, искавшие дуб с вколоченным в него клинком, да небольшой абзац из книги Михайловского-Данилевского «Описание Отечественной войны 1812 года», том 4.

«Когда Наполеон ночевал в Лошнице, в ту ночь с 24 на 25 ноября сделалось холодно, стужа стянула землю и подавала французам надежду, что болота, окружавшие Березину, замёрзнут. Не предвидя возможности без кровопролития овладеть переправою, Наполеон хотел сам взглянуть на гвардию и армейские корпуса и удостовериться в том, сколько ещё осталось людей, способных к сражению. Строевым рапортам доверять он не мог. На половине дороги (примерно на 8-й версте) сошёл Наполеон с лошади, стал на краю дороги и глядел на бежавшие по гололедице толпы».

Ну а теперь, когда мы узнали и про старинную легенду из Неманицы, и когда прочитали столь живописный отрывок, давайте немного порассуждаем, как бывалые искатели утерянных сокровищ. Постараемся из столь необычной и малополезной информации выдоить нечто конкретное, то, что может привести нас в нужное место, где предположительно лежат немалые ценности.

Прежде всего, нам надо разобрать буквально по «косточкам» саму легенду. Представляется очевидным, что раз в глухую белорусскую деревеньку приезжали двое французов, да ещё и денег сулили тому, кто укажет нужный дуб, то вблизи того дуба наверняка нечто спрятано. И это «нечто» немалого стоит, раз через столько лет об этом захоронении вспомнили и решили его отыскать. Нашли ли в лесу старинный клад, или нет, нам неизвестно. Однако, понимая, что задача перед французами стояла практически неразрешимая, мы всё же надеялись на то, что им не повезло. Но как же искать спрятанное имущество нам самим? У нас на руках было только описание «старой» легенды и… ничего больше! То есть исходные, стартовые условия у нас были гораздо хуже, чем у французов. У тех наверняка была карта, пусть и самая захудалая. Мы же могли воспользоваться только общеизвестными сведениями. Но, опираясь на них, мы могли попробовать реконструировать события конца ноября 1812 года и попытаться хотя бы примерно вычислить то место, где была зарыта одна из войсковых касс.

Приведённые выше отрывки и описание места действия показывают, что, в общем и целом, с этой задачей мы справились неплохо. Отдать приказ на перевод лошадей из транспортных колонн в артиллерию раздраженный потерей борисовского моста Наполеон мог только в одной-единственной точке — на промежуточном привале, как раз посередине громадного, векового леса, раскинувшегося вблизи Борисова, и об этом есть упоминания в соответствующей литературе. Для двухчасового отдыха императора было устроено согревающее кострище, на расстоянии двух вёрст до того места, где ныне стоит

современная Неманица, и там, где с основной дорогой пересекалась дорога из местечка Ратулицы. Во всяком случае, многие мемуаристы упомянули про этот факт в своих воспоминаниях.

Оставалось лишь приехать на это памятное место и отыскать на подходе к Неманице трассу, по которой некогда шёл Старый Екатерининский шлях. Впрочем, с этим вопросом разобраться оказалось проще всего. Удивительно, но, проведя довольно много времени в местах, связанных с наполеоновским нашествием, я неоднократно натыкался на достаточно хорошо сохранившиеся участки старинных дорог с гравийным или каменным покрытием. Вот и здесь, прямо за посёлком Первомайский, нам удалось отыскать вполне прилично сохранившийся отрезок «Трансроссийской столбовой дороги», выстроенной ещё при Екатерине Великой.

Так что отныне советую всем поисковикам, прежде чем начинать свои изыскания, обязательно осмотреть местность, и может быть, вам повезёт в том смысле, что вы наткнётесь на остатки какого-нибудь старого тракта. А иметь в качестве одного из ориентиров отрезок исторической дороги, по которой, например, некогда шли солдаты Великой армии, очень полезно. Так вы сразу получите опорный репер (т.е. географический ориентир), от которого гораздо легче отмерять и обследовать поисковые полигоны. Именно такая, благополучно обнаруженная привязка помогла мне отыскать одно удивительное место, которое было связано с историей утраты и последующих поисков французами денежной кассы Вестфальского корпуса.

Итак, мы вместе с вами мысленно перемещаемся во времени и пространстве несколько назад и попадаем на пустынную дорогу, тянущуюся по матёрому смешанному бору из городишка Крупки через Лошницу к Борисову. Сильно растянувшаяся французская армия, несколько облегчившая своё продвижение тем, что целиком и полностью освободилась от «Второго золотого обоза», напрягала последние силы, спеша к спасительному Борисову. Ведь там стоял весьма приличный по численности и вооружению французский гарнизон, и Наполеон надеялся дать полноценный отдых своим потрёпанным войскам, подкормить и хотя бы частично заменить измотанных лошадей.

Однако на этот город также имело большие виды и командование русской армии. Схема разрабатывалась всё та же, уже не раз опробованная. Планировалось обойти Борисов с запада, выбить оттуда войска противника и таким образом запереть коалиционную армию в своеобразном «котле», не дав ей спокойно переправиться через всё ещё не замёрзшую Березину. Иными словами готовилось нечто весьма похожее на операцию при городе Красный,

только в гораздо большем масштабе. Что из этого получилось впоследствии, я расскажу чуть позже. А сейчас хочу обратить ваше внимание на тот факт, что накал страстей и событий, происходивший вокруг города Борисова, был настолько силён, что вблизи этого ничем, в общем-то, не примечательного городка отступавшими французами было спрятано как минимум четыре крупных клада. О кладе солдата Иоахима вы уже осведомлены, и хотелось бы рассказать о втором известном кладе.

Итак, Старая Екатерининская дорога, по которой шли французы, была найдена, и необходимо было осмотреть её всю, начиная от самой Неманицы. Тщательный осмотр неплохо сохранившегося дорожного полотна и прилегающих к нему кюветов позволил выявить всего несколько мест, где массивный фургон мог бы съехать в сторону от дороги. Одно из таких мест приглянулось нам особенно, поскольку именно там, совсем недалеко от левого кювета, удалось отыскать очень интересный объект. Он представлял собой странный прямоугольник на почве, размером 4 на 6 метров, густо заросший матёрой крапивой. Такие прямоугольники можно иной раз встретить в заброшенных деревнях, особенно на тех местах, где некогда сгорели дома или сараи. Но здесь, в глухом лесу, наверняка не было никаких строений... Да, забыл сказать, этот крапивный прямоугольник был найден всего в 70 метрах от наиболее удобного съезда в лес.

Скорее всего, решили мы после короткого совещания, в этом месте был некогда разожжён большой костёр, столь жаркий, что на этом месте, кроме крапивы, так ничего потом и не прижилось. Сразу вспомнился эпизод, в котором Наполеон вблизи Неманицы грелся у костра (любил он на привале погреть косточки). Значит, не исключено, что и здесь некогда горел подобный костёр, только сжигали в нём не сухие сучья, а разбитые телеги и дрожки. А раз так, то и перевозивший ценности фургон тоже мог сгореть именно здесь.

Для проверки нашей догадки пришлось выкопать небольшой шурф, в глубине которого действительно отыскались древесные угли, перекалённая глина и изуродованные огнём металлические детали от повозок. Найденные предметы однозначно подтвердили факт того, что здесь длительное время горел весьма специфический костёр. Что ж, удобный съезд на поляну и громадный костёр, в котором горели экипажи, это уже было кое-что. Но далее был полный мрак. Неизвестно было, в какое дерево вколотил свой тесак французский кассир, и то, как далеко от дороги оно росло.

Однако мы сразу обратили внимание на два весьма интересных обстоятельства. Первое: данный уголок большого леса изобиловал старыми дубами.

Второе: далеко углубиться в чащу с громоздким фургоном было просто невозможно. Далее следовала чистая логика. А из неё выходило, что закапывать тяжёлые бочки слишком далеко от дороги никто бы не стал, и именно несколько ближайших к нам могучих дубов вполне могли послужить французам прекрасным местным ориентиром. Но какой из них приглянулся им более всех? К сожалению, их было множество! Ведь целиком и полностью полагаться на то место, где мог свернуть фургон, мы не могли, исходя из тех соображений, что бочонки могли просто перетащить через обочину на руках или зарыть их раньше, ещё задолго до костра. И значит, у казначеев могло не быть особой необходимости сворачивать в лес, раз по нему всё равно далеко не уедешь.

Пришлось отметить на самодельной карте все дубы, чей возраст был более 250 лет. Исходили мы из того соображения, что данный приметный дуб и 190 лет назад должен был иметь весьма примечательные размеры. Следовательно, его возраст в 1812 году вряд ли мог быть менее 60—90 лет, а диаметр ствола мог быть тогда равен 30—40 см. Исходя из скорости роста дубов (которую предварительно пришлось узнать), удалось выяснить, что к началу XXI века тот самый дуб мог достигнуть в диаметре 73—100 см.

Работа предстояла титаническая, но она была выполнена в полном объёме. Измерили диаметры всех дубов, занесли их в таблицу, разделили на возрастные группы. В результате исследований было выявлено несколько групп подходящих деревьев, не считая двух десятков особо крупных деревьев, растущих отдельно. Только теперь, когда эта трудоёмкая работа была проделана, началась электронная «прозвонка» особо подозрительных участков леса. В течение всего одного дня мы отыскали: обломки трелёвочного трактора, гору стреляных гильз и железный шкворень неизвестного предназначения. То есть мы отыскали всё, что было под землёй на участке длиной в полкилометра. И ещё нам удалось отыскать почти заплывшую от времени древнюю яму, которая располагалась точно в центре между трёх дубов, один из которых был сильно повреждён молнией. (В деревья, рядом с которыми делаются захоронения металла с высокой электропроводностью, часто попадают молнии.)

Данное место, с какой стороны ни посмотри, было весьма подходящим для заложения клада. Съезд с дороги совсем недалеко, метрах в сорока. Толстые, явно трёхсотлетние дубы стояли правильным равносторонним треугольником, одним своим расположением подсказывая место возможного захоронения. Да и вид самой ямы… Она смотрелась куда как старше группы

окопов, расположенных невдалеке от неё. Иными словами, выглядела лет этак на 50 их старше. Если учесть, что окопы те были отрыты в начале войны, или примерно 60 лет назад, то яму вполне могли выкопать в конце XIX века. Тогда... тогда всё сходилось по времени просто идеально. Ведь именно в те далёкие годы и приезжали в Неманицу потомки тех самых кассиров в надежде отыскать ценности, спрятанные их дедами.

Да, самого клада мы в тот раз не отыскали, но тем не менее уверены на 100 %, что он там был. Согласитесь, в доказательство этого было найдено довольно много косвенных свидетельств, как материальных, так и информационных. Мы ведь уже знаем, что положение отступавшей французской армии в конце ноября 1812-го было весьма тяжёлое, если не критическое. Да к тому же и непрекращающийся падёж лошадей... Судя по количеству покрытых окалиной обломков, в огне громадного костра могло запросто сгореть несколько десятков разномастных экипажей. А следовательно, там же мог вполне сгореть и массивный кассовый фургон. Ведь не просто так написал французский мемуарист генерал Сегюр, постоянно находившийся при Главной квартире императора при отступлении из Москвы: *«По прибытии в город Борисов у него* (Наполеона) *было едва 6000 солдат, несколько пушек и расхищенная казна»*.

В данном абзаце генерал несколько сгустил краски, но был не так далёк от истины. Хотя потери в коалиционных войсках были весьма серьёзные, но при главной квартире находилась лишь небольшое количество войск, и видеть, сколько всего солдат находятся в строю, де Сегюр просто не мог. Но вот насчёт сохранности армейской КАЗНЫ, то он был весьма далёк от правильного понимания положения дел. Как известно, до реки Березины русским войскам удалось захватить два фургона из «Первого золотого обоза». Один захватили под Вязьмой и нашли там 30 000 франков, другой взяли у деревни Мерлино (недалеко от Красного). В нём обнаружили 60 000 франков. Серебро и золото, разумеется, растащили казаки, но вы понимаете, что потеря столь незначительной суммы не давало повода говорить о полном расхищении всей КАЗНЫ. К тому же «1-й золотой обоз» двигался впереди основных сил, стараясь за счёт скорости передвижения уйти от возможного преследования и расстроить планы российского командования.

Но, разумеется, положение Наполеона было достаточно серьёзным. Спасение гибнущей армии зависело в то время вовсе не от денег как таковых. Спасение гибнущих в лесах и болотах теплолюбивых европейцев было лишь в двух вещах: в скорости продвижения и в наличии в боевых порядках бое-

способной артиллерии. Первое спасало от вездесущих казаков, а второе позволяло их же держать на некотором отдалении. К сожалению, и первое, и второе упиралось в одну и ту же проблему — лошадей. А с лошадьми была проблема, большая проблема. Они слабели с каждым днём, и их приходилось в одну повозку впрягать не по две и даже четыре, а по восемь, а то и десять. Лошади были измучены не меньше людей. И если Кастеллан писал, что люди умирают прямо на ходу, то вы можете себе представить, что делалось с животными. Относительно боеспособные лошади были ещё в польской кавалерийской дивизии Понятовского, той самой, которую направили на упреждающий захват Борисова. Но поставить их в обозные повозки означало только одно. Наполеон лишался последнего оперативного резерва, который один только и поддерживал определённое единство в разрозненных частях его сильно растянувшейся армии. В принципе да, он мог приказать всем кавалеристам спешиться, да, он мог усилить транспортную составляющую своей армии. Но такое решение могло спасти положение лишь на ближайшие два, от силы три дня, после чего всё равно неизбежно наступили бы всеобщий крах и хаос.

Однако военная кампания — не шахматы, её на другой день не переиграешь. Один неверный ход, несчастливое стечение обстоятельств, и всё... гибель и вечный позор. Но ведь Наполеон был не просто человек, облечённый властью, не просто очередной профессиональный военный — нет, он был гением, едва ли не единственным в своём роде. Он и здесь изобретает нестандартный ход. Он приказывает максимально облегчить армейские повозки и закопать всё, что можно закопать без потери боеспособности. И отдаёт он этот приказ во время длительного, более чем двухчасового привала, устроенного как раз на полпути между Лошницей и Борисовым. Между этими населёнными пунктами было 16 вёрст. Следовательно, можно предположить, что привал был организован где-то на полпути, в районе деревни Неманица, всего в восьми верстах от Борисова. Там же был устроен и смотр двигавшимся по дороге войскам. Им предстояло тяжелейшее испытание — форсирование Березины, и он хотел сам посмотреть на состояние и оснащение войск.

Получив приказ, кассиры ближайшего к месту стоянки денежного фургона начали действовать незамедлительно. Вот только исполнить данный приказ было не так просто, как представляется ныне. Дело в том, что вся Екатерининская дорога с обеих сторон имеет глубокие водоотводные канавы, и возможность свернуть в лес была далеко не везде, в основном там, где сбоку

к основной дороге примыкали дороги второстепенные. И именно там возчики отыскали удобный съезд и свернули вправо от дороги. Впрочем, свернуть-то они свернули, но далеко проехать не смогли — лес всё-таки, бездорожье. Радовало их только одно — достаточно рыхлая, песчаная почва, которую легко можно было копать, используя имевшийся в каждом фургоне шанцевый инструмент.

Пока Наполеон грелся на привале около огромного костра (следы от него заметны и по сию пору), этими двумя ездовыми было закопано содержимое нескольких войсковых походных денежных хранилищ. Ими, надо это отметить прямо, был заложен типичный клад «до востребования». Запрятан он был классически, что называется, по всем законам жанра. Приметы его были просты и легко запоминаемы. Во-первых, захоронение было сделано рядом с местом стоянки, не далее сорока метров от обочины Старого Екатерининского тракта. Во-вторых, яму выкопали в геометрическом центре между трёх приметных дубов. И в-третьих, в один из этих дубов казначеи на высоте примерно 4-х метров вколотили (для верности) армейский семидесятисантиметровый тесак, который указывал своей ручкой на место захоронения. Казалось бы, ими было сделано всё, чтобы отыскать впоследствии это место. Но самим им ещё раз ощутить руками ласкающий кожу сверкающий металл так и не довелось.

Что ж, такой вариант развития событий вовсе не редкость. В следующей главе, посвященной третьему кладу, спрятанному в окрестностях Борисова, был проигран точно такой же вариант.

26 ноября

«Император на лошади с 5 утра. Его Величество отправляется в Студёнку. Поселение в 2-х милях направо, около берегов Березины. Продолжают наводить два моста, начатые накануне. Неприятель мешает переходу, только посылая казаков. Бригада лёгкой кавалерии переходит вброд (точно там же, где переправлялись наши драгуны и гусары 23 ноября)*, имея 50 стрелков за спинами кавалеристов. Наша артиллерия, построившись в батарею перед помещением императора, довольно удачно стреляет по казачьим эскадронам; неприятель не отвечает на пушечную пальбу; мы ясно разглядели у него одну пушку.*

В 3 часа мост для пехоты, построенный на сваях, как и мост для артиллерии, готов. Проходит превосходный 2-й корпус, силой приблизительно в 8000 человек, оглашая воздух криками: "Да здравствует император!" По

мосту для инфантерии провозят два пушечных орудия. Маршал Удино преследует неприятеля на протяжении 8 вёрст по направлению к Борисову. Вечером мост для артиллерии ломается, всю ночь работаем над его восстановлением. Нельзя воздать достаточно похвал дивизионному генералу Эрбле; этот генерал вынес невероятный труд. За 12 франков я покупаю фунт сахару; это находка!

В час пополудни был окончен мост для пехоты. В 4 часа был готов второй мост на 100 саженей (213 м) ниже от первого для обозов и артиллерии».

На карте 1817 года расстояние между мостами указано в 200 саженей, но возможно, что это просто ошибка картографов, поскольку от самих мостов к тому времени не осталось ровным счётом ничего.

27 ноября

«Артиллерия, император и гвардия переходят мост. Его Величество направляется к корпусу Удино, стоявшему на расстоянии 4 версты влево. Обе армии друг перед другом, на расстоянии пушечного выстрела, орудия заряжены, канониры при орудиях.

На закате (17.00) Его Величество прибывает в дер. Занивки, в 2-х верстах от Березины.

Я дежурный. Наши солдаты воруют ужасающим образом. На нашем бивуаке у Шабо украли шляпу — она была у него под головой. У меня похищают меховую попону для лошади. Не один офицер, думающий, что его лошадь идёт за ним, приходил только с поводьями, обмотанными вокруг руки. Если он возвращался, то находил свою лошадь убитой, разрубленной на части и разделенной.

У нас плохой обед, но мы его находим великолепным. Во время похода повара имеют большое значение! Посылаемый с поручениями к различным частям, я не имел ни минуты отдыха. Весь день армия переходит довольно мирно по мостам, однако было некоторое замешательство.

В ночь с 27 на 28 ноября один из офицеров, высланных из Старо-Борисова для осмотра дороги на Студёнку, введённый в заблуждение пожаром, бушующим на берегу Березины, несколько выше Старо-Борисова, привёз генералу Партуно преждевременное известие, что мосты сожжены».

На самом деле около реки (но далеко от мостов) горела большая барская усадьба, возле которой в тот день стоял французский конный батальон. Утром 28-го этот батальон отошёл к селению Бытча.

Интересно, но именно это маленькое недоразумение и стало впоследствии основной причиной того, что много лет спустя не был найден весьма солидный клад, историю которого я с удовольствием опишу в главе:

Четыре бочонка червонцев

Согласитесь, уважаемые читатели, воочию убедиться в реальности хотя бы одной из широко растиражированных журналистами кладоискательских легенд нашему брату — кладоискателю доводится далеко не так часто. И трудности на этом пути поджидают не только начинающих поисковиков-любителей, но даже и матёрых патриархов поискового дела. Отыскать место, где был некогда сокрыт тот или иной исторический клад, столь же трудно, как и найти в глухом лесу оброненный несколько лет назад перочинный ножик. Однако такие удачи иногда всё же случаются. Вот и мне 20 апреля 2000 года довелось поставить последнюю точку в широко известном в кладоискательском мире «деле» Якоба Кёнига.

Для того чтобы рассказать вам, кем же был этот человек с явно нерусской фамилией и каким образом он оказался причастен одному из знаменитейших российских кладов, мы с вами мысленно перенесёмся в последние дни осени 1812 года. Отступающие войска Бонапарта наконец-то добрались до небольшого белорусского городка Борисова, что стоит в междуречье Березины и впадающей в неё небольшой речки Сха. В те дни перед Наполеоном стояла сложнейшая задача. Требовалось не только привести в порядок уже весьма ослабленную и потрёпанную в непрерывных стычках армию, но и умудриться в условиях фактического окружения вырваться из ловушки самому и спасти хотя бы остатки некогда славного воинства.

Особая забота не только самого Наполеона, но и военачальников более низкого уровня была проявлена о сохранении вывозимых ценностей. Ведь кроме награбленных во время завоевательного похода сокровищ у них ещё имелись и увесистые войсковые кассы. Отступающие с войсками гарнизонные финчасти и передвижные магазины тоже располагали немалыми финансовыми средствами. Короче говоря, вопрос сохранения наличности волновал начальников всех уровней, даже и в исключительных по сложности обстоятельствах. Надеяться на честность и исполнительность тех, кто отступал от самой Москвы, было явно неразумно. Слишком большие моральные испытания и физические страдания выпали на их долю. И в значительной степени эти

бедолаги были едва способны отвечать сами за себя. Но ведь кто-то должен был выполнять и более ответственные поручения! Таких крепких исполнительных и ответственных воинов набирали из состава Баденского полка, подразделения которого стояли в различных белорусских гарнизонах, а также в Смоленске, и не были так смертельно измотаны, как прочие строевые части, отступавшие от самой Москвы. Напомню, что сам Баденский полк входил в Первый корпус французской армии, который находился под командованием маршала Даву.

Вот и наш новый знакомец — Якоб Кёниг — был одним из таких солдат. Крепкий, хорошо одетый, имеющий в своём распоряжении небольшую пароконную повозку, он был вполне в состоянии выполнить любой приказ командования. И ему такое поручение дали за три дня до роковых событий на Березине. Вместе с двумя сослуживцами он должен был сопровождать и непременно переправить по свежеотстроенным переправам у деревни Студёнки четыре бочонка золотых монет, отбитых кирасирами Удино в Борисове. Килограммов двести, однако, — приличная сумма денег и весьма приличный вес. Загвоздка, однако, состояла в том, что мгновенно исполнить данный приказ было совершенно невозможно. Переправы были узки, имели невысокую пропускную способность, и график продвижения по ним был расписан буквально по часам и исполнялся с большой строгостью.

Кроме того, свои коррективы в график передвижения внесла и война. Российский авангард генерал-майора Власова стремительным броском постарался прекратить столь нежелательное для военных успешное бегство французов из поставленной по всем правилам военного искусства ловушки. Артиллерийская батарея русской армии, к несчастью для отступавших французов, уже заняла главенствующую высоту к северу от Старо-Борисово и своим шквальным огнём практически перерезала движение по основной трассе. Французская армия оказалась разорванной чуть ли не пополам. К спасительным переправам успели проскочить артиллерийские части, «старая» и «молодая» гвардии, кое-какие разрозненные полевые соединения и некоторые обозы. Изнурённая дорогой кавалерия, польский корпус Понятовского, основная масса обозов и тысячи несчастных беженцев оставались в том районе перед Старо-Борисовым, где ныне расположен выстроенный в послевоенные времена современный городской госпиталь.

Что оставалось делать господину Кёнигу в такой запутанной и тревожной обстановке? Приказ-то надо было выполнять любой ценой. Каким-то образом он узнал, что есть кружная дорога, которая сворачивает с основной

дороги на восток после села Старо-Борисово и, достигнув реки, идёт вдоль берега Березины до самой деревеньки Студёнки. Мало того, выяснилось, что именно эту скрытую в лесной глуши дорогу охраняет батальон французской кавалерии, расположившийся на постой в брошенной помещичьей усадьбе. Действовать требовалось не мешкая и минуты (ибо на «кону» было даже не золото, а их собственные жизни), и трое бравых баденцев уселись на повозку и, погоняя лошадей, помчались к заветной переправе. До определённого момента им везло, и примерно через полчаса они добрались до охраняющих дорогу кавалеристов. А вот дальше в этой заурядной поначалу истории произошло нечто странное. Потому что именно здесь и оборвался маршрут наших славных эвакуаторов, и именно в этом месте они были вынуждены захоронить весь свой драгоценный груз. Да, да, все четыре бочонка с червонцами были зарыты именно там, в небольшой сосновой роще вблизи помещичьей усадьбы. И далее трое швабов были вынуждены добираться оттуда до переправы исключительно налегке и пешком.

Вас, наверное, страшно интересует: почему они не взяли золото с собой? Это-то как раз предельно понятно и никакого удивления не вызывает. Двести килограммов монет и вдесятером не утащишь, тем более в такой нервной и непредсказуемой обстановке. А ведь их было только трое и им предстояло идти пешком порядка семи или восьми километров до тех мостов, что были спешно перекинуты через Березину. Да и дальше их ждали лишь сплошные трудности и нешуточные испытания. Ведь даже с того места, где они теперь находились, им были слышен приглушённый грохот пушек, доносившийся со стороны Студёнки.

Лично же меня в этой удивительной жизненной коллизии больше всего интересовал совершенно иной вопрос. Мне было безумно интересно выяснить, почему вообще так получилось, что баденские солдаты были вынуждены закопать перевозимое ими золото. Что именно их подвигло на это противозаконное дело? Уж точно не желание втихаря обогатиться, и не нападение казаков, на которых списали как минимум половину утраченного отступавшими войсками ценного имущества. Нет, здесь был иной случай. Никто из троицы не был уверен в том, что переживёт даже этот день. И они именно спасали порученные им ценности, поскольку трезво понимали, что шансов успешно переправить их на другой берег реки мизерно мало, если не сказать, что их не было совсем. Ведь если русские артиллеристы смогли перерезать главную дорогу у Старо-Борисова, то что им мешало подтянуть батареи непосредственно к Студёнке и расстрелять мосты в упор?

И ещё одно обстоятельство постоянно бередило мой ум. Почему бочонки были закопаны именно там, у буквально набитой ненужными свидетелями усадьбы? Отчего три солдата не могли проехать ещё пяток километров и осторожненько посмотреть из-за кустов, как там обстоят дела на переправе? Если дела обстояли не лучшим образом, то бочонки можно было легко спрятать и там. И только впоследствии я догадался, что золото было спрятано именно в этом месте только потому, что эвакуаторы нежданно-негаданно лишились своих лошадей. Причём «помогли» им в этом именно те самые кавалеристы, которые по идее и были призваны их защищать.

Скорее всего, обеих славно упитанных и совершенно не измотанных долгим перегоном лошадей Кёнига реквизировали тут же, как только они появились вблизи оккупированной усадьбы. Бедной троице и возразить-то было невозможно, тем более что они были облечены тайной миссией и распространяться о характере перевозимого груза просто не могли. И вот, дождавшись, когда их оставят в покое, они спрятали подведомственные бочонки и, осмотрев напоследок место захоронения, двинулись в сторону грохота далёких пушек. Они торопились и не оглядывались, но если бы обернулись, то наверняка в накатывающихся ранних ноябрьских сумерках заметили бы далёкое зарево. Это жарко полыхала подожжённая пьяными кавалеристами усадьба, и резкий порывистый ветер разносил искры по крышам стоявших неподалёку хозяйственных построек... Дальнейший путь троицы швабов проследить было, в общем-то, несложно. В ночь с 28-го на 29-е они переправились-таки на правый берег Березины, а утром 29 ноября в 9 часов утра мосты были сожжены.

После той ужасной ночи прошли долгие годы. Вернее будет сказать, одиннадцать лет. И в 1823-м Якоб с двумя сопровождающими отправился в Петербург, куда и прибыл 30 сентября. А 26 ноября на казённой тройке отправился на Березину. Спутниками г-на Кёнига были отнюдь не его боевые товарищи, вместе с которыми он работал в роще сапёрной лопатой. Те к тому времени уже почили в бозе. А в далёком заграничном путешествии 45-летнего ветерана сопровождали собственные племянники. Так вот. Поскольку герр Кёниг действовал вполне официально, то троицу новоявленных кладоискателей сопровождали двое местных жандармов, призванных не только охранять зарубежных кладоискателей, но и по мере необходимости оказывать помощь и содействие. Совместно они добрались до приснопамятной Студёнки, где Кёниг тотчас же узнал место страшной переправы. Но дальше начались совершенно непредвиденные трудности. Несколько

ослабшая за прошедшие годы память, да и особые обстоятельства, при которых происходило захоронение ценностей, никак не помогали в поисках заветной рощи. Да что там рощи! Даже хорошо запечатлевшейся в памяти Якоба барской усадьбы им никак не удавалось отыскать. Но ни он, ни приставленные к нему жандармы просто не знали, что столь усердно разыскиваемая ими усадьба сгорела в тот же самый день, когда вблизи неё был зарыт клад. Они скрупулёзно посетили все усадьбы в округе, прошли вдоль реки, насколько это было возможно, осмотрели и окрестные леса... Всё было напрасно, того, самого значимого, ориентира, около которого были зарыты бочонки, им отыскать так и не удалось.

Расстроенный Кёниг, который по договорённости должен был получить половину клада, даже принялся вовсю интересоваться у сопровождающих по поводу наличия в окрестностях Минска какого-либо другого города Борисова. Что могли ответить ему расстроенные не меньше его жандармы? Другого города Борисова у реки Березины не было...

Прошло ещё много, много лет... И в 1984 году в один из июльских дней на площади в старинной части города Борисова появился невысокий мужчина в очках, неизменной, надвинутой на лоб кепке и с ксерокопией старинной карты в руках. Он уверенно сориентировался на местности и быстрым шагом двинулся в направлении деревни Малый Стахов, чётко придерживаясь направления движения, по которому 172 года тому назад мчалась повозка с тремя солдатами и тяжёлыми бочонками.

— *Моя задача была простая,* — вспоминал впоследствии уже известный нам поисковик Смирнов, — *выяснить обстоятельства дела и понять, почему Якоб Кёниг не смог найти место, где он со товарищи закопали золото. В какой-то мере мне это удалось, для чего пришлось исходить пешком все дороги, все тропинки, овраги, сосновые рощи и обследовать все господские усадьбы 1812 года. Размышляя над тем, почему Якоб Кёниг не нашёл клад, я пришёл к такому выводу: он не нашёл место по той простой причине, что та господская усадьба, что была у него на плане, полностью сгорела в ночь с 27 на 28 ноября 1812 года. Но он со своими спутниками уже был в это время в Студёнке, и никто из них не мог знать об этом. Не знали этого и сопровождавшие его в поисках жандармы. Усадьба сгорела и более на том месте не восстанавливалась, а место, где она некогда стояла, заросло молодым лесом. А Якоб Кёниг всё искал эту знакомую ему усадьбу и не находил её, и даже стал сомневаться, а та ли это река и тот ли это Борисов.*

Известный исследователь несчастливых судеб наполеоновских кладов В.Т. Смирнов смог отыскать самое главное: он нашёл остатки фундамента той самой злополучной усадьбы. Честь ему за это и хвала. Но к тому времени, как я сам выехал на место давних событий, прошло ещё 6 лет, и даже от этих жалких остатков не осталось ровным счётом ничего. Однако, уже имея определённое представление о местоположении основного поискового ориентира, я посчитал, что мне просто необходимо разобраться уже непосредственно с самими бочонками и однозначно установить их дальнейшую судьбу. Через какое-то время продвижения по старому сосновому бору я вышел на склон живописного оврага, где некогда стояли барский дом и окружавшие его хозяйственные постройки. То, что я действительно на правильном месте, мне подсказали два скрученных временем дерева, совершенно не характерных для матёрого белорусского леса. Но для старых российских усадеб такие деревья были очень даже характерны.

Определившись по карте, я принялся бродить по густейшему, молодому и явно искусственно высаженному лесу, пытаясь выяснить, где же конкретно проходила дорога на Студёнку. Ведь идти по прибрежным оврагам она не могла, и, следовательно, находилась севернее усадьбы. Если судить по указаниям Смирнова, то она проходила примерно в 350—400 метрах от барского дома, и как раз между ними и росла та роща, в которой были закопаны бочонки. Внимание моё как бы обострилось, и вскоре я был вознаграждён за свои труды. Вместо густой чащобы «молодой» сосновой поросли мне стали попадаться старые коряжистые деревья, не менее чем 150—200 лет от роду.

— Наверное, это и есть остатки той знаменитой рощи, — возликовал я, — только тогда они были маленькими, но за 180 лет успели малость подрасти.

Уверившись, что искомая роща передо мной, я настроил поисковую аппаратуру и принялся методично обходить только что найденное и буквально чудом сохранившееся лесное образование, в надежде засечь массу цветного металла, некогда спрятанного под землёй. Постепенно я перемещался из равнинной части рощи в её восточную часть, всё ближе и ближе подходя к довольно протяжённому холму. А поднявшись на него, я неожиданно увидел, что стою на достаточно неплохо сохранившемся отрезке очень «старой» гравийной дороги.

— Господи, — молнией пронеслось у меня в голове, — а уж не на этом ли самом месте стояла повозка наших баденцев? Если тогда не было молодого леса, то они точно должны были именно отсюда видеть барскую усадьбу во всей её красе!

Я со всех ног кинулся вниз по склону, живо представляя себе, как они скатывают вниз по пологому склону глухо позванивающие монетами бочонки. Пробежав буквально 70 или 80 метров, я едва наткнулся на огромный, весом, наверное, в пару тонн, гранитный валун.

— Вот и прекрасный местный ориентир, — невольно обрадовался я. — От него очень удобно отсчитывать шаги до места захоронения.

От жуткой жары и естественного волнения я покрылся таким крупным потом, что пришлось срочно снимать с себя поисковую амуницию и усаживаться на плоский валун для кратковременного отдыха.

— Куда же они дели свои бочки дальше? — принялся озираться я по сторонам. — Валун лежит почти на краю старой рощи, а закапывали деньги наверняка в центре её, сторонясь чужих взоров. Ведь ограбившие их кавалеристы были рядом, буквально в нескольких шагах!

Желая проверить свою догадку, я выхватил из кармана компас и пристроил его рядом с собой. Достаточно было одного взгляда на застывшую стрелку, чтобы понять, что все направления, кроме южного, уводили из «старой» рощи, и только шагая к югу, можно было прийти в её центр. Вновь включив поисковый аппарат, я двинулся вперёд, держа перед собой компас и непрерывно нажимая на пусковую клавишу электронной схемы. 10 метров, двадцать, тридцать... ничего. Пусто. И только отсчитав ровно пятьдесят шагов, я понял, почему молчит мой надёжный и испытанный прибор. Прямо передо мной внезапно открылась квадратная яма размером примерно три на три метра, у дальнего края которой было вырыто земли гораздо больше, нежели в других местах.

Компас с глухим стуком выпал из моей разом опустившейся руки. Опять неудача! Опять обойдён конкурентами... Впрочем, что это я грущу? Какая может быть неудача! Найти даже уже давно ограбленное местонахождение исторического клада уже есть слишком большая удача, сравнимая по своей значимости с самым успешным поиском. Я выключил электронику и поднял компас. Но поскольку тот упал около белесого камня, очень похожего на сплющенную дыню, я поневоле обратил внимание и на него.

— Странно! — подумалось мне. — Во всей роще мною был найден один-единственный валун. А камней, похожих на этот цветом и размером, я не видел вовсе. Не был ли связан и этот булыжник с кладом Кёнига?

Догадка моя подтвердилась буквально через секунду, когда я поднял и перевернул найденный валунчик. На его тыльной стороне были прекрасно заметны две параллельные треугольные (в срезе) полосы, вырезанные каким-то острым предметом.

Всё-таки молодцы были эти немцы, покачал я головой. Всё сделали с поистине невозможной в то время точностью и аккуратностью. Нашли прекрасный общий ориентир — усадьбу. Отыскали и местный ориентир — одинокий валун. И даже точное место захоронения пометили — специально расположованным булыжником. И отсчитали ровно пятьдесят шагов на юг от валуна! Казалось бы, всё сделали идеально для того, чтобы впоследствии отыскать спрятанное золотишко. А вот на́ тебе, какой преподнесла им судьба неприятный сюрприз. Случайный пожар, и они остались без почти заслуженной награды.

— Так что, — подбодрил я сам себя, — нечего мне расстраиваться. Ведь даже главный прятальщик не смог отыскать относительно свежих следов своего драгоценного захоронения!

Напоследок, перед уходом, мне оставалось только осмотреть саму яму, чтобы выяснить примерное время извлечения клада. Сделана она была явно не спеша, аккуратно и со знанием дела. Чёткий, довольно большой квадрат, примерно на два штыка вниз. И уже потом более хаотическое углубление в углу раскопа. По состоянию краёв среза грунта и по степени осыпания стенок ямы можно было понять, что клад извлекли в диапазоне между 1930 и 1950 годами. Может быть, бочонки были найдены даже во время войны, поскольку вся местность вокруг была сильно перекопана заплывшими капонирами, рухнувшими землянками и окопами.

— Вот и славно, — решил я. — Кто бы ни нашёл золото до меня, всё равно передал его государству, так что почти было похищенные французами монеты вернулись туда, откуда их пытались похитить.

С этими умиротворяющими мыслями я и покинул громадный сосновый лес на берегу Березины, чтобы вскоре вновь оказаться в нём совсем по другому поводу, но опять в связи с поисками очередного исторического клада. Ещё несколько страниц, и я опишу вам и его.

* * *

28 ноября

«В 10 часов утра рухнул нижний мост под тяжестью артиллерии и зарядных ящиков. На левом берегу оставили две дивизии маршала Виктора для прикрытия отсталых, которых исчислялось 30 000 человек. Это были нестроевые, больные и измученные дорогой люди. На Зембин тянулись обозы, войска и артиллерия».

Видите, несмотря на страшные потери в лошадях и людях, Наполеону всё же удалось переместить через Березину свой самый важный, единственный из оставшихся на ходу, «1-й золотой обоз».

«В городе Борисове и Старо-Борисове шло разоружение дивизии Партуно.

28 ноября. Герцог Беллунский в 11 часов был атакован на другом берегу Березины (на правом берегу, у селения Брили). Завязалась довольно живая канонада, он сохранил свои позиции.

В 3 часа несколько ядер долетели до моста; это был момент большого беспорядка. Отсталые солдаты толпами бросились на мост и воспользовались суматохой для грабежа повозок. В конце концов, все они (повозки) *были сожжены. Многие офицеры, посланные к герцогу Виктору, в это время не могли протискаться по мосту, даже пешком; меня на мосту затолкали, когда я пытался перейти...*

Весь день я разъезжаю с поручениями. Так как этого сражения (при Брилях) *не предвидели, то многие офицеры гл. штаба были впереди. Большое число лошадей было украдено. Граф Лобау потерял 6 лошадей и свой фургон. 250 лошадей были убиты, сотня людей, пытавшихся взобраться на мост, была раздавлена. Огонь прекратился в 5 часов вечера* (по причине наступления темноты), *во всех 3-х корпусах было убито и ранено 13 генералов. Солдаты первого корпуса, находившиеся по ту сторону реки, бросились грабить тех, кто только что перешёл через мост... Сильная снежная вьюга, с ночи длящаяся от пятнадцати до шестнадцати часов, невыносима».*

«28 ноября. Из остатков итальянского войска император сформировал авангард, который должен был конвоировать КАССУ, а также раненых генералов и офицеров и приказал ему (авангарду) *явиться в Зембин на рассвете 28 ноября, чтобы занять там мосты* (через реки Гайна и Цна)».

«В 9 часов вечера Вице-король получил приказ выступить на рассвете из Зембина в Плещеницу, со "всеми нашими доспехами".

Корпус маршала Виктора переправился на правый берег. На левом остались более 5 тысяч человек со своими обозами».

Таким образом, мы видим, что, несмотря на все вопли о том, что всё пропало, спрятано, затоплено и разворовано, наполеоновская армия на тот момент всё ещё владела очень солидным количеством наличных денежных средств (в виде золотых и серебряных монет), а также и некоторой частью трофеев. Характерно, что Наполеон вновь назначает хранителем всего этого богатства своего пасынка.

И, кстати сказать, данный тезис подтверждается материалом, который будет изложен в главе с названием:

И золото, и бриллианты

На данный момент я уже ознакомил вас с тремя крупными кладами, сделанными в районе Борисова. Осталось рассказать о прочих захоронениях из той же серии. Как вы уже успели заметить, три предыдущих клада были закопаны в белорусскую землю при весьма необычных обстоятельствах, а именно тогда, когда у зарывавших ценности солдат просто не оставалось иного выхода. Аналогичным же образом был сокрыт и четвёртый клад. К сожалению, с достаточной точностью позиционировать его местонахождение довольно сложно, ибо мы располагаем крайне недостаточной и обрывочной информацией о нём. Но мы можем хотя бы попытаться приблизительно вычислить, где он мог быть спрятан, исходя из имеющихся в нашем распоряжении материалов.

Начало этой истории было дано через много лет после окончания войны. В мае 1830 года к российскому послу в Париже явились два француза и попросили о выдаче им паспортов. Они собирались добраться до Борисова и отыскать собственноручно закопанный ими на берегу Березины клад. Кладом была небольшая бочка, наполненная серебряными и золотыми монетами, а также драгоценными камнями. В марте следующего года один из французов, некий Жаккас, вновь посетил посольскую виллу и передал документ, своеобразную планкарту, на которой, как мог, изобразил то место, где была спрятана драгоценная бочка. Данная бумага была впоследствии передана во 2-е жандармское управление, для принятия мер...

Производились ли поиски в действительности, или, как часто бывало в подобных случаях, бумага легла «под сукно», неизвестно. Однако мы с вами не можем отказать себе в удовольствии хотя бы в первом приближении вычислить место, которое было изображено на том, недоступном нам пока, плане. Для этого мы постараемся выяснить, где и когда французы находились бы и на берегу Березины, и одновременно были бы поставлены в некое безвыходное положение, диктующее им безальтернативное освобождение от любой обременяющей их движение тяжести. Составим точно такую же таблицу, какую мы составляли для прояснения местоположения 14-го гренадерского полка, в которой сгруппируем положение некоторой части французской группировки по датам и местоположению.

20 ноября. Около Березины только тыловые части Борисовского гарнизона, да присланные им на подмогу поляки Понятовского. Имеющиеся в распоряжении гарнизона ценности заперты в каменных хранилищах местных лабазов. Всё тихо и спокойно.

21 ноября. Пока идёт бой у «тет-де-пона», тыловые части спокойно грузят имеющиеся в их распоряжении ценности и через плотину на реке Сха выдвигаются на Оршанскую дорогу. Заметим, что они отходят от Березины, а не приближаются к ней.

22 ноября. Поляки и неразграбленные гарнизонные финчасти спокойно отходят к Лошнице и далее к Толочину. Потерян только один фургон, причём не в воде, а на земле. А с востока к Толочину подходят объединённый обоз, главная квартира императора и «молодая» гвардия. Прибывает адъютант от маршала Удино с сообщением о том, что русские овладели не только предмостными укреплениями, но и самим городом (Борисовым). В этот день затоплен обоз в 200 подвод с московскими трофеями.

23 ноября. Французская армия, переформировав грузы на повозках и усилив кавалерию, вступила в бой с авангардом графа Палена, выбила его полки из Неманицкого леса, и к вечеру очистила Борисов от войск Чичагова. Французские войска (боевые части) вновь вышли на Березину, но обозы с ценностями до самого города так никогда и не доберутся.

24 ноября. Наполеон всё ещё в селении Бобр.

25 ноября. Наполеон миновал Лошницу и находится уже вблизи Неманицы. Зарыты и сожжены многие вещи из повозок. Вновь усиливается высвобожденными из транспорта лошадьми французская артиллерия. Кассы и прочие ценности всё ещё не подошли к реке Березине ни в одной точке. Они даже до реки Сха не добрались.

26 ноября. Армия французов сворачивает к Ст. Борисову и далее к Студёнке, где передовые отряды уже наводят мосты и сколачивают позиции для батарей прикрытия. Ценности и прочее возимое имущество расположены в районе Ст. Борисова и охраняются гвардией. До Березины (в окрестностях Студёнки) добрались лишь понтонёры и некоторые артиллеристы.

27 ноября. Войска переправляются на правый берег Березины. Кассы подвинуты к Студёнке. В 15 часов в г. Борисов входит дивизия Партуно. Он уничтожает мост через реку Сха и в 16.30 выступает к Ст. Борисово. Встретил гродненских гусар и отбил у них два орудия. Русские войска поднажали и выбили Партуно из мызы, после чего завязалось крупное сражение. Французы потеряли в схватке 54 офицера, 1531 солдата. Пленёнными оказались 4 генерала и 3000 солдат.

28 ноября. Сформирован особый авангард, призванный охранять и конвоировать ценности и войсковые кассы, переправы подвергаются обстрелам и атакам. Дорога из Борисова в Студёнку рассечена русскими войсками.

29 ноября. В 9 часов утра мосты через Березину были сожжены французами, и Наполеон вновь счастливо избежал, казалось бы, неизбежного окружения и плена.

Из вышеприведённого прямо выходит, что только 27-го или, ещё вернее, 28 ноября могли сложиться такие условия, что именно тогда, причём в непосредственной близости от реки Березины, мог быть спрятан бочонок с монетами и драгоценностями. Мог быть! Но всё же давайте ещё раз проверим наши предположения, заслушаем непосредственных участников тех далёких событий. Почитаем дневник Цезаря де Лотье.

«22 ноября 1812 года. Двигаемся эшелонами от Коханова к Бобру, следуя за императором, перенесшим главную квартиру из Каменицы в Толочин, и встречаем на пути к Толочину прискакавшего к нам во весь опор адъютанта маршала Удино. Он принёс весть, что русские овладели не только оборонными укреплениями на борисовском мосту, но в их руки попал также и город Борисов со всеми складами. Известие о потере борисовского моста было просто громовым ударом, тем более что Наполеон, считая утрату этого моста делом совершенно невероятным, приказал, уходя из Орши, сжечь все находившиеся там понтонные повозки, чтобы везших их лошадей (600 голов) *назначить для перевозки артиллерии...*

Удино, узнав о взятии города Борисова, немедленно выступил из Крупок в Лошницу, послал своего адъютанта, который во весь опор скакал из Крупок до Толочина...

Генералы Зайончек, Жюно и Клапаред также принуждены были сжечь половину фургонов, колясок и разных лёгких экипажей, которые они везли с собой, и уступить своих лошадей в артиллерию гвардии».

Только теперь до меня дошло, что стало основной причиной для спешного затопления «Второго золотого обоза» с московскими трофеями! Ну конечно же! Механизмом, заставившим Наполеона совершить столь противоречивый поступок, оказалось известие о занятии русскими войсками Борисова! Вот только тут он понял, что всё, малейшая оплошность, и его армия будет вынуждена сдаться на милость победителя. Вот почему он с такой лёгкостью избавлялся в районе Борисова и от трофеев, и даже от золотой наличности. Потому что уже прозвучало грозное: «Кошелёк или жизнь!» Он выбрал «жизнь», и проблемы сохранности «кошелька» сразу отошли на второй план...

А вот что пишет Кастеллан:

«23 ноября. Бобр. Император приказал организовать четыре отряда почётной гвардии, составленных из всех офицеров кавалерии, у которых ещё остались лошади. Орлы и знамёна кавалерийских полков сожжены: мы уверены, что таким образом их у нас не отнимут...

8-й вестфальский корпус под командой герцога Жюно совершенно разгромлен; в нём осталось 200 человек пехоты и 100 кавалерии. Военнопленный поляк — мой слуга — убежал с лошадью и большей частью моих вещей, ещё больше обокрав своих товарищей. У меня осталось из одежды только то, что на мне. Вдобавок у меня пала лошадь, так что у меня остаётся пять лошадей, из которых одна хорошая. У нас изобилие снега и недостаток всего остального...»

Генерал Дедем:

«25 ноября мы, Генеральный штаб, подходили к Борисову. Я видел, как Наполеон, сидя в экипаже, диктовал какой-то приказ начальнику главного штаба Бертье. На стоянке, где-то за деревней Неманица, зажгли костёр из сосновых поленьев. Наполеон отдал приказ генералу Красинскому послать кого-нибудь из поляков к крестьянам, найти брод на ручье (имеется в виду река Сха), *где-нибудь вправо на расстоянии версты».*

То есть уже 25-го император задумал и начал осуществлять резкий поворот к Студёнке, чтобы вновь выйти на главную дорогу в районе Зембина. Он понимал, что идти в отрезанный от правого берега Борисов бессмысленно и опасно.

Сержант Бургонь сообщает.

«От Лошницы армия двигалась в следующем порядке:

Императорская группа, за ней шли 800 человек офицеров и унтерофицеров.

Пешая императорская гвардия и егеря. Первый полк старших гренадеров, второй полк старших гренадеров (с ними Пикар).

За ними шли 30 000 войска.

Эта колонна была протяжённостью до 15 вёрст. Все рода войск. В арьергарде шли полки "молодой" гвардии, а за ними артиллерия и несколько фургонов. Большая часть артиллерийского парка под командованием генерала Негра была уже впереди. Среди ночи мы прибыли в Старый Борисов (село). *Наполеон остановился в 2-этажном доме на втором этаже. Мы поместились через дорогу позади теплицы. Генерал Роге поместился в теплице замка».*

Замок, конечно, не замок, но вполне добротный и просторный дом князя Радзивилла, который, конечно же, смотрелся настоящим замком на фоне убогих деревянных построек местных крестьян. Должен сказать, что и это здание и комната (в которой сегодня работает местный музей) сохранились до наших времён.

Кастеллан.

«24 ноября. На пути к Лошнице мы слышим канонаду герцога Беллунского (маршал Виктор). *Маршал Удино находится со 2-м корпусом в Борисове. Вчера у него было удачное "дело", он вытеснил неприятеля, который, отступая, сжёг мост, но побросал все свои экипажи* (1500 повозок). *Корпус маршала Нея состоит теперь из 600—700 человек. По-прежнему снег.*

26 ноября Император на лошади отправляется в Студёнку, селение в двух милях (примерно 7 км выше по течению реки) *направо, около берегов Березины. Продолжают наводить два моста начатые накануне. Неприятель мешает переходу, только посылая казаков».*

Ага, так вот, значит, когда совпали два крайне важных «граничных» условия, при которых возможно было заложение бочонка с драгоценностями! Так вот, значит, где именно это случилось! Получается, что именно 28 ноября оказалось для армии Наполеона поистине чёрным днём. И судьбу Великой армии решали часы и даже минуты. Многим тогда казалось, что всё потеряно и катастрофа неизбежна. С одной стороны от Большого Стахова в сторону Брилей, что на правой стороны Березины, наступали части генерала Чичагова. Но и здесь, на левом берегу, обстановка создалась критическая. Сотни обозных фургонов, карет и колясок, кавалеристы на измочаленных лошадях, тысячи отягощённых собственным скарбом людей, личные фаэтоны, как военных, так и гражданских лиц, теснились около мостов, пытаясь прорваться на другую сторону. В довершение всех бед русские командиры, сообразившие, что французы ускользают, успели подтянуть к месту переправы несколько крупнокалиберных пушек и начали беглый обстрел Студёнки, который поверг в ужас всех припозднившихся (а их было много тысяч).

Вот тут-то и началось то, что обыкновенно называется всеобщей паникой. Люди теряли от ужаса головы и совершали такие деяния, о которых в нормальных условиях не могли и помыслить. Одни бросили свои экипажи и нажитое непосильным трудом добро и прорывались через мост, прокладывая себе путь оружием. Другие торопливо грабили брошенные экипажи и раненых, тут же закапывая награбленное в землю либо пытаясь перетащить его на другую сторону. И похоже, что те французы, которые зарыли заветный

бочонок, тоже оказались в той самой безумной людской круговерти, среди непрекращающейся метели, оглушительных разрывов бомб, криков о помощи и хаоса повального бегства.

Где же теперь следует искать данную бочечку, которая тянет минимум на четверть миллиона долларов? Скорее всего, её действительно зарыли в воронке от снаряда неподалёку от одного из мостов в середине дня 28 ноября. Но могло случиться и так, что ценности были закопаны вовсе не на левом, а на правом берегу, т.е. после переправы. И действительно, положение французов было очень шаткое. Хотя адъютант Кастеллан и пишет, что маршал Виктор стойко удерживал свои позиции, но на самом деле потери у французов в людях и вооружении были огромны. Так что сражение у Брилей могло окончиться для них вовсе не так счастливо. При таких условиях у некоторого количества обладателей крупных ценностей вполне могла родиться мысль о том, что их не помешало бы на время схоронить подальше от глаз людских. Зарывавшие отягощающие сокровища, возможно, рассчитывали откопать их после боя, потом... при случае... Но слово «потом», тем более на войне, выражает понятие довольно расплывчатое. Возможно, что те, кто спрятал бочонок, не имели впоследствии возможности даже приблизиться к месту его захоронения. И только после многих лет они пришли к мысли о том, что ведь его можно и попробовать отыскать. Однако маловероятно, чтобы они смогли осуществить свою задумку. Дело тут вот в чём. Во-первых, человеческая деятельность значительно изменила окрестности деревни Студёнки. Изменила положение даже деревня, выстроенная после совершеннейшего разгрома на новом месте. Изменила береговую линию и сама река. Разумеется, что и от отстроенных сапёрами генерала Эрбле мостов не осталось даже следа, и служить каким-либо ориентиром они уже не могли. Короче говоря, поиски по местным ориентирам были заранее обречены на провал. К тому же местные крестьяне и сами добросовестно обыскали прибрежную полосу и даже протралили дно реки, достав со дна и выкопав из земли множество оружия и всевозможных весьма ценных вещичек. Но, разумеется, велика вероятность того, что наш более глубоко зарытый бочонок (да и не только он один) может преспокойно лежать в прибрежном песке вплоть до нашего времени.

* * *

Конечно же, потерей одного бочонка дело не ограничилось. Предлагаю вашему вниманию материалы *«Дела о розыске наполеоновской казны на реке Березина»*.

«Военного советника Завороткова Всеподданейший рапорт!

Во исполнение Высочайшего Вашего императорского Величества повеления изображённого в предписании господина генерала от Артиллерии и Кавалерии графа Аракчеева, произведено, по объявлению фурмана (ездового с казённого фургона) *Блазе (Блазье) изыскание о брошенной в реке французской казне, во время ретирады* (отступления) *к Вильно (Вильнюс), по которому нисколько из доносимой казны не найдено; а каким образом производилось сие изыскание, Ваше Императорское Величество изволите рассмотреть из следующего описания.*

По прибытию моему из Санкт-Петербурга в город Оршу, и по доставлению фельдъегерем Матвеевым из Вильны купца Гольдшмидта и фурмана Блазе следовали мы из оного по указанию фурмана из дороги через Борисов до состоящей от оного в 12 верстах деревни Студёнки вверх по левому берегу реки Березины, при которой войска французские имели гибельную переправу. Справое показание фурманом сего места удостоверилось наиболее тем, что когда при выезде из Орши запасался я разными шанцевыми инструментами, тогда он Блазе объявил, что оные везти не надобно, потому что в недальнем расстоянии от берегу той реки, где затоплена казна, укажет он зарытые в земле новые таковые инструменты; которые и действительно по указанию его на другом берегу, где стоит современная деревня Брили, вырыты, в таком виде, сколько на одну фуру положить можно.

Удостоверясь сими найденными в земле инструментами, начата была вырубка льду, по обеим сторонам мостов, для того, что фурман Блазе не мог верно показать, по которому он переезжал мосту и с которого повозки с деньгами были в реку сброшены.

Верхний из сих мостов был сожжён, а нижний стоит в целости. Работа сия производилась истребованными от Борисовского земского начальства людьми с 3 по 10 число сего февраля. Глубина реки у мостов не более 2 сажен (примерно 4,5 метра), *грунт дна твёрдый, песчаный — на дне и во льду найдены вмёрзшие трупы людей и лошадей, несколько ружей, пистолет, сабель, тесаков, штыков и разных мелочных вещей, в том числе два куска от серебряных образных окладов. Все сие вещи просто глазами с мосту были видимы, повозок же с бочонками ни частей их никаких не найдено, которые по мелкости реки должны быть видимы, а по тяжести их клади состоять на тех самых местах где были брошены. Из чего следует, что или оные повозки с деньгами тогда же из реки нашими войсками и обывателями*

вытаскаты и расхищены; или показания фурмана Блазе лживые; лёд же по прибытии моём по всей реке оказался в рубленых прорубях».

Сейчас трудно судить о том, был ли откровенен Блазье со следователями, или нет. В той толчее и суматохе, которая царила во французском лагере во время той злосчастной переправы, немудрено было вообразить себе что угодно. Поскольку основная масса солдат, беженцев и обозов переправлялась ночью, то запросто можно было спутать обычный грузовой фургон с фургоном денежным. Сомнительно и то, что утонувшие ценности повытаскивали местные крестьяне, на что прозрачно намекает наш следователь.

Смотрите, работы по поиску оставленных французами денежных средств начались 3 февраля, т.е. немногим более чем через два месяца после самой переправы. Может быть, кто-то из читателей никогда не был в окрестностях Студёнки и не знает, какова там река Березина. Могу подсказать — скверная, в поисковом плане, разумеется. Достаточно широкая, с интенсивным течением, она крайне затрудняет какие-либо подводные работы. К тому же не будем забывать, что в конце ноября она ещё не замёрзла. Лёд (достаточно прочный) встал лишь в середине января. И теперь представьте себе, как в лютую стужу вы ныряете в прорубь, чтобы вытащить с четырёхметровой глубины бочонок килограммов на пятьдесят—восемьдесят. Представили? Хорошо представили? Я тоже представил и утверждаю со всей серьёзностью, что подобные деяния крайне затруднительны даже теперь, в наш механизированный и компьтеризированный век. В тех же условиях подобные самоубийственные подвиги были абсолютно невозможны.

Не будем забывать, что большая часть домов несчастной Студёнки были безжалостно разрушены и именно из их брёвен строились мосты для переправы. Так что оставшимся в живых крестьянам было несколько недосуг плавать голышом в прорубях, отыскивая серебро и злато. Перед ними стояли куда как более насущные задачи, типа: как бы с голоду сегодня не помереть и детей на холоде не поморозить.

* * *

Чем-то сходная с предыдущей легенда была рассказана одним из местных помещиков. Вот как об этом написано в рапорте.

«Второй известитель, жительтвующий близ деревни Студёнки, дворянин Радкевич, который поданным сего февраля 8-м числом доношением объявил, что в бытность его в Вильно во время ретирады французских войск слышал от офицера австрийского Фишера о брошенном бочонке с се-

ребряной полной казной у левого берегу реки Березины, во 125 шагах выше первого мосту, против ивовых кустов, стоящих на другом берегу. На сим месте учинена была вырубка, найден кузнечный инструмент, но бочонка с деньгами не сыскано».

В своём служебном рвении советник Заворотков произвёл обыски и среди оставшихся в Студёнке жителей. Было найдено аж целых 3 (правда, пустых) иностранных бочонка!!! Денег, правда, у крестьян найдено не было, но борисовскому уряднику г. Шаталову было указано бдительно за ними присматривать (не дай бог ещё разбогатеют).

Возможно ли в наши дни отыскать вроде как и в самом деле потерянные либо намеренно сокрытые ценности вблизи Студёнки? Вопрос, конечно, интересный. И боюсь, положительно на него ответить невозможно. В этом районе, на этом в общем-то небольшом пятачке земли, вот уже два столетия идёт непрерывный и весьма настойчивый поиск. Сотни, если не тысячи, официальных представителей от государства и досужих кладоискателей всех мастей и технической оснащенности сезон за сезоном прозванивают и прощупывают каждую пядь земли как на левом, так и на правом берегу Березины. Вероятно, какие-то мелочи ещё укрылись от пытливых поисковиков, но чтобы вся эта многочисленная и зачастую весьма квалифицированная рать пропустила спрятанный бочонок или чемодан… большие сомнения.

Хотя вода, и особенно вода текучая, субстанция особенная. Ведь есть документальные свидетельства о том, что да, действительно, с наполеоновских мостов падали упряжки прямо с экипажами. Но есть и свидетельства о том, что они вовсе не шли камнем на дно, а благодаря течению и усилиям лошадей проплывали приличное расстояние. Так что надежда, как всегда, умирает последней.

* * *

Случались и почти анекдотические случаи. Вот письмо генерал-лейтенанта Желтухина, направленное им киевскому военному губернатору.

«Милостивый государь Александр Христофорович!

Минувшего октября 23 числа Дворянин Сочинский представил ко мне найденное на дороге в Сквирском повете письмо, писанное от настоятеля Чернобыльского Доминиканского монастыря, ксендза Гулицкого к настоятелю Киевского Католического монастыря Головни.

Содержание письма показывало, что оно было писано с каким-то проезжающим в Киев на поклонение Сенкевичем, имеющим достоверные све-

дения о большом количестве денег, сокрытых в Минской губернии близ г. Борисова. По поводу чего Гулицкий простил сохранить обстоятельство сие в тайне и не открывая правительству, вынуть означенные деньги на постройку в Киеве Домениканского монастыря и на содержание священнослужителей, на что согласился и сам Сенкевич.

Как по сделанному розысканию Сенкевича в Киеве не оказалось и настоятель Головня отозвался, что он ни Сенкевича ни письма от ксёндза Гулицкого не видел, то по поводу сего я востребовал Гулицкого в Киев и отобрал у него на счёт сего обстоятельства показание следующего содержания.

В Августе месяце проезжал из Минска через местечко Чернобылье отставной рядовой Польских войск Бенедикт Сенкевич с женою на поклонение Св. мощам в город Киев, остановился в Чернобыльском монастыре и объявил ему, Гулицкому, что он с тремя товарищами, впоследствии умершими, закопал около Борисова большую сумму червонцев, доставшихся ему во время бывшей в 1812 году войны; что из числа сих денег, он вынул один раз два гарнца (гарнец — 3,28 л) червонцев; что они были у него отобраны и сам Сенкевич содержался в Борисове два года в тюрьме.

Достоверность сего клада Сенкевич утвердил клятвою перед распятием и притом объявил ксендзу, что он заезжал на место клада и нашёл его в целости...

Вследствие сего показания предписав Сквирскому и радомысльскому Земским исправникам об открытии местопребывания Сенкевича и присылках его ко мне, я донёс о сём Его императорскому Высочеству.

1828 года 19 ноября».

На первый взгляд нормальная история с вроде даже достоверным сюжетом. Однако меня сразу же насторожила байка о двух гарнецах монет, якобы вынутых Сенкевичем. Червонец — монета мелкая, весом до 3,9 г. И трёхлитровую банку их с трудом может поднять и переносить даже очень сильный человек. Если же герой нашего повествования тащил на себе целых две такие банки золота, то он должен был быть по меньшей мере самим Геркулесом.

Но каким-то образом у подобного богатыря отнимают его столь тяжко нажитое сокровище и ещё сажают на два года в кутузку. И сразу следующий вопрос: почему так мало дали? Какой-то польский бывший рядовой, в обнимку с двумя пудами золотой монеты, должен был сидеть до тех пор, пока из него следственные органы не вытряхнули бы всё остальное. Но нет, Сенкевич благополучно освобождается и вольно бродяжествует по территории Минской и

Киевской губерний, отчего-то не делая ни малейшей попытки нагрести ещё маленькую жменьку золотишка и зажить по-человечески.

Из дальнейшей переписки государственных чиновников становится понятно, что перед нами вовсе не потенциальный граф Монте-Кристо, а обычный болтун, склонный к бродяжничеству и мелким авантюрам. Впрочем, в послевоенные годы подобных деятелей хватало с избытком, и о людах такого сорта мы ещё поговорим.

* * *

29 ноября

Отгремели кровопролитные бои на Березине, но приключения Великой армии на этом не закончились, как не закончились и злоключения перевозимых ими ценностей. Последуем за ними и мы, проследим, куда и как были спрятаны остатки московских трофеев и, всё ещё транспортируемые в головной колонне войсковые КАССЫ.

Проводниками и нашими сопровождающими на этом беспримерном пути будут старые знакомые: Цезарь де Лотье, сержант Бургонь и адъютант Кастеллан.

«Император отправляется в 7 утра; в 10 мы были в Зембине (12 вёрст от Студёнки), *маленьком польском городишке, где мы завтракаем. Мы проходим через лес, овраги, потом через длинные мосты на болотах; неслыханная вещь, неприятель не послал казаков разрушить эти мосты. Мы были бы тогда в большом затруднении, так как недостаточно крепкий лёд не мог бы выдержать нас. В 12 часов дня мы покидаем Зембин, в 5 часов вечера мы были в Камени, сделав всего за день 28 вёрст. Овраги, сосновые леса, очень узкие тропинки. Император останавливается в поместье одного барона. Мы находим там картошку — целое событие. Надо видеть нас; придворные императора, все с картошкой на конце шпаг, жарят её на бивуачных огнях, мы ели её в изобилии.*

Я сплю в чём-то вроде комнаты на хорошей соломе; помещение не из прекрасных, но хорошо уже и то, что находится под крышей; всё-таки это лучше, чем провести ночь под открытым небом.

Днём морозит немного, ночью очень сильно. Внезапные казацкие нападения часты и ежедневно. На лошадей по-прежнему большой спрос».

«В девять часов пополудни, — пишет де Лотье, — Вице-король получил депешу или приказ о выступлении на рассвете (29 ноября) из Зембина в Плещаницу со всеми нашими доспехами» (т.е. частью трофеев)».

«В 9 часов утра мосты через Березину были сожжены. В тот день корпус Чичагова подвинулся к Брилям. На пути нашёл брошенные 7 пушек и взял 3300 пленных. На левом берегу французы оставили 14 пушек из корпуса Виктора. Их не смогли переправить, так как мост для артиллерии рухнул ещё сутки назад. Русские взяли в плен отставших и нестроевых в количестве 5000 человек с оружием и безоружных, 800 человек исправной немецкой конницы и 3 пушки».

29 ноября вечером французская армия должна была расположиться в следующем порядке: Ней на позиции за Зембиным, Наполеон со своей гвардией в Камене, а Евгений Богарне и Даву составлял авангард в Плещаницах.

Войска Кутузова, досадно упустив практически пойманную в западню коалиционную армию, решили продолжить старую тактику постоянного давления на отступающего противника с помощью регулярных кавалерийских рейдов. Причём рейды эти должны были быть не такими булавочными, как в начале отступления французов из Москвы. Это должны были быть настоящие кавалерийские атаки многочисленных и хорошо вооружённых отрядов.

Французы же, насколько это было возможно быстро при их бедственном положении, двигались по следующему маршруту: Зембин — Камень — Плещаницы — Хотовичи — Стайки — Илия — Латыголь — Молодечно. Расстояние, в общем-то, небольшое, примерно 100 км, но трудностей на этом пути французов ожидало немало. Прямо 29 ноября, не дав едва избежавшим гибели на переправе французам и опомниться, генерал Ланской в полдень атаковал Плещаницы. Русские кавалеристы взяли в плен генерала Каминского, 2-х полковников, 2-х подполковников, 2-х майоров, 27 офицеров и 217 рядовых квартирьеров, посланных вперёд для приготовления главной квартиры.

30 ноября

«Император вместе с гвардией, Виктором и Неем в Плещаницах».

«Вечером мы останавливаемся бивуаком в Нестановичах» (14 км за Плещаницами)».

Это был авангард, составленный из остатков итальянской гвардии, который сопровождал обоз с казной и московскими трофеями, ранеными генералами и офицерами. С этим авангардом мы ещё встретимся, причём по хорошо знакомому поводу.

1 декабря

«1 декабря. Император отправляется в 7 часов и в 8 часов вечера достигает деревни Стайки (28 вёрст). Его Величество продолжает путешествовать в своём экипаже, но почти всё время идёт пешком. Сосновый лес, мороз довольно сильный. 15 казаков прорываются "на ура" сквозь колонну; неприятель очень докучает нашему арьергарду».

Наполеон идёт пешком, видимо, всё же не для того, чтобы размять ноги. Всем своим видом он старается дать понять окружающим его войскам, что терпит такие же лишения и переносит такие же трудности, что и они. Такая демонстрация бодрости вовсе не случайна. Войска крайне измотаны и истощены. Армия сильно растянута и в буквальном смысле обескровлена.

«Император, главная квартира и старая гвардия отправляются в 7 часов утра и в 8 часов достигают деревни Стайки. Сильный мороз. Император большую часть пути идёт пешком. В авангарде был Вице-король с обозом главной квартиры, остатками казны армии и повозками, на которых везли остатки московских трофеев. Арьергардом командует маршал Виктор».

2 декабря

«Император проходит через Илию, располагается на ночлег в очень скверном домишке в селении Седлица; здешние амбары хорошо снабжены фуражом.

После императорской гвардии проходят 4 и 3-й корпуса, или, вернее, новые отряды, из которых они составлены, так как бывшие их полки сведены на нет.

Маршал Ней послал знамёна этих полков с их офицерами "молодой" гвардии, которая сама не имеет под ружьём и трёхсот человек. Фезензак имеет под своим орлом (знамя воинской части, украшенное золотым орлом) *400 человек.*

После 3-го проходит 2-й корпус, потом герцог Беллунский (маршал Виктор), *9-й корпус которого является арьергардом. Число солдат, бредущих вразброд, увеличивается всё больше и больше. В "старой" гвардии не больше 2000 человек. Во 2-м корпусе под знамёнами не много солдат. Маршал Ней присоединился к штаб-квартире императора.*

Два казачьих полка с артиллерией напали на городок Илию после ухода гвардии. Они забрали очень много пленных и на какое-то время преградили путь. Небольшая оттепель».

«На участке от Винницы до Сморгони (22 км) *знамёна были сняты с древков, а золотые орлы с этих знамён были спрятаны так, чтобы не достались русским. В этот день русские атаковали арьергард французов в Плещаницах».*

Да, вот именно здесь, начиная со 2 декабря, начинаются новые потери перевозимых ценностей, особенно в тех частях, где наблюдается потеря какого-либо боевого духа и полная невозможность перемещать их далее. Так, например, большой клад был сформирован в окрестностях Селищи. И сейчас я расскажу вам о нём поподробнее.

В 1840 году (через 28 лет после прохождения через это местечко последней французской колонны) в селение Селище приехал какой-то француз с планом местности и, не таясь, объявил о цели своего приезда. Он намеревался отыскать несколько бочонков золотых монет, зарытых здесь в начале декабря 1812 года. Основным местным ориентиром для него была господская усадьба, в которой в ночь со 2 на 3 декабря ночевал главный штаб во главе с самим Наполеоном. (Это тот самый «скверный домишко», о котором писал Кастеллан.) Но поскольку с тех пор прошло больше четверти века, то местность, где прятали очередной клад, совершенно преобразилась. Старый дом был снесён, и новый был построен в ином месте. Просёлочная дорога, по которой везли золото, тоже была запахана. И даже большой остроконечный камень, возле которого рыли яму, тоже исчез. Поскольку именно камень играл роль самого надёжного ориентира, то начался его поиск. Оказалось, что во время строительства нового дома с полей свозились все камни, так что на возведение фундамента отвезли и данный «ориентир». Его там и отыскали, с правой стороны от крыльца. На камне, при ближайшем рассмотрении, даже обнаружился знак в виде подковы. Настойчивые расспросы о том, где же именно лежал приметный валун, ни к чему не привели, все только разводили руками и пожимали плечами. Кладоискатель отбыл в своё отечество, а местное крестьянство вооружилось лопатами и принялось искать зарытое своими методами. Но и здесь поиски успехом не увенчались. Но эту историю излагают в таком виде только для популярных журналов. Мы же с вами попробуем разобраться в ней поподробнее.

Вопрос первый: кто закопал клад? По чьему приказу это было сделано? Данный вопрос не так прост, как кажется на первый взгляд, и мне кажется, что именно точный ответ на него и приблизит нас к его находке. Прежде всего, обратим внимание на состав клада. Француз утверждал, что зарыты

именно бочонки, именно с золотыми монетами. Следовательно, именно он сам и закапывал ценности. Ибо только тот, кто прятал, мог доподлинно знать о том, что именно прячется. Кстати, вы уже обратили внимание, что данное захоронение нам с вами уже очень хорошо знакомо. Такие мы уже встречали, и не раз. В таком (обочёненном) виде золотые двадцати- и сорокафранковые наполеондоры перевозили армейские кассиры в пронумерованных фургонах Генерального штаба. А когда в Селищах ночевал сам Наполеон, эти фургоны уже ушли из селения!

Чтобы разобраться в этом вопросе подробнее, необходимо поднять все имеющиеся в нашем распоряжении материалы. Давайте посмотрим, что писали наши мемуаристы о том дне.

«Я дежурный и меня оставляют в Седлице (совр. Селище) *ожидать арьергарда. Я располагаюсь у подножия дерева, около бивуачного огня на большой дороге. Весь день передо мной зрелище отсталых солдат всех наций, всех родов войск. Большинство побросали свои ружья: солдаты "старой" гвардии — исключение: они сохранили свои. Они образуют сжатую колонну от двенадцати до пятнадцати человек в ряд: они дефилируют с восьми утра до четырёх, когда, наконец, появляется арьергард. Я тогда направляюсь к маршалу Виктору, за которым следуют казаки с пушкой.*

Его светлость говорит мне, что в длинном овраге около Илии, где из-за широких болот были вынуждены переходить по плотине, господствовал такой же беспорядок, как и при Березинской переправе.

Герцог Беллунский с успехом пустил в дело два отряда, чтобы облегчить переход отставших.

Я перешёл через мост, овраг, лес, тянувшийся на расстоянии трёх миль (около 11 вёрст), *занятый большим числом бивуаков отбившихся от армии солдат: в 7 часов вечера я прибыл в Молодечно, где в доме, похожем на настоящий замок, была устроена штаб-квартира императора. Большей частью я шёл пешком: очень сильный холод».*

Из этой записи следует, что Кастеллан, выйдя из старого господского дома на большую дорогу в 8 утра, ожидал маршала Виктора до 4-х часов дня, после чего перебрался через большой овраг по мосту и, прошагав 11—12 км пешком, за три часа прибыл в ставку. Значит, он ожидал арьергард на восточной стороне оврага. Скорее всего, и господский дом находился недалеко от него и тоже на восточной стороне. Далее. Кастеллан не упоминает ни о каких повоз-

ках, или фургонах с КАССОЙ, а только о толпах неорганизованных солдат и дефиле всё ещё сохраняющей бодрый вид гвардии. Следовательно, зарывать клад 3-го числа было просто некому, всё более или менее ценное увезли отсюда раньше. Это подтверждают и строки из дневника офицера итальянской королевской гвардии — Цезаря де Лотье.

«2-е декабря. Мы сделали мучительный 12-часовой переход из Илии, нигде не отдыхали, боясь быть обойдёнными, и в 11 часов утра приходим в Молодечно. Этот переход довершил расстройство наших полков. Много способствовала этому и медлительность движения, вызванная необходимостью эскортировать казну (армии) *и раненых офицеров и генералов. Холод усилился; он утомляет наши расслабленные, плохо прикрытые, обессиленные, ещё хуже того питаемые тела. Император осведомился о нашей действительной численности; он спрашивает, начали ли реорганизовывать полки? На забитых экипажами и возами дорогах стояла невообразимая толкотня. Всякий раз, когда лошади падали — мы страшно волновались, так как это и нам грозило падением. Видя всё это, вице-король* (Евгений Богарне) *приостановил нашу колонну на полдороге и написал императору обо всём, что здесь в овраге происходит. Но когда он заглянул в тыл, то ещё больше понял всю громадность затруднений».*

Смотрите, как всё складно получается. Выходит, что тот переход, о котором пишет Цезарь де Лотье, был начат где-то накануне (1 декабря) в одиннадцать вечера. То есть в 4—5 ночи они аккурат оказались в окрестностях Селищ. И именно в этот момент у них начались «основные» трудности. Столь непреодолимые, что пасынок Наполеона пишет отчиму письмо, искренне полагая, что император встанет с постели (посреди-то ночи) и примется растаскивать завал из сломанных повозок и павших от губительного мороза лошадей.

А Богарне ведь торопился, очень торопился. Если бы он застрял в селищенском овраге, то утром его относительно успешное продвижение вообще могло быть парализовано тысячными толпами отступавших пехотинцев. И тогда так тщательно охраняемые повозки с КАССОЙ могли быть запросто оторваны друг от друга, и из единого, компактного обоза образовались бы отдельные, слабо защищённые группки.

Ему следовало выбирать: либо единство и скорость его самого ценного на тот час обоза, либо полная сохранность перевозимого им груза. Однако, сохранив груз на какое-то время, можно было неизбежно потерять скорость и утратить какое-либо преимущество в движении вообще. Полагаю, Евгений

выбрал первое. Павших лошадей оттащили с дороги прочь, а оставшиеся бесхозными бочонки с золотом он приказал зарыть. Скорость движения — вот что было самое важное. Только скорость могла гарантировать спасение и их жизней, и хоть какого-то армейского имущества. Значит, вполне возможно, что именно здесь, вблизи господского дома с окнами, освещёнными тускло горевшими в помещениях свечами, и было закопано содержимое одного или нескольких фургонов, оставшихся без лошадей.

Как же закапывали бочонки, и главное, где? Земля была промёрзшая, завалена плотным снегом, и специально долбить её для устройства очередного клада было просто некогда. Скорее всего, безлошадные кассиры воспользовались одним из придорожных костров, оставленных беженцами. Под ним земля была прогрета, и выкопать метровой глубины яму было несложно. Становится понятным и то, о чём именно писал Богарне Наполеону. Ведь такое уже было ранее. 7 и 8 ноября он писал нечто подобное из местечка Засижье и Ульховой Слободы. Вот отрывок из его письма начальнику штаба Бертье. Вспоминаете его?

«Жестокая необходимость принуждает меня с сожалением признаться в тех потерях, которые мы потерпели, желая ускорить наше движение».

Проблема тех не по-осеннему холодных дней заключалась в том, что громадный транспорт, который был под началом Евгения Богарне, потерял 800 упряжных лошадей. Весь груз, что везли эти лошади, пришлось срочно утопить в ближайшем озере. Вот он и писал свой доклад, оправдывался…

Вот и здесь у местечка Селище произошла та же самая коллизия. Те же проблемы, только ещё более усугубившиеся. Жуткий мороз, бескормица, обледенелая дорога… Вот вице-король и пишет вновь: *«И желая ускорить наше движение...»* впрочем, можно и не продолжать, и так всё предельно ясно.

Рассматривая карту 1825 года, находим, что в 1812 году было два места, где располагалось поселение Селище (что в переводе и означает — поселение). Одно в 3—5 дворов находилось в овраге с левой стороны дороги (если смотреть по ходу движения армии Наполеона). Другая часть в 3—5 дворов находилась перед оврагом с правой стороны дороги. По другой стороне дороги рос большой лес. Вот это-то второе поселение и было тем, где ранее стоял старый господский дом. К нему шла просёлочная дорога и, скорее всего, именно здесь, на пересечении двух дорог, и стоял остроконечный, хорошо заметный со всех сторон верстовой камень.

В принципе наш славный Кастеллан, в прямом смысле этого слова, элементарно попирал ногами зарытые накануне сокровища, поскольку бестолково топтался на этом месте целых полдня, вместо того чтобы с пользой для дела заняться поисками золота. Впрочем, это всё специфические кладоискательские шутки — ведь он и понятия не имел о том, что именно лежит под толстым слоем пепла согревающего его костра.

Так что же у нас в конце концов получается? А получается то, что легенда о сокрытии нескольких бочонков с франками и луидорами у селения Селищи весьма и весьма правдоподобна. Она сильно напоминает уже известные нам истории Якоба Кёнига и Станислава Рачковского. Всё тот же тип захоронения, накрепко связанный со стереотипом клада «до востребования». Основной ориентир, вспомогательный (местный) ориентир и уточняющий ориентир. И, конечно же, не исчезни остроконечный камень во время строительства дома, нам не было бы о чём писать впоследствии. То есть, если рассуждать чисто теоретически, то зарытые бочонки до сих пор ожидают своего освобождения из 190-летнего плена.

К сожалению, поиски 2- или 3-миллионного клада сильно затруднены и осложнены тем обстоятельством, что в том месте, где они, скорее всего, были закопаны, выстроена деревня в десятки дворов. Частные владения сельских жителей, знаете ли... белорусских крестьян... мягко скажем, небогатых... Так что шансов на успешную работу для прочитавших эту книгу поисковиков практически нет. К тому же их просто не пустят на порог, когда они заявятся к ним со скромным предложением поискать в крестьянских огородах несколько миллионов долларов. Да к тому же нужно помнить и о бытовом, чисто железном мусоре, которым щедро засорено любое жилое место в пределах бывшего Советского Союза. Надо признать, что это и на самом деле сущее бедствие для кладоискателей. Иной раз приходится с горечью констатировать, что перспективнейшие кладоносные районы совершенно выпадают из поискового пространства из-за ужасающей замусоренности бытовым и производственным металлом.

К тому же не забудем, что масштабные поиски там проводились много лет, начиная с памятного 1840 года. Один из поисковиков, некто Л.С. (впервые и поднявший данный вопрос на страницах виленской газеты в 1910 году) долгое время жил в той местности. Им было собрано много доказательств пребывания здесь французов. Пуговицы со скрещенными пушками, стальные шомпола, части старинного оружия, отдельные монеты... Правда, основного клада отыскать ему так и не удалось. По его словам, не удалось, а там... кто знает. Кто же честно сознается?

3 декабря

«Император и главная квартира выступают из Седлиц и приходят в Молодечно. Наполеон остановился в доме, похожем на настоящий замок. Дом принадлежал князю Огинскому. Рядом с домом находился прекрасный парк, в парке было много фруктовых деревьев. Наполеон в этом доме написал свой последний бюллетень.

В 4 часа дня арьергард маршала Виктора прибыл в Седлицы. В длинном овраге около Илии, где благодаря болотам были вынуждены переходить по плотине, и там господствовал такой же порядок, как при Березинской переправе».

Вот такова была обстановка через неделю после начала печально известной переправы через Березину. Впрочем, нам пора двигаться дальше, догонять опередивших нас французов, которые, теряя по дороге не только серебро и золото, но пушки, ружья, и даже генералов, продолжали свой безостановочный поход. И я начинаю новую главу, посвящённую очередному кладу, которую назову:

Золотые... из Венеции

«Арьергард французский ночевал в селении Латыголь. 1 генерал, 32 офицера, 1500 человек солдат, 2 знамени, 10 орудий и 30 зарядных ящиков были взяты в плен».

«3-го декабря. Выполняя приказ императора, вице-король отправил по направлению к Вильно всю КАССУ, все экипажи, больных и раненых. Приблизительно в одной миле от Беницы на этот обоз, бандой казаков Ланского, состоявшей человек из 600, было сделано нападение...»

Вот здесь просто необходимо задержаться и рассмотреть ситуацию более пристально, ибо нападение это было не совсем обычного свойства, и задачи перед ним ставились особые. Впрочем, рассмотрим всё по порядку и, как водится в хороших приключенческих романах, издалека...

Бывают, всё же бывают у кладоискателей маленькие радости! Иногда достаётся им своё, особое, поисковое счастье. Не в непролазные болота приходится лезть, не продираться сквозь густой лесной бурелом, обвешавшись всяческими тяжестями, и не спускаться в подозрительные подвалы с подгнившими деревянными стропилами. Примерно раз в пять лет доводится им

побродить в поисках сокровищ в почти паркетной обстановке, чуть ли не с удобствами. В такой благодати мне довелось поработать осенью 2003 года. Расследовалась старинная история, эпиграфом к которой мог бы послужить вот такой коротенький, но значимый абзац.

«По приказу императора батальон императорской гвардии поздней осенью 1812 года эскортировал повозку, доверху нагруженную дубовыми бочкам. Гвардейцы отвечали за неё головами. Повозка была тяжела, и пало несколько лошадей. Другие повозки были уже покинуты. Неожиданно распространилась страшная весть, что казаки близко. Одну бочку разбили прикладами и 50 000 наполеондоров или один миллион франков исчезли в карманах, но разве всё унесёшь? Опасность удвоила силы. Ломы и лопаты вгрызлись в мёрзлую землю. Вскоре драгоценная поклажа исчезла в яме...»

Вот так живописно, драматично и напряжённо было описано некое давно минувшее приключение, случившееся в далёкие-предалёкие годы. Заметка была опубликована в «Неделе» № 2 за январь 1967 года.

В ней, конечно же, много чего накручено и понапридумано лишнего, и это я готов прямо сейчас доказать. Тут даже не стоит особо и напрягаться. Возьмём хотя бы глупейший тезис о мгновенном расхищении миллиона франков. Интересно бы подсчитать (корреспондент почему-то этого не сделал), сколько же всего золота было расхищено? Вес одного наполеондора составлял 9,451 грамма. Соответственно 50 000 монет такого рода весили ни много ни мало, а 472 килограмма! Даже если представить, что каждый солдат из охраны обоза ухватил себе при раздаче по килограмму золота, то на справедливую делёжку потребовалось бы 472 человека! Только представьте себе длину очереди из страждущих! Да столько охранников во всём обозе не было! Впрочем, скорее всего, изложивший легенду человек просто оговорился, либо не подумал над тем, что написал. Вероятно, на самом деле речь шла о том, что расхитили 50 000 не наполеондоров, а франков. В таком случае концы с концами более или менее сходятся. 2500 двадцатифранковых наполеондоров весили всего около 23 килограмм, так называемая малая кассовая упаковка. Да, согласен, такое количество золота вполне могли рассовать по карманам 20—30 человек, причём даже не создавая особой давки около разбитого в щепки бочонка. Впрочем, это всё мелочи, к ним даже и придираться не стоит.

Однако давайте теперь посмотрим, где же происходили описанные выше события. Да и были ли они на самом деле? Возьмём в руки наш особый кладоискательский телескоп, помогающий смотреть сквозь время и пространство,

и уверенно направим его в сторону... благословенной Венеции. Удивлены? А я ничуть. Всевозможные версии и легенды о местах захоронения наполеоновских кладов приходили даже из столь удалённых от России мест.

Итак, я начинаю очередное повествование об очередном таинственном кладе. В архивах Министерства иностранных дел России сохранилось частное письмо некоей высокопоставленной особы, имевшей косвенное отношение к событиям 1812 года. Этой загадочной дамой была... супруга генерал-адъютанта П.Д. Киселёва. Зимой 1838 года, будучи на отдыхе в Венеции, она обратилась к находившемуся там по делам службы русскому послу в Австрии Татищеву. По словам дамы, ей, в силу стечения обстоятельств, стало известно о том, что где-то в Минской губернии зарыт многомиллионный клад. Киселёва рассказала Татищеву, что муж не придаёт значения её словам, но она уверена в достоверности этих сведений и берётся отыскать бочки с золотом. По распоряжению вице-канцлера Нессельроде виленскому генерал-губернатору князю Долгорукому было направлено указание: «Чтобы со стороны местного начальства оказано было генеральше Киселёвой всякое содействие к отысканию упомянутого клада».

— М-да, — может недовольно пробурчать иной читатель, — тоже мне легенда! Да таких легенд... хоть пруд пруди. Тоже мне приводятся наиточнейшие ориентиры для поисков — «где-то в Минской губернии», но просьбу о содействии почему-то направляют виленскому генерал-губернатору! Этак можно и написать, что где-то на Колыме тоже есть золото! Кто же не знает, что оно там есть? Да и вообще! По таким скудным приметам, малодостоверным сведениям, к тому же исходящим от какой-то сумасбродной генеральши, начинать что-либо искать может либо очень наивный человек, либо откровенный дурак!

Да, в словах моего оппонента много нелицеприятной правды. Может быть, её там даже целых 95 %. Но давайте всё же попробуем вместе с вами «размотать» оставшиеся пять процентов и всё же, хотя бы примерно, определить, какие именно события имела в виду русская патриотка г-жа Киселёва. Бог даст и мы сможем попытаться отыскать всё ещё не найденный клад.

И для этого мы рассмотрим некоторые моменты из официальной переписки, мемуаров и сохранившихся писем самой генеральши. И, прежде всего, вспомним один неоспоримый факт. Известно, что помимо московских и иных трофеев в первом императорском обозе находились и фургоны с казной всей французской армии. Фактически в составе экспедиционных войск двигался госбанк на колёсах. Основное содержимое этого банка составляли золотые

монеты наполеондоры достоинством в 20 франков и серебряные монеты достоинством в 5 франков. Вес одной золотой монеты, как я уже говорил, равнялся 9,451 грамму, а серебряной — несколько более — 25 граммам. Это было, во-первых, жалованье солдат, офицеров и генералов всей громадной армии Наполеона, во-вторых, наградные деньги, и в третьих, монетарная часть захваченных в процессе войны трофеев.

Рассчитано это жалованье (вывезенное в начале кампании из Франции) было примерно на полмиллиона человек. Кроме того, платёжные средства в монетарном виде предназначались для обеспечения прочих войсковых потребностей, как-то: наём жилья, ремонт подвижного состава, покупку фуража для бесчисленных лошадиных табунов, организацию лечения раненых и.т.д. Вся эта многомиллионная масса денег двигалась на 48 пронумерованных капитально изготовленных фургонах, причём порядок их движения был определён специальным приказом императора. Каждая повозка, имеющая больший номер, была обязана двигаться вслед за повозкой с меньшим номером. Только так следовало поступать возницам, и никак иначе. Всё же деньги, сами понимаете. Требуется глаз да глаз за их сохранностью! В финансовых вопросах, как нигде, должен был поддерживаться образцовый порядок. И так всё и было, до определённого момента...

Но в силу стечения всем известных трагических обстоятельств и значительных людских потерь основная, я бы даже сказал, подавляющая, масса этих денег в столице России роздана по назначению не была. И при отступлении Наполеона из дымящейся Москвы все банковские фургоны, единой колонной, не допуская в свои ряды прочие экипажи, потянулись к западным границам нашей Родины. И здесь до поры до времени всё было нормально, однако так долго продолжаться не могло.

Я уже упоминал в предыдущих главах, что от стен Смоленска до реки Березины императорскую казну охраняли баденские гренадеры, не столь пострадавшие в предыдущих сражениях. Но так случилось, что именно с того момента, как гренадеры приняли на себя заботу об армейских ценностях, и начались самые значительные их утраты. Короче говоря, о судьбе всей казны армии императора можно судить по воспоминаниям корпусного казначея Дювержье из первого корпуса маршала Даву. Вот что он пишет в своих воспоминаниях.

«Мой фургон, запряженный семью лошадьми, продвигался довольно хорошо. 9-го декабря в полночь я был в двух лье (8 вёрст) *от города Вильно. Другой фургон под № 48, перевозивший два миллиона франков золотом,*

застрял на дороге в снегу по самые ступицы. За ночь из тринадцати наших лошадей (моих и № 48) умерло (замёрзло) *семь. Утром были присланы лошади из Вильно, и фургон № 48 был вытащен из снега и поставлен на дорогу. Этот фургон, последний по счёту, оказался единственным дошедшим до места назначения. Мой же фургон остался на месте. Он был ограблен по очереди французами и казаками. Я прибыл в Вильно 10-го декабря».*

Очень характерная запись для тех дней, и очень показательная. Следовательно, можно сделать обоснованный вывод о том, что почти вся казна иноземного воинства была оставлена на территории России. Другой вопрос, что же сталось со всем этими ценностями! Теперь-то мы точно знаем, что с ними случилось. Изрядное количество этих денег было расхищено самими солдатами коалиционных войск. Другая часть попала к лихим казакам Платова, Сергея Ланского, Дениса Давыдова и исчезла в их бездонных карманах, постепенно перекочевав в кошельки попутных трактирщиков. Ещё одна часть была всё же спрятана (в основном зарыта) тем или иным способом. Судьба основной части этих денег тоже более или менее известна. Основную их массу отыскали впоследствии, причём основная роль в их отыскании заслуженно принадлежит тем, кто их хоронил. То есть самим же французам (немцам и даже итальянцам). Но какое-то количество их было найдено много позже, уже современными кладоискателями. И только совсем небольшая толика золотых и серебряных кружочков всё ещё ждёт своих «освободителей» из земляного плена.

Так что генеральша П.Д. Киселёва была почти права, клятвенно утверждая, что знает, где зарыт один из таких фургонов. Вспомним кое-какие подробности, связанные с её столь уверенным заявлением. Не забыли ещё, где она впервые обнародовала свою смелую гипотезу? Правильно, в Венеции. Но почему именно там? Не догадываетесь? А мне-то как раз всё предельно ясно. С Березинской переправы и далее до современного Вильнюса вся казна охранялась и конвоировалась именно итальянской королевской гвардией под командованием принца Евгения Богарне.

И вполне могло так случиться, что один из бывших офицеров королевской гвардии и поведал прекрасной генеральше о собственноручно закопанных сокровищах. Да, конечно, тут возможны всяческие вариации. Возможно, он совершенно ничего не рассказывал госпоже Киселёвой лично. Возможно, он просто делился воспоминаниями о боевой юности со своим малолетним племянником, сидя за столиком в одном из открытых венецианских ресторанчи-

ков. А госпожа генеральша в это время просто сидела за соседним столиком. К тому же она прекрасно знала итальянский язык, а ветеран был слишком громогласен.

Так или иначе, но, суммировав вышеозвученные материалы, мы с большой долей уверенности можем заявить, что описанный генеральшей эпизод мог случиться только на одном, причём достаточно небольшом по протяжённости отрезке пути, запруженном уже нестройными толпами отступающей армии Наполеона. И отрезок этот, мало того, что относительно невелик, но и довольно чётко определён географически. Он простирается от западных окрестностей города Молодечно до современной границы с Литвой.

— Почему же он располагается именно там? — можете вполне резонно спросить вы. — Что, неужели мародёрство и погромы не начались ранее?

Всё дело в том, что полный развал в армии агрессоров начался после того, как горячо любимый всеми французский император попросту бросил остатки своих войск на произвол судьбы. А случилось это роковое событие именно тогда, когда он достиг Сморгони. Взглянем скорее на современную карту Беларуси. Как мы видим, местечко Сморгонь находится примерно в 30 км от города Молодечно. И на всём этом промежутке были растянуты совершенно деморализованные войска великой армии, или то, что от них оставалось. Я понятно объясняю? Да? Вот и прекрасно.

Вы чувствуете, кстати, как сильно мы продвинулись в своём расследовании? Район поисков, если пока и не обозначен нами с точностью до километра, то уже достаточно сужен. Ай да генеральша, ай да... впрочем, что-то я явно не то пишу. Виноват, исправлюсь. Но пойдём дальше, время не ждёт.

Исходя из общепринятых соображений и изучения всех доступных на данный момент материалов, мы можем утверждать, что на всём длинном пути от города Красного, что на Смоленщине, и до Вильно, французы и преследующие их казаки в разных местах, особенно вблизи основных транспортных путей, закопали, утопили и разграбили 47 фургонов золотых и серебряных монет из так называемого «Первого золотого обоза». Некоторые исследователи считают, что каждый из них перевозил порядка 350—400 кг (и даже более) драгоценного груза. Соответственно и делают несколько скоропалительный вывод о том, что по всей длине этого пути закопано примерно 16 тонн монет из драгметаллов. Но у меня на сей счёт не столь оптимистичные прогнозы.

Дай-то бог, чтобы в земле до сих пор сохранилась хотя бы пятая часть некогда утраченного богатства. Но даже за такую скромную кучку многие из нас готовы совершать просто немыслимые подвиги. Ведь, правда же,

10—20 миллионов долларов на дороге не валяются! Ой, прямо каламбур какой-то получился. В действительности они (эти миллионы) валяются вовсе не на дороге, а где-то около неё. Вот там их нам и следует искать. И вот для успешного продвижения очередного поискового проекта нам сталось только сузить данную довольно длинную дорогу до совсем маленького отрезка. А для этого продолжим наши теоретические поиски.

Разумеется, наибольшее количество до сих пор не найденных сокровищ зарывали в лесах и оврагах, чтобы максимально затруднить их поиски преследователями, и, как правило, осуществлялись такие действия там, где разбивались бивуаки или случался особенно большой падёж лошадей. Обратимся вновь к воспоминаниям непосредственных участников тех событий. Казну и обоз с ранеными офицерами от реки Березины сопровождал офицер королевской гвардии Цезарь де Лотье. Он, к счастью, вёл дневник, и дневник этот сохранился. Прочитаем некоторые выдержки из него.

«28 ноября. Зембин. Из остатков итальянского войска император сформировал авангард, который должен был конвоировать КАССУ, а также раненых генералов и офицеров.

1 декабря. Илия. Французский авангард, состоящий из остатков корпусов Евгения Богарне и маршала Даву, прибывает в Илию.

2 декабря. Мы (итальянская гвардия) сделали мучительный 12-часовой переход (32 км), нигде не отдыхая, боясь быть обойдёнными, и в 11 часов утра 2 декабря приходим в Молодечно. Этот безумный переход довершил расстройство наших полков. Много способствовало этому и медлительность нашего движения, вызванная необходимостью эскортировать КАЗНУ и раненых генералов и офицеров. На полдороге у селения Селищи Евгений Богарне остановил колонну и написал императору, который был ещё позади, о том, что здесь происходит. А что здесь происходило? Дорога шла большей частью лесом, и вдоль всей дороги по её сторонам на всём протяжении громадного перехода горели бивуачные костры, и множество отставших солдат грелось возле них. Так как многие полки сведены на нет, то маршал Ней собрал знамёна этих полков и с офицерами послал их — к "молодой" гвардии, сопровождавшей императора. На последнем переходе у сельца Селищи Наполеон приказал сломать их навершия в виде орлов на знамёнах и закопать их».

Отметим про себя, что орлы те были золотыми, и было их примерно двадцать штук. Стоимость же каждого из них на данную минуту — никак не менее четверти миллиона долларов. Согласитесь, что отыскать сегодня такой

редкий трофей было бы весьма престижно и почётно. Но возвратимся скорее к дневнику де Лотье.

«3 декабря. Молодечно. Выполняя приказ императора, Евгений Богарне отправил по направлению к Вильно всю КАССУ (вернее будет сказать, всё, что от неё к тому времени осталось), *все экипажи с остатками московских трофеев, больных и раненых. Приблизительно в одной миле от Беницы на этот обоз, бандой казаков Ланского, состоявшей человек из 600, было сделано нападение».*

«Охрана обоза была слишком ничтожна, её едва хватило на то, чтобы прикрыть только одну часть всей вереницы (скорее всего, прикрывали только двигающиеся в голове колонны фургоны с КАЗНОЙ). *Казаки ворвались туда, где не было вооружённых солдат, но скоро были обращены в бегство и в тот день уже не появлялись».*

Ага. Что-то, кажется, начинает проясняться. Уж не это ли нападение, спланированное и организованное полковником Ланским, имела в виду наша разлюбезная генеральша? А что? Уж слишком много фактов сходится здесь буквально в одну точку. Тут и измождённый обоз, тянущий из последних сил фургоны с тяжеленной КАССОЙ. Тут и храбрецы итальянцы, и баденские гренадеры, грудью стоящие на его охране и защите. Тут и тот запомнившийся многим роковой момент, когда коалиционная армия уже начала рассыпаться, причём даже не на разрозненные подразделения, а просто на отдельных смертельно измученных людей, уже почти утративших веру в возможность спасения. Да тут ещё и случившееся грандиозное нападение казаков!

Стало быть, именно здесь, в этой самой точке, расположенной в промежутке между деревнями Беница и Марково, и произошло то знаменательное событие, о котором шла речь в самом начале главы. Скажем больше, участок поисков определён ещё более точно. Ведь написано же, что атаке казаков обоз подвергся в тот момент, когда находился от Беницы на расстоянии примерно одной сухопутной мили (1,6 км). Именно здесь перепуганная охрана спешно зарывала подведомственные ценности, не рассчитывая отстоять их в схватке с превосходящими силами противника.

Известно, что после отражения сокрушительной казацкой атаки перевозивший ценности обоз всё же сумел отойти в Беницу, где и заночевал. Это было 3-го, а 4 декабря туда же прибывает главная квартира императора, и Наполеон остаётся ночевать в имении графа Закаля. Авангард армии в ту ночь ночует в Марково, а в Молодечно остался арьергард под командовани-

ем маршалов Нея и Виктора. Это объединённое одним желанием — выжить, хаотически перемешавшееся скопище военных и гражданских людей, едва передохнув в жуткую и холодную ночь с 4 на 5 декабря, тоже начинает выдвигаться вслед за мчащимся к границе Наполеоном. Отставать нельзя, ибо отставших от основной массы войск ждёт только неминуемая смерть.

Вот что пишет в мемуарах граф Хохберг.

«В три часа утра 4 декабря мы двинулись к Молодечно, куда и прибыли к полудню, и неприятель нас не тревожил. В два часа после полудня неприятель атаковал дивизию Жирара. До самого вечера мы находились под сильной канонадой русских. Чтобы не вступать в бой, маршал Виктор велел нам выступать в полночь 5-го декабря. Мы шли по большой дороге из Минска в Сморгонь. Ночью мы нагнали главный штаб итальянского Вице-короля, который ещё не выступил дальше, и нам пришлось ждать на морозе, пока он не очистит квартиры. Затем нам сказали, что ещё не продвинулись фургоны с трофеями, взятыми из Москвы, как, например, крест с Ивана Великого и другие вещи из Кремля. И мы опять должны были ждать. Обиднее всего, что часть этих вещей всё равно погибла в непродолжительном по времени пути, а их остатки возле Вильно». (Бедные трофейщики и уцелевшие в свалке кассиры, видимо, никак не могли прийти в себя после атаки полка Ланского.)

Утром 5 декабря Наполеон с главной квартирой выступил из Беницы в местечко Сморгонь, куда и прибыли в два часа пополудни. Мороз в те дни доходил до 20 градусов. Туда же выступил обоз с казной и остатками московских трофеев. А русские в тот день заняли Молодечно и преследовали арьергард до деревни Марково. В тот день русские войска взяли в плен 2500 солдат и 30 офицеров и отбили у французов 24 орудия и 30 зарядных ящиков!

Вечером войска французского авангарда прибыли в Сморгонь, и там же остановился тот обоз, что вёз КАЗНУ всей армии. В 10 часов вечера Наполеон покинул армию и уже никаких приказов отдавать не мог. После Сморгони, начиная с 6 декабря, всякая дисциплина исчезла окончательно, и теперь каждый заботился только о сохранении своей жизни.

Как я уже писал ранее, до Вильно дошёл только один фургон с КАЗНОЙ из 48, вышедших из обугленной Москвы. По некоторым сведениям, в столицу современной Литвы втащился лишь небольшой обозик, с остатками захваченных в России трофеев. Большая же их часть была ранее отбита казаками либо захоронена до этого счастливого для уцелевших вояк момента.

Давайте теперь подведём некоторый итог нашим предварительным изысканиям. Начали мы с вами с невразумительной просьбы некоей малоизвест-

ной генеральши, а закончили тем, что с большой точностью установили то место, где 3 декабря 1812 года были закопаны как минимум 7 бочонков золотых наполеондоров. Но что-то подсказывает мне, что одними этими бочонками дело не обошлось. Угроза полного разгрома и пленения была слишком велика, и французы вкупе с итальянцами спешно прятали всё что ни попадя. Этим делом занимались все, кто на тот момент мог держать в руках лом или лопату. Возможно, что некоторую массу спрятанного в то момент имущества потом смогли вытащить обратно, но в том хаосе, который творился во время удалой казацкой атаки, о многом могли впоследствии просто не вспомнить или в пылу скоротечной битвы попросту затоптать место захоронения.

4 декабря

«4 декабря. Мы выходим в 9 часов утра на Молодечно, и в половине четвёртого останавливаемся в Виннице (ошибочное написание названия. Правильно пишется и произносится — Бениц) — *маленьком городке. Мы размещаемся в очень красивом барском доме, хорошо меблированном; есть там бильярд и мы на нём играем. Казаки захватили троих из моих лошадей и вещи. Из меховых* (вещей) *у меня остаётся лишь женская лисья шуба, служащая мне одеялом.*

Идёт снег; холод слишком силён для верховой езды. Целый день я шёл пешком в моих продырявленных сапогах. Солдаты больше не едят лошадей. Скот имеется в достаточном количестве; начинают выдавать провиант. В амбарах поместья мы находим муку, горох, картофель, крупу: всё это выдают гвардии и нашим людям».

Наполеон ночует в имении графа Закаля в местечке Бениц.

«Сегодня утром Наполеон приказал Виктору собрать всех отставших и затем присоединиться к другим солдатам. Авангард должен направиться в Марково, а Нею предписано ожидать здесь прибытия Виктора.

В 9 утра квартиру Наполеона перенесли в Бениц, а ночью (с 4 по 5-е) передовые части нашей армии и главная часть первого отряда двинутся в Сморгонь».

5 декабря

«В сей день французы потеряли: 24 орудия, 30 зарядных ящиков, брошенных на дороге до Марково, и 2500 человек пленных».

«В ночь с 5-е на 6-е из Молодечно выступил граф Хохберг с двумя батальонами общей численностью 400 человек. Этой же ночью они нагнали

главный штаб Вице-короля, который ещё не выступил дальше (из Беницы). Им сказали, что ещё не продвинулись фургоны с трофеями, взятыми из Москвы, как, например, крест с Ивана Великого и другие вещи из Кремля. Обиднее всего, что часть этих вещей всё равно погибла в непродолжительное время в пути, а их остаток около Вильно».

«5-го декабря. Выходим в 9 часов утра и в 2 часа приходим в Сморгонь. Мороз стоит, по крайней мере, 20 градусов. На этот раз весь путь я совершаю пешком. Моя конюшня состоит из 3-х кляч. Они мне не очень нужны; я предпочитаю идти пешком. Я очень рад, что помещаюсь в скверной крестьянской избе, где есть печь вместо камина; мы разделяем её с нашими людьми.

Император помещается в барском доме (князя Огинского). Перед отъездом (имеются в виду последние мгновения пребывания Наполеона в армии) император выдал каждому из своих адъютантов по 30 000 франков золотом и по 6000 каждому из офицеров-ординарцев. С собой он взял бочонок с монетами 50 000 франков».

Маленькое дополнение к последней фразе. Вот уж не везёт, так не везёт. Даже эти 50 000 были в спешке бегства забыты Наполеоном и его спутниками на очередной почтовой станции. Но это так, к слову. Вернёмся к деньгам, оставленным в войсках. 30 000 франков — это совсем немало — почти 15 кг золота! Стало быть, было из каких запасов раздавать такие щедрые подарки. Но столько получили простые адъютанты? Интересно бы выяснить, сколько было выдано на непредвиденные расходы маршалам и генералам?

Из этого факта делаем однозначный вывод о том, что именно с 5 декабря, и именно в Сморгони начался окончательный процесс децентрализации охраны и сопровождения войсковых КАСС. Ещё немного, и они вообще будут упразднены. Видимо, положение с лошадьми и дисциплиной в армии было просто критическое, несмотря на то, что снабжение войск продовольствием и фуражом несколько улучшилось.

Далее войска французской армии двигались по следующему маршруту: Сморгонь — Ошмяны — Медники — Вильно — Еве — Жижморы — Ковно. И на этом пути их по-прежнему ожидали поражения и потери.

«В 7 часов вечера 5-го декабря император уехал в своей дорожной карете, вместе с Коленкуром. На козлах сидел капитан польских гвардейских уланов Вансович, служивший ему переводчиком, и мамелюк Рустам. Генералы Мутон и Дюрок следовали за ним в санях. Они направились в Вильно, с

небольшим конвоем неаполитанского кавалерийского отряда под командой герцога Рока Романа».

Наполеон уже однажды испытывал горечь мучительного отступления. Тринадцать лет назад, вслед за блистательными победами в Египте и Сирии, он вынужден был возвращаться после неудачи под Сен-Жан д'Акром по выжженной солнцем страшной дороге сирийской пустыни. Всё повторялось. Тогда было только беспощадно палящее солнце и пески, теперь — холод и снег. Он помнил рождавший ужас пронзительный клекот огромных птиц, кружившихся над отступавшей армией. Теперь в его ушах не умолкал вороний грай, и, оглядываясь, он видел сотни чёрных птиц, кружившихся над растянувшейся длинной нестройной цепочкой армией в ожидании добычи. Всё повторялось.

Молча шагая в тяжёлой медвежьей шубе по промёрзшей земле, окружённой лесами, он, как тогда, тринадцать лет назад, уже приходил к мысли о том, что надо скорее бросать эту обречённую армию; надо не медля ни дня, ни часа уходить. Через два дня, после обнародования последнего 29-го бюллетеня о положении армии, оставив войска на Мюрата (как старшего по монархической иерархии), Наполеон умчался в Париж. В карете, затем в санях, затем снова на колёсах, он буквально летел, всё увеличивая скорость, без эскорта, без охраны, инкогнито, через Польшу, Пруссию, Саксонию... через всю Европу.

По свидетельствам его спутников и историков, то было путешествие на грани возможного. Опасность была действительно велика. Выезжая 5 декабря из Сморгони, Наполеон не знал, что в этот день Ошмяны, через которые он должен был проехать, были заняты отрядом Сеславина.

Его (Наполеона) спасло только то, что дивизия Луазона вытеснила Сеславина из Ошмян, но его отряд расположился бивуаком слева, в непосредственной близости от главной дороги. Под покровом темноты — уже было за полночь — экипаж Наполеона промчался незамеченным (а может быть, казаки просто поленились за ним гнаться, на ночь глядя). Но опасность попасть в руки русского отряда была вполне реальной.

Когда позже Наполеон проезжал через Дрезден, он даже не подозревал, что там была подготовлена группа, которая должна была захватить его при проезде через город. Быстрота, с которой он ехал, обеспечила успех рискованного путешествия. Ему удалось миновать беспрепятственно все расставленные западни.

«Генерал Нарбон послал за мной в моё помещение, чтобы объявить мне о своей миссии в Берлин. Велико было моё изумление, когда в дежурной комнате я узнал об отъезде Императора. Часть ночи (с 5 на 6-е) *я провёл в переписывании 29-го бюллетеня в подлиннике, поправленном рукою Его Величества. Любезный и остроумный секретарь кабинета Мунье мне передал его слова: "И очень сильно морозит" — написаны рукой Его Величества».*

5 декабря 1812 года мороз доходил до –25 градусов.

6 декабря

«Термометр показывает уже 24 градуса мороза. Как только уехал император, императорская гвардия совершенно небрежно стала относиться к своим обязанностям и совершенно перестала заботиться о тех, кто не был самим императором. Исчезло всё их мужество и терпение — сила, облегчавшая им дни великих испытаний. Вице-король устраивает в Ошмянах (современные Ашмяны) *свою главную квартиру в одной из церквей. Из его блестящего корпуса осталось каких-нибудь 500 или 600 человек».*

«В Жупранах, маленькой деревушке, стоящей на берегу реки, было несколько риг — деревянных сараев, крытых соломой. После отъезда императора полковники скручивали полотнища знамён и вручали их самым сильным гренадерам. Золотые орлы с древков снимали и прятали. Вопрос — куда их могли прятать, когда мороз достигал –27 градусов Цельсия. Закапывать или топить было сложновато, поскольку промёрзшая земля и толстый лёд на реке препятствовали этому. Относительно тепло было только в самих ригах, где собирались солдаты и где горели костры. Так что золотых орлов могли закапывать только там. Тем более что сами риги были перед уходом французов подожжены. Огонь ведь надёжно скрывает все следы...»

Весьма кстати будет сказать и несколько слов о знамёнах. В армии Наполеона числилось 265 полков пехоты кавалерии и артиллерии. И каждый полк имел своего золотого орла на знамени. От всего этого великолепия в России остался один-единственный орёл, который ныне хранится в Эрмитаже. Так что, господа поисковики, нам есть над чем ещё поработать.

7 декабря

«7 декабря. Ровно-Поле. Главная квартира Мюрата устроена была в Медниках. Тень Великой армии перешла через Ошмяны без всяких остановок и не получала даже раздач (продовольствия). *Вице-король, окружённый остатками своего войска, расположился в замке Ровно-Поле».*

«Я шёл между генералом Раппом и офицером ординарцем Гальцем. Последний предупредил меня, что у меня отморожена правая сторона лица; чтобы потереть лицо снегом, я снял мои огромные лисьи перчатки. Я следовал за Неаполитанским королём к домику, окружённому большими каменными стенами и носящему пышное название замка. Вместе с другими я вошёл в скверную комнатку».

8 декабря

«8 декабря. На рассвете, т.е. к 8 часам утра, пробили сбор во дворе короля. Принц Невшательский (Бертье) *который "потерял голову", вошёл в комнату, где мы* (30 человек) *завтракали, с криком, что мы бесчестим себя, потому, что заканчиваем кушать вместо того, чтобы идти во двор. Он предупредил, что уже пробили сбор, но мы не обратили на это большого внимания.*

Не пришлось собирать вместе батальон "старой" гвардии под ружьё; на его бивуаке остались мёртвые, а часовой замёрз стоя. Мороз не позволял солдатам держать ружья.

Штаб-квартира Мюрата была перенесена в Вильно. В 2 часа дня 8-го декабря я прибыл одним из первых в этот город. В воротах было большое скопление, а позднее проход сделался опасным. Мне показали помещение генерала Нарбона в доме губернатора».

«Рукойны. Мюрат и Бертье выступили сегодня (из Медников) *в 11 часов утра в Вильно. Мы встали бивуаком в Рукойнах, где уцелели лишь несколько разрушенных хижин, и где кругом всё было завалено трупами. Виктор ввёл в Медники остатки дивизии Луазано и неаполитанской кавалерии и соединил свой отряд с солдатами Нея.*

Когда мы выступили из Рукойн, нам на пути попадались баварские войска, в беспорядке возвращавшиеся из Неменчина. Целых десять часов подряд в сильнейший мороз 28 градусов тысячи толпились у ворот Вильно.

Трупы неаполитанских велитов, которых всегда можно распознать по их богатым совершенно новым одеждам, показывали нам, что здесь проехал Император».

«Как описать ужас жителей Вильны, всё время хранивших у себя в городе все наши вещи, наших раненых и больных, наш провиант и шесть миллионов денег».

Отметим про себя этот отрадный факт. Как минимум 300 000 золотых двадцатифранковых монет армия всё ещё транспортировала, несмотря на все

ужасающие потери в личном составе и лошадях, лютый холод и мор. По весу это составляло примерно 2800 кг.

9 декабря

«9 декабря. В Вильно я прибыл 8-го декабря в 2 часа дня и остановился в доме губернатора. Слышится канонада: в 5 часов вечера пробили сбор. Батальонный командир Дарнуль предупредил короля Неаполитанского (Мюрата), *что офицер сторожевого поста возвестил о приближении казаков.*

Его величество Мюрат, проявивший в эту кампанию невероятную храбрость, на этот раз потерял голову, подобно маршалу Бертье. Король Мюрат спасся бегством, самолично таща за повод свою лошадь; я встретил его и маршала Бертье, когда они пешком проводили свой план в действие.

Полковник Бонгар, адъютант начальника штаба, — хороший товарищ, на мой вопрос, куда они так быстро идут, прокричал нам: "На лошадей! Больше мне нечего сказать!"

Будучи мало расположен так скоро ехать верхом, я пустился на разведку и узнал, что это внезапное отступление было вызвано приближением нескольких казаков с пушкой.

Генерал Нарбон согласился отправиться вместе с генералом Себастиани; эскорт последнего состоял из всех конных офицеров кавалерии. В 11 вечера генерал Себастиани уведомил нас, что он отправляется; не знаю, как это вышло, но мы не могли к нему присоединиться. Генерал Нарбон и я (сам Кастеллан) *шли пешком, за нами следовали наши лошади.*

При выходе из города (ночью) *была большая сумятица; мы остановились в штаб-квартире Неаполитанского короля в 2-х км от городских ворот. В Вильно осталось большое число больных солдат, их число доходило до 20 000 человек».*

«Придя в Вильно, мы узнали, наконец, что предназначенной для итальянского войска квартирой был монастырь Святого Рафаила за Вильно. Король Мюрат устроил свою главную квартиру в одном из кафе, находившемся по дороге в Ковно, на расстоянии ружейного выстрела от ворот города. В 11 часов вечера все было спокойно, и Вице-король поехал к Мюрату».

«Русские заняли Вильно утром 11-го декабря».

И вот именно здесь, вблизи современного Вильнюса, французов ожидало самое ужасное приключение за всё их двухмесячное путешествие. И приклю-

чение это было вызвано самыми что ни на есть естественными, вернее будет сказать, географическими, причинами.

10 декабря

10 декабря. Эве. В четыре часа Мюрат выступает, и все войска идут по Ковельской дороге. Императорская гвардия уменьшилась теперь приблизительно до 800 человек. Баварский отряд и дивизия Луазана, к которым присоединилось всё депо, составили авангард под начальством Нея. Весь отряд этот состоял, в общем, из 2300 человек пехоты и 200 человек кавалерии, так что Великая армия едва доходила до 5000 вооружённых человек, не считая поляков и кавалерии, отправившихся к Олите.

Мюрат и Бертье ехали в карете. Вице-король, Даву, Лефевр, Мортье и Бессьер с остатками своих штабов следовали пешком или верхом.

В 2-х милях от Вильно, по дороге в Ковно, стоит Понарская гора. Глубокий снег и ледяная кора делали гору неприступной, взобраться туда было невозможно. Если взять влево, то между Вильно и Понарской горой шла дорога на Новые Траки. Эта дорога идёт по равнине и по ней, через Траки, Эве и Жижморы, можно было попасть на Большую дорогу из Вильно в Ковно.

Все фуры, пушки, багаж, все вывезенные из Москвы и всё ещё остававшиеся трофеи, наконец, экипажи самого императора и вывезенная из Вильно казна, всё это сбилось и перепуталось. Пришлось всё бросить.

Ней дал приказ полковнику Тюрейну открыть все ящики с КАЗНОЙ и разделить деньги между всеми, кто только захочет. Французы и казаки сообща грабили из ящиков казну — шесть миллионов золотом и серебром. Только ночь положила конец всей этой невыразимой суматохе».

«В штаб-квартире короля (Мюрата) *в 2-х км от Вильно в час ночи нас догнали наши сани. В первые сели генерал Нарбон и Шабо, во вторые сани сел я с Эйяром, в третьи сани лакей и повар. Поехали, но сани отбились друг от друга среди ночной темноты. При приближении к подъёму Понарской горы произошло большое нагромождение пушек, фургонов, повозок, которые не могли добраться до вершины.*

Холод был чрезвычайный; гора была покрыта кострами, разложенными проводниками, которые видели невозможность движения вперёд, благодаря крутизне и обледенелости тропинки. (Высота горы — примерно 250 метров.)

Драгун, который следовал за мной с моим чемоданом, потерял меня, так я его больше и не видел. Вся оставшаяся ночь прошла у меня в том, что я

старался продвинуть вперёд мои сани; мне удалось, несмотря на пушки и фургоны, проехать три четверти горы Понаряй. На рассвете, раздраженный невозможностью дальнейшего движения, я решил бросить сани и идти пешком.

При этом несчастном подъёме мы оставили все пушки и большое количество багажа и повозок. Наши собственные солдаты разграбили часть армейской казны при появлении казаков; одно время даже работали с ними в полном согласии. Ночью многие офицеры и союзники предлагали мне купить награбленные вещи: серебряные чаши, приборы столовые и прочее. Наши солдаты охотно давали 100, даже 300 франков серебром за один наполеондор золотом. (Видимо, и денег, и массивных серебряных изделий на руках было столько, что унести с собой всё награбленное было делом совершенно нереальным.)

Главный штаб был перенесён за 44 км от Вильно в Эве; я прибыл туда в 5 часов вечера, очень утомлённый, в лихорадке от боли в моей отмороженной правой руке. Я умирал от голода, так как не ел ничего в течение 24-х часов; у меня дрожали ноги, и я падал.

По дороге (к Эве) *я встретил Шабо; он сообщил мне, что ночью он потерял генерала Нарбона. Мы очень о нём беспокоились, так как его всё ещё не было. Генерал Куриаль уверял нас, будто он видел его шедшим пешком, позади: это меня мало успокаивало, я знал, что Вильно эвакуирован утром* (10 декабря) *и что в 10 утра казаки были на* (Понарской) *горе с пушкой!»*

Вам не кажется, что эта пресловутая пушка просто навязла на зубах? Создаётся такое впечатление, что всю французскую армию гнала сотня казаков с одной-единственной пушкой, прикрученной вожжами к обычным зимним розвальням. Но это так, к слову…

«Я превратился в настоящего Иоанна Крестителя в детстве: мои последние вещи остались в санях Эйара. Этот верный слуга попал в плен с отмороженными руками и ногами. Я считал его погибшим. Он был отправлен в Витебск, где сделался парикмахером. Из русского плена он возвратился в 1814 году во Францию с тремя франками в кармане, таким образом, он не без успеха занялся ремеслом.

В этом походе я потерял 17 лошадей. В Эве нам было очень плохо в помещении вроде хижины. Меня так притиснули, что целую ночь я вынужден был держать поднятой мою больную руку. Я дал золотой за связку соломы

императорскому конюху. Я разделил её с Шабо и двумя другими товарищами. Поужинали мы очень плохо — крошечным куском хлеба, наполовину из отрубей, и небольшим кусочком мяса; не было даже воды. Сани, брошенные генералом Нарбоном (у горы), *подъехали в 11 часов вечера. Конюх, который ими правил, отморозил себе нос и ноги. Трупы замёрзших солдат продолжают усеивать дорогу.*

В 4 часа Мюрат выступает, и все войска идут по Ковенской дороге. Императорская гвардия уменьшилась теперь приблизительно до 800 человек. Баварский отряд и дивизия Луазона, к которым присоединилось всё депо, составили арьергард, под начальством Нея. Весь отряд этот состоял, в общем, из 2300 человек пехоты и 200 кавалерии, так что Великая армия едва доходила до 5000 вооружённых человек, не считая поляков и кавалерии, отправившейся к Олите. Мюрат и Бертье ехали в карете. Вице-король, Даву, Лефевр, Мортье и Бессьер, с остатками своих штабов, следовали пешком или верхом».

11 декабря

«11 декабря 1812 года. Король без свиты отправился прямо в Ковно; в момент его отъезда прибыл арьергард дивизии Луазона, сведённой к 600 человек; за три дня перед этим в Вильно она насчитывала 6000 человек. У этой дивизии не осталось ни одной пушки. 113-й линейный полк — часть её, — состоящий из флорентийцев, поразил меня в этом городе своей выправкой и щёгольской одеждой. Я разговорился с сержантом этого полка, удивляясь, каким образом такой многочисленный отряд так быстро растаял. Он мне ответил: "Это очень просто, мы умираем от холода и голода. В нас посылают ядра, мы же не можем отвечать неприятелю тем же, ничего не оставалось, как следовать примеру тех, которые в таком беспорядке прибыли из Москвы".

Этот сержант был в числе тех приблизительно 120 солдат полка, которые до этого дня ещё оставались под знамёнами. Арьергард остановился в Эве; я оставался там же до 10 часов утра, надеясь встретить моего генерала. Всё время не переставала дефилировать толпа отбившихся от армии солдат, оставшихся позади. Старая императорская гвардия, насчитывавшая в момент отъезда императора (5 декабря) *до 1400 человек, теперь вряд ли имела под ружьём больше 800 человек.*

Я и Шабо приютились в санях генерала вместе с его поваром, единственным из наших служителей, у которого не было ничего отморожено. Наше

беспокойство об участи генерала Нарбона возрастает в течение дня. Среди жестоких страданий, доставляемых мне моей рукой, я не мог не твердить себе: "Перед нами зрелище величайших ужасов, ничего подобного потомки больше не увидят".

Проехав едва 8 вёрст, мы услышали казацкую пушку, обстреливающую наш арьергард. Мы остановились в штабе генерала Себастьяни и с восторгом нашли там генерала Нарбона!»

Оставим теперь на время милейшего адъютанта Кастеллана, наконец-то отыскавшего в суматохе повального бегства своего непосредственного начальника, и поблагодарим его напоследок за неоценимую помощь, оказанную нам в поисках истины.

14 декабря

«Полковник Кайсаров захватил экипаж государственного секретаря, графа Дарю, в коем было найдены всевозможные документы, упакованные в двух тюках».

Интересно, что эти бумаги были отправлены не куда-нибудь ещё, а прямиком в С.-Петербург, Александру I. Но ни одного приказа об уничтожении (сокрытии) каких-либо ценностей среди них не нашли. Почему? Ведь мы с вами буквально по дням и часам установили, когда и где были спрятаны весьма солидные ценности. А просто так, по стечению обстоятельств, их не прятали, поскольку всё в армии (в том числе и французской) осуществлялось и осуществляется только по приказу. Следовательно, все документы, связанные с захоронением вывезенных из Москвы трофеев, были преднамеренно уничтожены. Кем? Когда? Зачем?

Да тем же самым Дарю они и были уничтожены. Неоднократно участниками похода отмечалось, что государственный секретарь несколько раз сжигал какую-то документацию, организуя кострища на привалах от Гжатска до Толочина (то есть до того места, где был издан приказ об уничтожении «2-го золотого обоза»). Кроме того, самим императором в Орше было сожжено большое количество документов, и даже одежды. В Толочине ритуал сожжения повторился. Как говорит народная мудрость, «что-то скрывают только тогда, когда есть что скрывать». Значит, было что скрывать похитителям, было какие следы заметать. Это я пишу для тех, кто не верит в то, что наполеоновские клады существовали вообще, хотя я надеюсь на то, что после прочтения моей книги число таких скептиков поубавится.

Давайте теперь абстрагируемся от событий, происходивших в середине декабря 1812 года, и (мысленно) переместимся в город Вильно примерно на сто лет вперёд. Выяснилось, что в марте 1910 года в этом городе был утверждён кружок ревнителей памяти старины 1812 года, а в апреле того же года была произведена разведка всех операционных путей нашей и французской армий во время Отечественной войны 1812 года. И это, казалось бы, самое невинное дело привело к открытию ещё одного нешуточного клада, связанного с нашествием Наполеона. Об этом сокровище я расскажу вам в главе:

Сокровища Рундале

Для удобства военной разведки территория Виленского военного округа была разбита на 34 участка, на которых работало 42 офицера. Офицеры эти собрали обширный материал, заключающийся в 34 журналах работ со всевозможными приложениями: рисунками, планами. Старожилы исследуемых мест, со слов своих отцов, сообщили офицерам очень много интересных и ценных преданий о 1812 годе. Один из офицеров, капитан В. Жамов, приехав в замок Руэнталь (Рундале), был любезно встречен управляющим имением графа Шувалова господином Дубинским. Жамов осмотрел замок, парк и имел беседу с управляющим. По словам последнего, лет двадцать тому назад приезжали в Рундальский замок прусские офицеры и раскапывали то место, где предположительно была зарыта прусская военная касса. Но ничего найдено не было. Возможно, они копали не в том месте.

Капитан Жамов хотел осмотреть весь замок, но это было невозможно, поскольку шли приготовления к приезду хозяев, собирающихся на дачу. В парке, возле замка, была сложена куча ядер, оставленных здесь прусскими артиллеристами при отступлении. Нижние ряды составляли 24-фунтовые ядра, а верхние ряды — 16-фунтовые.

История появления прусских офицеров в 1890 году в Рундальском замке связана с тем, что в эти годы прусский Генеральный штаб начал разбирать архивы 10-го корпуса маршала Макдональда. Был разобран архив прусских генералов Йорка, Клейста и Массенбаха, которые командовали прусскими войсками осенью 1812 года. В те же годы (1890—1895) прусский Генеральный штаб собирал при помощи местных священников сведения о памятниках кампании 1812 года в окрестностях Риги, Баусака и Елгавы. Пасторы костёлов послали в

Германию точные выписки из церковных книг и записи своих предшественников о различных эпизодах той войны, вызвавших у них удивление.

Прусские офицеры приехали в замок, имея на руках документы, в которых указывалось место, где была зарыта воинская касса. Казна прусского корпуса была рассчитана на 18 000 человек. В ней концентрировалось жалованье офицерам, солдатам, деньги на содержание лошадей и другие воинские нужды. Казна была в золотых и серебряных монетах, дукатах и гульденах. Если даже предположить, что на одного человека приходилось всего по десять монет, и то общий вес прусской казны составлял как минимум 2 тонны.

Кроме того, там же могли находиться и ценные вещи, что были собраны со всей Курляндии. По приказу Наполеона со всех местных дворян и помещиков было отобрано в казну золотых и серебряных вещей на 2 000 000 рублей. (Золотых рублей, заметьте, царских!) Для перевозки всего этого богатства потребовалось бы не менее пятнадцати повозок. К тому же везти ценности пришлось бы по обледенелой дороге, подвергая риску разграбления со стороны казаков или французов, что было крайне опасно и просто неразумно. Следовательно, казну запросто могли зарыть по приказу одного из генералов корпуса: Йорка, Клейста или Массенбаха.

Закапывали ценности сразу после получения приказа об отступлении, т.е. 18—20 декабря 1812 года. Мороз в те дни достигал 18—20 градусов, в парке лежал глубокий снег, земля была промерзлена минимум на метр, и солдатам было весьма непросто вырыть яму.

Маршал Макдональд получил от Мюрата приказ отступать только 18 декабря. В этот же день он выслал все свои обозы по дорогам, ведущим в Тильзит и Мемель. Свой корпус он разделил на 4 колонны. В двух первых, выступивших с Макдональдом 19 декабря, были французы, поляки и прусаки под командованием Массенбаха. В последних двух находились одни прусаки, ведомые Йорком. Они выступили 20-го из Митавы.

Небольшая справка о самом дворце. Он находится в семи с половиной километров к западу от города Баусска. Здание дворца строил архитектор Ф.Б. Растрелли в течение 30 лет (1736—1767). Дворец строили по приказу герцога Эрнста Иоханна Бирона. Отобранный в казну после ссылки опального герцога, дворец был подарен Екатериной II графу Зубову, а от него перешёл графу Шувалову.

Территория дворца обнесена рвом глубиной до 5 метров и шириной до 10 метров. Через ров были перекинуты три моста. За дворцом был располо-

жен обширный парк. От него сохранилось лишь несколько старых деревьев. От торца восточной и западной стен дворца сохранился каменный забор, в котором имеются калитки и ворота для въезда в парк.

А во время Отечественной войны в Рундальском замке был расположен большой госпиталь, и когда поступила команда на отход, то оказалось, что на всех раненых и обмороженных просто не хватает транспорта. Это, кстати, могло быть ещё одной причиной, по которой ценности решили схоронить до поры до времени.

21 декабря госпиталь был вывезен из Рундальского замка, после чего его присоединили к колонне, возглавляемой генералом Массенбахом. Разумеется, что и вся документация госпиталя тоже попала к нему. Фридрих Массенбах умер в 1819 году. Но, поскольку архивы 10-го корпуса начали разбирать только в 1890-м, то только тогда и обнаружили среди бумаг и документ о захоронении казны корпуса.

Сам Массенбах во время общего отступления выступил из местечка Штальгене, имея под своим командованием шесть пехотных батальонов и три кавалерийских эскадрона. Здесь же двигался и главный штаб во главе с Макдональдом. Эта колонна на следующий день, т.е. 19 декабря, прибыла в местечко Зеге-Платон. Они, так же как и колонна генерала Йорка, в Рундальский замок не заходили, и увезти казну с собой не могли.

Русские же войска, в составе 7000 человек пехоты и 1200 кавалерии, выступили 20 декабря из Риги и проследовали к Экау на Баусак, куда и прибыли не ранее вечера 21 декабря. Но мы ведь уже знаем, что к этому времени госпиталь в Руэнтале был полностью эвакуирован и уже на марше соединился с войсками Массенбаха. Значит, действительно, кроме имевших минимальные транспортные возможности докторов, заниматься транспортированием ценностей было просто некому. Те же, испытывая острый недостаток повозок даже для раненых, и к тому же не имея вооружённого прикрытия, не рискнули везти их с собой.

Да, но если клад был действительно организован на территории Рундальского дворца, то что же помешало отыскать спрятанное в 1890 году? Ведь педантичные немцы наверняка составили точный план с указанием всех примет, глубин и расстояний. Хотя, весьма возможно, что и этот план был «слепой». А поскольку захоронением занимались малознакомые с таким видом деятельности люди, то они вполне могли пропустить какую-нибудь небольшую, но крайне важную деталь. Ведь когда прячешь что-либо, то делаешь это в хорошо знакомой для себя местности. Для тебя некоторые вещи разумеют-

ся «само собой». Но вот когда посторонним людям приходится искать то, что спрятано вами, то это «само собой», увы, отсутствует, и поиски почти всегда упираются в тупик. К тому же на плане могли стоять условные знаки, которые были понятны только тому, кто его составлял.

Кроме того, могло случиться так, что секретный план был передан генералу Массенбаху в самый неподходящий момент, в момент присоединения к его колонне подвижного госпиталя. И тот, без того обременённый множеством забот, тут же отправил его штабным писарям в архив, даже не распечатывая: «Подумаешь, какой там может быть важный документ из какого-то госпиталя!»

Вот и всё, и лёг секретный пакет в стопку из сотен прочих приказов, отчётов, рапортов и деловых записок, и лежал там чуть ли не 80 лет. Впрочем, что нам гадать. Гораздо важнее выяснить, где же именно хранится несметное сокровище. Раскрыть данную тайну очень интересно, поскольку даже минимальная стоимость спрятанного имущества и монет может достигать 20 000 000 $!

У меня, конечно же, есть ряд обоснованных соображений на эту тему. Но поскольку Рундальский дворец находится теперь на территории Латвии, а не России, публиковать их я считаю совершенно излишним.

* * *

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Собственно говоря, на этом месте можно было бы закончить повествование о бесславном походе Великой армии Наполеона на Россию и о тех бессчётных сокровищах, что были утеряны ею при двухмесячном отступлении. Но это было бы неправильно. Неправильно потому, что кроме всего вышеперечисленного сведения об отдельных и совсем немаленьких кладах начали поступать к первым исследователям данной темы почти сразу после окончания Первой Отечественной войны. И поисками данных кладов зачастую занимались высшие чины Российского государства. Примеры? Пожалуйста. Изложу их в особой части моего повествования, которую назову:

Искатели призрачного счастья

На протяжении всей первой части моей книги я рассказывал вам об обстоятельствах заложения большого количества кладов. Немного осветил и действия современных кладоискателей. Пришла пора поведать о том, как обстояли дела на кладоискательском фронте раньше. Искали ли наши деды и прадеды имущество и ценности, спрятанные наполеоновской армией? Можете даже не сомневаться. Искали! Ещё как искали-то! И не какие-то там крепостные крестьяне или мелкопоместные помещики, но и весьма высокопоставленные чиновники, направляемые на поиски самим российским императором!

В архивах сохранилось несколько интересных примеров официальных сообщений, и даже описания целых поисковых экспедиций, напрямую связанных с довольно крупными и ценными кладами. К сожалению, значительное их количество не привязано к конкретной местности. Во время изучения архивов Министерства иностранных дел в 1966 году были найдены некоторые материалы, относящиеся к войне 1812 года. Документы представляют собой письма и донесения с грифом «Секретно» и касаются ценностей, спрятанных отступающими коалиционными войсками в различных местах европейской части страны, Литвы и Польши.

Всего было найдено восемь таких документов, вернее будет сказать, официальных дел. Они датированы 1815, 1821, 1826, 1835 и 1875 годами. Первый документ датирован 21 октября 1815 года. В нём президент прусской королевской юридической комиссии, бывший премьер-министр Пруссии Энгельгардт писал из Эрфурта кайзеру Вильгельму о тайне одного из таких кладов.

«В марте 1813 года у него жили два французских офицера, возвращавшихся из России. Один из них рассказал, что в городе Ковно (совр. Каунас), зайдя в одну из городских церквей, увидел нескольких солдат, вскрывающих плиты пола. На вопрос — "Что они здесь делают?", солдаты отвечали, что прячут ящик с монетами на 800 000 франков, который не в состоянии тащить дальше. При этом офицер уточнил, что церковь находится в Виленском предместье города Ковно, недалеко от старого замка».

Давайте для начала оценим с вами примерную стоимость данного захоронения. Золотые наполеондоры были номиналом в 20 франков. Следовательно, в том ящике находилось как минимум 40 000 монет. Если учесть, что каждая такая монета весила 9,451 г, то общий вес ящика, который тащили солдаты, был равен 378 кг. Да-а-а, это неслабый вес! Этот клад очень солидный! Такого монстра наверняка тащило как минимум четверо, а то и шестеро, да и то с перенапряжением всех сил. Значит, стоимость этого кладика на данный момент может равняться как минимум четырём миллионам долларов!

Был ли найден данный клад? Неизвестно. Во всяком случае, документов на эту тему не сохранилось. Ведь церковь, где французские канониры прятали ящик с золотом, находилась на территории России. Кайзеру Вильгельму (чтобы его отыскать) пришлось бы писать письмо в Петербург в государственные органы, которые тоже развели бы вокруг этого дела огромную бумажную волокиту. Наверняка завязалась бы и обширная переписка по этому поводу на межгосударственном уровне. Но ничего подобного не произошло. Скорее всего, Вильгельм, прочитав это письмо, просто принял его к сведению и не стал затевать дальнейших разбирательств. Ну что ж, он вполне мог себе это позволить. Поэтому тяжеленный ящик вполне может дожидаться своего открывателя и по сию пору.

Далее. В 1826 году в российский МИД обратился с заявлением эльзасский житель Жан Пти, уроженец города Штайге, который утверждал, что ему известно о том, что в окрестностях города Вильно (современный Вильнюс) спрятан крупный клад. Депеша была направлена тайному советнику графу К.В. Нессельроде. В письме говорилось, что Жан Пти может указать также русскому правительству и другие тайники с ценностями, заложенные осенью

и зимой 1812 года в дуплах деревьев и пещерах. Но правительственные чиновники потребовали от заявителя указания более точных ориентиров тех мест, где, по его мнению, залегали ценности. Объяснялось это тем, что чиновники были раздражены тем, что многочисленные просители, рвущиеся в Россию для отыскания ещё более многочисленных кладов, в конечном счёте так ничего и не находили. Из министерства откровенно давали понять, что не верят, что очередная попытка окажется более удачной. Поняв это, Жан Пти дальнейшие хлопоты прекратил.

Мне почему-то представляется, что хлопоты наш заявитель прекратил по той причине, что и сам не знал о точном местонахождении кладов. Вероятно, что он просто тесно общался с вернувшимися из России земляками, и те за кружкой пива поведали ему о своих мытарствах и умопомрачительных ценностях, которые были вынуждены оставить на заснеженных русских равнинах и в густых лесах. Вы, кстати, заметили, что в ответе из МИДа говорилось о том, что поисков было много, но отыскать ничего не удалось? Так что весьма возможно, что клад, спрятанный в ковенской церкви, тоже не был обнаружен.

* * *

Теперь я хочу рассказать ещё об одном безуспешном послевоенном поиске. Речь в нём пойдёт в главе:

Клад баденского солдата

Надо сразу же заметить, что иноземных визитёров, рассказывающих устно и описывающих письменно примерно одни и те же кладоискательские истории, было немало. Что удивительно, значительное их количество составляли не сами участники Великого похода, а их дети, племянники или даже зятья. Не имея даже понятия о том, как трудно что-то отыскать на необъятных российских просторах, они рвались туда, откуда едва вырвались их пожилые родственники, в надежде на быстрое обогащение. Мне известна лишь одна достоверная история, когда спрятанный в земле клад был благополучно найден родственниками тех, кто его некогда и прятал. Эта история описана мной в главе «Касса маршала Жюно». Впрочем, повторяться я не намерен, и поэтому давайте продолжим обзор дошедших до нашего времени исторических документов и рассмотрим новую историю некоего баденского солдата.

Суть документа под номером 4 была такова. В декабре 1835 года один баварец испрашивал высочайшего разрешения на прибытие в Гродненскую губернию для отыскания нескольких бочек с золотом, зарытых в 1813 году участниками похода на Россию. Баварец этот был прикомандирован к двум французским казначеям в качестве смотрителя за войсковой амуницией. Он утверждал, что сии казначеи, опасаясь, что будут преследуемы и непременно настигнуты, взяты в плен и лишены остальной их казны, зарыли в одном месте Гродненской губернии, где они уже несколько дней находились, все деньги в пяти бочках.

Бочонки с деньгами зарывали в его присутствии, и он хорошо запомнил местные приметы. Несколько лет назад, в 1831 году, он вновь побывал в России, узнал то место, где были зарыты деньги, и убедился в том, что оные деньги не могут без соизволения правительства быть вырыты и изъяты, и он может опять найти то место.

Всё это он сообщил своему другу — тоже баварцу Георгу Йозефу Михелю, который и начал вести юридические хлопоты. Им было написано письмо на высочайшее имя, т.е. российскому императору, минуя свои местные власти, из-за чего разгорелся спор. В конце концов баварцу было в его просьбе отказано. Мало того, у него появился опасный конкурент, так как слухи об этом кладе взбудоражили весь город. Звали конкурента Де Бре. После долгих козней именно этому Де Бре удалось получить разрешение на въезд в Россию. Однако с чем он вернулся обратно в Германию, неизвестно. В ходе разбирательства удалось выяснить лишь то, что несчастные казначеи, закопавшие бочонки с монетами, впоследствии были убиты в сражении, произошедшем между Шпренбергом и Финстервальдом.

В данном случае весьма непросто установить, где же конкретно казначеи закопали изрядный куш в конвертируемых кружочках жёлтого цвета. Единственной путеводной ниточкой для нас может служить лишь тот неоспоримый факт, что наполеоновская армия появлялась и продвигалась только на самом севере Гродненской области. Она, как вы, наверное, помните, проследовала от Молодечно на Ашмяны и далее на Вильно, перейдя границу Минской и Гродненской областей несколько западнее местечка Беница. И вот именно здесь нас ожидает один сюрприз. Нет, сюрприз этот никак не связан с самой деревенькой Беница. Отнюдь. Сюрприз состоит в том, что именно здесь, на перегоне Марково — Беница, с основной колонной сводного обоза едва не произошла большая беда. Что это была за беда, вы уже знаете из вышеизложенного материала, посвящённого нападению казаков Ланского на повозки

«Первого золотого обоза», поэтому хочу обратить ваше внимание на то, что некоторые обстоятельства данного дела во многом перекликаются с делом генеральши П.Д. Киселёвой. Так что моя догадка насчёт того, что именно на этом перегоне много чего позарыто, вполне подтверждается.

* * *

Я уже как-то писал о том, что после окончания войны 1812 года в различные российские посольства и ведомства стали обращаться всевозможные участники тех событий, а также люди, имевшие к той войне весьма и весьма косвенное отношение. Впрочем, их интересовало вовсе не желание ещё раз пройтись по местам былых боёв и отдать долг памяти павшим боевым товарищам. Все они, без исключения, намеревались отыскать и изъять зарытые на территории России ценности, которые по тем или иным обстоятельствам были вынуждены бросить. Некоторые получали такие разрешения и действительно отыскивали спрятанное. Другие же действовали менее результативно. Третьи же вообще были лишены такой возможности, поскольку не имели для дальней поездки ни сил, ни достаточного количества средств. Тогда они действовали иным образом, стараясь привлечь для поисков российских чиновников, надеясь получить вознаграждение за предоставленную информацию.

В июне 1875 года в одно из посольств Российской империи поступила информация следующего содержания. Одна одинокая дама сообщала в письме о том, что имеет сведения о зарытом неподалёку от города Белостока кладе. (Напомню, что ныне польский город Белосток в то время находился на территории России.) Суть её сообщения была такова.

Приятель её отца должен был доставить в Белосток семь бочек с ценностями. Подъезжая ночью к городу, он неожиданно услышал далёкий стук копыт и вообразил, что это погоня, и погоня именно за ним. Опасаясь за судьбу груза и за свою собственную жизнь, он решил закопать ценности и свернул в сторону. Место для устройства захоронения показалось ему весьма подходящим. Неподалёку стояли водяная мельница и плотина с высокими тополями. Спрыгнув с повозки, возница подбежал ближе к водоотводному каналу. Шум от падения воды заглушал все остальные звуки, и, ободрённый этим обстоятельством, он принялся энергично копать яму для своего груза. Выкопав яму в три фута (примерно в метр глубиной), он скатил в неё бочонки и, присыпав их землёй, торопливо притоптал рыхлую землю. Оглядев напоследок прилегающую местность, возница хлестнул лошадей и помчался дальше, в родную Францию.

Прошли долгие десятилетия, и только 5 июля 1875 года материалы по данному кладу были направлены управляющему Министерством внутренних дел князю Лобанову-Ростовскому. Однако сведений насчёт того, был ли найден тот семибочечный клад или нет, в архиве не обнаружено. Вполне возможно, что его и не искали вообще. Многократные неудачи с поисками подобных захоронений научили чиновников МИДа и МВД относиться к сообщениям подобного рода с известной долей настороженности.

Откуда же взялся этот весьма ценный груз? Всё-таки согласитесь, что Белосток весьма и весьма далек от тех мест, где всё ещё велись боевые действия. Однако, если посмотреть на старые карты и изучить обстановку, сложившуюся на середину декабря 1812 года, то легко понять, каким образом ценности могли оказаться в этом районе. Вы ведь помните, что творилось в окрестностях Вильно (совр. Вильнюс) в первой декаде декабря? Разложение Великой армии дошло практически до крайнего предела. Собственно говоря, как воинская сила армия Наполеона уже перестала существовать. Её на произвол судьбы покинул не только император, но и командиры более низкого звания были объяты животным ужасом, заставлявшим их искать только личного спасения. Да тут ещё и события в районе Понарской горы…

Вполне могли сложиться такие обстоятельства, при которых какой-нибудь возница, транспортирующий фургон с воинской КАССОЙ, оставшись в одиночестве на обледенелой, покрытой трупами равнине, тоже мог легко поддаться панике, да и рвануть куда глаза глядят. Впрочем, глазам его было куда глядеть. От Вильно, через Гродно и далее на Белосток, шла вполне приличная дорога, по которой, хотя и кружным путём, но вполне можно было достигнуть вожделенной Франции. Протяжённость трассы (до Белостока) была примерно равна 280 километрам, и при стечении ряда благоприятных обстоятельств, смышлёный возница вполне мог добраться до Белостока за 5—6 суток, даже двигаясь исключительно по ночам. И понятно, что привыкший к тому, что за бегущими французами постоянно гонятся казаки, одинокий (но теперь очень богатый) кассир любой подозрительный шум воспринимал не иначе, как шум погони.

Так что и в самом деле такая необычайная история вполне могла иметь место. Ведь я неоднократно указывал на то, что в районе Вильно отступающая армия всё ещё располагала вполне приличными средствами в конвертируемой валюте. Пусть некоторая часть из тех ценностей погибла безвозвратно (была разграблена), но гораздо большее количество всё же было спасено и далее проследовало врассыпную. Ведь вспомните, и в Ковно (Каунас) в церк-

ви были спрятаны значительные ценности, и в других местах их тоже прятали. Почему бы некоторой части из них не оказаться и под Белостоком? Ведь на самом деле, что такое семь бочонков? Груз, вполне посильный и одному человеку. Вес одной такой бочечки мог колебаться от 30 до 60 кг. Размер — небольшой. Сбросить их с повозки и скатить вниз по косогору — особых сил и сноровки не нужно. Получается так, что у «старой» мельничной плотины могло быть закопано от 210 до 420 килограммов серебра, золота, или того и другого вместе.

Неплохая добыча, согласитесь, и можно было бы прямо сейчас ехать и выкапывать её, да вот всё та же незадача. Белосток ныне не имеет к России ни малейшего отношения. Так что, соответственно, в моей книге не будет дано никаких уточняющих указаний по поводу того, где же конкретно лежит как минимум 2 000 000 $ в драгоценных металлах.

* * *

Наверняка имеются и такие клады, о которых мы даже не подозреваем, но которые могут быть выявлены в процессе поисков уже показанных мною ценных объектов. К тому же не следует думать, что если в книге дано подробное описание того или иного клада, то его уже непременно нашли или хотя бы искали. Вовсе нет. Поверьте, собрать какое-то количество чисто литературных сведений о каком-то объекте гораздо проще и дешевле, нежели проводить реальные поиски на реальной местности. И тут уж по опыту могу вас уверить в том, что поисковыми командами непременно будет найдено много чего, о чём они даже и не подозревали, приступая к обследованию очередного полигона.

* * *

Вот теперь настало самое время вернуться несколько назад и вспомнить просьбу некоего баварца, активно рвавшегося в Россию в декабре 1835 года. И его друг Георг Йозеф Михель тоже намеревался приехать, и господин Де Бре хлопотал о том же. Все они пытались посетить Россию, и все почему-то в Гродненскую губернию метили, именно туда, где некогда агонизировала, распадаясь на составные части, потерявшая человеческий облик Великая армия, теряя вместе с серебром и золотом своё прежнее грозное величие…

То, что иностранцы из определённых государств так настойчиво пытались попасть в некоторые районы России, для кладоискателя очень хороший знак, очень качественный и многозначительный. Почти всегда в том месте, которое

жаждали «посетить» господа из Европы, удавалось отыскать либо сам оставленный до востребования клад, либо (на худой конец) приличного размера яму, в которой он некогда лежал.

Другое дело — клады ликвидационные. Здесь дело обстоит куда как сложнее. Туда, где прятались данные клады, почему-то не стремятся приехать ни изящные французы, ни решительные баварцы, ни даже порывистые итальянцы. Почему? Ответ очевиден. Клады данного вида прятались с таким расчётом, чтобы их было практически невозможно достать. Чаще всего их затапливали или зарывали вне привязки к каким-либо природным или же искусственным объектам. И поиски таких кладов составляют самую трудную часть всей поисковой работы, вообще, и по объектам, связанным с нашествием Наполеона, в частности. Несколько примеров подобного рода мною будет рассмотрено в дальнейших работах, а пока хотелось бы всё же довести всё ещё отступающую армию страдающих от голода и холода европейцев до границ России.

* * *

Дело о «гребешках»

Любопытная история, поставленная мной в данный раздел книги, и которую я недолго думая назвал «Дело о гребешках», возникла на абсолютно ровном месте. Начиналась она так…

В конце ноября 2004 года на мой почтовый адрес пришло письмо из Санкт-Петербурга. Совершенно незнакомый мне г-н П. предлагал осуществить совместные действия по розыску весьма крупного и довольно-таки ценного захоронения, о котором я среди прочих историй написал в одной из своих книг. Я, разумеется, ответил в том духе, что ближе к лету будет виднее, и отправил ответ в тот же день, в общем-то, не особо рассчитывая ещё раз увидеть перед собой адрес незнакомца.

Но он написал вновь, видимо, всерьёз рассчитывая укрепить заочное знакомство. И вскоре мне стало понятно, что его волнуют не столько будущие совместные походы, сколько другое, более старое дело, которому он ранее явно посвятил довольно-таки значительное время. Вот как он написал о нём: *«Несколько лет назад я работал в архивах Минска, Смоленска, Москвы. В СПб. (Санкт-Петербургском) архиве нашёл дело о двух бочонках монет*

у г. Красного. Известно ли оно Вам? Несколько поездок туда не дали результата, хотя на старых картах я нашёл это место и определил его на месте точно. Тем более что осталась дорога, речка, где была мельница, всё точно...»

Никакой такой «бочечной» истории, произошедшей именно вблизи г. Красный, я не знал, но, прекрасно понимая, что человек деликатно обращается ко мне за помощью, или как минимум за консультацией, осторожно выразился в том смысле, что причин, по которым он не отыскал вожделенные бочонки, могло быть всего две. (Самая главная причина, состоящая в том, что обе бочки были извлечены из земли ещё 200 лет тому назад, т.е. сразу после Первой Отечественной войны, в данном контексте даже не рассматривалась).

— Первая причина, — утверждал я, — может заключаться в том, что ваш поисковый прибор просто не может вытянуть электронный сигнал отклика от слишком глубоко зарытых монет. — Но, написав данную фразу, я одновременно с этим провёл анализ исторической обстановки, и особенно температурного фона, который в значительной мере диктовал поведение людей то время. Для этого я использовал небольшой отрывок из дневника бравого адъютанта Кастеллана, бывшего во время русской кампании в подчинении у генерала Нарбона. Написаны эти строки как раз в то время, которое соответствует примерной дате сокрытия двух бочонков.

«12 ноября. Обоз с казной готовится к выступлению на следующее утро. Всю ночь идёт ковка лошадей. Коленкур, отвечавший за обоз лошадей, приказал сжечь много экипажей и повозок в соответствии с числом наших лошадей, такую предосторожность он предпринял уже один раз, 10 дней назад.

700 человек вестфальцев под командой Жюно, большой артиллерийский парк и 500 человек безлошадных кавалеристов выступили по дороге на Красный. Отправлен обоз маршала Нея и генерала Маршана под охраной 40 человек».

«Холодно (–17 градусов) и северный ветер. У комиссара по провиантской части мне удалось выменять мешок муки для наших людей. Я отлично сплю на моей медвежьей шкуре, которая пока ещё у меня».

«Четвёртый день пребывания в Смоленске. Наши лошади без пищи, и служители (имеются в виду конюхи) *отправились в фуражировку за одну милю отсюда; преследуемые казаками, они ничего не принесли. Из Дорогобужа 4-й корпус свернул на Витебскую дорогу; он прибыл в Смоленск,*

бросив всю артиллерию. Всё время после полудня слышна пушечная пальба. Вечером дерутся около Смоленска. Холодно, но сухо.

У нас очень скверное пристанище, мы осуждены либо замерзать, либо задыхаться в дыму; или садиться около проклятой печки. Генерал Нарбон рассказывает мне забавнейшие истории».

«Мороз так силён, что говорят он достигает 28 градусов С».

Последняя фраза меня сразу же насторожила. Не понаслышке зная о том, что делается с землёй даже при минус 17 градусах Цельсия (не говоря уже о 28), я написал в своём ответе, что просто так, не подготовив землю длительным разогревом, нечего было и думать зарыть два бочонка на такую глубину, чтобы их не смог бы обнаружить прибор г-на П.

— Скорее всего, — сделал я обоснованное предположение, — бочки с червонцами зарывали на очередном привале, когда бивуачные костры хорошенько разогрели землю. Но кто же ночует прямо на дороге, тем паче вблизи какой-то мельницы?! Вдоль рек лежал глубокий снег, а отступающие французы были вовсе не самоубийцами и свои стоянки устраивали, как правило, на опушках лесов (там, где было топливо) или в деревнях. Непосредственно около воды не ночевал никто, а если кто и ночевал, то наутро уже не поднимался — замерзал насмерть. Так выявилось первое противоречие, которое вызвало во мне определённую профессиональную настороженность. Я мог лишь предположить, что там, где зарыли монеты, никакой ночёвки не было. А раз её не было, то костры там не жгли. Если же не было костров, то закопать что-то значительное по размерам можно было лишь очень неглубоко. К тому же для того, чтобы ответственные лица решились спрятать столь значительные ценности, нужна была очень веская причина. И такая причина действительно могла возникнуть, поскольку именно на подъездах к г. Красному в те дни творился подлинный хаос. Вот как описывает кошмарные события, происходившие вечером 15 ноября 1812 г. (н.с.) в Лосминском овраге генерал Булар:

«...немного далее этого места находился овраг, через который мы должны были пройти по перекинутому через него мосту, упиравшийся на противоположном берегу в целый ряд возвышенностей, которые нам надо было преодолеть. Благодаря этому узкому переходу, здесь произошло страшное скопление всякого рода экипажей. Прибыв сюда вечером, я тотчас увидел полную невозможность перейти через овраг сейчас же и поэтому отдал приказ остановиться и покормить людей и лошадей. Генерал Киржине (гвардейского инженерного корпуса) командовал моим конвоем. После трёх-

часового отдыха мне донесли, что движение экипажей приостановлено, и движение через мост прекращено, т.к. невозможно проникнуть через скопившиеся здесь экипажи. Зная критическое положение, в котором я находился благодаря близости казаков к моему левому флангу, и зная, что они уже опередили меня, я решился двинуться вперёд и проложить себе силой дорогу сквозь эту беспорядочную кучу экипажей. Я отдал приказ, чтобы все мои повозки следовали бы друг за другом на самом близком расстоянии без перерыва, чтобы не быть разъединёнными, и сам встал во главе колонны. Мои люди силой убирали с дороги экипажи, мешавшие нашему проходу, и опрокидывали их; мои собственные повозки тронулись, расширяя путь, проложенный нами, и продвигались вперёд, давя и разбивая всё, что попадалось на их пути, и ни крики, ни вопли, ни плач, ни стоны, ничто не замедлило хотя бы на миг их движения. Наконец, после тысячи приключений голова колонны достигла моста, который пришлось также очистить, и пробилась сквозь бывшее здесь загромождение. Правда, теперь путь был свободен, но здесь дорога круто шла вверх, и земля вся обледенела! Я велел колоть лёд, взять землю с придорожных боковых рвов и набросать её на середину дороги. Подавая сам пример, я приказал тащить повозки за колёса, чтобы хоть каким-нибудь образом втащить экипажи один за другим на вершину. Двадцать раз я падал, то взбираясь, то спускаясь с холма, но благодаря сильному желанию достичь цели, меня это не останавливало. За час до рассвета, вся моя артиллерия была уже на вершине; конвоя со мной уже не было (он достиг Красного)».

Вторая же причина неудачи П. (и, на мой взгляд, самая вероятная) заключалась в том, что он взялся искать нечто ценное там, где не было ничего изначально. Однако, поскольку я по-прежнему не знал об это истории абсолютно ничего, то прямо высказал предположение, что мой корреспондент просто неправильно выбрал точку для поисков. А искать чёрную кошку в тёмной комнате, особенно если её там нет — занятие абсолютно бесперспективное.

Видимо, мои доводы были достаточно убедительны, и ленинградец наконец решился несколько приподнять полог тайны и в очередное послание вложил два листка ксерокопий, на одном из которых было описана часть того самого дела о таинственном захоронении 2-х бочонков. Вот что там было написано: *«От Смоленского Гражданского Губернатора получено мной донесение, об открытии, по дошедшим до него слухам у Города Красного, у моста на дороге к Смоленску близь Гребли, места в котором зарыты буд-*

то бы во время бегства французов два бочонка золотой монеты, не менее трёхсот тысяч червонных.

Открытие сие последовало по объявлению о сем дворянина Царства Польского Ковалевского польскому же дворянину Петрашкевичу. Золото сие, по объявлению Ковалевского, везено было в Октябрь (по старому стилю) *1812 года из дивизии французского Генерала Габерта за границу, и по служению тогда Ковалевского во Французской Армии, лично при нём было на том месте положено».*

На документе в положенном месте была наложена следующая резолюция, подтверждающая, что власти отнеслись к неожиданному известию о солидном кладе со всей серьёзностью.

«Вновь повелено сообщить нашему (неразборчиво) чтоб он представил надёжному чиновнику произвести осмотр наличности и стараться открыть сумму сокрытого, будь подлинно от существующей. Ноября 23. 1819 г.».

Ниже имелась ещё одна резолюция другого чиновника (рангом, видимо, помельче): *«Сообщить Губер* (натору), *что М.Ф. предоставлено* (неразборчиво) *исполнить надлежащее наблюдение за мостом* (или местом), *где находиться могут бочонки с червонцами. Но губернатор* (неразборчиво) *предостережение говорит: что зимою нельзя отрыть клад* (неразборчиво) *просит нарядить караул: но летом караул нужен для того, чтобы деньги не* (неразборчиво) (неразборчиво). *Есть возможность и казённой земли схор.».*

Обстановка несколько прояснилась, хотя по-прежнему было совершенно неясно, о каком, собственно, месте идёт речь. Просто стала более понятна общая атмосфера, в которой в 1819 году начинались поиски ценностей. Видимо, додумывал я на ходу, некий г-н Ковалевский, который совсем недавно служил при польской дивизии, уже через семь лет после выдворения французов за пределы России (т.е. когда несколько поутихли послевоенные страсти) озаботился отысканием спрятанного на его глазах очень богатого клада. Несомненно, это был клад «до востребования», т.е. он был весьма чётко привязан к неким местным (а может быть, даже и рукотворным) ориентирам, и бочки прятались с тем расчётом, чтобы их можно было впоследствии отыскать без особых проблем.

— Однако, — подумал я тут же, — в таком случае у последующих кладоискателей (а у наших современников и подавно) нет ни малейшего шанса отыскать данное захоронение. По идее совершенно ничто не мешало смо-

ленскому гражданскому губернатору Казимиру Ивановичу Ашу или его преемнику успешно отыскать обе бочки и прославиться тем деянием на всю Российскую империю. Ведь в его распоряжении был непосредственный свидетель, который собственными глазами видел, как, что и где именно зарывалось, и к тому же целая армия землекопов в придачу. Пусть поляк запомнил данное место с той или иной погрешностью. Пусть прошедшие годы несколько смазали точность его воспоминаний. Но ведь столь значимые и памятные для него события происходили всего семь лет назад, и сильно ошибиться в определении хотя бы примерного места захоронения Ковалевский не мог никак.

К тому же подумайте сами! Пусть в некотором месте было спрятано не 300 000 червонцев, а хотя бы только 50 кг золотой монеты. Да даже за такой неслабый куш можно было элементарно перекопать указанную поляком площадку вдоль и поперёк, причём не раз. Ведь недаром же было дано указание выставить караул, который, разумеется, не столько охранял некий мост, сколько бдительно следил за тем, чтобы посторонние за зиму не попытались вытащить и расхитить принадлежащее государству золотишко.

Кстати, не помешало бы прямо сейчас выяснить, сколько же весили спрятанные бочонки. «Червонец, — прочитал я в энциклопедическом словаре, — в обиходе XIX в. — 3-рублёвая золотая монета весом до 3,9 г. Если 300 000 разделить на номинал монеты (3 рубля) и умножить на вес одной монеты, которая даже и в потёртом виде весила не менее 3,5 г, то можно легко сосчитать, что вес лишь одного бочонка был никак не менее 180 кг. О-го-го, вот это чушки! Как же кассир Ковалевский с ними управлялся? Предельно ясно, что без нескольких помощников он даже не смог бы сгрузить их с телеги. И значит, при сокрытии клада наверняка присутствовало ещё несколько человек, которые помогали ему в этом деле.

Следующее письмо из Санкт-Петербурга пришло как-то совершенно неожиданно. Большой и увесистый почтовый конверт ясно указывал на то, что в нём содержится нечто совершенно необычное, во всяком случае, не простое письмо, в обычном случае легко укладывающееся в единственный листок бумаги. В конверте, к моему удивлению, находилось не только всё собранное в архиве «Дело № 1637 о двух бочонках, зарытых у г. Красного», но и копии современной карты, а также довольно точный рисунок конкретной обстановки в том месте, где г-ном П. производились поиски. Кроме всего прочего были приложены и панорамные фотографии некой унылой речной долины. Что и говорить, работа коллегой из Санкт-Петербурга была проделана просто

колоссальная. Оставалось лишь взглянуть на результаты его трудов непредвзятым взглядом и... вынести свой вердикт.

Но чем больше я изучал присланные документы, тем больше сомнений закрадывалось в мою душу. Буквально всё указывало на то, что мой корреспондент роковым образом ошибался, пытаясь что-то такое-этакое отыскать вблизи деревеньки с названием... Гребени! Заинтригованы? Я тоже был заинтригован, и поэтому перечитал все присланные им документы ещё по два раза. Итак, вот какая вскоре развернулась предо мной картина. Начну описание её с адаптированного на современный язык старинного официального документа.

« *Господину Управляющему Министерством Полиции*

С получением вероятного сведения, что у города Красного близь Гребли во время бегства французских воинов зарыты в землю два бочонка золотой монеты заключающих не менее трёхсот тысяч червонных, одолжаюсь донести об этом Вашему Сиятельству и распоряжений моих, сопровождающих данное открытие.

Писарь Мерлинской волости польский дворянин Петрашкевич, который по секрету 4-го сего ноября сообщил Правителю (начальнику) *Канцелярии моей, известному оному как близкий ему помещик в г. Красном и его Петрашкевича местопребывания его Польского Царства Дворянин Ковалевский, служивший при этих французах и находившийся при зарытии означенных бочонков, может указать место содержащие оные. Сей час тот довёл до моего сведения сие открытие. По распоряжению моему немедленно и Петрашкевич и Ковалевский при Губернском Чиновнике, Уездном Судье, Городничем и Стряпчем были допущены к поиску. Но расширение и возвышение плотины, которое получила она по очищению Губернии от неприятеля, затруднило точно указать место сокрытия бочонков, к тому положение сильно замёрзшей и покрытой снегом земли затруднили поиск.* (Неразборчиво) *он нашёл приметы и ручается с появлением весны найти сокровища двух бочонков.*

Для охранения того места от всякого прикосновения я предписал командиру здешнего гарнизонного батальона учредить при нём надёжный караул из Инвалидной стражи и строжайше предписать Городничему и указанному Стряпчему тщательно и неупустительно блюсти (неразборчиво) *известного уже им места и в неприкосновенности к оному удостоверять меня ежемесячно. В этом случае побуждаюсь всепокорнейше просить со-*

действия Вашего Сиятельства, дабы требуемый мною Военный Караул был устроен надёжно и исправно выполнял свою обязанность.

В заключение не лишним считаю поднести в список отзыв Дворянина Ковалевского.

Губернатор (подпись неразборчива)».

Далее следовал и сам «список», иными словами, докладная господина Ковалевского, который явно в несчастливый час и, видимо, во время дружеской пирушки проболтался о кладе своему нескромному на язык одноплеменнику Петрашкевичу.

«Список с объявлением дворянина Польского Царства Ивана Ковалевского.

На сих днях объявил я Дворянину Игнатию Петрашкевичу, что в городе Красном близ самого моста на дороге к городу Смоленску устроенному, положено с золотой монетою два бочонка, из дивизии французского генерала Габерта за границу везённого, в последних числах Октября месяца 1812 года, почему Петрашкевич с дозволения Начальства и отыскивал деньги сии; но по неимуществу его и неудобству времени, от продолжения поисков отказывается, а потому прошу покорнейше Вашего Высокоблагородия, исходатайствовать у главного Начальства позволения, чтобы поиски сего золота начатые в неудобное время Петрашкевичем, оставить до апреля месяца будущего года, и до того времени предписать Краснинской Градской и Земской полициям иметь строгий надзор, дабы никто из сторонних немочь отыскать того золота в объявленном месте, помимо меня или его Петрашкевича, и притом прошу покорнейше заверить Главное Начальство, что истину моего объявления о сокрытии сих денег, я утверждаю тем, что сам был при поклаже оных, ибо служил в то время во французской Армии при оной кассе: и не имею слухов ни в городе Красном, ни в другом каком-либо месте, что бы сей день они были уже вынуты и что все приметы мною кладенные сысканы по обликам их, я непременно надеюсь, что положенное при мне золото, и казна получит значительную часть денег сих. Подлинное подписано тако: к сему объявлению Дворянин Иван Матвеевич сын Ковалевский, а вместо его по личному прошению за неумением Российской Грамоты Губернский секретарь Федор Барадавкин руку приложил.

Подпись неразборчива».

Ага, вот теперь ситуация стала проясняться более радикально. Иван Матвеевич сын Ковалевский, оказывается, служил обычным войсковым кассиром в дивизии генерала Габерта. Скорее всего, он сам лично и руководил захоронением подведомственной ему кассы. Поэтому-то он довольно подробно помнил конкретное место, в котором были закопаны бочонки, и все последующие годы не терял надежды когда-нибудь извлечь их обратно. И такой момент, видимо, настал. Получив в 1819 году паспорт, позволяющий передвигаться по России, он, естественно, приехал в тот самый город, вблизи которого были спрятаны бочонки. Но, приехав в Красный, он немедленно столкнулся с немалыми трудностями. В те дни, когда ценности зарывались, и сам город Красный и значительная площадь прилегающих к нему земель были полностью оккупированы коалиционной армией Наполеона. И уж как минимум неприятельские колонны длительное время контролировали дорогу (Смоленск — Орша), идущую через город, а следовательно, и мосты, выстроенные на ней.

Иными словами, даже в самый лютый мороз можно было отыскать возле одного из этих мостов разогретое бивуачным костром место и под покровом ночи зарыть оба бочонка (а они были размером не больше алюминиевого хозяйственного ведра) с монетами. Почему же они были зарыты? Ведь золото, в отличие от серебра и прочих трофеев, французы берегли до последней возможности и защищали до последнего вздоха. По весьма достоверным сведениям, полученным мною ранее, действительно серьёзные потери золотой монеты и слитков начались у французов только в Белоруссии, да и то ближе к границе с Литвой.

Впрочем, достаточно веских причин для захоронения данных бочонков могло быть множество. Пали от холода или картечи лошади кассового фургона, а новых взять было негде — вот вам самая распространённая причина неизбежной потери груза в те безумные дни. Также тягловую силу могли запросто реквизировать из обозов в артиллерию или кавалерию, которые были жизненно необходимы французскому командованию для удержания города хотя бы в течение нескольких дней. Ведь нашими войсками делались самые решительные попытки устроить войскам Наполеона западню именно в данном районе. А силы коалиционной армии были слишком сильно растянуты и двигались по заснеженной русской равнине, подвергаясь непрерывным атакам казачьих частей и отрядов партизан. Кстати, какое-то количество французов именно у Красного нашему командованию удалось-таки отсечь от основных сил. Так, 3-й корпус маршала Нея был вынужден свернуть с основной трассы

и выбираться из окружения обходными дорогами через Маньково, Мироедово, Нитяжи, Воришки и Гусиное.

Но продолжу рассказ о кассире Ковалевском. Приехав в город, он (наверняка памятуя о тех, с кем прятал золото), прежде всего, занялся сбором городских слухов, среди которых непременно были бы слухи о случайно найденном местными жителями сокровище. Но ни в трактире, ни на городском рынке ни о чём подобном не было и речи. Это был хороший признак, но кое-что было и плохо. Довольно скоро бывший кассир понял, что втихомолку достать захованное золотишко ему вряд ли удастся. Место, где были спрятаны бочонки, к несчастью, было открытым со всех сторон, а следы, оставшиеся от лопат кассиров и солдат охраны, давным-давно замыты вешними водами и заросли луговой травой. Значит, ему необходимо было проводить довольно масштабные земляные работы у всех на виду, причём наверняка на общегородских или сельских общественных землях, чего какому-то приезжему поляку, конечно же, никто бы делать не позволил. К тому же он не знал грамоты и, скорее всего, и по-русски разговаривал с большим трудом. Значит, чтобы достичь своей цели, ему нужно было найти в Красном или его окрестностях как минимум одного сообщника, причём желательно поляка и желательно дворянина. С простыми крестьянами Ковалевский дел иметь наверняка не хотел, опасаясь, что при виде груды золота те разберутся с ним по-простому, с помощью лопаты или дубинки.

Такого сообщника судьба как раз и послала нашему кладоискателю в начале ноября 1819 года. Каким ветром занесло жителя соседнего уезда Игнатия Петрашкевича в город Красный, сказать доподлинно не могу, но ясно, что лучшего напарника Ковалевскому было не найти. И поляк, и дворянин, и к тому же живёт неподалёку и знает все местные правила и порядки. Войдя в доверие и хорошо угостив земляка в трактире, бывший кассир завёл с ним разговор о тайной цели своего нахождения в городе. Но едва Игнатий услышал, на что, собственно, намекает и что просит сделать его новый знакомец, то если и был пьян, то мигом протрезвел. Он тут же сообразил, что если он сейчас поддастся соблазну втихомолку организовать несанкционированные властями раскопки, то они оба рискуют запросто лишиться не только мифических монет, но и вообще всего своего имущества, а жизнь окончить где-нибудь на нерчинской каторге. Времена при царском режиме были суровые, кругом и во всём царили жёсткий порядок и нерушимая субординация. Предпринимать же столь рискованное дело, не испросив заранее разрешения как минимум у смоленского губернатора, было смерти подобно, и поэтому он

на следующий же день настрочил на Ковалевского приличествующий такому случаю… донос в полицию.

Реакция властей, как вы сами понимаете, была мгновенной. Жандармы не только взяли под стражу Ковалевского, но и при стечении самых важных городских чиновников служащие местного околотка повели его к указанной им во время допросов реке, чтобы тот непосредственно и точно показал им, где конкретно лежат утаённые денежки. Что было делать бедному поляку? Он явно никак не ожидал такого развития событий. Вы поставьте-ка себя на его место. Не успел он заикнуться своему же соплеменнику о богатейшем кладе, который при благоприятных обстоятельствах обогатил бы их обоих несказанно, как тут же оказался под арестом. Что теперь делать, как доверять людям? Единственно, что Ковалевский мог предпринять при столь неблагоприятном зигзаге фортуны, так это нарочно и преднамеренно указать совершенно не на то заветное место, а на иное, наверняка довольно далеко отстоящее от истинного тайника. Возможно, что на первом же допросе он поведал жандармам, что сокровища действительно были спрятаны им вблизи от города, но озвучил при этом название совершенно иной речки, нежели на самом деле. При этом он руководствовался элементарным желанием любой ценой уберечь ценности от разграбления посторонними. Для этого он спешно выбрал в качестве дублирующего ориентира какое-нибудь знакомое местечко, мимо которого он часто проходил во время прогулок по городу.

Этому обману неожиданно помогало то обстоятельство, что уже началась суровая русская зима. Земля успела основательно промёрзнуть, что радикально и объективно осложнило двум польским землекопам их многотрудную работу. Поковырявшись для вида часочек вблизи какого-то моста, Ковалевский сказал наблюдавшим за ним чиновникам, что пробиться через мёрзлую почву нет никакой возможности. Его поддержал и взмыленный от интенсивной работы кайлом Петрашкевич, который был явно уверен в том, что они копают в нужном месте. Ведь в предварительном разговоре с ним Ковалевский наверняка не сообщил тому точного места залегания клада, а дал лишь общее словесное описание заветного места.

Что было делать российским чиновникам? Разглашать тайну и подвергать опасности хищения государственные деньги им не хотелось, и поэтому они поставили на мосту через реку часового и стали с нетерпением ожидать весны. Почва должна была отогреться и позволить добраться до бочонков. Но, по моим здравым рассуждениям, они ничего не должны были найти. Поляк, уже мысленно перебиравший сверкающие червонцы в своих, и только своих,

карманах, не мог допустить и мысли о том, что золото захватят враги, с которыми он всего несколько лет назад воевал не за живот, а за жизнь. Однако, понуждаемый перепуганным Петрашкевичем (который надо думать поручился за него перед губернским руководством), он написал покаянную бумагу, в которой клятвенно уверял, что это то самое место и есть и как только придёт весеннее тепло...

Ага, придёт, как же! Злейший враг России, Ковалевский только прикидывался покорной овечкой и готов был подписать какие угодно докладные и протоколы, лишь бы сбить с толку незваных компаньонов из департамента полиции. К тому же и писал-то не он, а приставленный к нему городским стряпчим писец. Мне даже кажется, что именно Ковалевский, притворно заботясь о сохранности клада, как бы между прочим посоветовал городскому приставу выставить на мосту часовых. А потом со злорадством смотрел, как те всю зиму ёжатся на ледяном ветру, охраняя совершенно пустое место. Это нам только кажется, что два века назад люди были иные, простые, доверчивые и наивные. Нет, и тогда в людских сердцах бушевали настоящие шекспировские страсти, заставляя их совершать поистине головокружительные поступки и затевать совершенно невообразимые авантюры. Но давайте продолжим наше исследование и посмотрим, куда приведёт нас архивное дело № 1637. Вот что написано в последней официальной бумаге, окончательно ставящей в данном деле все точки над «i».

«Вашему Императорскому величеству имел я счастье докладывать по донесению Смоленского Гражданского Губернатора о сокрытых якобы французами у города Смоленска двух бочонков золотой монеты.

Он доносит ныне, что к открытию оной сделаны были поиски при назначенном от Министра Финансов Чиновнике, при Краснинском Предводителе Дворянства, уездном Судье и других Чиновниках, но обозначенных бочонков не найдено.

Объявивший о сём Польский Дворянин Коновалевский, решительно утверждавший о непременном отыскании сокрытых сумм, потерял в том надежду и в новом взятом с него допросе показал, что из четырёх человек, участвовавших в зарытии, двое при нём убиты, а остальные два взяты были вместе с ним в плен и где находятся, не знает».

А что ещё мог сказать Ковалевский в своё оправдание? Разумеется, он теперь и подавно не мог сознаться в том, что заведомо указал неверное место для поисков и раскопок. Он отчётливо понимал, что ему точно не сносить головы за столь наглый обман. И понятно, что во время последую-

щих за неудачей допросов поляк стал валить вину на бывших соратников, которые вместе с ним зарывали тяжеленные бочонки. Сколько их было в действительности? Трое или четверо, не суть важно. Он утверждал, что два человека из этой бригады были якобы взяты в плен. Проверить же такое утверждение на тот момент было совершенно невозможно. Следовательно, можно уверенно утверждать, что Ковалевский до конца предпринимал все доступные ему способы защиты. Т.е., с одной стороны, он продолжал утверждать, что золото было зарыто именно в указанном им месте, а с другой стороны — прозрачно намекал на то, что его могли опередить возможные конкуренты.

Он, несомненно, врал. Он врал всем подряд. Он ни при каких условиях не мог сказать правду. Ведь эта правда была из разряда тех простых истин, которые убивают. И где бы в последующее время ни оказался этот Царства Польского дворянин, он наверняка не смог впоследствии осуществить свой коварный план, поскольку, засветившись на самом высоком уровне, весь остаток жизни был вынужден ощущать на своей спине недремлющее «око государево».

Жаль, что российские чиновники в то время были не столь сведущи в кладоискательском промысле, как об этом известно теперь мне. Уличить Ковалевского во лжи было совсем несложно и тогда. Достаточно было внимательно изучить предложенную им для раскопок площадку. Если там ранее покопались конкуренты, то неизбежно этот факт можно было установить по следам, которые обязательно оставляют все копатели без исключения. Но если земля была не тронута на всю глубину шурфа, то там явно никто и никогда не копался. А это значит, что бочонки в данном месте никогда не закапывали и затем не раскапывали. И, следовательно, поляк просто нагло врал всем в глаза.

— А что же золото? — наверняка спросите вы. — С ним-то что стало?

— Ничего с ним не стало, — отвечу я. — Скорее всего, оно так и лежит где-то в окрестностях города Красного, ничем не выдавая своего присутствия.

— Но при чём же здесь какая-то деревня Гребени? — продолжите вы свои вопросы. — Почему поисковик П. из Северной столицы вдруг решил, что искать данные бочонки следует именно в окрестностях именно этой деревни?

Вопрос резонный и умный. Давайте вернёмся несколько ближе к началу нашего разговора и осветим этот тёмный момент кладоискательской деятельности, до сего момента скрытый от широкой общественности. Собственно, П. посчитал прозвучавшее в одном из документов слово «Гребли» за название

некоего населённого пункта, расположенного вблизи города Красный. Вот этот абзац:

«От Смоленского Гражданского Губернатора получено мной донесение, об открытии, по дошедшим до него слухам у Города Красного, у моста на дороге к Смоленску близь Гребли, места в котором зарыты будто бы во время бегства французов два бочонка золотой монеты, не менее трёхсот тысяч червоных».

Заметьте, эти строки пишет вовсе не сам Ковалевский. В его докладной записке нет ни слова о каких-то там «Греблях». Откуда же о данном населённом пункте узнал некий столичный чиновник, которому поступил доклад от смоленского губернатора? Вопрос, конечно, интересный. Представляется, что данное слово появилось уже после того, как представительная чиновничья комиссия из г. Красного осмотрела место будущих поисковых работ. Смотрите, в данном документе написано просто слово «Гребли», без указания на то, что это именно населённый пункт. А наш поисковик, недолго думая, сделал в общем-то резонный вывод о том, что упомянутые «Гребли» — это именно деревня, которая расположена рядом с тем местом, где в 1812 году были спрятаны бочонки. Убедив самого себя в этом мнении, П. разыскал справочник по переписи 1865 года и принялся выискивать в нём такую деревню Гребли, которая находилась бы вблизи Красного.

И, о чудо! Деревня с почти таким названием отыскалась всего в пятнадцати верстах западнее Красного. Правда, данная деревенька называлась Гребени, но это мелкое несоответствие было им немедленно отвергнуто как несущественное. К тому же в описи говорилось о том, что в данной деревне есть мельница. Раз мельница, то, значит, там имелась плотина (насыпь), а уж мост через реку и само собой подразумевался! Достаточно было после такого открытия бросить взгляд на современную карту Смоленской области, и в голове нашего поисковика мгновенно сложилась стройная схема произошедших некогда событий. Вот как он пишет об этом в своём письме о данном открытии:

«В деле сообщается о д. (якобы деревне, но такого слова в документе нет) *Гребли, это сейчас д. Гребени. У самой плотины, значит, была и мельница. В библиотеке (список населённых мест Смол. губ.) я нашёл деревню, записана мельница. На карте также мельница. Если закопали у моста, то мельница, мост были разрушены, иначе какой смысл вообще закапывать? Фраза "но расширение и возвышение плотины... затруднило точно указать место..." следует понимать так. После войны мост разрушенный восста-*

навливали, делали новую насыпь. Думаю, что закопали в нескольких шагах от плотины, иначе её изменение и расширение не повлияло бы на определение точного места, будь оно за 50—100 метров».

В известной логике нашему кладоискателю не откажешь. Единственно, что свело на нет всю его многолетнюю работу по поиску данного захоронения, так это то, что он, крепко вцепившись в одно-единственное слово, совершенно позабыл о прочих словах, неоднократно повторенных в текстах добытых им документов. А это, я вам скажу вполне доверительно, — грубейшая, непростительная для поисковика ошибка. Только полный анализ всех событий, сопутствующих той или иной ситуации, приведшей к захоронению исторического клада, может в конечном счёте привести кладоискателя к победе. И уж коли подвернулся такой случай, то я покажу вам на конкретном примере, как именно следует разбирать все без исключения кладоискательские легенды подобного рода. Может быть, это как-то поможет моим последователям радикально улучшить свои поисковые показатели. И по большей части моя небольшая лекция будет подана в эпистолярном жанре, т.е. я попросту приведу отрывки из писем, посланных мной в ответ на уверения моего корреспондента в том, что искомый клад покоится в месте слияния далёких от города Красного речек Лупа и Еленка. Привожу строки из моего ответного послания.

«...Благодаря подвернувшейся оказии высылаю Вам весточку. Правда, не совсем уверен в том, что сообщённые в ней сведения будут Вам по душе, но огласить их я обязан. Проведённый экспресс-анализ присланных Вами документов окончательно убедил нас, что Ваши поиски вблизи деревни Гребени совершенно бесперспективны.

Ведь, кроме некоторого созвучия слова из документа и названия данной деревни, абсолютно ничто не указывает, что описываемое захоронение произошло именно здесь. Начну цепь своих доказательств с того, что повторю свой тезис о том, что данное событие однозначно должно было происходить на дороге Красный — Смоленск, а не Красный — Орша. Далее. Деревня Гребени, столь Вам понравившаяся, лежит в пяти километрах от дороги, по которой продвигались французские войска. Прошу также заметить, что в то время, когда кассиром Ковалевским закладывался клад на данном участке пути, абсолютно все параллельные дороги, и особенно на юг от основной трассы, плотно контролировали "партизаны" Д. Давыдова. Для французских фуражиров отойти от своей воинской колонны более чем на километр означало почти неминуемую смерть от пик и шашек

казаков, которые буквально толпами сопровождали каждый французский корпус в ожидании вожделенной добычи.

И Вы хотите убедить меня, что несколько поляков сломя голову помчались за пять километров в сторону с единственной целью зарыть где-то две бочки золота! Господь с Вами! Им даже не удалось бы доехать до этих Гребеней, не то что вернуться потом обратно живыми. Нет, нет, эта идея совершенно вздорна. В данной деревне не было французов вовсе, не то что каких-то сумасшедших поляков!

Далее. На присланных Вами фотографиях и рисунке и в помине не видно никакой мельницы. Откуда Вы взяли, что она была в Гребенях? Это ерунда. И насыпь, возле которой, как Вы предполагаете, что-то такое зарыто, сделана была исключительно для того, чтобы приподнять полотно дороги повыше над болотистой местностью речной равнины. Мельницы в там месте, где Вы делали снимки, не было и быть не могло! К тому же в присланных документах нет и слова о мельнице!

И ещё. В данном месте закопать что-либо в середине ноября 1812 года было совершенно невозможно. Сфотографированная Вами местность крайне сырая, это очевидно. В тех условиях, когда по ночам столбик термометра опускался до –28 градусов, выкопать достаточно глубокую яму в окаменевшем болоте было просто нереально. Земля промёрзла не менее чем на полметра, а снег лежал по колено. Её (землю) нужно было очищать от снега, а затем отогревать жаром большого костра часа два-три. Но ведь в данном месте никогда не останавливались французские либо польские части и бивуачных костров они там тоже не разводили. К тому же у реки и жечь-то нечего. Вы вспомните собственные поездки, разве в этой зачуханной речной долине есть хоть одно приличное дерево? Я там никогда не был, но и то твёрдо скажу — нет там деревьев! И тогда не было. Чем они тогда свой костёр топили?

И далее. Допустим, поляки три часа греют землю, потом закапывают бочки с золотом, и вся деревня, разумеется, смотрит во все глаза на это непотребное безобразие. Телевизоров тогда не было, и смотреть, кроме как на незваных гостей, им было не на что. Но вот враги уезжают, и что, неужели деревенские тут же не разроют свежую захоронку? Ни в жизнь не поверю, чтобы они не раскопали ещё тёплую ямку. Нет, батенька, я не знаю ни одного случая, когда бы французы вот так демонстративно прямо посреди деревни у единственного деревенского моста закапывали клад до востребования. Такого не было нигде и никогда!!! И быть не могло!

Можете, конечно, на меня обижаться, но, по моему глубокому убеждению, если такое событие и происходило в действительности, то оно, скорее всего, могло случиться только в непосредственной близости от города, причём, скорее всего, к востоку от Красного, а не к западу. Только там французы царили безраздельно, и уж, во всяком случае, могли не опасаться чужих глаз, зарывая что бы там ни было. К тому же с той стороны в непосредственной близости от города имеются и две речки с мостами: Мерейка и Лосмина. Кстати, французы достаточно долго занимали данную местность и костры, разумеется, жгли непрерывно. И дрова там есть в избытке, я сам там был и видел целый лес.

Не готов пока подсказать, где же следует искать данные бочки, для меня, как и для Вас, это пока загадка. Но искать их следует где угодно, но уж точно не в Гребенях. К тому же слово "Гребень" — это слово из южнорусского диалекта (а следовательно, и украинского и польского) и означает оно гать, или земляной вал от воды, а никак не населённый пункт (поинтересуйтесь на этот счёт в "Толковом словаре" Даля). Так что, как я и предполагал с самого начала, Вы искали там, где ничего не было и в помине. Вот потому-то ничего и не нашли. Но ничего, не расстраивайтесь, это не страшно и не обидно. Я и сам сто раз ошибался.

Но вот что меня беспокоит по-настоящему. Ведь у гражданского губернатора города Смоленска в руках был живой свидетель — кассир Ковалевский. Если он собственными глазами видел, пусть и издалека, где закапывались бочки, то совершенно непонятно, почему их не нашли впоследствии? Это очень подозрительно. Очень! Я понимаю, за несколько лет вполне можно позабыть точное место раскопа. Но регион же не изменился. Ради двух бочек золота можно было перекопать и площадку размером 150×150 метров. Расходы на рытьё оправдались бы сполна. Но почему-то этого сделано не было? Тайник должны были обнаружить по-любому и непременно! Если, конечно, его не очистили ранее те, кто в отличие от Ковалевского не смотрел, а непосредственно закапывал. Вполне возможно, что кто-то из них действительно выжил и вернулся в Россию раньше бывшего кассира.

К тому же сами показания этого странного поляка вызывают у меня массу вопросов. Ясно только одно — этот тип врал всем и каждому, стараясь ненароком не выболтать свою тайну. Он ведь наверняка планировал всё выкопать по-тихому, и то, что его замела полиция, заставило его сочинять на ходу "отводную" версию и всячески изворачиваться. У меня

большие подозрения в том, что он попросту водил за нос всех краснинских и смоленских чиновников. Вот потому-то монеты и не нашли. Здраво порассуждав, я просто не нахожу иного объяснения постигшей наших старорежимных копателей неудачи...»

Таким образом, в расследовании «Дела о гребешках» мы пока продвинулись недалеко. Единственно, в чём удалось преуспеть, так это в том, что мы выяснили однозначно, что пресловутая «деревня» Гребени не имеет к двум бочкам золота никакого отношения. И данная гипотеза возникла у коллеги из С.-Петербурга точно так же, как в свое время из-под пера прекрасного писателя Салтыкова-Щедрина появился поручик Киже.

Но, уважаемый читатель, настоящий охотник за старинными тайнами, разумеется, не может удовлетвориться ответом отрицательным, а тем более неопределённым мычанием. Нет! Его основная задача — довести всякое дело и всякую легенду до логического конца, имея на руках даже такие сомнительные исходные предпосылки. Он по статусу своему, и по роду деятельности непременно обязан выяснить правду и установить скрытую в пучине веков истину, причём однозначно и неоспоримо. А поиск истины в данном случае заключался в том, чтобы вначале теоретически вычислить одно или несколько мест, где в принципе могли быть закопаны бочонки, а затем с помощью приборов электронной разведки установить там наличие под землёй солидной массы цветного металла. Это как программа максимум. Как минимум нужно было пройти те же районы пешком без какого-либо оборудования и удостовериться в том, что клад вблизи Красного если и был спрятан Ковалевским, то уже вынут кем-то ранее.

С чего же следовало начать? А начать следовало с повторного изучения докладной записки пана Ковалевского. Хотя мы с моим научным консультантом прекрасно понимали, что поляк во время допросов лгал налево и направо, но тем не менее создавалось ощущение, что масштаб его лжи был ограничен изначально. На каком-то этапе он всё же говорил правду. Но весь ужас заключался в том, что крохотный кусочек правды он огласил только Петрашкевичу, причём на том этапе, когда их доверительные отношения только-только завязывались и о полной откровенности не могло быть и речи. Иными словами, Ковалевский мог сообщить своему новоявленному компаньону только самые общие сведения о месте будущих раскопок. Он, как человек довольно осторожный, мог сообщить тому только самые туманные сведения касательно их совместных работ. Его речь могла звучать примерно так: *«Пойдём (поедем)*

мы с тобой вскоре на одну речку и там, вблизи от моста, есть земляной вал. Вот недалеко от него и зарыто золото».

Такая постановка вопроса вполне имеет право на жизнь. Ведь именно эти предварительные приметы «иудушка» Игнатий Петрашкевич и сообщил в полицию. И все дальнейшие поиски и так называемые раскопки 1820 года тоже велись на какой-то речке, вблизи какого-то моста. Присутствовала там и насыпь. То ли она вела к мосту, то ли действительно была частью некого защитного сооружения, было неясно. Но зато было предельно ясно, что бочонки были спрятаны именно около какой-то реки. От этой, уже озвученной Петрашкевичу, версии наш основной свидетель, скорее всего, отойти уже не мог. Поведи он чиновничью комиссию в чистое поле или ближайший лес, как тут же его недавний компаньон мгновенно уличил бы его во лжи. Ковалевский просто обязан был играть свою рискованную игру таким образом, чтобы не вызвать у сопровождающих его лиц ни малейшего подозрения в преднамеренной неискренности.

По трезвому разумению только его данные о том, что клад был действительно зарыт, и зарыт недалеко от переправы через какую-то реку, и можно было считать единственно надёжной путеводной ниточкой в нашем расследовании. Что же дальше? А дальше следовало расстелить на столе карту Смоленской области выпуска 1812 года и, начиная от самого города Красный, медленно двигаться по направлению к Смоленску. При этом движении не следовало упускать ни малейшей речки либо ручейка, мимо которого проходил, отступая из Москвы, конный польский корпус князя Понятовского.

Первой на этом пути нам встречается речка (нет, скорее ручеёк) Мерейка, которая течёт буквально в ста метрах от ближайшей городской улицы. Далее, в 2,5 километрах восточнее городских окраин, несёт к Днепру свои быстрые воды речка Лосвинка (бывшая Лосмина). Далее река Всшесна и, наконец, Дубрава, текущая у селения Старая Жорновка. Всё, стоп. Дальше мы не двинемся ни на шаг. Не понимаете почему? Да только потому, что польский корпус (в одной из дивизии которого и служил Ковалевский) вышел на тракт Смоленск — Красный именно там, около Старой Жорновки!

Я бодро выписал все четыре речки в столбик, и именно в этот момент меня неожиданно охватили самые жестокие сомнения.

— Хитрый полячина, — подумалось мне, — он же вполне мог повести комиссию в совершенно неверном направлении от города. Да, да! А почему бы и нет? Он вполне мог притворно направиться на восток, на ту же самую

Мерейку (чтобы долго не бить ноги), когда на самом деле ему бы следовало идти, а то и ехать, на запад!

Посомневавшись не более пяти минут, я вновь пододвинул к себе карту и уверенной рукой внёс в список ещё четыре реки. Вписал саму реку Свиную, реку Добрую, приток реки Лупы у деревни Синяки и для верности второй приток Лупы — Комаровку. Затем вновь перечитал весь список. Не было ни единой более или менее существенной зацепки, которая помогла бы выделить из всех этих речек ту одну-единственную, заветную. Практически возле каждого моста неоднократно происходили крупные заторы французских обозов. Почти в любом подобном месте налетали на них казачьи отряды, поливая возниц свинцом и утаскивая их в плен арканами. К тому же вблизи многих переправ были устроены либо подъездные насыпи, либо мельницы, либо защитные земляные валы, позволяющие избежать наводнений во время весеннего половодья. Чтобы выбрать для подробного электронного обследования один или два наиболее подходящих места, мне следовало безотлагательно выехать в район города Красного и произвести тщательнейший осмотр всех намеченных целей и полигонов.

Я встал из-за стола, подошёл к окну и долго смотрел на заваленную сугробами улицу. С одной стороны, ехать нужно было прямо сейчас. В таком случае я как бы оказывался на месте г-на Ковалевского со товарищи, которые зарывали свои бочонки именно в такую преотвратную погоду, размышлял я. Но, с другой стороны, места старых раскопов можно будет увидеть, только когда сойдет снег, но ещё не вырастет трава. Последнее соображение перевесило все прочие доводы, и выезд на полевые работы я предварительно наметил на конец апреля. К этому времени (я знал об этом ранее) в Смоленской области уже сходит снег, но маскирующий все подробности травяной покров не успевает вырасти выше 10—12 сантиметров.

До выезда в «поля» времени было много, но какой-либо уверенности в правильности выбора направления в поисках у меня не было совершенно. Оставалось какое-то тягостное ощущение незавершённости и слабости выявленных поисковых ориентиров. Гребли, Грабли, Гребешки, — крутилось у меня в голове, — вот тоже мне дурацкая загадка. Возможно, истинное значение этого слова и недалеко подвинет нас в расследовании, но, во всяком случае, несомненно, укажет на то место, где проводились поиски в 1820 году. Во всяком случае, можно будет понять, на какой же именно реке производились первоначальные раскопки. Но что же оно означало в оригинале? Никаких озарений по этому поводу не приходило, и оставалось только ждать, ждать, и ещё раз терпеливо ждать...

Впрочем, ожидание надолго не затянулось — неожиданный телефонный звонок, прозвучавший поздним вечером 17 марта, разом вывел меня из состояния пассивности.

— Александр Григорьевич, — срывался в трубке голос моего соратника по поисковым вопросам, — свершилось! Теперь я точно знаю, что такое Гребли, и какое они имеют отношение к двум бочонкам! Как встретимся, я вам всё расскажу!

Неделя ожидания встречи пролетела мгновенно, и вот наконец раздался долгожданный звонок в дверь. Через несколько минут, когда гость разделся и уселся за стол, я ловко подсунул ему заранее раскрытый на нужной странице атлас Смоленской области.

— Ну и где же ваши «гребли-грабли»? — спросил я, едва сдерживая волнение.

— А вот они, — уверено ткнул он пальцем в речку Всшесна. — Но, разумеется, на современной карте ничего такого мы не увидим, но в доказательство моей теории я привёз карту 1817 года. Вот видишь? — протянул ко мне гость небольшой листок старинной карты, изображающей ход одной из битв кампании 1812 года. — Если ехать от Смоленска к Красному, то именно вблизи узенького мостика через Всшесну французские колонны ожидал неприятный сюрприз. В некотором отдалении за переправой их уже ожидала засада генерала Милорадовича, который решил отличиться перед государем столь дерзкой выходкой. На каком-то этапе его план удался. У тесного мостика через, в общем-то, совсем неширокую речку скопилось громадное количество войск и экипажей, которые быстро запрудили площадь в несколько гектаров. Но, на счастье французов, вверх по течению данной реки была устроена плотина, за которой разливался приличных размеров пруд.

Обнаружив плотину, солдаты коалиционной армии и транспортные колонны, естественно, повалили туда, благо от моста данная «гребля» была на расстоянии всего в четверть километра. Милорадович был отброшен от дороги, и движение по трассе возобновилось. Считаю, что речь идёт именно об этой плотине, ведь всякая гребля — это то, что нагребли, т.е. насыпали. Большое скопление повозок — это раз, — принялся загибать пальцы мой собеседник, — кровавая стычка с нашими войсками, в которой могли быть убиты лошади кассового фургона, это два. Далее мост через реку, близкая к нему насыпь, да и сама плотина как удачно подвернувшийся ориентир. Ведь именно об этом месте мог говорить Ковалевский на допросе. К тому же Всшесна не так далеко от самого города Красный, всего в десяти верстах.

Так что эта местность относилась именно к этому городу, а не к Смоленску. И самое-то замечательное, — предупреждающе поднял гость указательный палец, — припомни-ка быстренько, откуда был родом поляк Петрашкевич?

— Откуда… родом? — недоумённо переспросил я его, совершенно не понимая, какое это может иметь отношение к нашему поиску. Кажется, он был не из Красного. Откуда-то из провинции…

— Он был писарем Мерлинской волости! — перебил меня собеседник. — А где у нас то самое Мерлино? Да вот же оно, — вновь постучал он пальцем по тому же месту на карте, — стоит всего в километре от этого моста и от этой насыпи. Ты понимаешь теперь, почему Ковалевский отыскал именно его, этого Петрашкевича? Да потому что он, этот писарь, жил как раз вблизи того места, где были зарыты бочонки, и мог, как местный житель, что-то там такое делать вблизи прудовой плотины, не опасаясь разоблачения.

— Гениально, — только и смог произнести я в ответ, — просто потрясающе! Теперь всё кажется более или менее ясным. Нападение Милорадовича на головную часть обозной колонны, кассиры, свернувшие к плотине, в ужасе прячут бочонки вблизи насыпи. Сами они частично гибнут при обстреле, а частично попадают в плен. Живых кассиров утаскивают казаки, а уж затем французы делают прорыв и пробивают себе дорогу. Но они ничего не знают о золоте и скорее торопятся попасть в Красный. Обретя свободу через несколько лет, Ковалевский ради конспирации поселяется в городе, но то и дело появляется вблизи Мерлино. Проверяет, целы ли его бочки, и заодно ищет напарника из местных поляков… просто гениально. Решено, как только земля подсохнет — поеду в Мерлино, пощупаю, что лежит в этой плотине, или, как вы её называете, «гребле».

Читатели, наверное, сейчас подумали, что через какой-то месяц я уже грёб золото лопатой. Ах, если бы всё было так легко и просто, то все старинные клады уже отыскали бы, причём задолго до меня. На самом же деле история о таинственных «Гребешках» ещё только-только начиналась.

Поиски, я имею в виду работу непосредственно на местности, удалось начать только 30 июня. И первым был изучен полигон вблизи Мерлино. От той плотины, что некогда образовывала на Всшесне красивый пруд, к нашему времени не осталось и следа. Пришлось отмерять расстояние для полигона прямо от автомобильного моста, причём брать его с изрядным запасом. После чего было просканировано всё немаленькое пространство от украшенной старинными берёзами дороги до речного берега.

Результат меня не порадовал совершенно. Да, было найдено два увесистых пушечных ядра, но никаких следов золота (равно как и старых ям) обнаружено не было. Пришлось усаживаться в машину и выдвигаться ближе к Красному. Впереди были речки Лосвинка и Мерейка. Но первая речка, с которой я был знаком ранее, вряд ли могла представлять интерес для искателей «гребней». Никаких насыпей на подходе к тому месту, где через неё некогда был перекинут мост, не наблюдалось совершенно. Но делать было нечего, и пришлось битых три часа бродить по речной долине, пытаясь уловить хоть какой-то отзвук металла из-под земли. Тщетно, здесь было абсолютно пусто. К тому же испещрённая мелкими ямками почва показывала мне, что совсем недавно здесь уже работали неизвестные мне поисковики.

Значит, на дороге Красный — Смоленск оставалась последняя надежда — Мерейка. И действительно. Данная речушка была украшена на диво длинной и достаточно широкой насыпью, протянувшейся не менее чем на 80 метров. Тщательно и неторопливо я прочесал всё доступное мне для работы пространство, но и здесь ничего, кроме двух крышек от канализационных колодцев, отыскать не удалось. Требовалось остановиться и как-то осмыслить полученные отрицательные результаты.

Перетряхнув в памяти все военные эпизоды, связанные с боями вокруг Красного, я припомнил один очень любопытный момент. Вот как в действительности могли происходить события, вылившиеся в последствии в «Дело о гребешках». Польская дивизия Зайончика 30 октября (н.с.) ночевала в селе Червонном, а 31 октября на рысях двинулась в Красный, до которого было около 30 вёрст. В Красном же находился небольшой польский гарнизон, который охранял город с августа 1812 года. Вслед за ней выдвинулись польская же артиллерия и обозы. Ранним утром 2 ноября повозка кассира Ковалевского (перевозившая не менее 350 кг золота) остановилась на гребле, земляном валу, насыпанном при въезде в Красный (на восточном берегу ручья Мерейка). Проехать далее было невозможно. Узенькая дорожка в город так сильно обледенела и была столь крута, что лошади не могли одолеть подъёма и понуро мотали головами, несмотря на угрожающие возгласы возниц и щёлканье кнутов. Нужно было ждать того момента, когда запрудившие дорогу экипажи продвинутся хоть немного вперёд…

Неожиданно со стороны уже близкого города послышались орудийные залпы и оживлённая стрельба из ружей. Застрявшим в овраге возницам не было видно, что там происходит, но столь интенсивная перестрелка явно не предвещала ничего хорошего. На самом деле это на штурм города пошёл от-

ряд графа Ожеровского, имевший в своём составе пехоту, отряд конницы и батарею из шести пушек. Не ожидавшие нападения с тыла, да ещё в столь ранний час, французы дрогнули и начали отступать. Но отступать они могли только в сторону мостика через Мерейку, т.е. в сторону Смоленска. Другой дороги из города просто не было! И когда бегущие начали пачками бросаться с крутого берега в забитый экипажами овраг, Ковалевский принял решение срочно зарыть оба бочонка. Куда-либо уехать они просто не могли, поскольку спереди и сзади них стояли десятки телег и фургонов, а справа и слева расстилалась засыпанная снегом непроходимая речная долина.

Какие же приметы мог использовать кассир, чтобы пометить, или хотя бы запомнить, место захоронения? В его распоряжении их было совсем немного. Сама насыпь и примерные отрезки дороги до самого моста и, может быть, до восточного съезда к реке. Вот, собственно, и всё. Может быть, он успел прикатить какой-то валун и навалить его на свежераскопанную землю? Возможно, но маловероятно, времени у него было немного. Едва они засыпали яму, как на противоположном склоне замелькали высокие казацкие папахи и бой разгорелся непосредственно у реки. Не зря же Ковалевский говорил на допросе о том, что двое его товарищей были убиты. Они как раз и были убиты в том утреннем бою, в котором он, видимо, постарался уцелеть, спрятавшись под свой опустевший фургон. Казаки спешно повязали захваченных пленных и незамедлительно погнали их в центр города для допроса и последующей отправки в тыл.

А как раз в это время со стороны Смоленска к городу Красному вплотную придвинулась гвардейская дивизия генерала Клапареда, который конвоировал московские трофеи, казну и обоз Главной квартиры императора. Отряд казаков и несколько малокалиберных пушек были для него несерьёзной преградой, и он вскоре расчистил себе дорогу в город. Отряд Ожеровского отступил с главной дороги и остановился на ночлег в деревне Кутьково. А нежданно-негаданно попавший в плен кассир Ковалевский так ничего и не смог сообщить о только что спрятанном кладе своим соплеменникам, бережно храня в памяти события того дня в течение нескольких последующих лет.

Потерпев фиаско во время первого посещения Красного в 1819—1820 годах, Ковалевский наверняка взял паузу в несколько лет, после чего вернулся на Мерейку и повторил свою попытку. И, видимо, на этот раз его поисковая экспедиция оказалась более успешной.

* * *

По всеподданнейшему докладу...

В предыдущей почти детективной истории я уже рассказывал вам о том, как именно кладоискатели работают с попавшими в их руки архивными материалами, связанными с последствиями нашествия Наполеона на Россию в 1812 году. С удовольствием предлагаю ещё один материал на эту тему, прекрасно иллюстрирующий это направление поисковой работы. Перед нами «Дело № 7398» от 18 июля 1851 года, выпущенное из недр Управления генерал-губернатора витебского, могилёвского и смоленского по канцелярии 3-го отделения, которое даёт нам очередной исторический вызов, заставляя напрягать все силы, знания и опыт в решении очередной головоломки.

«Господину Могилёвскому Гражданскому Губернатору

Дворянин Августовской губернии, Адам Щепковский донёс г. (господину) Виленскому Военному Губернатору, что ему известны некоторые места в Западной губернии, где ретировавшиеся в 1812 году французские войска зарыли в землю ящики с деньгами, что служил тогда во французской кавалерии, он сам был свидетелем этого, и хотя по давности лет не в состоянии описать упомянутые места, но может указать оные.

По всеподданнейшему докладу Шефа Корпуса Жандармов поступившего представления о сём г. Генерал-адъютанта Бибикова, Государь Император Высочайше соизволил для отыскания сих мест отправить Щепковского с одним из чиновников Управления Виленского Военного Губернатора с тем, что таковые поиски могут быть произведены и в других неподведомственных ему губерниях.

Граф Алексей Фёдорович Орлов, получив отзыв Генерал-адъютанта Бибикова, что сей последний командирует своего Адъютанта, и что Щепковский полагает вести поиски, между прочим, и в Могилёвской губернии (неразборчиво) меня с вышеизложенным и просит распоряжения в случае надобности к оказанию упомянутому Адъютанту к оказанию содействия со стороны Полицейских властей в Могилёвской в нап... (неразборчиво) в местах не были произведены вышесказанные поиски.

О таковом требовании Г. Генерал-адъютанта Графа Орлова (неразборчиво) Ваше Превосходительство для зависящего с Вашей стороны распоряжения к

исполнению оного предлагаю Вам Милостивый Государь доставить сведения, что найдено будет Щепковским в вверенной Вам губернии.

Генерал Губернатор (подпись неразборчива)».

Вот с какого документа мы будем стартовать в наших поисках. Опять поляк, опять дворянин и вновь с просьбой об организации очередных поисков. Но на сей раз в отличие от кассира Ковалевского г-н Щепковский, кажется, действует от чистого сердца. Только от одного соображения становится както не по себе. Почему г-н Щепковский ждал с подачей прошения столь долго? Согласитесь, 39 лет — это такой солидный срок, когда даже самые яркие жизненные коллизии неизбежно покрываются густым флёром забывчивости. К тому же данному «кладоискателю» должно было быть уж как минимум 70 лет! Куда это он отправился на старости-то лет? Что это вдруг ему приспичило экстренно припомнить боевые эпизоды из времён далёкой молодости и отправиться в Россию? Запомним эту крохотную искорку сомнения и отправимся дальше путешествовать по строкам стародавних документов. Вот что пишет в циркулярном письме вице-губернатор Габарыкин:

«...Вследствие чего предписываю Городским и Земским Полициям Могилёвской Губернии при означенных изысканиях оказывать, как Адъютанту Генерал-губернатора Бибикова, так и дворянину Щепковскому всевозможное содействие выполнением законных их требований в каких бы местах не были производимы означенные поиски и о том, что будет ими открыто, немедленно мне донести».

Дело, как мы видим, успешно катится по хорошо накатанной колее государственного делопроизводства. И уже 4 августа 1851 года на стол могилёвскому губернатору ложится следующий документ:

«Его Превосходительству Господину Могилёвскому Гражданскому Губернатору и Кавалеру Копыского Земского Исправника рапорт

30 сего июля прибыл в Копыский уезд в корчму Вилы помещика Курча, находящуюся на восьмой версте от города Орши до местечка Кохановo, Господина Виленского Военного Генерал-губернатора. Адъютант ротмистр Геллер требовал моего прибытия на место, куда я отправился того числа и прибыл тем предъявился (неразборчиво) было тем Адъютантом сделавшее ему поручение с Высочайшего разрешения и объявил, что он прибыл с находящимся при нём польским уродищем (уроженцем) по прозванию Щапковский для отыскания по указанию его Щапковского оставленных в

1812 году французскими неприятельскими войсками в двух ящиках золотых денег закопанных (неразборчиво) следуя от корчмы Вилы к Г. Орша по левой стороне в четверть версты расстояние, где действительно есть кладбище, требовали в этом предмете моего содействия.

И потому (неразборчиво) числа рабочих людей много доставлено и по указанию этого Щапковского на означенном могильнике производится копка рвов, о чём Вашему Превосходительству честь имею донести.

Земский Исправник Лашкевич».

А теперь оглашается самая интересная для современного кладоискателя бумага, которая поступила всё от того же исправника. И интересно, что на этот раз в правом верхнем углу листа есть многозначительная приписка: «11 августа 1851. Секретно». Суть данного рапорта проста и незатейлива.

«В дополнение рапорта моего от 30 июля за № 597 Вашему Превосходительству честь имею донести, что производимые Адъютантом Виленского Генерал-губернатора работы Копыского уезда возле корчмы Вилы окончены и как ничего не оказалось, то он 1 числа Августа вечером отправился обратно в Город Вильна.

Земский Исправник Лашкевич».

Странная история поисков, вы не находите? Слишком короткая для столь серьёзной суммы, которая могла находиться в 2-х мобильных сейфах. То есть невольно создаётся ощущение того, что ротмистр Геллер был озабочен чем угодно, но только не исполнением возложенного на него поручения. И в самом деле, это что же за поиски такие? Только 30 июля собрали несколько землекопов, только 31-го проложили первую канаву, как 1 августа ротмистр уже отбывает восвояси. Он что, на городской бал боялся опоздать? Ведь искали, ещё раз повторю, не котелок с крестьянскими серебряными копейками, а ящики с полновесной золотой монетой! А вы знаете, о каких, собственно, ящиках идёт речь? Нет? Так я вас постараюсь немного просветить, хотя, честно говоря, мнения в этом вопросе у нас разделились.

Лично я считал, что ящики те представляли собой обычные стальные походные сейфы с четырьмя ручками для переноски, одним внутренним и двумя навесными замками. В одном таком ящике запросто могло помещаться до 150 кг золотых наполеондоров! Это в одном! А в двух? Уже подсчитали? Я рад. Но вот мои оппоненты пошли ещё дальше. Они полагали, что вблизи кладбища были зарыты не какие-то там тривиальные сейфы, а непосредственно сами корпуса, снятые с 2-х кассовых фургонов! Напомню, что загрузка

каждого такого фургона могла составлять до 450—500 кг разменной монеты. Конечно, с точки зрения кладоискателя, чем больше зарыто, тем лучше, но я всё же склоняюсь к моей версии. Ведь длина съёмного корпуса фургона составляла 2,34 метра, а высота от днища до конька крышки — 1 метр. Быстро закопать в условиях зимы два таких монстра, к тому же на приличную глубину, было делом крайне затруднительным. Но, как бы то ни было, наличие ценного захоронения вблизи старого кладбища почти не вызывает сомнения.

А теперь надо установить, а могли ли так несчастливо сложиться обстоятельства для польских кавалеристов, что они были вынуждены (иное слово здесь неуместно) расстаться со своей дивизионной кассой. Для этого давайте мысленно перенесёмся в далёкий 1812 год и посмотрим, что же такое происходило в окрестностях местечка Кохановo, что заставило поляков зарыть такое безумное количество золота. Вернёмся ненадолго к описанию нескольких ноябрьских дней 1812 года (20—22 ноября н.с.). Ведь именно в эти дни, вероятнее всего, и были закопаны два походных сейфа, и нам нужно обязательно понять, почему данное захоронение было сделано вблизи тракта Орша — Кохановo и именно в это время. Читаем.

20 ноября

«Император приказал генералам распорядиться сожжением всех повозок, фургонов и даже всех упряжных экипажей. Лошадей в артиллерию. За нарушение приказа — расстрел. Генералы Жюно, Заончик и Клапаред принуждены сжечь половину фургонов и колясок. Император дал разрешение брать лошадей, лично ему принадлежавших. Были истреблены понтоны, а 600 лошадей из-под них переданы в артиллерию. Днём главная квартира перенесена в Бараны. Вечером Наполеон покинул Оршу и ночевал в Беренове, поместье немного вправо от дороги в восьми верстах от Орши.

Вечером в Бараны прибыл офицер Генерального штаба де Бриквиль.

Но тут у Наполеона было едва 6000 солдат, несколько пушек и расхищенная казна. В Смоленске оставалось всё-таки 30 000 строевых солдат, 150 орудий, казна.

Генерал-лейтенант граф Де Сегюр».

21 ноября

«Сыро, местность изрезана оврагами вперемешку с лесом. Дорога от местечка Бараны до Толочина обсажена по обе стороны берёзами. Незадолго до прибытия императора казаки с пушкой показались впереди пути:

они атаковали нескольких пеших кавалеристов, выступивших им навстречу и считавших их (казаков) малочисленными. Казаки показались в небольшом количестве по своему обыкновению, чтобы заманить нас. Полковник 12-го кирасирского полка был взят в плен со многими офицерами.

Утром Наполеон, гвардия и обозы выступили в Коханово. Пройдя 20 км, остановились на ночлег. Погода тёплая, днём таяло, ночью подмораживало».

22 ноября

«Двигаемся экипажами от Коханово к Бобру. Император остановился в здании чем-то вроде монастыря (в Толочине). На пути к Толочину встретили адъютанта маршала Удино (с донесением о занятии города Борисова русскими войсками)».

К полудню сержант Бургонь добрался до Толочина. Пройдя через данный городок, «молодая» гвардия сделала короткий привал. Все остатки ещё боеспособных частей армии очутились как бы в одном месте, в сборе. «Молодая» гвардия встала по правую сторону дороги тесной колонной подивизионно. Гвардия была под ружьём, 7000 человек.

«Прескверно проведя ночь в селении Коханово, где уцелела только одна "рига" (так раньше называли большой сарай для обработки и хранения зерна), *служившая почтовой станцией, да 2—3 дома, мы ("молодая" гвардия) рано поутру в 6 часов утра пустились в поход. Мы шли по дороге, страшно грязной вследствие оттепели. Пройдя 17 вёрст, к полудню добрались до Толочина. Пройдя его, сделали привал. Это было перед мостом через речку Друть. Речка была замёрзшая, в полях лежал снег по колено. За Толочиным "молодая" гвардия, егеря, и егеря "старой" гвардии сформировались в каре. Наполеон вышел в его центр и произнёс речь. После этого правый фланг начал движение. Поток в несколько тысяч человек двинулся по дороге в городок Бобр.*

Глубокой ночью Наполеон вызвал к себе обер-шталмейстера двора герцога Коленкура и имел с ним беседу, приказав ему: "Надо заранее подготовиться на тот случай, если придётся уничтожить всё, чтобы не оставлять трофеи неприятелю. Я лучше буду есть руками, чем оставлю вилку с моей монограммой". Далее Коленкур пишет, что он распорядился, чтобы все офицеры штаба обходились своими приборами, не рассчитывая на обоз главной квартиры».

Императорский обоз, отправленный 25 октября из-под Малоярославца (200 подвод) с охраной 400 егерей гвардии, в полдень находился за Толо-

чином в 8 верстах ближе к Бобру. В 15.00 этот обоз нагнали польские уланы кавалерийского полка, спешившие на помощь маршалу Удино, который торопился отбить у русских город Борисов и стратегический мост через Березину.

«Двигаемся эшелонами от Коханово к Бобру, следуя за Императором, перенесшим главную квартиру из Каменицы в Толочин, и встречаем на пути к Толочину прискакавшего к нам во весь опор адъютанта маршала Удино. Он принёс весть, что русские овладели не только оборонными укреплениями («тет де поном»), *но в их руки попал также и город Борисов со всеми складами. Известие о потере борисовского моста было громовым ударом, тем более, что Наполеон, считая утрату этого моста делом совершенно невероятным, приказал, уходя из Орши, сжечь все находившиеся там понтонные повозки, чтобы везших их лошадей* (600 шт.) *назначить для перевозки артиллерии.*

Император приказал генералам распорядиться сожжением всех повозок и даже всех упряжных экипажей; лошадей приказано было немедленно отобрать в артиллерию, всякого же нарушившего этот приказ — подвергать смертной казни.

И вот (в районе Толочина) *началось уничтожение всех "лишних" экипажей; офицерским чинам, включая сюда и полковников, не разрешалось иметь больше одного экипажа. Генералы Зайончек, Жюно и Клапаред также принуждены были сжечь половину своих фургонов, колясок и разных лёгких экипажей, которые они везли с собой, и уступить своих лошадей в артиллерию гвардии. Один офицер из гл. штаба и 50 жандармов должны были при этом присутствовать.*

Император дал разрешение брать в артиллерию всех лошадей, какие только понадобятся, не исключая и лично ему принадлежащих, только бы не бросать пушки и зарядные ящики».

Приказ этот имел далеко идущие последствия и в конце концов привёл к заложению ещё как минимум 2-х (а может быть, и более) драгоценных кладов. Один, относительно небольшой (по весу немногим более тонны), был спрятан явно до востребования, другой же (просто гигантский по своей массе) был однозначно ликвидационным. Давайте же посмотрим, где и при каких обстоятельствах это произошло.

Но прежде отметим, что положение коалиционной армии было и в самом деле просто угрожающим, и Наполеон прекрасно понимал, что он медленно, но неуклонно втягивается в очередной капкан, подготовленный командова-

нием русских войск. И действительно, давайте мысленно взглянем на схему, отражающую положение обеих противоборствующих сторон.

Итак, к 22 ноября основные силы французской армии были растянуты от западных окраин Коханова до восточных окраин Лошницы. Они двигались на запад довольно свободно, почти не встречая сильного противодействия, но, по существу, наполеоновские войска находились в своеобразном подвижном окружении. Откройте ради любопытства карту Белоруссии и проследите за перемещениями русских войск, так вам будет гораздо легче проникнуть в замысел М.И. Кутузова.

С северо-запада у селения Холопеничи расположился корпус подполковника Власова. На севере у Лукомли войска генерала Витгенштейна противостояли корпусу Виктора. Голенищев-Кутузов наступал от Бабиновичей. Платов подходил к Коханову. Генерал Ермолов занял Оршу. Милорадович выступал из местечка с забавным названием Лещи. Конница Ожеровского форсировала Днепр у городка Шклова. А полки Чичагова и вовсе заняли город Борисов, перехватив основные мосты через Березину на главной дороге. Таким образом, все, буквально все, основные и даже второстепенные дороги были блокированы, и ожидать самых решительных действий русских войск можно было в любое время.

Теперь мы с вами точно знаем, что именно случилось вблизи белорусского местечка Коханово, и почему именно там были спешно захоронены тяжеленные сейфы. Сгруппирую все важные для кладоискателя данные и расположу их по мере важности.

«Вечером Наполеон покинул Оршу и ночевал в Береново (совр. Барань), *поместье немного вправо от дороги в восьми верстах от Орши».*

Вспомните эту цитату? Именно в 8 верстах от Орши, вблизи той самой деревни, и было расположено деревенское кладбище, на котором (или около) были зарыты 2 сейфа или кассовых ящика. И сам Наполеон, возможно, лично наблюдал за этим процессом.

Именно к 22 ноября Наполеону стало окончательно ясно, что его армия приближается к умело выстроенной русскими генералами ловушке, чреватой для него самыми неприятными последствиями.

Спасая ещё оставшуюся в войсках артиллерию от уничтожения, он отдаёт категорический приказ брать лошадей для пушек и зарядных ящиков там, где они найдутся. Следовательно, и у номерных, кассовых фургонов могли запросто реквизировать лошадей, оставив кассиров с их неподъёмными сейфами буквально в чистом поле.

Генерал Зайончек (а он был командир польской конной дивизии) среди прочих был вынужден расстаться со значительной частью своих экипажей. Войска Наполеона всё ещё располагались вблизи Коханова.

Погода в те дни была на редкость тёплой (войска двигались по непролазной грязи), и, следовательно, была возможность именно закопать стальные или (деревянные) ящики, а не, допустим, утопить их.

Так что действительно в случае с бывшим кавалеристом Адамом Щепковским мы изначально имеем вполне правдоподобную и внутренне непротиворечивую ситуацию, при которой действительно мог быть закопан крупный клад, вынужденно снятый с двух кассовых фургонов Генерального штаба французской армии. Каждый подобный фургон как раз и перевозил либо два железных сейфа, либо несколько (до десяти) бочонков с золотой или серебряной монетой. Иными словами, на прямой вопрос: «А могли ли польские кавалеристы расстаться с таким богатством именно вблизи корчмы Вилы?» — я могу дать прямой ответ — да, могли. И, скорее всего, расстались они с ним легко. До 5 декабря, даты, когда армия фактически перестала существовать, оставалось всего 12—13 дней, и вопрос «кошелёк или жизнь?» перед гибнущим воинством уже не стоял. Все старались спастись любыми путями и потому абсолютно бестрепетно расставались с влекомым полуживыми лошадьми сокровищами. Да что там много говорить о какой-то войсковой кассе? В тот же день Наполеон отдал приказ утопить крупнейший и богатейший обоз, который вышел из разорённой Москвы самым первым. А тот обоз состоял не менее чем из 200 повозок, битком набитых отборными сокровищами! И ничего, утопили его в одночасье. И никто даже слезинки не уронил. Впрочем, это совсем другая история из другой книги. Давайте поскорее вернёмся к Адаму Щепковскому, ведь его приключение ещё не окончено. Приведу для проформы содержание ещё нескольких документов.

«Копыскому Земскому Суду

Полученный мною Копыского Суда рапорт от 3-го прошлого августа №11943 об открытии Адъютантом Виленского генерал-губернатора Ротмистром Галлером по указанию дворянина Щепковского сокрытые ретировавшимися в 1812 году французскими войсками в землю ящиков с золотом не (неразборчиво) *чинов Суда.*

Вследствие чего, делая строгие замечания чинам сего суда Исправнику Логиновичу (неразборчиво) *Войтиковичу и стряпчему Ко-чу возвращаю означенный рапорт для* (неразборчиво) *и* (неразборчиво) *представить таковой обратно с первою почтой».*

* * *

«Генерал-губернатору Витебскому Могилёвскому и Смоленскому
Копыского Земского Суда рапорт от 3 августа № 11943 (неразборчиво), что Адъютант Виленского генерал-губернатора Ротмистр Галлер по указанию дворянина Августовского губ Щепковского при содействии земского исправника производил в Копыском уезде поиски зарытых ретировавшимися в 1812 году французскими войсками ящиков, и они 1 августа отправились обратно в г. Вильно.

Очень ВС. (неразборчиво) *от 28 июля № 15026».*

* * *

«№ 11644 8—10 августа 1851 г.
Его превосходительству
Господину Могилёвскому Гражданскому Губернатору и Кавалеру

Копыского Земского Суда рапорт
В исполнение предписания Вашего Превосходительства от 28 Июля за № 15011 Земский Суд честь имеет донести, что Адъютант Виленского Военного Генерал-губернатора Ротмистр Геллер, прибывший с дворянином Щепковским поиски в отыскании зарытых в землю ящиков с деньгами, при содействии Исправника (были) *произведены, поскольку ничего не оказалось, и он 1 августа...»*

В деле есть ещё много всевозможных бумаг, которые, однако, ничего нового нам не открывают, а лишь бесконечно повторяют одни и те же канцелярские пассажи о зарытых ящиках, адъютанте Геллере и дворянине Щепковском. Самое главное мы и так уже знаем. Золото было закопано вблизи какого-то деревенского кладбища, и оно впоследствии найдено не было. А вот теперь мы с вами должны сами себе ответить на самый главный вопрос... нет, на два главных вопроса. Зачем старикан Щепковский потащился в Россию за деньгами? Это первая загадка, более простая. И вторая, куда как более сложная. Почему же он те ящики не нашёл? Ведь его интерес к успешному завершению поисков, кажется, был вполне искренним и добровольным.

Ответ на первый вопрос представляется мне более очевидным. Из-за военной кампании и последующих нерадостных для Польши событий бывший кавалерист обзавёлся семьёй довольно поздно. И в то время, когда ему уже было под 70, его сыну пришло время жениться и тоже заводить семью. Дело важное, требующее немалых денег, особенно если родители хотят постро-

ить молодым и дом в качестве приданого. Вот тут как раз и припомнилась старику история, произошедшая с ним во времена далёкой боевой молодости. Два тяжеленных ящика с монетами, зарытых на его глазах около старого кладбища, наверняка могли изрядно пополнить скудный кошелёк небогатого польского дворянина. Он, наверное, не раз мысленно возвращался к тем воспоминаниям. Армейские кассы отступавшей армии были полны денег, которые тратить было некуда. За что платить, если никто и ничего не продаёт? Вспоминается лишь один эпизод тех страшных дней, когда на окраине той же Орши (в одном переходе к востоку от Коханово) сидел какой-то солдат из Вюртембергской дивизии и менял серебряный кирпич на кусок простого хлеба.

Еда в те дни была дороже серебра и злата, но отыскать её или даже купить было практически невозможно. Иное дело — теперь, в середине XIX века. Всего было полно, вот только денег не хватало. Несомненно, что Адам Шепковский поехал в Россию добровольно и честно старался помочь в поисках, оговорив себе немалую толику наградных. Тогда абсолютно непонятно, почему деньги не были найдены. Но, может быть, дело было вовсе не в Щепковском, а в ротмистре Геллере? И в самом деле, ведь поиски могли быть им свёрнуты, едва начавшись, только при особых обстоятельствах. И неудача, постигшая наших поисковиков, заключалась вовсе не в том, что железных ящиков не существовало в природе, а в том, где именно их зарыли поляки!

На присланных мне вместе с самим делом фотографиях окрестностей деревни Барань я вижу однообразную и безлесную белорусскую равнину, украшенную (если так можно выразиться) одним-единственным местным ориентиром — небольшим кладбищем. И поэтому, вполне естественно, место для захоронения двух сейфов было выбрано поляками непосредственно у ограды кладбища, или даже среди могил. А что? Идеальная маскировка под свежую могилку, и не придерёшься.

Теперь зададимся вполне резонным вопросом: а стал бы православный христианин и офицер Геллер перекапывать всё православное же кладбище в поисках какого-то золота? Примите во внимание тот факт, что это происходило 150 лет назад. Вполне допускаю, что в наше время ради такой крупной добычи данное кладбище вскопали бы вдоль и поперёк, и не по одному разу. Но в те времена были иные нравы и другие понятия о чести и человеческом достоинстве. И если принять мою точку зрения, то становится понятно, почему жандармский ротмистр, даже облечённый столь высокими полномочиями, столь быстро свернул не только раскопки, но и поиски вообще. Едва Щеп-

ковский заикнулся о том, что кладбище за прошедшие десятилетия сильно разрослось и войсковые кассы точно оказались в окружении новых могил, как все землекопы были немедленно отозваны и распущены по домам.

Ротмистр Геллер не мог себе даже представить, что во время поисков ценностей можно вот так запросто рыться на православном кладбище. Вот именно поэтому все работы были завершены, едва была проложена первая пробная траншея, ориентированная вдоль кладбища. Если ящиков не оказалось вблизи указанной поляком ограды, то, следовательно, забор уже перенесли дальше, и ящики с монетами неизбежно затерялись где-то среди могил. А рыться там ни возможности, ни полномочий, ни элементарного желания у ротмистра не было.

Осталось теперь выяснить только один щекотливый момент — возможно ли в принципе отыскать данный клад, даже если, образно выражаясь, наплевать на все моральные нормы и ограничения. Имея богатый поисковый опыт и зная возможности современной поисковой техники, могу сказать только то, что отыскать данные сейфы можно в одном-единственном случае. Этот случай касается полного переноса кладбища на новое место. Только если будут перенесены все могилы и окружающие их ограды, можно будет со 100-процентной вероятностью отыскать так и не найденные Адамом Щепковским сокровища. Все же остальные попытки заранее обречены на неудачу. Но поскольку такой поворот событий в наше время вряд ли возможен, то, скорее всего, кладбищенский клад так и будет лежать на своём месте…

* * *

Две телеги святого Антония

Эта во многом показательная и даже классическая по основным своим параметрам легенда, как и многие иные истории подобного рода, берёт своё начало в несчастливое для нашей страны время. Начну я свой рассказ о ней с рапорта, который дошёл до наших дней благодаря работникам государственных архивов и усилиям Игоря Кузнецова, который опубликовал его на страницах газеты «Клады и сокровища», ныне, к сожалению, окончательно закрывшейся.

«Во исполнение последовавшего из Духовной консистории в оное духовное правление указа от 7-го числа августа сего 1836 года честь имею оному правлению отнестись.

В прошедшем 1812 году я находился при Поречской соборной церкви протоиереем и благочинным и живо припоминаю, что в том 1812 году в июле месяце было предписано, опасаясь нашествия неприятеля выбираться из города куда-либо. 19 июля (ст. стиля) *я, с помощью соборной церкви помощников, старосты церковного (мещанина Александра Родомацкого, который тогда отлучился из города неизвестно куда), мещан Андрея Лебеткина, кой уже умре, и Андрея Лаврентьева Егорова в церкви соборной с торопливостью от наступления неприятеля отодрали от святых икон оклады серебряные, сосуды священные серебряные, Евангелия окладные серебром, кресты напрестольные серебряные и прочие вещи, видные в церкви, а также деньги звонкою монетою с собой в стихарях с завязанными у них рукавами унесли. Оные вещи на повозке отвезли мы на 16 вёрст в отстоящее сельцо Лоскотово помещика Петра Васильева, в лес, который простирался вёрст на пять или более, где я с означенными помощниками и отдал церковные вещи для зарытия в некоем потаённом месте священнику приходской Лоскотовской Воскресенской церкви — Антонию Соколову. Оный священник вещи принял и в месте незнаемом зарыл.*

Антония Соколова, не успевшего уйти, при ограблении Воскресенской церкви и оного помещика французы били железными шомполами, отчего он в два дни умер. Вещи церковные и деньги французы искали, на кладбищах новые могилки разрываемы были в надежде получить что-либо скрываемое. А где вещи те были зарыты и деньги церковные, со смертью Антония Соколова сказать невозможно. Денег же было с лишком три тысячи рублев, что и в ведомости годовой обозначено.

Я же, нижайший, не имея способа выбраться из дома и что-либо увезти, потерпел от неприятия убытку в 1800 рублев, но пособия никакого не получил, от чего и в сие время потерпеваю крайности в содержании моём, о чём рапортую верно.

Сентября дня 1836 года. К сему рапорту протоирей Илия Зверев руку приложил».

Итак, мы с вами имеем благодатный материал, в котором чётко прослеживаются все признаки типичной кладоискательской истории. Тут есть и особого рода обстоятельства (нашествие французов), и сами вполне реальные сокровища (церковные предметы и крупные суммы в монетарном виде), и человек, который погиб, прежде чем успел сообщить о месте захоронения клада (избиение священника шомполами). И меня буквально одолевает великий соблазн показать читателю на данном конкретном примере, как же разрабатываются такие вот типичные кладовые легенды.

Прежде всего, район, связанный с теми или иными событиями, исследуется с географической и исторической точек зрения. Выясняется, что городок Поречье, упомянутый в рапорте протоирея Илии Зверева, ныне называется Демидов (районный центр), и расположен он на запад от Смоленска при слиянии рек Каспля и Гобза. При этом через первую реку жителей перевозил паром, а через вторую был переброшен деревянный мост. При императрице Елизавете на левом берегу р. Каспли был устроен монетный двор, который упразднили в 1763 году. Там же находилась таможня. Эти факты укрепляют нас в мысли о том, что в городе, где были выстроены такие нерядовые государственные заведения, должны были водиться немалые деньги и общий уровень зажиточности горожан был отнюдь не низкий. Данное соображение также подтверждает мысль о том, что соборная церковь (т.е. самая главная церковь г. Поречья) была отнюдь не бедна и имела возможность скопить в своих закромах значительные наличные средства и чисто церковные сокровища.

Илия Зверев упоминает дату 19 июля, как время, когда он начал проводить эвакуацию вверенного ему имущества. Это важно, так как накануне этой даты (17 июля по старому стилю) в город пришли три колонны армии Барклая де Толли, отступавшие из г. Витебска. А 23 июля 1812 года французские войска заняли Сурож и Яновичи и находились от Поречья всего в 50 верстах. Эвакуация, хоть срочная и спешная, дело отнюдь не быстрое, это понятно каждому. Хотя и с помощниками, но он явно провозился не менее двух дней, прежде чем сформировал и должным образом упаковал груз, который занял целую телегу. Но почему он поехал именно на восток? Это тоже объяснимо. Во-первых, неприятель наступал с запада, а во-вторых, Зверев наверняка хорошо знал Антония Соколова и, может быть, даже хотел помочь тому с эвакуацией ценностей приходской церкви деревни Лоскутово, находящейся на его попечении.

Но всё же остаётся ещё ряд вопросов, которые не дают удовлетвориться столь очевидными ответами. Не зря же протоирей Зверев упоминал в рапорте громадный лес, «который простирался вёрст на пять или более». Видимо не зря он повёз церковные сокровища именно в Лоскотово, а не куда либо ещё. Ведь само Поречье (как и нынешний Демидов) стояло на совершенно открытой местности. Прятать что-либо ценное вблизи города, не уверившись заранее, что за тобой не наблюдают из-за какой-нибудь копны сена или из-за угла деревенской хаты, было немыслимо, и вот поэтому драгоценную повозку направили в столь глухую деревеньку. В ней на тот момент было доста-

точно большое население, т.к. церкви в маленьких деревнях не строили. Это уж потом, по состоянию переписи 1856 года, в ней осталось всего 5 домов, приходская опустевшая Воскресенская церковь и 36 душ дворовых. По понятиям протоирея, лучшего места для организации тайника было не найти, ведь именно дремучие леса издревле считались у россиян наилучшим местом для сокрытия своего имущества от расхищения очередными завоевателями.

В Лоскотово приезжие гости, несомненно, рассказали о том, что творится в округе, и наверняка помогли священнику провести и собственную операцию по эвакуации. Ведь время их поджимало неумолимо, и нужно было торопиться. На следующий день гости отправились обратно. Привезённый ими груз был перегружен на телегу Антония Соколова, и сам приходской священник, конечно же, поехал вместе с ним. Деревня, откуда вышел это маленький караван, до наших дней не сохранилось, но известно, что стояла она на берегу реки Гобза.

И теперь самое интересное. Как же действовали устроители тайника впоследствии? Судя по докладу Зверева, дело обстояло следующим образом. Выехав на перекрёсток дороги, которая соединяла Поречье с селением Ненькович, они расстались. Протоирей со своими спутниками повернул лошадь налево, и они двинулись навстречу подходящим к городу французам, а Антоний Соколов остался на дороге в полном недоумении. Ему ведь надлежало срочно где-то захоронить порядка 200 кг груза, причём так, чтобы впоследствии он мог его легко отыскать. И в то же время посторонний не имел бы возможности воспользоваться кладом.

И тут возможны варианты. Он, разумеется, мог всё закопать тут же, прямо у перекрёстка. Место знакомое, приметное, да и носить недалеко. Единственная опасность заключалась в том, что свежий раскоп непосредственно у дороги мог привлечь чьё-то нежелательное внимание. Да и кто-то из городских гостей мог вернуться на место их расставания и проверить, не лежат ли денежки у того места, где они накануне пожимали друг другу руки.

Возвратиться обратно в деревню и спрятать ценности в собственном амбаре или подполе? Опасно. Чужие глаза не прикроешь, да и не исключалась возможность появления французов и в Лоскотово. Оставалось использовать сам лес в качестве тайника. Но подскажите, ради бога, под каким деревом закопать груз? В лесу миллион деревьев, и они все одинаковы. Антоний Соколов был уже пожилым человеком и вряд ли надеялся на свою память. Несомненно, ему требовался такой местный ориентир, который не мог измениться даже за достаточно продолжительное время. Никто ведь не знал, как долго

продлится период оккупации и вооружённого противостояния с общеевропейской коалицией. События могли повернуться по-всякому. Если принять во внимание это соображение, то можно представить, что идеальным решением было бы захоронить ценности в лесу, но вблизи приметного берега реки Гобзы.

Действительно. Берега реки не могут сгореть либо вырасти и быстро изменить форму. Они не могут быть спилены на дрова, а сама конфигурация берегов достаточно индивидуальна и редко повторяется. Соколов, как местный житель, прекрасно знал данную береговую линию и давно заприметил какой-нибудь характерный мысок, выделяющийся (например) своей необычной формой. Ведь как раз на восток от деревни, вверх по течению реки, есть ряд крутых поворотов русла, а также присутствует крайне примечательное место, где в реку впадает ручей, текущий от деревни Борок. Точка со всех сторон просто идеальная. Пустынное место, расположенное в густом лесу, но близко от дороги, — оно осталось неизменным с той поры и, наверное, по сию пору хранит старинные предметы церковной утвари наряду с большим количеством медных и серебряных монет, самая «юная» из которых уже давно достигла 200-летнего возраста.

* * *

В начале мая из далёкого северного села Самбор пришло ко мне письмо, в котором содержались сведения о приличном по массе кладе золотых монет, будто бы спрятанных двумя французами в октябре 1812 года. Сведения, предоставленные мне автором письма, показались мне вначале столь необычными и неправдоподобными, что я недолго думая назвал главу, посвящённую этому вопросу:

Сказки Кляшторного леса

Как водится среди кладоискателей, прежде всего, я воспроизведу саму пересланную мне кладовую запись, некогда с большими трудностями переведённую со старопольского отцом моего корреспондента.

«Опись клада.

За местечком Глембочки в Пятецком лесу есть треугольная скала (холм, горка, крутой береговой обрыв), которая выходит клином между речками

Первая Глембочка со стороны текущая на юг, а другая с полночной стороны. Обе эти речки сближаются в клине той скалы под лесом Кляшторным (монастырским), принадлежащим Прекарию (викарию, священнику). В клине той скалы выдолблены две фрамуги (отверстия, ямы), в тех фрамугах положены два барила (бочонка) кассы военной, которая состоит из 160 000 франков чистого золота в монетах, которые имеют хождение в краю.

Отверстия тех фрамуг замурованы камнем из раствора, а на самом растворе выдавлены буквы "D", "N". В память двух офицеров французских Декуля — предводителя кавалерии и Норанта — пехотинца, которые, убегая перед неприятелем, сберегли этот клад в попавшемся удобном месте.

А войско их после боя полегло между Коровинцами и Малыми Пятками. Опись эта докладно сложена к кляшторе, о чём отцом Захарием так доведено и приложено кляшторией и военной печатями. И без нашего дозволения ни один из нас этот клад открывать не должен.

Норанта, Декуль, Захарноша. 12.10.1812 (ст. стиль).

Сторона скалы на западном севере показывает своим концом на Юго-Восточную сторону на расстоянии 30 метров».

Да, дела! Непростая досталась мне для работы кладовая запись. Мутная, полная скрытых противоречий, недомолвок и совершенно непостижимых глупостей, она тем не менее заставляла напрягать все извилины мозга в попытке привязать её к конкретному району, в котором должна была действовать армия Наполеона. Опорных точек для поиска в «Описи» было дано даже с избытком, и поэтому выявить примерное место действия данной легенды поначалу не представлялось слишком трудным делом. Местечко Глембочки, река одноимённого названия (текущая на юг) и ещё одна речка, сближающаяся с первой таким образом, что между ними возвышается некий угловатый холм, должны были дать ответ на самые главные для кладоискателя вопросы: да был ли этот случай вообще? Где же на самом деле зарыты бочонки?

В том, что они были просто зарыты, а вовсе не замурованы, я был уверен на все 100 %. Естественно, несмотря на то, что легенда утверждала, что бочонки с золотыми монетами были именно замурованы в неких «фрамугах» в скале, этому утверждению верить не хотелось совершенно. Посудите сами. Где, в пылу спасительного бегства, двое французов могли обзавестись камнями, строительным раствором и прочими инструментами? Отвечу со всей определённостью. Нигде! Отыскать всё это в тот момент, когда сзади скачет

неприятель и надо срочно спасать жизнь... нет, это нереально. Также нереально отыскать и подходящих размеров скалу в российском Нечерноземье. Несомненно, это был просто приметный холм, каким-то боком выходящий к Старой Смоленской дороге. Свернув с дороги, французы скоренько выкопали неглубокую яму (а может быть, и две) и захоронили оба бочонка, использовав в качестве местной приметы особую форму холма, а также вымеренное шагами расстояние от его острого гребня, спускающегося в сторону юго-востока. Ведь не зря же давалась следующая приписка к кладовой описи: «Сторона скалы на западном севере показывает своим концом на юго-восточную сторону на расстоянии 30 метров». Смысла в такой приписке нет совершенно, если только она не напоминает о некоем расстоянии между каким-то природным объектом и местом захоронения. Все же прочие уверения в том, что после завершения работ они-де изобразили на свежем захоронении свои инициалы, — не более чем дешёвый пафос, сочинённый для поднятия морального престижа удирающих со всех ног рыцарей «без страха и упрёка».

Обращало на себя ещё одно упоминание вполне конкретных населённых пунктов, упомянутых в описи. Обратите внимание. Вот они! «А войско их после боя полегло между Коровинцами и Малыми Пятками». Причём каждый из нас должен чётко понимать, что и Коровинцы, и Пятки мало того, что должны были не только располагаться вблизи друг друга и неподалёку от Смоленской дороги, но ещё и таким образом, чтобы находиться несколько далее от Москвы, нежели вышеупомянутые Глембочки. Это естественно. Ведь вначале требовалось закопать клад, а уж потом все действующие лица должны были непременно погибнуть геройской смертью.

Кстати сказать, такого рода положения почти всегда встречаются в текстах старых «кладовых записей». Этим как бы делается своеобразный, прозрачный намёк будущим кладоискателям. Мол, поскольку владельцев заветного клада всё равно не осталось, то давай, друг, ищи смело. Деньги всё ещё там, под грушей, в колодце, между большим камнем и дубом, или вот, как в данном случае, — во «фрамуге» замурованы. И тут я вспомнил ещё об одной прелюбопытнейшей приписке, сделанной в конце «описи». В данном абзаце утверждалось, что записка с указанием местоположения клада была передана некоему Захарию, служащему в некоем «кляштории», иными словами, монастыре. И даже указывалось на то, что записка была скреплена и монастырской, и военной печатями, чтобы, мол, никто без дозволения тот клад не отрыл.

Наивность такой фразы вполне очевидна каждому, но для определения географической составляющей в нашем поиске данная приписка могла быть

очень даже полезна. На основании её можно было предположить, что в данной местности имелись не только уже упомянутые населённые пункты, реки и холмы, но и какой-то монастырь. И монастырь этот должен был располагаться совсем недалеко от пресловутых «Глембочек».

Таким образом, перед тем как произвести географическую привязку клада в кладовой описи, в её тексте было выявлена целая куча ориентиров, вполне определимых на картах двухсотлетней давности. И горе сей записке, если хоть один такой ориентир будет отсутствовать совершенно или располагаться в другом месте. В таком случае данную «Опись» можно было смело спускать в мусорное ведро и никогда более о ней не вспоминать.

Начали изучать картографический материал. Вначале данные населённые пункты мы попытались отыскать в Смоленской, Минской и Гродненской губерниях (т.е. там, где пролегал основной маршрут отступления французов), но таковых там не обнаружилось. Тогда район поиска был расширен и на Украину, в северной части которой в 1812 году тоже вроде бы велись боевые действия. Заодно начали искать сёла и деревни со сходными по произношению названиями. Ведь там, где было написано «Коровинцы», вполне могли оказаться «Коровницы» или «Кровяницы». Почему нет? А «Малые Пятки» за прошедшее время могли легко преобразоваться просто в «Пятки», «Большие Пятки», или какие-нибудь «Красные Потки». Но особенно нас интересовали именно Глембочки, ибо основные события разворачивались именно вблизи них. Глубочки, Голубченки, Голубочки, Голубчики и прочее, прочее и прочее. Вариантов написания столь заковыристого словечка было хоть пруд пруди, но требовалось отыскать только один из них — единственный!

И вот именно на Украине, в удивительной близости друг от друга, и в самом деле обнаружились все три искомых населённых пункта. Правда, сами Глембочки из «описи» назывались теперь селением Глубочок, но Великие Коровинцы и Пятки наличествовали почти в своём первозданном виде. Кроме того, здесь присутствовал весьма обширный лесной массив, сливающиеся в одно русло ручьи, и даже прибрежная возвышенность, которую в первом приближении легко можно было принять за крутую скалу, располагавшуюся как раз между речкой Глубочок (заметьте, данная речка одноимённа с селом) и её притоком.

Вот только район, где отыскались населённые пункты из «Описи» располагались вовсе не вдоль Старой Смоленской дороги, как я первоначально предполагал, а в Житомирской области, вблизи украинского городка Бердичева! Это было для меня настолько странно, что невольно возникало сомнение в

точности описываемых в легенде событий. С одной стороны, в ней вроде бы говорится именно про золотые франки (луидоры или наполеондоры), а с другой стороны... какой-то заштатный Бердичев. Всё это так не вязалось друг с другом, что пришлось вновь засесть за изучение истории Первой Отечественной войны. И вот тут-то и всплыла информация о ныне почти забытых подвигах генерал-майора А.П. Тормасова.

Постепенно удалось выяснить, что данный генерал воевал и широко маневрировал именно в Житомирской области, т.е. достаточно близко от Бердичева. Можно даже предположить, что после крупного сражения вблизи Городечно (совр. Городец) некоторые подразделения французских войск начали отступление в общем направлении на юго-восток. За ними вдогонку двинулся наш конный полк. И на подходе к Бердичеву, уже миновав Коровницы (совр. Великие Коровницы) он настиг спешивших на соединение с основной массой своих войск французов. Завязалось яростное сражение. Воспользовавшись неразберихой, двое французских офицеров, прихватив по бочонку с монетами, что было сил помчались на северо-восток, к единственному в округе обширному лесу. После Малых Пяток (совр. Пятки) они очень скоро доскакали до деревни Глубочок. Но останавливаться там они вовсе не собирались и продолжали движение на север, двигаясь по единственной дороге, проложенной вдоль левого берега реки Глубочок. Вскоре путь им преградил левый приток Глубочка, и они остановились на обрывистом высоком берегу при слиянии двух речек.

Место для захоронения крайне отягощавших их бочонков было просто идеальным. Клинообразный обрыв своим острым треугольным гребнем будто специально указывал им на уединённое и уникальное место, удивительно подходящее для захоронения обоих бочек. Скатив поклажу с холма, французы тесаками выкопали неглубокую ямку в тридцати шагах от конца земельного клина и, поместив туда небольшие, но увесистые бочечки, прикрыли их заранее снятым дёрном.

Куда отправилась эта парочка далее, история умалчивает, но ясно, что они на какое-то время укрылись в католическом монастыре, настоятель которого, как истинно западный человек, наверняка в душе поддерживал очередной поход армии католиков на Россию. Где конкретно располагался данный монастырь, не столь важно, он мог быть как в Житомире, так и в Бердичеве. Важно то, что оба офицера, счастливо избегнув смертельной опасности, какое-то время провели в нём, наверняка обсудив с настоятелем свои недавние приключения. Ясно, что вернуться и забрать бочонки немедленно они опасались.

Что могли сделать два человека против крупной кавалерийской части? Скорее всего, они постарались продвинуться в совершенно противоположном направлении. Их путь лежал на Гомель и далее на Смоленск, т.е. туда, куда в тот момент и направлялась Великая армия Наполеона. Рисковать жизнью ради золота им не было никакого резона. Вот после окончательной победы над российской армией... тогда конечно. После победы они вполне могли вернуться и выкопать спрятанное золото. Но, как известно, такой победы не произошло, и, честно говоря, у Декуля и Норанта было слишком мало шансов остаться в живых после ужасных событий, почти полностью уничтоживших столь неудачно отступавшее коалиционное воинство. Так что и с исторической точки зрения данная легенда, а следовательно, и наша кладовая запись, вполне имеют право на жизнь.

Правда, теперь выявилось ещё одно странное место в документе — дата составления «Описи». Смотрите, Тормасов гонял французов по Житомирщине где-то в середине — конце июля, а «Опись» датирована 12 октября. Это странно и не очень понятно. Ведь оба офицера никак не могли датировать сей документ октябрём, даже если бы и остались живы и каким-то образом вновь попали в окрестности Бердичева. Ведь тогда, когда была поставлена подпись на бумаге, основная масса отходящих от Москвы французов ещё пребывала в районе современной подмосковной Кубинки! Остаётся лишь предположить, что сию легенду перенесли на бумагу вовсе не они, а тот самый священник Захарий, который стал каким-то образом невольным участником тех событий. Это объясняет и то, что финальная приписка (та, о таинственных 30 метрах) была сделана после постановки финальной даты. Скорее всего, он основной текст «Описи» составил со слов французов ранее, а дату и приписочку к тексту сделал осенью, когда стало известно, что французская армия с позором отступает от Москвы. Он резонно посчитал, что те два офицера теперь-то уже точно не явятся за своим кладом, и составил памятную бумагу лично для себя.

Священник вскоре умер, и вся документация из его храма неизбежно попала в архивы вышестоящей церковной структуры. Интересно отметить ещё и то, что данная «Опись» была впервые обнаружена именно в городе Виннице, которая находится от Бердичева всего в 80 километрах. Её откопали на чердаке дома, в котором некогда жил городской чиновник, работавший с делами городских архивов. Об этом было прямо написано в присланном мне письме.

Также можно несколько слов сказать по поводу названия того самого леса, в центре которого и произошло данное приключение. Помните: «За местеч-

ком Глембочки в Пятецком лесу...» Почему лес назван именно Пятецким? Если внимательно присмотреться к современной карте данной местности, то легко понять этимологию данного названия. Смотрите. Хотя селение Пятки ныне расположено в нескольких километрах от данного лесного массива, но в XIX веке лесная опушка его была много южнее, т.е. ближе к Малым Пяткам. Есть и ещё ряд веских аргументов в пользу данного соображения. Во-первых, селение Пятки многократно крупнее того же Глубочка, и, скорее всего, данный лес был административно приписан именно к данному пункту. А во-вторых, по юго-восточной окраине бора протекает река Гнилопять. Слово это однокоренное со словом «Пятецкий». Везде присутствует сочетание букв, означающих либо цифру «пять», либо слово «пятка», или «пяток». Неблагозвучное «Гнило» постепенно ушло, а «Пятецкий» осталось.

И что же в конце концов получилось с нашей сказкой из «Кляшторного леса» в результате предварительного расследования? А получилась совершенно удивительная вещь. Та кладовая запись, которая вначале, кроме обоснованного недоверия, не вызывала никаких иных чувств, на проверку подтвердилась по всем своим основным параметрам. Так что всем любителям поисков очень советую обратить на данный район самое пристальное внимание.

* * *

Каждая из описанных в данной части книги легенд, согласитесь, по-своему весьма интересна и привлекательна. Однако подлинным лидером в длинном списке загадочных кладоискательских историй является история, которую я постараюсь подробнейше осветить в главе со скромным названием:

Экспедиция полковника Яковлева

Об этой совершенно беспримерной по своему размаху поисковой экспедиции в открытой печати до сих пор ничего путного и интересного для рядового читателя написано не было. И в первом издании первой части данной книги я фактически обошёл данную легенду стороной, отделавшись кратким её изложением. При этом я даже сам не подозревал, насколько за ней скрывается сенсационный и захватывающий воображение материал. Постараюсь хотя бы в данной книге всеми доступными мне способами заполнить этот зияющий пробел и рассказать вам об этом потрясающем и интереснейшем

деле. Благо в мои руки случайным образом попали не только уникальные исторические документы, но даже и дневниковые записи современных поисковиков, по которым мне и удалось воссоздать данные события практически в полном объёме.

Вот передо мной лежит довольно значительное по своему объёму *«Секретное дело № 31 Штаба корпуса жандармов»*. Название его тоже звучит весьма внушительно, хотя и не столь конкретно, как хотелось бы: *«О зарытых в землю между Дорогобужем и Смоленском или Оршею деньгах»*. Начато было сие дело 19 октября 1839 года, а окончено только 2 сентября 1840-го. Прежде всего, хочу с самого начала заострить ваше внимание именно на красноречивом названии сего внушительного собрания документов. Не правда ли, оно здорово смахивает на расхожее выражение: «Иди туда... не знаю куда»? Взгляните ради любопытства на карту СССР. Где тот Дорогобуж и где та Орша! Да между этими городами можно закопать не только какой-то клад, но и целую европейскую страну, а то и две!

Но это ещё не всё. Надо обязательно подчеркнуть, что ни одно поисковое предприятие, затеянное царским правительством, не было столь масштабным, целенаправленным и продолжительным по времени, как «Дело полковника Яковлева 4-го». И ни одно начинание подобного рода не возглавляли столь значительные по своему положению официальные лица империи. Содержание же его, как вы уже, наверное, догадываетесь, касается всё тех же рассеянных по всей европейской части России сокровищ, которые вёз в Париж, но так ничего до него и не довёз, Наполеон I Бонапарт. И почти все без исключения дела такого рода объединяет один общий признак. Все они начинаются с некоей докладной записки или кладоискательского сообщения, поступившего в государственную канцелярию со стороны бывших противников. Но и в этом вопросе у данного дела есть определённый приоритет. В качестве ходатая выступила весьма известная личность того времени — князь Евстахий Сапега.

Обо всех перипетиях, которые в дальнейшем сопровождали вполне реальные поиски по данному делу, я вам буду рассказывать от первого лица, так как будто сам и проводил розыски старинных сокровищ. Но вы должны понимать, что я здесь выступаю только в качестве литературного агента, и писать именно таким образом мне просто удобнее.

О деле полковника Яковлева я впервые услышал лет пять назад, но до поры до времени оно мне было знакомо только по тем скупым сведениям, которые доносили до меня открытые источники информации. Но судьба повер-

нулась таким образом, что одно случайное знакомство дало мне возможность изучить данное «Дело» от корки до корки. Но, должен сказать, доставшееся мне собрание секретных документов крайне невыгодно отличалось от ему подобных тем, что первые десять страниц его, как и в романе Толстого «Война и мир», были написаны на французском языке. И это было весьма плохо, поскольку именно во французском я был полный профан. Пусть бы оно было написано на английском, итальянском, или даже арабском... Впрочем, понимая трезвым умом, что перевод документа всё равно придётся когда-нибудь делать, я для начала поспешил углубиться в толщу последующих страниц, выискивая глазами бумаги, написанные на более знакомом языке. И первый же попавшийся мне на глаза написанный по-русски рапорт показал, какое значение придавалось данному вопросу.

«Копия Секретно
Военному Министру
Рапорт

Согласно воле государя Императора имею честь покорнейше просить Ваше сиятельство о командировании ко мне одного опытного офицера Генерального Штаба, для возложения на него по Высочайшему повелению особо секретного поручения, потребующего немедленного отправления сего в Смоленскую Губернию. Причём, не благоугодно ли будет Вам, милостивый государь, предоставить оного офицера на время сей командировки в полное и непосредственное моё распоряжение, удостоить меня предписанием, кто именно назначен будет.

Подпись: Генерал-адъютант Гр. Бенкендорф».

Не как-нибудь там, а согласно воле его Императорского Величества, мгновенно пронеслось у меня в голове, значит, здесь рассматриваются вовсе не шутейные вопросы, или чьи-то необоснованные предположения! Вопрос стоял на самом высоком уровне и был наверняка назначен к скорейшему воплощению в жизнь! К тому же занимается им не какой-то малозначимый делопроизводитель, а сам Александр Христофорович Бенкендорф, который занимал в те годы пост шефа корпуса жандармов и начальника 3-го отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии! Этот непреложный факт поневоле внушал мне бесконечное доверие и почтение к излагавшейся легенде. Но уже следующий документ поверг меня в полное недоумение.

«Копия Секретно
Корпуса жандармов господину Майору Логри

По высочайшему государя Императора повелению предлагаю Вашему Высокоблагородию разузнать немедленно и притом самым секретным образом: находится ли в живых и где ныне проживает некто Антон Ивицкий, переехавший за несколько лет из имения Черебуты Слуцкого Уезда Минской Губернии в имение Свилу, лежащее Виленской Губернии близ г. Видзы. И о том, что по разысканию Вашему окажется донести мне без потери времени с присовокуплением сведений о звании, образе жизни и мыслей и достать Ивицкого.

Подписи: Генерал-адъютант Гр. Бенкендорф
Генерал-майор Дубельт».

Кто был этот Антон Ивицкий и какое отношение имел к изучаемому делу, я на тот момент не знал совершенно, и поэтому на время отложил данный рапорт в сторонку.

А вот следующая бумага вызвала у меня самый непосредственный интерес. И было это вызвано тем, что в тексте я увидел первую ранее знакомую мне фамилию — Семашко.

«Копия
Секретно.
Смоленскому Военному Губернатору Князю Трубецкому

Милостивый государь, Князь Пётр Иванович.

По высочайшему Государя Императора повелению, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство по учинению наиточнейшей справки в секретных делах Канцелярии Вашей за время бытности в Смоленской Губернии Губернатором Барона Аша, почтить меня Вашим Милостивый Государь уведомлением об арестовывании некоего Семашко и буде есть, то доставить ко мне с такового предписания копию.

С совершеннейшим почтением и проч.
Подпись: Генерал-адъютант Гр. Бенкендорф».

Прочитанный текст, к сожалению, не прибавил мне какой-либо определённости, а напротив, запутал ещё более. Да, я и ранее слышал об участии в деле полковника Яковлева некоего Семашко, и искренне считал, что в этой истории он играл случайную, или в лучшем случае некую вспомогательную

роль. Но чтобы он оказался ранее замешан в неких противоправных деяниях и при этом успел как-то насолить губернатору Смоленской губернии барону Ашу? Честно говоря, к такому повороту событий я был не готов, и поэтому трясущимися от нетерпения руками схватил следующий лист дела.

«Получено 25 октября
Секретно.

Господину Шефу Жандармов, Командующему Императорскою Главною Квартирой (Генеральным штабом)

Во исполнение Высочайшей воли, сообщённой мне отношением Вашего Сиятельства от 23 сего октября за № 123 о командировании в полное и непосредственное распоряжение Вашего одного опытного Офицера Генерального Штаба для возложения на него особо секретного поручения, потребующего немедленного отправления его отсюда в Смоленск, назначен мною для сего Генерального штаба Полковник Яковлев 4-й, коему и предписано явиться к Вашему Сиятельству.

О чём Вас извещая, имею честь присовокупить, что по некомплекту существующему в Генеральном штабе, я желал бы чтобы командировка эта не была слишком продолжительна.

Военный Министр Генерал-адъютант (подпись неразборчива)».

— Ага, — обрадовался я, — вот наконец-то и появилось главное действующее лицо этой исторической драмы. Сейчас по заведённой в Российском государстве традиции после закулисных переговоров и обсуждений второстепенных подробностей наверняка будет издан официальный приказ полковнику Яковлеву, ориентирующий его на выполнение особо секретного поручения. Ага, вот и он, прямо на следующей странице!

«Копия
Секретно

Генерального Штаба Господину
Полковнику и Кавалеру Яковлеву 4-му.

Г. Военный министр отношением своим от 25-го текущего октября за № 19 уведомил меня, что согласно сообщённой мною Его Сиятельству воле

Государя Императора Ваше Высокоблагородие командированы на время выполнения предстоящего Вам поручения в непосредственно моё распоряжение. Почему, соображаясь с Высочайшим повелением, предлагаю Вам с получением сего отправиться в Смоленскую Губернию и приложить всевозможные старания к отысканию между Смоленском и Дорогобужем или Оршею местоположения на прилагаемой карте означенного, руководствуясь описанием при ней находящимся и обратить внимание на то, что карта сия сделана по памяти и что за исключением одной только реки, всё прочее, как то: поля, леса, кустарники, тропинки, деревни и тому подобное, через несколько десятков лет могли во многом измениться и что о прежнем виде сих предметов удобнее всего собрать сведения расспросами от старожилов.

После засвидетельствования о Вас Графа Александра Ивановича Чернышева, я остаюсь совершенно уверенным, что Вы, как опытный офицер Генерального Штаба не упустите ничего из виду, чтобы могло поспешествовать к скорейшему выполнению возложенного на Вас поручения, которое должно быть сохранено в тайне.

Коль скоро ваше Высокоблагородие убедитесь, что показанное на плане местоположение Вами действительно открыто, тогда покорнейше прошу немедленно отправить ко мне о том подробное донесение с приложением брульона и потом ожидать в Смоленске дальнейшего моего предписания.

Подписал: Генерал Адъютант Гр. Бенкендорф».

— Весьма толковые указания, — подумалось мне, — разумеется, необходимо в поисках некоей местности делать определённые скидки на прошедшее время и активнее сотрудничать с местным населением, я и сам всегда так поступаю. Но что за местность предлагалось отыскать полковнику? Откуда взялся некий план? И что же на этой местности было такого, что на её поиски был направлен не кто-либо, а полковник Генерального штаба? Загадка, хоть и медленно, начала проясняться, едва я приступил к изучению следующей страницы, содержащей первый рапорт самого Яковлева.

«20 ноября 1839 г.
Секретно

Шефу жандармов, командующему Императорскою Главною Квартирою Господину Генерал-адъютанту и Кавалеру Графу Бенкендорфу.
Генерального Штаба Полковника Яковлева 4-го Рапорт

Во исполнение почтеннейшего предписания Вашего Сиятельства от 30 Октября за № 126, прибыв в город Оршу, я немедленно приступил к отысканию места означенного на плане приложенному к означенному предписанию.

Первая попытка моя обращена была на ту часть большой дороги, ведущей от Москвы через Смоленск к Борисову, где она идёт по правому берегу Днепра, что составляет главное условие отыскиваемого места.

Из приложенной при сём наскоро сделанной карты течения Днепра относительно Большой дороги, Ваше сиятельство извольте усмотреть, что на всём пространстве от Орши до Смоленска, Большая дорога, та самая, которая существовала и в 1812 году, идёт по левому берегу Днепра, и только в Орше переходит на его правый берег. Между Смоленском же и Дорогобужем, большая дорога хотя и идёт частью по правому берегу Днепра, но отходит от него далеко, так, что определённое на французском плане расстояние дороги от реки (от 2,5 до 3-х вёрст) встречается только близь самого Смоленска и между станицею Пневою и Соловьёвым перевозом; но есть ещё условие здесь не удовлетворяющееся: большой дороги в направлении к северу в этой местности не усматривается. Кроме (дороги) идущей от Смоленска в С.-Петербург и на город Белый.

Рассмотрев, таким образом, направление большой дороги относительно Днепра, отправился я от Орши по Борисовской дороге; но, проехав 7 вёрст до того места, где большая дорога разделяется на две, из коих одна идёт на Могилёв, а другая удаляется от Днепра через Борисов и Минск, я не мог открыть никакой мельницы, и не усмотрел ничего похожего на данный мне французский план. Одно обстоятельство вывело меня из этого невыгодного положения: Главная Квартира Наполеона (Генеральный штаб французов) при выступлении из России; находилась некоторое время в г. Копысь, за Днепром, откуда она вышла на большую Борисовскую дорогу за Александрией, где отделяется от Могилёвской дороги другая большая дорога, обсаженная берёзами и означенная на плане мною предоставляемом буквами А.Б. Пребывание Главной Квартиры французской армии в Копысь и следование французских войск из Орши частью через Александрию, то есть мимо Главной Квартиры их армии, могло быть поводом, что эта часть большой Могилёвской дороги была принята за большую Борисовскую дорогу, невзирая на то, что она составляла колено для следования из Орши на Борисов.

Основываясь на этом соображении, я отправился далее по большой Могилёвской дороге и, не доезжая до Александрии, был обрадован открытием

места, весьма похожего на означенное на французском плане; по крайне мере соответствующего главным условиям отыскиваемого места, как то Ваше Сиятельство изволите усмотреть из приложенного к сему, глазомерно снятого мною плана:

1) Большая дорога идёт по правому берегу Днепра, который в летнее время имеет здесь глубины не более 5 футов;

2) дорога удаляется о реки менее 2-х вёрст и при ней есть на ручье мельница, а в 1812 году было таковых две;

3) корчма на большой дороге не далеко от мельницы;

4) она как теперь, так и в 1812 году была окружена леском и кустами, растущими на песчаной почве;

5) в нескольких верстах далее идёт от большой дороги другая большая дорога, к северу;

6) от д. Копысица идёт дорога около развилки до большой дороги;

7) церковь хотя и не на том месте, но есть, и стоит близь Днепра.

То ли это место, которое отыскивается, я утвердительно сказать не смею; но полагаю, что едва ли где-нибудь отыщется более подходящее к данному плану; некоторые несходства, кажется, оправдываются последними словами описания приложенного к французскому плану, где сказано: (далее следует французский текст).

Для сличения плана отысканного места с французским планом, я имею честь представить его при сём в подлиннике, оставив у себя точную с него копию. Завтра я отправляюсь по большой дороге через Смоленск в Дорогобуж для дальнейшего разыскания и потом обратно намерен проехать не по большой дороге, но просёлочными, следуя постоянно по правому берегу Днепра. Хотя же на данном мне плане и показано, что отыскиваемое место находится на большой дороге, но известно, что французская армия шла по обоим берегам Днепра, а от прохождения войск и малые дороги принимают вид больших почтовых трактов.

По возвращению моему в Оршу я буду иметь честь немедленно донести Вашему Сиятельству о последствии моих поисков и ожидать там дальнейших указаний.

11 ноября 1839 г. Орша. Полковник Яковлев».

* * *

Местность, довольно искусно изображенная полковником (либо кем-то из его подчинённых), находилась тут же, на отдельном листе. Пришлось изрядно

потрудиться, сидя за компьютером, чтобы вернуть ей удобочитаемость и определённую демонстративность. К рукописной карте прилагалось и достаточно подробное описание её, причём сделанное в сравнении с другим подобным планом, действительно французского происхождения. Полковник свою карту (так же как и исходный образчик) снабдил определёнными комментариями. Вот они.

«Примерное описание французского плана, в сравнении к отысканному месту, недалеко от Александрии, в 22 верстах от Орши.

Большая дорога, проходящая мимо Александрии, есть та самая, которая существовала в 1812 году, свидетельствуют те берёзы, посаженные по сторонам дороги в Царствование Блаженной Памяти Императрицы Екатерины II, по распоряжению Графа Чернышева; а что дорога эта названа идущей от Москвы к Борисову, тому причиной было расположение Главной Квартиры Наполеона в Копыси и следование армии к Борисову в нескольких колоннах, тем более, что обход ими колена составляемое направлением через Александрию незначительное.

Большая дорога А.Б. обсажена берёзами и выходящая на Борисовскую имеет направление к северу.

Речка Копысьщенка пересекает большую дорогу только в двух местах; но сочинитель французского плана не мог себе представить этого странного течения речки впадающей в Днепр, то необходимо должна иметь течение ни к Днепру, а обратно, за дорогу. На плане отысканного места это объясняется: пруд, образовавшийся от остановленного течения речки, находится за дорогой, и из него течёт вода по двум руслам, которые пересекают дорогу и соединяются за нею до впадения в Днепр.

Речка Копысьщенка выше пруда принимает в себя речку Сымлянку, на которой устроена ещё третья мельница.

Все сделанные мною расспросы оспаривают существование мельницы при впадении речки в Днепр; утверждают только то, что прежде был винокуренный завод при этой речке, с плотиной и прудом, но не у самого её устья, а близь большой дороги, где буква Ж. Весенние разливы Днепра не позволяют строить мельницы на устьях впадающих в него речек.

Кусты, бывшие в 1812 году около корчмы, несколько выросли; почва песчаная.

Это может быть д. Копысица, от которой дорога выходит на большую дорогу.

Мельница “а” существовала в 1812 году, равно как и “б”, не обозначенная на французском плане.

Близь устья речки Жигалки не было ни церкви, ни часовни, а только один крестьянский двор Жигали. Церковь существует против Александрии, как означено на плане.

Корчма "в" и поныне стоит на том самом месте, где была в 1812 году и сходно с тем как она назначена на французском плане.

Полковник Яковлев».

* * *

По идее после такого обнадёживающего сообщения обычно следует скорое завершение любого поискового мероприятия. Что же, собственно, ещё можно искать, если фактически искомое место уже найдено! И пусть нам пока не совсем ясно, что именно ищут сиятельные особы, но предельно понятно, что ещё чуть-чуть, и тайна будет открыта. Ведь найдено основное — точное место захоронения некоего клада! Остальное — дело землеройной техники в виде крестьян с лопатами. И ответ из Санкт-Петербурга на столь уверенное заявление полковника вроде бы полностью подтверждает такой вывод.

«Генерального Штаба полковнику Яковлеву 4-му

Получив рапорт Вашего Высокоблагородия от 11 сего Ноября за № 65 и при оном препровождённый к Вам с предписанием моим за № 126 французский план и сделанную Вами карту, я нахожу согласно с мнением Вашим, что отысканное Вами место весьма походит на то, которое изображено на помянутом плане. Мне приятно принести Вам искреннюю благодарность мою за Ваши основательные и успешные действия; но поскольку дальнейшее выполнение возложенного на Вас поручения по встретившимся обстоятельствам должно быть отложено на некоторое время, то и покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие возвратиться в С. Петербург в настоящей вашей должности.

Генерал-адъютант Гр. Бенкендорф».

* * *

И тут же следуют энергичные организационные распоряжения, подготавливающие почву для проведения заключительной части поисков — самих раскопок.

«Корпуса Жандармов Г. Полковнику Верейскому

По высочайшему повелению, препровождая при сём к Вашему Высокоблагородию карту местоположения по большой дороге от г. Смоленска в Оршу, предлагаю Вам немедленно, и притом самым секретным образом разузнать, кому принадлежит деревня Александрия и невдалеке от ней лежащие мельница "а" и корчма "в" с окрестностями по обеим сторонам дороги и донести о том с возвращением карты.

Генерал-адъютант Гр. Бенкендорф».

И далее…

«Господину Военному министру.

Секретно

Командированный в распоряжение моё сходно предписанию Вашего Сиятельства 25-го минувшего октября за № 19 Генерального Штаба Полковник Яковлев 4, отправясь по возложенному на него в исполнение Высочайшей воли секретному поручению в Смоленскую Губернию, доставил ныне ко мне довольно удовлетворительные и основательные сведения и счёл я приятной обязанностью изъявить штаб-офицеру сему искреннюю благодарность мою. Но как дальнейшее выполнение означенного поручения по встретившимся обстоятельствам должно быть отложено на некоторое время, то предписав г. Яковлеву возвратиться в С.-Петербург к настоящей должности своей, почтительнейше доношу о сём Вашему Сиятельству и приемлю честь покорнейше испрашивать дозволение когда настоящая будет в нём надобность Полковника Яковлева войти к Вам Милостивый государь, с моим рапортом о вторичном ко мне командировании.

Генерал-адъютант Гр. Бенкендорф».

* * *

Всё вроде бы хорошо, но что-то явно не столь хорошо, как хотелось бы. Из следующего же документа я узнаю, что, несмотря на первый победный рапорт, облечённый высоким доверием полковник вовсе не был уверен в том, что искомое место найдено им однозначно. Иначе чем же объяснить следующий доклад Яковлева, который последовал вскоре вслед за первым?

«В дополнение рапорта моего Вашему Сиятельству от 11 ноября за № 65, имею честь почтительнейше донести, что я окончил обозрение большой дороги от г. Орши через г. Красный и Смоленск до г. Дорогобужа и про-

сёлочной дорогой по правому берегу Днепра вверх и вниз его, по направлению к г. Белому и Духовщине, а также от с. Камани до Сырокоренья, где переправился через Днепр Маршал Ней, будучи сбит с большой дороги перед Красным у речки Лосмины.

На всём этом пространстве, одно только место подходит к данному мне от Вашего Сиятельства французскому плану. Эта часть большой дороги от Смоленска к Дорогобужу между станциями Бредихиной и Пневой Слободой в 7 верстах от первой на границе Смоленского и Духовского уездов, где двор Цурики, Князя Николая Андреевич Долгорукого.

Представляется на благоусмотрение Вашего Сиятельства план этого места, я имею честь присовокупить, что он сходен с французским планом в следующем: 1) Найденное место находится на правом берегу Днепра. 2) Глубина его в этом месте такова, что летом переходят через него бродом. 3) Большая дорога пересечена протоками речки Хмости в трёх местах. 4) На средней протоке есть мельница при большой дороге. 5) В 1812 году был питейный дом на том месте, где он означен на французском плане. 6) Вверх по речке Хмость есть слобода Васильево, на её правом берегу. 7) Дорога от Сл. Васильевой выходит на большую дорогу близь моста. 8) От большой дороги отделяется к северу дорога, обсаженная в один ряд старыми липами, которая могла быть принята за почтовую. 9) На речке Хмости ниже есть другая мельница. 10) Около речки, близь большой дороги и мельницы есть и были в 1812 году, кусты, а ниже лес. 11) Возвышенность подле бывшего питейного дома песчаная.

Несходство с французским планом заключается в следующем: 1) Расстояние большой дороги от Днепра не от 2,5 до 3 вёрст, но не менее 10 вёрст. 2) Каменная церковь Св. Иоанна Предтечи не близь Днепра, а за большой дорогой. 3) Некоторые деревни ныне существующие и в 1812 году бывшие на том же месте, не означены на французском плане; но быть может, они были разорены и поэтому не замечены.

Представляя всё это на благоволение Вашего Сиятельства, имею честь Почтительнейше присовокупить, что я должен ограничиваться в изысканиях моих вышеозначенными сведениями и помещёнными в рапорте моём за № 65, ибо другого места, больше подходящего к французскому плану, мною не открыто, и я имею честь ожидать теперь в г. Орше дальнейших приказаний Вашего Сиятельства. Ускорить же сделанное мною обозрение я никак не мог, как по краткости дней, так и потому, что по просёлочным дорогам почти невозможно ездить: везде гололедица, крестьянские лоша-

ди не кованы, а спуски к оврагам ручьёв, текущих в Днепр, так круты, что по ним должно было сходить пешком и съезжать сидя на рогоже, а всходить (подниматься наверх) при помощи проводников. Таким образом, я во весь день не мог проезжать более 20 или 25 вёрст.

Днепр покрыт льдом ещё только до Дорогобужа, а далее вниз мимо Смоленска, Орши и Могилёва везде имеет ещё открытое течение, и переправы производятся на паромах.

20 ноября 1839 г. Полковник Яковлев».

* * *

Иными словами, оказавшийся в столь щекотливом положении и определённо желающий подстраховаться со всех сторон полковник не поленился проехать во-о-обще по всем дорогам, по которым так или иначе, вправо или влево, вверх или вниз, но именно по правой стороне Днепра в 1812 году передвигались воинские колонны и обозы Великой армии. И вот что в принципе весьма неприятно — находит ещё одно очень похожее место. Называется это место двор Цурики (современное Цурьково), и расположено оно при пересечении реки Хмость со старой дорогой Дорогобуж — Смоленск. Таким образом, к 20 ноября у него уже есть два частично похожих места, но ни одного абсолютно похожего. Но сомнения сомнениями, а в высоких штабах всё уже решено и согласовано. К тому же с мест подходят рапорты от подчиненных Бенкендорфа, максимально полно освещающих обстановку в деревне Александрии.

«15 февраля 1840 г. Секретно

Для секретнейшего исполнения возложенного на меня поручения — был секретным образом в Оршанском уезде, я узнал: что не деревня, а местность Александрия, отделяемая от города Копыся только рекой Днепром, принадлежит Коллежской Советнице Софье Степановне Герасимовой, которая имеет на службе четырёх сыновей: (пропуск) ; две дочери (пропуск)!

Доход от имения получает незначительный, потому что м. Александрия, находясь, как выше значится, от города менее 2-х вёрстной дистанции, не пользуется правом вольной продажи вина, а подлежит откупу.

Мельница на карте означенная под литерой "а" в аренде у еврея, принадлежит ей Герасимовой; но корчмы "G" и по другую сторону большой

дороги "в" с прилегающими к ним окрестностями принадлежат: первая Графине Воронцовой, а вторая бывшая доминиканская, и поступившая в казну, ныне в аренде у Г-на Шебеки, о чём почтеннейшее донося Вашему Сиятельству, честь имею представить бывшую у меня карту.

Полковник Верейский».

* * *

И вот наконец-то из бездонных недр «Дела» появляется документ, в котором хоть что-то говорится об основной сути секретного поручения полковнику Яковлеву. И обратите внимание на дату — уже конец весны, а всё пока делалось тайно, начиная с ранней осени.

«Секретно

Милостивый Государь Князь Пётр Иванович!

По Высочайшему Государя Императора повелению Генерального Штаба Полковник Яковлев командируется в Смоленскую Губернию, для обозрения некоторой прибрежной части р. Днепра. Поелику выполнение поручения сего может в настоящее время встретить остановку, по причине случающейся обыкновенно весною разлития означенной реки, то, не желая преждевременно отправлять отсюда г. Яковлева, я имею честь обратиться к Вашему Сиятельству с покорнейшей просьбою почтить меня Вашим Милостивый Государь уведомлением, коль скоро воды Днепра вступят в берега свои и по моему тому обозрению не будет представлять никакого затруднения.

Подпись: Генерал-адъютант Гр. Бенкендорф

24 апреля 1840 С.-Петербург».

* * *

Ну, теперь хоть что-то становится ясно. Но, согласитесь, всё же не дело полковника Генерального штаба Российской империи шастать вдоль Днепра, выглядывая… да, а что же, собственно говоря, выглядывая? Что именно должен был высматривать г-н Яковлев, мы с облегчением узнаём из следующего же документа дела, отправленного 10 мая 1840 года всё тем же неутомимым графом Бенкендорфом. Вот суть данной бумаги.

«До сведения Государя Императора дошло, что при отступлении французской Армии в 1812 году небольшая казна Наполеона была оставлена в

России и зарыта в землю. По некоторым данным, место, заключающее сокровище сие должно находиться около дороги, ведущей от г. Могилёва в г. Оршу, близь местечка Александрии.

В исполнение Высочайшей Его Величества воли отыскание оной казны возложено на Полковника Генерального Штаба Яковлева 4-го и состоящего при мне Адъютанта Кавалергардского Ея Величества полка Штабротмистра Князя Кочубея. И как офицеры сии при выполнении оного поручения встретят необходимость в содействии Земской Полиции; по сему приемлю честь покорнейше просить Ваше Сиятельство о зависящем от Вас, милостивый государь, распоряжении, дабы местные Полицейские чиновники удовлетворяли немедленно всякому законному требованию г.г. Яковлева и Князя Кочубея, особенно в достаточном потребного числа рабочих людей, а также чтобы и со стороны владельца, на земле коего будет происходить разыскание, не было никаких к тому препятствий. На случай отыскании зарытых денег, предписано доставить оные в г. Смоленск и доложив предварительно Вашему Сиятельству, сдать их в тамошнюю Казённую Палату (хранилище); почему и не благоугодно ли будет Вам Милостивый Государь, предложить в то время Палате сей принять означенные деньги, и в таковом принятии выдать полковнику Яковлеву и Штабсротмистру Князю Кочубею документ, за подписанием Председателя и всех членов оной палаты».

* * *

«Секретно

Генерального Штаба Господину
Полковнику и Кавалеру Яковлеву 4-му

*Получив уведомление г. Военного Министра, что с Высочайшего разрешения Ваше Высокоблагородие снова командированы в распоряжение моё для окончательного выполнения поручения, по коему вы уже ездили минувшей осенью в Смоленскую Губернию, предлагаю Вам отправиться нынче вторично в оную Губернию обще с состоящим при мне Адъютантом Кавалергардского Ея Его Величества полка Штабс-ротмистра Князя Кочубея, из полученного ко мне предписания моего № *** Вы усмотрите настоящую цель командировки, почему я и прошу Вас по совершённому объяснению, что место, показанное на первоначально доставленном Вами ко мне*

брульоном, ближе всех других подходит на отыскиваемое, приступить к открытию самих денег и если таковые действительно найдены будут, то распорядиться с ними, как сказано в означенном предписании, а по исполнению сего обязываетесь Вы возвратиться в С.-Петербург к месту служения Вашего».

* * *

«Мая 10 дня 1840
Секретно

Состоящему при мне Адъютанту
Кавалергардского Ея Его Величества полка
Господину Штабс-ротмистру Князю Кочубею

Государь Император получив через посланника нашего в Париже записку о зарытых в землю деньгах из казны Наполеона, во время отступления из России в 1812 году Французской армии, Высочайше повелеть мне соизволил распорядиться к исследованию справедливости заключающихся в оной записке сведений. Во исполнение такой Монаршей воли был командирован минувшей осенью в Смоленскую Губернию, для предварительной рекогносцировки Полковник генерального Штаба Яковлев 4-й, который отыскал около дороги из г. Могилёва в г. Оршу местоположение, весьма подобное изображённому на приложенном при означенной записки плана № 1.

После такового открытия поручая Вашему Сиятельству окончательное за сим разыскание о сокрытых деньгах обще (совместно) с Полковником Яковлевым и препровождая к Вам вышеупомянутую записку с планом № 1 и брульон, представленный мне г. Яковлевым, предлагаю Вам отправиться с Штаб Офицером сим получившим от меня о том предписание, в Смоленскую Губернию, и когда он убедится, что найденное им местоположение больше всякого другого сходствует с французским планом; то по соглашению с ним, вместе тот час приступить к открытию денег, потребовать для сего необходимое число людей рабочих от местного Земского исправника.

А дабы от Земской полиции оказываемо было Вам должное содействие и удовлетворение всех Ваших и Полковника Яковлева законных требований, равно и со стороны владельца той земли, в коей будут отыскиваться деньги не было делаемо никаких препятствий, отношусь я о том к Военному Губер-

натору г. Смоленска, коему и обязываетесь Вы лично вручить прилагаемый при сём секретный конверт за № 14.

В случае отыскания зарытых денег, Вы доложите о том, какой монетою и в каком количестве оных найдено будет, составить акт за общим Вашим подписанием, пригласив к тому и Земского Исправника, а потом деньги сии следует отвести в г. Смоленск и, доложив об оных Военному Губернатору Генерал-майору Князю Трубецкому, сдать их в тамошнюю Казённую палату, получив в принятии документ за подписанием Председателя и всех членов Палаты.

По исполнению чего, и по представлению ко мне по почте рапорта о действиях Ваших вместе с окончательным актом и документами имеете отправиться дальше, для выполнения другого поручения возложенного на Вас предписанием моим от сего числа за № 2066.

Подпись: Граф Бенкендорф».

* * *

«14 мая 1840
Секретно

Шефу Жандармов, Командующему
Императорской Главной Квартирой
Господину
Генерал-адъютанту и Кавалеру Графу Бенкендорфу

На предписание Вашего Сиятельства от 24 Апреля за № 13 имею честь донести, что воды реки Днепр вступили в берега и Полковнику Яковлеву, командируемому для обозрения некоторой прибрежной части, в отыскании сего не может встретиться никакого затруднения в исполнении возложенного на него поручения.

Генерал-майор Князь Трубецкой».

* * *

Короче говоря, только к лету все необходимые приготовления к завершающей части поисковой операции были сделаны, и со дня на день можно было ожидать от высокопоставленных копателей доклада о ходе работ. И он не замедлили появиться. Но совершенно не того содержания, какого я ожидал. Привожу его полностью, дабы и вы в этом смогли убедиться.

«18 июня 1840
Секретно

Генерального Штаба Полковника Яковлева
Рапорт

На почтеннейшее предписание Вашего Сиятельства от 10 мая за № 15 сим имею честь донести, что по сделанным надлежащим изысканиям при М. Александрии в земле, к сожалению, ничего не найдено. Рвы были прорыты во всех направлениях, глубиною от 2,5 до 3 аршин и потом железными щупами длиною до 4,5 аршин всё пространство, ограничиваемое течением реки, и большой дорогою проникнуто в шахматном порядке, расстояние дыра от дыры на 1 аршин. Где встречалось какое-либо сопротивление, там немедленно вскрывали, так что на глубине семи аршин не осталось нигде сомнительного места.

Видя таковую неудачу, произвёл я дальнейшую рекогносцировку от Орши до Борисова, но на этом пространстве не мог отыскать места подобного изображённому на французском плане. Вслед за сим, для последней попытки отправляюсь я вместе с Адъютантом Вашего сиятельства Князем Кочубеем в Смоленскую Губернию, на место, представленном на плане, снятом мною в Ноябре прошлого года.

Полковник Яковлев».

* * *

А вот что по тому же поводу пишет князь Кочубей. Не приводя здесь всего его доклада, я позволю себе опубликовать лишь несколько отрывков его, самых существенных.

«...прибыли на станцию Александрию 20-го числа текущего месяца по совещанию с Полковником Яковлевым приступил к пространству земли заключающую между обоими ветвями речки впадающей в Днепр было в присутствии каждого из них изрыто пересекающимися канавами шириной в три с половиной сажени и глубиною в два с половиной аршина. То же самое пространство было после того пройдено щупами в четыре с половиною аршина. При малейшем сопротивлении я взрывал землю, но без всякого успеха...

Штаб-ротмистр Князь Кочубей
№ 25 Александрия, Июня 9-го».

* * *

Для производства столь масштабных раскопок было привлечено большое количество народа, об этом особо упоминает Князь Кочубей. Кроме крестьян, без счёта набранных в ближайших деревнях, была истребована из Могилёва специальная команда в 12 жандармов при одном унтер-офицере. Но все усилия были тщетными. И вот в следующем своём рапорте Кочубей пытается проанализировать причины постигшей их неудачи. Такой анализ от непосредственного участника событий — просто елей на сердце любого серьёзного кладоискателя, поскольку только в такого рода исследованиях могут всплыть доселе неизвестные и не оглашённые ранее подробности их поисковых мероприятий. И действительно, при внимательном прочтении мы находим весьма показательные строки.

«...доношу Вашему Сиятельству, что оное местоположение, предназначенное для взаимных наших изысканий, в некоторых только частях соответствует с французским планом. Действительно, река, пересекающая своим извилистым течением почтовую дорогу в трёх местах на французском плане, здесь пересекает оную в двух только местах и, следовательно, вместо трёх мостов, необходимых для проезда по дороге, существует оных только два. Местность со времён прохождения французской армии могла измениться, ибо почва земли весьма рухлая (видимо, хотели написать — рыхлая) *и плотины, существующие для водяных мельниц, были за десять лет смыты напором воды в весеннее время, что мог заключить из собранных мною вестей. Я приступил к взрытию земли 2-го числа текущего месяца, почёв (*предпочел) *необходимым занимать большое количество людей для скорейшего хода занятий, привлекающих на себя любопытство окрестных жителей и проезжающих по большой дороге. По совещанию с Полковником Яковлевым я разрезал весь участок земли двумя большими поперечными каналами шириной в три сажени и больше, глубиной в...* (данные подробности нам уже известны, и повторять их смысла нет).

Окончив изыскания, предназначенные мне Вашим Сиятельством в Могилёвской Губернии, отправляюсь в Смоленскую Губернию для продолжения оных...»

* * *

Поскольку изначально было найдено два места, в которых подозревалось наличие крупных денежных захоронений, то естественно, что сиятельные

кладоискатели начали с самой ближайшей к столице государства местности. Ведь вы, уважаемые читатели, несомненно, помните, что столица Российской империи в те времена была в С.-Петербурге, и Могилёвская губерния была расположена к ней гораздо ближе, нежели губерния Смоленская. Кстати! А как же шли поисковые дела на втором подозрительном месте? Читаем рапорт Кочубея от 25 июня.

«Окончив изыскания, порученные от Вашего Сиятельства в Могилёвской Губернии, я отправился вследствие предписания Вашего от минувшего мая месяца 10 дня за № 16 обще с Полковником Яковлевым в Смоленскую Губернию Смоленского Уезда в деревню Цурики, место, предназначенное для новых исследований. Вашему Сиятельству известно (пропуск) Яковлева в первое его путешествие, что местность здесь ещё менее сходствует с французским планом, чем Могилёвской Губернии деревне Александрии. Несмотря на то, всё пространство, заключающееся между ветвями речки облегающей деревню Цурики, было тщательным образом обойдено длинными щупами. Почва земли песчаная в иных местах каменистая. При малейшем сопротивлении я взрывал землю, но без всякого успеха. Несмотря на все усилия, я не мог найти цели возложенного на меня от Вашего Сиятельства поручения.

В соответствии предписания Вашего от минувшего Мая месяца за № 2006, отправляюсь в Саратов для приведения в исполнение второго поручения возложенного на меня от Вашего Сиятельства».

* * *

Не лишним посчитал я процитировать здесь же и аналогичное донесение Кочубея своему непосредственному начальнику.

«Москва Июня 18 дня 1840 года. № 35.

23 июня 1840
Секретно

Господину Начальнику Штаба Корпуса Жандармов
свиты Его Императорского Величества
Генерал-майору и Кавалеру Дубельту
Рапорт

Рапортом моим от текущего июня месяца 9-го дня за № 26 честь имею довести до Вашего Превосходительства неутешительные мои действия в Могилёвской Губернии. В содействии предприятия Вашего от минувшего мая месяца 20-го дня за № 11 я отправился в Смоленскую Губернию для дальнейших изысканий. (Пропуск) ...в которых только маленькая партиях сходится с французским планом. Несмотря на то, я обще с Полковником Яковлевым принял все нужные меры для самого тщательного осмотра местности. Но и здесь всевозможные исследования прошли без всякого успеха.

Окончивши таким образом все исследования порученные мне по Высочайшему повелению, честь имею донести до сведения Вашего Превосходительства, что отправляюсь в Саратов...

Гвардии Штаб-ротмистр Князь Кочубей».

* * *

Едва я выяснил для себя истинное значение загадочного слова «брульон» (эскиз) и дочитал удручённые рапорты официальных лиц, как поступили более приятные для меня новости. Позвонил переводчик и сказал, что большая часть переправленных ему ранее страниц французского текста уже переведена, и теперь требуется моё присутствие для пояснения смысла некоторых специфических слов и выражений.

— Ещё бы перевод не вызвал осложнений! — думал я, спешно одеваясь. — Кладоискательство — штука весьма специфичная и своеобразная во все века. И, кроме того, цена каждого слова может быть действительно безмерно велика, поскольку именно от него может зависеть смысл не только одного предложения, а и всего послания. Я думал, что еду лишь на несколько часов, но в действительности работа над весьма значительными по объёму материалами «Дела» продолжались ещё несколько дней. И вот что у нас в конце концов получилось:

«Санкт-Петербург, 8 октября 1839

Господин Граф

Настоящим довожу до сведения Вашего Сиятельства докладную записку относительно предсмертного заявления королевского сержанта Семашко, сделанного Князю Сапеге о значительном монетарном кладе, заложенном при отступлении французов в 1812 году по большой дороге Дорогобуж — Смоленск — Орша. Приметы, которые даны в помощь на двух

картах так (неразборчиво), *что позволят легко узнать, где расположены* (неразборчиво) *и сокровища могут быть действительно найдены».*

Поскольку в деле присутствовал и сам план (тот, что из Франции), и оба подозрительных региона, зарисованные нашими высокопоставленными кладоискателями, то я мог легко сравнить их между собой и на основании собственных суждений выяснить, в чём состоит их сходство и различие. И, разумеется, на первом месте (по вероятности местоположения клада) стояла местность из Могилёвской губернии, которая на самом деле была куда ближе к Орше, а вовсе не к Могилёву. Да, если чисто визуально сравнивать план из Франции и план с деревенькой Александрия, то в глаза сразу бросается их несомненное сходство. Довольно ровный участок Днепра. Действие происходит на его правом берегу, и маленькая речушка Копысщенка втекает в Днепр строго перпендикулярно основному руслу. Далее ближе к небольшой рощице речка распадается на два рукава (которые в зимних условиях действительно могли быть приняты за петли единого русла). И сам деревня Копысица расположена в том же месте, что и безымянная деревенька на исходном плане. Справа от дороги стоит корчма, как раз перед первым (со стороны Орши) мостом. И на французском плане мы видим чётко нарисованное здание характерной П-образной формы. А перед вторым мостом и там и там ясно видно нечто такое, что легко было отождествить с одиноко стоящим курганом или разрытой ямой.

В центре рощи, там, где изначально вроде бы прослеживалась поляна, на карте полковника Яковлева изображено небольшое озеро или искусственный пруд. На исходном же плане его не было, и в приложении он тоже не упоминался. Но зимой (если это действительно было зимой) под пеленой снега озерко легко могло быть принято за лесную поляну. Тут противоречий практически нет. Некоторые различия, правда, наблюдаются и в местоположении самой деревеньки Копысица. Но если не очень придираться к тому, что в действительности она расположена дальше от рощи с корчмой и на другом берегу речушки, то общее её положение не вызывает сильного внутреннего протеста. По собственному опыту знаю, как трудно определять расстояние до объекта на равнинных просторах, и особенно в зимнее время. Расстояние от реки до почтовой дороги тоже укладывается в погрешность неинструментальной (т.е. на глазок) съёмки.

То есть на первый взгляд описанная Яковлевым местность почти идеально схожа с исходным вариантом плана. Оставалось лишь соотнести его

с современной географической картой. И вот тут выяснилась одна довольно неприятная подробность, вызвавшая у меня некоторое... как бы это точнее сказать... некоторое недоумение. Оказалось, что в данном месте Днепр течёт практически с севера на юг, а вовсе не с востока на запад. В остальном же (т.е. чисто визуально) две местности совпадали практически идеально. Кроме того, сильным аргументом в пользу данного места говорил тот факт, что именно здесь в относительной близости от г. Копысь, как я незадолго до этого узнал, впоследствии велись поиски ещё одной воинской кассы, будто бы зарытой поляками вблизи деревенского кладбища. Помните главу «По всеподданнейшему докладу...», где основным фигурантом в деле выступал поляк Адам Щепковский? И там и здесь упомянут один и тот же уезд и по идее, по историческим событиям предшествующим данному эпизоду, в деле Яковлева мы тоже имеем некоторое совпадение.

Однако именно в этом месте до сей поры благостного прочтения переведённого текста в моей душе закопошились некоторые сомнения. Одно дело дорога Орша — Кохановo — Толочин, а другое дело дорога Орша — Могилёв. Если по первой трассе 22 — 24 ноября (н.с.) действительно двигались отступавшие от Москвы французы, то во втором случае мы этого уверенно сказать не можем. Ведь тем, кто вознамерился бы закопать некие ценности именно на берегу Днепра, пришлось бы сделать двадцатикилометровый бросок в сторону от основной колонны. Возможен ли был такой подвиг в те дни? Большие сомнения. На тех измученных холодом и бескормицей лошадях, которым по силам сделать такой рейд лишь за два световых дня? Туда день, и день обратно. Отправляться на такое рискованное мероприятие в той исторической обстановке было смерти подобно. Вот если бы откуданибудь внезапно появились свежие, откормленные лошади, то... тогда да... может быть...

— Хотя, — подумалось мне внезапно, — вполне возможен был и следующий поворот событий, куда как более правдоподобный. Всем известно, что по мере отступления Наполеона и приближения его к западным границам Российской империи в его редеющие на глазах колонны то и дело вливались свежие войска, ранее расквартированные непосредственно на территории современной Белоруссии. Они ведь не ходили вместе со всеми в поход на Москву и не отступали обратно к Борисову. Естественно было предположить, что и довольно крупный Могилёвский гарнизон, получив приказ идти на соединение с основными силами французов, выдвинулся с мест своего расквартирования, естественно, прихватив как награбленное за полгода добро, так и

свою собственную гарнизонную кассу. И двигались эти войска на соединение со своими измождёнными товарищами как бы не с востока на запад (как вся остальная армия), а чётко в противоположную сторону. И на своём марше (первоначально в направлении Орши, на соединение с основной частью армии) они непременно должны были приблизиться на минимальное расстояние и к этой речушке, и к этой корчме, и к небольшой рощице с озером и мельницей. И действительно в таком случае им никто не мешал спокойно закопать награбленное и благоприобретённое добро именно вблизи деревни Копысица. И тогда сразу становится понятно, почему составитель исходной карты обозначил ту развилку на почтовой дороге (к западу от корчмы), которую почему-то не обозначил полковник Яковлев.

По моему мнению, загадка столь резкого манёвра французов разъяснилась довольно просто. Примерно на полпути к Орше авангард Могилёвского гарнизона мог вступить в соприкосновение с русскими войсками, которые по параллельным дорогам преследовали колонны Наполеона. Произошёл нешуточный бой, причём случился он как раз вблизи Копыси, на правом берегу Днепра! Это столкновение показало командиру французской колонны, что дорога уже небезопасна и продвигаться далее с обозами неразумно. И развилка на французском плане появилась потому, что основная гарнизонная колонна повернула влево именно на данном перекрёстке. Часть войск затем двинулась в сторону Коханово, которое к тому времени уже заняли передовые колонны французов, а другая колонна пошла на селение Круглое и далее на Толочин! Все войска проходили около этой развилки, и только несколько грузовых фургонов с ценностями были направлены командиром отряда немного в сторону, т.е. в саму рощу с мельницей. Он вполне резонно решил, что сокрытие казны должны осуществлять лишь несколько самых проверенных и надёжных людей (в числе которых был и составитель плана № 1), а остальным нечего было глазеть на столь интимное дело.

В доказательство данной теоретической посылки я приведу всего два факта, которые мне к тому времени были известны. Факт первый. Когда в 1941 году немецкая авиация бомбила наши войска, отходящие на восток от Круглого, в свежих воронках находили непонятно откуда взявшиеся там серебряные предметы церковного обихода. Теперь-то нам ясно, откуда они там взялись, — их зарыли отступающие в 1812 году «могилёвцы». Это была другая (не кассовая) часть могилёвского обоза, которая была спрятана вовсе не в роще вблизи мельницы, а некоторое время спустя (может быть, всего через несколько часов) вблизи самого тракта Копысь — Круглое.

Факт второй. Я не раз задумывался над одним совершенно непонятным историческим эпизодом. Как, с помощью каких таких на удивление свежих сил, французы смогли отбить Борисов обратно, после того как данный город 21 ноября внезапной утренней атакой заняли войска Павла Васильевича Чичагова? Откуда это у них взялась свежая конная дивизия и довольно многочисленная артиллерия? — недоумевал я. Откуда совершенно внезапно появились тысячи свежих лошадей и людей, пребывающих, в отличие от прочих крайне изнурённых войск, в полной боевой готовности? А вот, оказывается, откуда они появились, — из Могилёва пришли! И появились они в Ставке Наполеона как раз вовремя, едва тому доложили посыльные, что Борисов с его стратегически важными мостами через Березину внезапно занят неприятелем.

Таким образом, столь мучившая меня историческая головоломка, кажется, разрешалась вполне логично и к всеобщему удовольствию. Все части доселе разрозненной картины данной кладоискательской легенды сложились почти идеально. Я рассуждал следующим образом. Колонна французских войск, выйдя из Могилёва, вначале продвигалась до Копыси, стремясь поскорее выйти на дорогу Смоленск — Борисов. Но, встретив противодействие русских частей на подходе к Орше, данная колонна была вынуждена повернуть на запад, в сторону Коханово. Понимая, что оторваться от преследователей можно только налегке, командирами был отдан приказ срочно избавиться от самых тяжёлых повозок. Вначале спрятали тяжеленную войсковую кассу, а некоторое время спустя в землю было зарыто и награбленное церковное имущество. Соответственно, и загадочную развилку на большой дороге, обозначенную как «B. D.», тот человек, который составил рукописную схему, отобразил, поскольку сам по ней потом и поехал. В противоположность ему, сам Яковлев около данного перекрёстка даже не появлялся! Ведь он для него не представлял ни малейшего интереса, и в свой план № 2 он его не внёс. (На современных картах Белоруссии, кстати сказать, развилка, напоминающая отмеченную ранее, имеется во всей своей красе.)

Не знаю пока, где конкретно прокладывали свои поисковые канавы князь Кочубей и полковник Яковлев, но, скорее всего, идеально выйдя в нужное место (благодаря французской карте-схеме и сопроводительной документации к ней), они несколько промахнулись в определении исходной точки, в которой следовало производить раскопки. Вероятно, они решили про себя, что если «похоронная» команда двигалась со стороны Орши, то и закапывать своё имущество они стали бы непременно на правом берегу ручейка, что было бы вполне логично. Но дело-то было в том, что разыскиваемые ими

ценности везли вовсе не из Орши, а из Могилёва, и оттого и зарыли их на другом берегу ручья, на левом! Вот такая поначалу родилась у меня теория, и первоначально она мне весьма нравилась.

Правда, что из этого получилось, вы узнаете чуть позже, а пока пришло время как следует изучить сопроводительное письмо, приданное к карте, и её описание, благо перевод был успешно завершён. Вначале я взялся за письмо Евстахия Сапеги, по-своему весьма любопытное.

«Когда я приехал в Париж в 1819 году, то я возобновил некоторые знакомства, и в том числе с русским господином Семашко, которого я не приглашал, и которого я нашел очень больным, и который рассказал мне о последнем периоде своей легочной болезни. Семашко мне рассказал, что (ранее) *он был в отношениях с моей семьей, и доверил мне историю обо всем, что касается вопросов* (некоего) *богатства.*

В то же время он меня попросил спрятать тайное письмо и взял с меня обязательство не передавать его никому, кроме него самого, но которое он мне разрешил вскрыть в том случае если он сам (т.е. Семашко) умрет без меня, и не заберет назад бумаги, которые он отдал на хранение в мои руки. Он добавил, что имеет доверие ко мне и посоветует своим детям обратиться ко мне в случае успеха.

Незадолго до смерти Семашко мой доверитель в то время разрешил мне вскрыть пакет и найти согласно моему ожиданию одно рекомендательное письмо для человека Антуана Ливски, свояка Семашко, который проживал в Черебути около города Слуцка в Минской губернии, но который переехал в Ливилу около Видзе в Вильнюсскую губернию.

Историческая легенда рассказана самим Семашко, так, как он её знал сам. Во время отступления французской армии в 1812 году малая касса (войск) Наполеона перевозилась в фургоне, который всегда сопровождал батальон охраны (который следил за ее сохранностью). Она (касса) в то время содержалась в виде укладки, предотвращающей нарушение упаковки и содержащей по 50 000 наполеондоров каждая.

(При реальной угрозе захвата кассы) *Семь бочонков* (упаковок) *осталось невскрытыми* (невостребованными), *у восьмого же бочонка вышибли дно и разделили его содержимое между собой сопровождающие кассу работники* (служащие). *Офицер и шесть гренадеров составили команду для этой работы, и только один из них после перенесенных испытаний вернулся домой живым после кампании 1813—1814.*

Семашко вошел в отношения с этим гренадером, который проживал в деревне Лорейн и пользовался пенсией, которую выплачивало правительство в награду за взятое обязательство соблюдения тайны, доверенной (ему) на очень доверительных условиях. Семашко имел очень большое влияние на этого человека, и он убедил его в бесполезности всех хлопот по сохранению данной тайны, поскольку правительство России в Указе Императора постановило, что государство является правопреемником всей собственности, оставленной французской армией, и вся она переходит в собственность Короны (т.е. Российского государства), *и впоследствии предложил с легкостью изъять клад для их общей пользы.*

В то время уже стало возможным для них сделать такую попытку. Семашко освободил гренадера от надзора полицейских органов и послал вместе с Ливски в Черебути ждать, когда пройдет зима. План (по извлечению клада) следовало реализовать весной.

Гренадер в сопровождении Ливски и с двумя-тремя другими лицами направились в Дорогобуж с несколькими загруженными телегами. Их путешествие по второстепенным дорогам, в обход деревень и с бивуаками по ночам, происходило в хорошее время года (видимо, летом) *и не привлекло ничьего внимания. В Дорогобуж они направились для загрузки и последующего возвращения на большую дорогу Москва — Борисов.*

Гренадер прибыл в местечко, которое должен узнать визуально и сделать остановку, поскольку по соглашению с Семашко, тот должен был присоединиться к нему ночью для извлечения клада.

Семашко же должен был покинуть Париж со слугой (с челядью) *чтобы сбить толку возможных шпионов, и проследовать в Лиду, а затем и в Ригу, и иметь с собой щупы и различные рабочие инструменты, которые пригодятся им обоим. Обе партии кладоискателей начали движение в условленное время, и одна из них прибыла в Витебскую губернию.*

Семашко очень опасался одного указания, сделанного незадолго до этого бароном Ашем, губернатором Смоленска, который мог его задержать. Он спешно достиг границы Пруссии. Там он предъявил паспорт, в котором должны быть проставлены визы для продолжения проезда и осуществления задуманного предприятия.

Другая партия (которая уже была в России) *прибыла без всяких препон в местечко, отмеченное гренадером во время рекогносцировки. Но поскольку Семашко не прибыл по истечению 36 или 48 часов ожидания, гренадер изъявил желание продолжать вояж и вернуться в Черебути.*

*Таким образом, когда закончилась эта экспедиция, гренадер (*видимо, написано слово «торопливо»*) покинул Россию, но прибыл в Германию* (неразборчиво) *Семашко, который уже находился в Париже, для того чтобы укорить за сопровождение и сказать ему, что он сделал для них обоих, имея совершенно узнанное местечко и был в состоянии все исполнить, имея снабжение и достав все оставленное в 1812, но при отсутствии его там, он, имея оказанное ему доверие и выполнил все условия, он, имея доверия в их общих интересах, не был обязан посвящать в тайну человека,* (неразборчиво) *и так он сказал слишком много для раскрытия секрета и определения местоположение клада.*

Семашко (после неудачной попытки отыскать клад) *оказался в сложном положении и находился под двойным надзором, как со стороны посольства России, так и правительства Франции, которые знали об отношениях с гренадером. Однако могу утверждать с уверенностью, что Семашко был уверен, что клад существует, и точность его сведений добытых ранее не подлежит сомнению. Докучливость* (Семашко) *с которой он навязывал мне свое ходатайство* (о продолжении поисков), *которое он сделал мне наедине достаточно доказательно. Для окончательного исполнения данного мероприятия предлагаю следующее:*

Карту № 1 более не показывать посторонним лицам.

Необходимо срочно отыскать Ливски, с целью узнать от него то местечко, в котором он был в сопровождении гренадера. Этих данных будет недостаточно для двух офицеров осведомленных для их понимания и точности выполнения задания при сопровождении Ливски в то местечко, где он был во время его путешествия с гренадером, и для скрупулезного сбора информации о положении всех примет (из плана № 1), где были выявлены, и в особенности точку, где они ожидали (Семашко) *в один из дней от 36 до 48 часов, и где приблизительно гренадер рыскал по курсу. И вот всё это должно срочно узнать от Ливски. Так же важно, чтобы никто не знал в точности цели нашего предприятия, выявить, что Семашко не получил от гренадера, но история с Ливски является важной для облегчения поиска местечка специально отмеченного на карте № 1. Карта № 2 будет выдана офицерам, действующим совместно с Ливски, с целью привлечения их внимания ко всем приметам, кроме того, им необходимо подтвердить все, что отмечено на карте.*

В том случае, если Ливски не удастся отыскать либо он уже не существует, это вызовет большие сложности, но я полагаю, что с поддержкой

правительства по этой диспозиции ничего не помешает успешно завершить поиски. В этом случае только работа офицеров продолжится несколько дольше, но я полагаю, что расположение местных примет в таком порядке слишком определенно, чтобы если оно существует в природе, можно снова местечко обнаружить. Все зависит от усердия офицеров и пунктуальности исполнения ими поручения.

Этих трудностей не произойдет, если перед началом поисковой инспекцией кого-нибудь послать (по почтовой трассе), *чтобы сделать необходимые поиски, и будет лучше, если этому надёжному порученцу доверить карту № 1».*

Сразу же следовало оценить примерную ценность некогда укрытого гренадерами имущества, столь рьяно разыскиваемого полковником Яковлевым. Судя по тексту письма, изначально в фургоне перевозилось 50 000 наполеондоров в восьмибочонковой упаковке. Если здесь имелись в виду простые 20-франковые наполеондоры, то, следовательно, вблизи далёкой от Москвы Александрии (или другого какого места) был запрятан почти миллион франков. Вес одной монеты (т.е. золотого наполеондора) был равен 9,45 г, и общий вес золота в кассовом фургоне изначально составлял 472 кг. Примерно по 60 кг приходилось на каждый бочонок. Всего, как мы знаем, было спрятано семь бочонков. Следовательно, общий вес «захоронения гренадера» составлял что-то около 410 кг. Сразу становится понятным, почему на розыски данного клада были брошены столь крупные силы и задействованы столь именитые персоны. Ведь такая масса золота, согласитесь, однозначно подлежала тщательнейшему присмотру со стороны самых высокопоставленных лиц империи.

К плану, тому самому исходному французскому «брульону», прилагалось описание, в котором давались краткие разъяснение по поводу условных обозначений, щедро разбросанных автором по некоей местности. Написано оно было, естественно, на французском языке, скверным мелким почерком, который на и без того низкокачественной ксерокопии смотрелся просто ужасно. Однако делать было нечего, и, призвав на помощь электронную программу «Lingvo 9.0» мы взялись за перевод наиважнейшего текста со всей решимостью, на которую были способны.

Первая строчка под литерой «А» поначалу не дала мне сколько-нибудь значимой пищи для размышления. «Днепр имеет немного менее пяти футов воды глубиной летом». «При чём тут глубина реки? — лишь недоумённо ду-

мал я. — Они что там, купались, что ли? Это зимой то? В стужу до двадцати и ниже нуля! Тогда почему здесь пишется про лето? Нелепица какая-то и явная глупость».

Зато вторая фраза, обозначенная литерами «В.С.», искренне меня порадовала. «Большая дорога от Москвы до Борисова, какой она была в 1812 году». Моему ликованию после перевода данной фразы не было конца. Написать о какой-то дороге «Москва — Борисов» можно было только в одном-единственном случае. Только тот человек, который стремится попасть из Москвы именно в Борисов, а не куда-либо ещё, мог написать такое про крохотный белорусский городок, каким являлся Борисов в 1812 году. Данное открытие буквально вдохнуло в меня новые силы, и сразу подумалось о том, что полковник Яковлев с князем Кочубеем совершенно зря таскались в безвестные Цурики и копались там на некоей песчаной отмели. Французы, и об этом факте мне было известно доподлинно, находясь в районе Орши, стремились попасть только в Борисов, и никуда больше. Там были стратегически важные мосты через Березину, там они надеялись на помощь местного гарнизона для устройства краткосрочного отдыха и улучшения снабжения своих измотанных голодом войск. Наполеон были столь уверен в том, что данный город даст французской армии хоть небольшую передышку, что даже приказал сжечь все хранившиеся в Орше понтоны, предназначенные для переправы через водные преграды.

Отсюда сразу же следовал однозначный вывод о том, что кладоискательская история, присланная из Парижа, могла происходить только на отрезке пути от Орши до Борисова, и нигде больше. И естественно, что поисковый полигон, расположенный вблизи белорусской деревеньки Александрия, неизбежно и однозначно выдвигался на первый план. Оставалось только понять, почему Яковлев там так ничего и не нашёл, и, найдя такое объяснение, повторить попытку. Впрочем, продолжу.

Литеры «В.Д.» вновь открывали описание некоей дороги. Эта просёлочная дорога отходила от основной трассы в северо-западном (на самом деле просто западном) направлении, и по ней некие лихие (а может быть, и обременённые тяжким грузом) всадники могли двигаться в направлении некоего крупного населённого пункта. И, что мне показалось весьма важным, эта дорога могла быть удобной только для тех, кто ехал со стороны Могилёва, а не со стороны Орши. Свернув на дорогу «В.Д», эти облегчившиеся от груза всадники могли напрямую (не делая крюка через покинутую французами Оршу) выйти на местечко Коханово, ставшее на некоторое время пристанищем Бонапарта.

Следующие литеры «Е.Е.» на плане были привязаны к ручейку, витиевато пересекавшему и рощу, и дорогу. Описывающий данный ручеёк абзац был намного больше прочих, что наводило меня на мысль о том, что именно в нём рассказывается о том, где и как захоронили некие ценности. Предчувствие меня не обмануло. Вот что было дословно написано на одиннадцати строках сопроводительного текста.

«Е.Е. — маленькая речушка, пересекающая дорогу В.С. в трех местах, образуя два неодинаковых изгиба, наименьший — имеет размеры от тридцати до сорока туазов. На меньшем изгибе стоит отметка Х, которая указывает на место захоронения (склад). Несколько деревянных частей от мельницы (брусьев или досок) использовались при разгрузке фургонов. Канава, которая предназначалась для бочонков, рылась недалеко, на расстоянии в несколько туазов, и параллельно большой дороге, так, как она шла в 1812 г. Глубина залегания была около 3—4 футов, но она могла измениться со временем из-за тяжести объектов, и надо зондировать на большую глубину».

Скорее всего, составителем описания имелась в виду некая канава, либо вырытая кем-то ранее, либо просто промытая водой и отстоящая от почтового тракта не далее чем на 10—15 метров. По здравому рассуждению нетрудно было догадаться, что речь идёт о том, что вышеупомянутые бочонки, а возможно, и ещё какие-то ящики, элементарно закопали на глубину чуть больше метра, использовав для этого удачно найденную канавку то ли в качестве местного ориентира, то ли как некое естественное углубление в земле. Причём создавалось впечатление, что всё это действо происходило именно в центре рощи, вблизи лесной мельницы, а вовсе не у мельницы, поставленной на том же ручье, но на берегу Днепра, до которого, судя по плану, было не менее 3-х километров.

Затем человеку, читающему сопроводительное описание, давалось что-то вроде доброго напутственного совета. Мол, не надо рассматривать данную карту как точный план с идеальными пропорциями, а просто следовало мысленно связывать все определяемые объекты воедино, как в точной позиции относительно их нахождения на местности. Приняв этот добросердечный совет к сведению, я продолжил читать перевод.

Литера «F» указывала на озеро или проточный пруд, скорее всего, образованный мельничной плотиной. Но это была уже другая, т.е. вторая мельница, расположенная далеко от рощи и вблизи самого Днепра. При этом уточня-

лось, что от лесной мельницы до Днепра было примерно 2,5—3 версты, а до кабачка — не более версты.

О роще (литера «G») было сказано следующее: «Густой кустарник, растущий на песчаной почве».

Деревушка, отмеченная прописной литерой «а», была упомянута, как лежащая на дороге, отходящей под углом от тракта «В.С.». Обе мельницы помечались буквами «в» и «с». Причём для их описания было применено словосочетание «moulins avent», которое можно было перевести только как «ветряные мельницы»!

Под литерой «d» подразумевалась приходская церквушка, так же как и вторая мельница, вынесенная ближе к большой реке. А буковка «f» была присвоена кабачку, расположенному на большой дороге. Собственно, на этом описание местности и присутствующих на ней объектов заканчивалось, давая поисковикам любого ранга широкий простор для воображения.

Что ж, сопроводительное описание было составлено вполне логично, правдоподобно и достаточно подробно. Ведь представить себе, что тяжело гружённые фургоны тащатся от мощёной дороги по полному бездорожью к реке Днепр, было просто невозможно. При всём желании преодолеть целых четыре километра снега и грязи даже на свежих лошадях было немыслимо. Другое дело — закопать бочонки в роще прямо у почтового тракта. Никуда и ехать не надо, откатил бочки от дорожного полотна метров на десять, и зарывай их себе на здоровье. Ориентиров для закладки клада до востребования в данной точке было полно. Тут тебе и недалёкая мельница с плотиной (а не та ли это самая плотина, о которой впоследствии писал Кочубей?), и само извилистое русло речки, и корчма за вторым мостом, и относительно небольшое расстояние между мостами, а также некая очень кстати подвернувшаяся канава... То есть налицо имелся полный джентльменский набор памятных примет, а также естественных и рукотворных ориентиров, по которым каждый из тех, кто закапывал бочонки (и что там ещё могло быть зарыто), мог их впоследствии легко отыскать. И изъять... Да, да, господа, к сожалению, не без этого. В любом поисковом мероприятии нужно учитывать и такой поворот событий. Ведь с момента захоронения данных ценностей к 1840 году минуло уж 28 лет! За такой продолжительный срок чего только не могло случиться.

Иначе совершенно непонятно, отчего столь опытные и бывалые офицеры, имеющие в своём подчинении и землекопов, и взрывные устройства, не смогли обнаружить столь хорошо описанную, неглубоко зарытую и к тому же отлично привязанную к местности захоронку? Но если всё же допустить, что

постигшая наших поисковиков неудача была обусловлена не происками конкурентов, а некоей технической трудностью! Ведь тот же Яковлев пишет, что проколы земли стальными щупами они делали через аршин друг от друга. Аршин — это, по сути дела, обычный шаг. Шагнул — кольнул, шагнул — кольнул. Длина шага человека среднего роста — это минимум 70 сантиметров. А диаметр бочонков был не более 40 сантиметров, а то и меньше! И не надо смотреть на скромные размеры! Такой полностью наполненный монетами бочонок едва-едва поднимали два человека! Малая площадь донышка — вот вам и прекрасная возможность легко промахнуться по столь малоразмерной и к тому же совершенно невидимой мишени!

Вторая трудность для первых российских поисковиков могла заключаться в том, что была смыта та плотина, возле которой (или, во всяком случае, в пределах видимости) был закопан данный клад. Иными словами, к приезду первых поисковиков исчез один из важнейших местных ориентиров. Значит, шансов попасть штырём точно в стоящий торчком бочонок в общей сумме вероятностей я оцениваю не более чем в 1 из 5. Так что мне представляется, что Яковлев с Кочубеем зря понадеялись на точность такого способа обнаружения относительно малоразмерных предметов.

Итак, в преддверии поискового сезона у меня была только одна гипотеза, довольно внятно объясняющая причину, по которой полковник Яковлев не отыскал золото. В двух словах она заключалась в том, что хотя место поисков он выбрал правильно, но несовершенство поисковой техники (щупы и лопаты) не позволило ему нащупать малоразмерные бочонки. Вот и всё, и никаких иных загадок. Если приехать на берега Днепра с современной техникой, то разгадать загадку можно будет буквально за полчаса...

* * *

Разумеется, как только позволила погода, я отправился в Белоруссию. Посетил несколько городов, прошагал по вышеупомянутым дорогам, завёл полезные знакомства среди местных краеведов. Некоторые из них приняли живейшее участие в поисках, снабжая меня поистине бесценной информацией. И их письма постепенно переводили моё внимание на новый географический регион. Кроме того, в мои руки попали документы, упоминающие ещё об одном ранее неизвестном кладе. Вот что было написано о нём в сборнике «Память Браславского района». Приведу текст полностью, благо объём его небольшой. Называлась заметка совершенно незатейливо: «Пра французскі скраб каля возера Рака».

Даю её текст в оригинале, дабы явить читателям особый национальный колорит данной публикации. И заодно хочу спросить у всех вас: а вы сами обратили бы хоть малейшее внимание на информацию подобного рода? Если нет, то заниматься историческими исследованиями в области кладоискательства вам будет весьма затруднительно. Но это так, к слову. Достаточно того, что я обратил и даю всем возможность это сделать сейчас.

«Пры адступленіі французау у вёску Майшулі панаехала шмат салдат. Усіх жихароу рассялилі па суседних вёсках, а у Майшули стали прыбываць фурманкі са скрынямі. Дзеці падглядзелі, што французы капаюцца на беразе возера. Праз колькі дзён салдаты зехалі і жыхары змаглі вярнуцца у вёску. Найбольш цікаўныя пабеглі адразу да вады. Каля самага возера бераг быу увесь перакапаны. Са стромкага схіла, які падыходзіу да берага з другога боку, білі струменчыкі крынічак. На вачах сухі перад тым бераг ператварыуся у багну. Любая ямка імгненна запаунялася вадой і плывуном. Ніхто не ведау як дабрацца да закапаных французамі скрынь. Ад пакаленія да пакаленія перадаваліся толькі расказы аб невядомых скрабах, схаваных на беразе возера.

Аднойчы перад мікалаеускай вайной у Майшулі прыехалі два французы. Яны штодня хадзілі да возера з нейкімі прыладамі і копаліся на беразе. Французы жылі нескалькі месяцау, а калі ад,язджалі сказалі гаспадару, што прыедуць яшчэ І давядуць справу до канца. Яшчэ паабяцалі пасля гэтага добра аддзячыць гаспадара за гасціннасць. Неузабаве пачался вайна, потом сздыралася рэвалюцыя. У веску французы больш не прыязджаі. Некаторыя людзі з вескі самі спрабавалі адшукаць скраб. Каму калі і давялося выкапаць яму, далей натыкаліся на нейкую пліту...»

Да, я понимаю, что вот так запросто перевести с белорусского на русский язык сможет далеко не каждый, и поэтому предлагаю свою версию перевода. Версия эта такова...

«При отступлении французов в деревню Майшули понаехало много солдат. Всех жителей расселили по соседним деревням, а в Майшули начали прибывать телеги с неким имуществом. Дети подглядели, что французы копаются на берегу озера (Рака). Через несколько дней, когда солдаты уехали, жители смогли вернуться в деревню. Некоторые из них сразу побежали к воде. Около самого берега вся земля была перекопана. (Далее следует малопонятная фраза, вразумительно перевести которую мне так и не удалось.) Рядом бил небольшой источник, отчего эта часть берега была сильно заболочена. Любая ямка мгновенно заполнялась водой и плывуном. Никто не знает,

как добраться до закопанных французами вещей. Из поколения в поколение передавались только рассказы о сокровищах, спрятанных на берегах озера.

Однажды перед николаевской (Первой мировой) войной в Майшули приехали два француза. Они долго ходили возле озера с некими инструментами и копались на берегу. Французы жили там несколько месяцев, а когда уезжали, сказали помещику, что приедут ещё и доведут дело до конца. Ещё пообещали щедро наградить помещика за гостеприимство. Вскоре началась война, а затем и революция. В деревню французы больше не приезжали.

Некоторые жители деревни попробовали сами отыскать клад. Но кто выкапывал яму, тот натыкался на некую плиту...».

Кроме самой непосредственной профессиональной пользы от данной информации я получил ещё одно свидетельство о том, что события, происходившие осенью 1812 года на северо-западе современной Белоруссии, были не столь однозначны, как представлялось ранее. Рассматривая карту, я догадался, что существовал ещё как минимум один крупный обоз с трофеями, который двигался из центра Витебской области на запад. Можно было вполне обоснованно предположить, что он направлялся из района Полоцка и охранялся тем самым гренадерским батальоном, о котором упоминал Семашко. Маршрут его продвижения (вчерне, разумеется) французским командованием предполагался следующим. Полоцк — Браслав — Видзы — Вильно. Обоз вывозил не только награбленное за несколько месяцев оккупации имущество, но и самое главное — армейскую кассу увязшего в боях с ополчением Витгенштейна французского гренадерского корпуса Удино. И вот здесь уже начинают вырисовываться совершенно иные перспективы.

Подумаем, что именно заставило обозников закопать свой груз уж как минимум с десятка подвод именно вблизи ничем не примечательной деревеньки Майшули? Ведь от города Браслава (где обоз наверняка останавливался на ночёвку) до Майшули всего три версты. До какого-либо конечного пункта данному обозу было ещё слишком далеко, а солдаты охраны отчего-то озаботились спешным сокрытием значительной части добычи. Напомню, что на дворе стояла относительно тёплая осень, и ни о каком массовом падеже лошадей (как было в корпусе у того же Е. Богарне) не могло быть и речи.

Единственное разумное объяснение связано с теми «летучими» кавалерийскими отрядами, которые часто тревожили французов и прусаков на совершенно не охранявшихся транспортных коммуникациях. Особенно это касалось местности южнее Браслава. Вот что по этому поводу писал мой белорусский корреспондент:

«На копии карты Браславского района можно разглядеть основные особенности окрестностей Козян и Видз. Территория к югу от Видз — плоская низина, залесённая и болотистая. Дороги от Козян на Видзы и на Шарковщину в периоды дождей и таяния снега почти непроходимы. Эту особенность отмечают многие исторические источники…»

Ага, вот в чём дело-то! Если посмотреть на карту Витебской области, то сразу же можно отметить одну очень интересную особенность трассы Браслав — Видзы. Дорога эта именно в трёх верстах на запад от Браслава проходит по узкому и заболоченному перешейку, протянувшемуся между двумя достаточно крупными озёрами. С военной точки зрения это просто идеальное место для организации всякого рода засад и заслонов. Свернуть куда-либо с единственной дороги совершенно некуда — манёвра никакого ни для пехоты, ни для кавалерии. Можно двигаться либо вперёд, либо назад. Вероятно, командир французского конвоя по выходу с последнего бивуака получил от разведки сведения о том, что впереди его как раз ждёт неприятный сюрприз подобного рода. Вот именно поэтому он и поспешил поскорее избавиться от всех сковывающих его массивных и перегруженных добычей экипажей. И, преодолев столь неприятное место, он уже никак не мог быть уверен даже в относительной безопасности доверенного ему ценного груза. Скорее всего, весь остальной путь к далёкой Видзе превратился для гренадерского батальона в беспрестанную битву, во время которой ему приходилось напрягать все силы, чтобы оторваться от преследователей.

К тому же вспомните историю, впоследствии озвученную Семашко. Он утверждал, что перед захоронением семи бочонков золотой фургон охраняли только несколько военнослужащих. А остальные-то куда делись? Куда же испарился целый батальон кадровых военных? Ведь они, по словам нашего неудачливого кладоискателя, должны были охранять ценности до последней возможности. Представляется разумным предположить, что основные силы гренадеров элементарно прикрывали тылы спешно удирающего кассового фургона. И ясно, что долго прикрывать его у них не было возможности. Недаром же было принято окончательное решение избавиться и от этого золота, ведь на кону уже стояла жизнь солдат, всё ещё остающихся в строю. Однако, как вы теперь понимаете, это была только очередная рабочая гипотеза и её, равно как и все прочие, ещё предстояло подтвердить работами на местности.

Осталось только ещё раз вернуться к истории захоронения неких «скарбов» вблизи деревеньки Майшули. Почему французы закопали свои пожитки

именно в данном районе, нам уже понятно. Непонятно пока только то, почему своё захоронение они устроили вблизи озера Рака. Попробуем ответить и на этот вопрос.

Итак, озеро Рака. Оно лежит от Майшули гораздо дальше, нежели другое озеро — Дривята. Почему же обозники не устроили свой тайник у этого, куда как более близкого к деревне, водоёма? Вопрос легко разрешить, если вновь вспомнить о капризах погоды той далёкой поры. Стояла очень, ну очень дождливая осень. И, конечно же, подъехать на телегах через страшно заболоченную долину к водному урезу относительно близкого озера Дривяты было совершенно невозможно. Иное дело — озеро Рака. Пусть оно отстоит от Майшули примерно на полкилометра к западу, зато в его сторону ведёт протяжённая, значительно приподнятая над окружающей местностью песчаная полоса. Мало того, что по ней можно было без проблем доехать практически до самого берега озера, так ещё этот холмик и надёжно прикрывал интенсивно работающих лопатами французов от нескромных взглядов посторонних.

Как мы теперь знаем, это не спасло их от глаз пронырливых ребятишек, но тем не менее уберечь клад всё же позволило. Техники для быстрой откачки воды и озёрного ила в те времена не существовало, и топкий берег гарантированно обеспечивал недоступность спрятанного имущества. Вот уж воистину — видит око, да зуб неймёт!

Заодно становится понятным и то, почему парочка французов образца 1912 года сразу не занялась извлечением старинного захоронения. Имея при себе достоверное и тщательно прописанное описание особых примет, изложенные их предками на плане местности, они имели все возможности для уточнения местонахождения зарытых сто лет назад кладов. Прощупывая стальными стержнями мягкие иловые отложения, они (за несколько месяцев) без труда определили, где и на какой глубине имеется нечто твёрдое. Им оставалось только извлечь находки. Почему же не извлекли их тотчас же?

Да только потому и не извлекли, что сделать это без многочисленной, оснащённой хорошими насосами команды было совершенно невозможно. К тому же общая масса спрятанного наверняка была столь велика, что унести всё двум мужчинам было просто не по силам. Вот они и отправились в родную Францию, собирать средства и специфический инструментарий для организации заключительной экспедиции. И только тот факт, что их родина была вскоре втянута в мясорубку Первой мировой войны, помешал осуществить задуманное.

Нужно признаться в том, что на тот момент я как-то не связывал происшествие у озера Рака и факт захоронения корпусной казны. И далее мог бы откровенно рассказать о том, как продвигалась моя мысль именно в этом направлении. Так сказать, поведать об иных вариантах и версиях развития лихо закрученного сюжета. Однако, поскольку и далее рассказывать обо всех хитроумных поворотах в деле Яковлева 4-го больше нет ни малейшей возможности, я с определённым удовлетворением заканчиваю данную главу. Тем более что по этому сюжету впоследствии была написана подробная книга, которая называется «Тайна императорской канцелярии» и в которой раскрываются все повороты данной кладоискательской саги.

* * *

Впрочем, не только эти масштабные и головоломные дела попадались нам в архивах, прямо или косвенно связанных по тематическим подборкам к периоду нашествия Наполеона. Встречались и более мелкие кладоискательские эпизоды, по-своему, однако, весьма примечательные. Один из таких эпизодов произошёл в городе Калуга. Но прежде всего мне хочется разъяснить некоторую, очевидную только специалистам, историческую странность. Дело в том, что, по всем общеизвестным данным, французские войска в Калугу не заходили. И несмотря на то, что данное поисковое дело рассматривалось в тридцатые годы прошлого века с большим вниманием, получается некий казус. Французов в данном городе вроде как не было, а клад, связанный с их пребыванием, есть! Но давайте рассмотрим всё по порядку.

О французском кладе, зарытом на окраине города Калуги, стало известно из документов, относящихся к печально известному НКВД. Немногим известно, что именно это ведомство помимо выполнения своих прямых обязанностей по розыску уголовников и отстрелу «врагов народа» отличилось ещё и в розыске многочисленных кладов. В то время этим учреждением руководил Николай Иванович Ежов. Вот именно к нему на рабочий стол и попала докладная записка, в которой и говорилось о калужском кладе. Однако составители данной записки явно переусердствовали. Они написали в ней едва ли не о всех сокровищах, вывезенных некогда наполеоновскими войсками из Москвы. Естественно, народный комиссар не мог упустить возможности отыскать якобы лежащие вблизи городского оврага обозы золота и серебра, и он дал делу ход. Закончились поисковые работы, как и следовало ожидать, безрезультатно. Ведь если бы Николай Иванович ознакомился с документа-

ми повнимательнее, он, может быть, не стал бы так торопиться и посылать команды землекопов.

Как же обстояло дело? Изучив и саму докладную записку, и все сопутствующие этому времени и месту документы, я пришёл к выводу о том, что речь идёт вовсе не о многочисленных телегах с ценностями. Речь шла о куда как меньших объёмах. Мой рассказ будет достаточно коротким, поскольку и сам калужский клад был очень небольшим. Итак. Ещё во время отступления коалиционной армии к Смоленску в плен к русским войскам попало немало отставших либо легкораненых солдат и младших офицеров. Среди них был и некий Юзеф Поляновский, поляк, занимавший в дивизии Понятовского скромную должность интенданта. В его обязанности, в частности, входило описывать и сохранять попавшие в дивизионную кассу ценные трофеи. Описывать-то он их описывал, но попутно не забывал кое-что прихватить и для себя. Там камушек драгоценный отковырнёт, там серёжки женские прихватит, там золотую ложечку из сервиза прикарманит.

Таким образом, к тому времени как Поляновский оказался в плену, в его заплечном ранце скопилось от пяти до десяти килограммов драгоценной «мелочи». С ранцем его и захватили казаки Южной группы войск, после чего погнали в сторону Калуги, являвшейся в ту пору не только местом сосредоточения продовольственных складов русской армии, но и пересыльным пунктом для пленных. За те пять дней, пока пленных ускоренным маршем доставили туда, где они могли вволю поесть и вымыться в бане, разумеется, никаких личных обысков никто не проводил. Максимум отобрали имевшееся на руках оружие, вот и весь досмотр. И последнюю ночь перед вступлением в сам город колонну, общим количеством примерно в триста человек, разместили с правой стороны дороги Москва — Калуга. Собственно, в сам город их не пустили только потому, что наплыв пленных был слишком велик, и новоприбывших просто негде было размещать. Местом их временного пристанища определили обширную, относительно ровную площадку между столбовой дорогой, к которой примыкало кладбище с церковью, и громадным оврагом.

И вот теперь наш горе-интендант оказался буквально в патовом положении. Ему было вполне очевидно, что завтра, когда их будут мыть в бане, все их носимые вещи будут разобраны и осмотрены на предмет поиска паразитов. Естественно, увесистый свёрток с ценностями найдут... и прощай, надежды на сытую спокойную жизнь. В такие роковые минуты обычно и приходят в головы людям мысль о том, что было бы совсем неплохо ценности закапать

до лучших времён. Пришла такая мысль и поляку. Но куда деть ранец? Закопать? Но как отыскать его впоследствии?

Побродив по месту предстоящей ночёвки, он-таки догадался, куда именно спрятать награбленное. Приметив вдалеке сверкающую маковку ещё одной церкви, он встал так, чтобы находиться на прямой линии, соединяющей этот ориентир с крестом церкви на ближайшем погосте. Определив одну из координат, Поляновский принялся ходить вдоль неё, стараясь отыскать ещё одну примету. Она обнаружилась довольно скоро. На краю оврага он приметил громадный минимум столетний вяз, метрах в пятидесяти от которого в земле обнаружилось естественное углубление, похожее на промоину. Выбор был сделан мгновенно. Погода в те дни стояла ещё относительно тёплая, и интендант под покровом ночи легко выкопал ножом в промоине ямку, достаточную для захоронения ранца. Утром их колонну повели дальше, а драгоценности так и остались лежать неподалёку от раскидистого дерева.

Таким образом, внимательному читателю, коим нарком Ежов, скорее всего, не являлся, становится предельно ясно, что речь в бумагах идёт вовсе не о множестве наполненных добром повозок, а об одном-единственном ранце, любовно наполненном поручиком Поляновским. Именно его поляк и закопал в пятидесяти шагах от вяза в некоей естественной промоине. Впрочем, пусть его клад был и не слишком велик по объёму и весу, но стоимость он имел немалую. Пусть предприимчивый интендант наковырял всего лишь пригоршню самоцветов, т.е. граммов четыреста. Исходя из средней стоимости в 1000 долларов за карат камней старинной огранки, можно легко подсчитать, что даже без прикарманенного золота его клад тянул не менее чем на два миллиона долларов! Было о чём беспокоиться.

Ради интереса летом 2006 года я предпринял поездку в Калугу. Речь, разумеется, не шла о том, чтобы сделать попытку отыскать клад польского поручика. Хотелось просто сделать осмотр местности и не на карте, а на натуре определиться с теми ориентирами, которые упоминались в связи с этим делом. Разумеется, я понимал и то, что за прошедшие два столетия город сильно разросся и неизбежно поглотил то место, где некогда предприимчивый поляк прятал свой ранец с сокровищами. Однако, к нашему вящему удивлению, тот регион, где по всем прикидкам был спрятан этот клад, оказался застроен менее всего. Более того, там, где некогда коротали время пленные поляки, ныне высится едва ли не самое известное здание Калуги. Судьба распорядилась так, что именно здесь, на берегу вблизи громадного оврага, был построен комплекс Музея космонавтики. Естествен-

но, рельеф местности при строительстве был несколько изменён, и теперь, конечно же, отыскать ту естественную впадину невозможно. Однако вязы, вернее сказать, потомки того самого вяза, всё ещё растут неподалёку от устремлённых в небо ракет.

* * *

Клад из мемуаров

Какие только события ни приводят пытливого кладоискателя к вожделенному предмету его страсти! Иной раз достаточно одного слова в самой заурядной газетной статейке, чтобы выйти на след очередной исторической загадки. Один из примеров такого рода расследований я и хочу привести. И, естественно, прежде всего несколько слов надо сказать о той самой статье, с которой вся эта история и началось. В своё время в газете «Вечерняя Москва» печатался цикл статей «Московские родословные». И, просматривая очередной материал под претенциозным заголовком «Барышни и крестьянки», я зацепился взглядом буквально за первую строчку.

«История нашей семьи началась давно, — писала некая Екатерина Николаевна Качурина. — Когда была война 1812 года, на пути следования российских войск вдоль Смоленского тракта строились перевалочные базы для отдыха людей и лошадей, снабжения провиантом. Одну из таких баз строил мой предок Леонтий Качурин. Под строительство базы было отведено 200 десятин земли примерно в 50 верстах к юго-западу от города Вязьмы. Со временем в этом месте вырос посёлок, который в честь строителя стал называться "сельцо Леонтьевское"».

Собственно, лишь упоминание об Отечественной войне 1812 года и привлекло моё внимание. Накануне, словно по заказу, в издательстве «Вече» вышла моя книга «Пропавшие трофеи императора», в которой я постарался собрать истории, связанные с утратой Наполеоном захваченных в России трофеев. Естественно, что мой интерес к этому периоду нашей истории ещё не успел угаснуть, и я продолжил чтение.

«Прапрадед выехал на задание со своей женой и семьёй сына Петра, у которого было пятеро детей. Три сына (Николай, Леонид и Иван) и две дочери (Анна Первая и Анна Вторая). Потом у Анны Первой были две Елены (Маленькая и Большая); у Николая — два сына (Шура и Шурик). Почему

так? Ранее при крещении младенца священник заглядывал в святцы и давал ему имя, часто не считаясь с просьбами родителей».

Далее шло утомительное перечисление многочисленных родственников и того, как они устроились в жизни. Кто из дочерей вышел замуж за цыгана, а кто любил пить чай из самовара и имел собаку и кошку. И именно тут я прочитал фразу, которая заставила меня впоследствии ещё три раза перечитать всю довольно-таки нудную статью. Фраза была такова: *«На землях двоюродного деда Николая был небольшой лес, в середину которого не раз ударяла молния, обжигая деревья. Ходили легенды, что Наполеон захоронил то ли клад, то ли оружие... Взрослые, помолясь, ходили на это место, но ничего особого не увидели, а копать побоялись».*

И вот тут-то меня словно стукнуло. Так ведь тут идёт речь о некоей легенде, хранившейся именно в этом старинном российском семействе! Ведь кто ещё, кроме членов семейства Кочуриных, мог знать, что именно происходит на принадлежащих одному из них землях! А то, что в этой роще любопытствующие не увидели ничего особенного, так в этом как раз нет ничего необычного. Как правило, те, кто были вынуждены закопать некие ценности, вовсе не горели желанием как-либо подсказывать посторонним, где именно спрятано их добро. Соответственно, и маскировочные предприятия осуществлялись в полном объёме. А если и оставались поблизости какие-либо местные приметы, то, как правило, они были малоприметны и понять их значение мог лишь посвящённый.

Вот с молниями в данном случае вышло сложнее. Отвратить их от места залегания под землёй неких металлических предметов гораздо сложнее, если возможно вообще. Рассмотрим это вопрос поподробнее. Может ли в принципе зарытое в земле сокровище притягивать к себе прихотливые небесные молнии? Мой многолетний опыт по расследованию обстоятельств, связанных с захоронениями исторических кладов, со всей очевидностью показывает, что такой феномен действительно имеет место быть. Приведу лишь несколько примеров.

Один случай подобного рода был отмечен мной вблизи города Гагарин, бывший Гжатск. Приведу прямой текст из уже упоминавшейся мною книги «Пропавшие трофеи императора»: «31 октября. Тяжёлый обоз вице-короля ночевал в Гжатске. За последние два дня отступления в виду казаков Платова французы взорвали 100 зарядных ящиков и столько же оставили на дороге. На дороге до Гжатска бросили до 800 кирас (кавалерийские защитные доспехи, прикрывавшие грудь и спину), и до 500 павших лошадей. 1 ноября.

Обозы и артиллерия 4-го корпуса находятся в селении Царёво Займище. После полудня колонна была атакована казаками, разграбившими несколько фургонов.

1 ноября к вечеру, у города Гжати, неприятель поставил на высоте сильные пехотные колонны, выслал стрелков своих в леса по обе стороны от дороги, а фронт прикрыл батареями. 8 орудий донской артиллерии под командой полковника Каисарова действовали с таким же успехом, а пущенные им лесами, в обход, егеря 20-го полка, равно как и казачьи бригады с их орудиями, столь сильно напали на оба фланга неприятеля, что он после 2-часового сражения был принуждён поспешно отступить. Генерал Платов посадил егерей на коней и теснил неприятеля всю ночь, так что Платов сверх своего желания надвинулся на корпус маршала Даву, впереди его следовавшего. Полковник Каисаров настиг неприятеля у Царёва Займища, где находился вагенбург и часть парков корпуса вице-короля».

Данные отрывки наглядно показывают, что положение французских войск стало уже достаточно напряжённым и волей-неволей они вынуждены были избавляться от своего имущества. И действительно среди этого имущества были захваченные ценности и вооружение. Далее я пишу уже о собственных изысканиях.

«Справа от дороги Ивашково — Гагарин ничего подобного отыскать не удалось, зато слева от неё нас ожидал весьма приятный сюрприз. Почти от самой дороги строго на юг уходила узкая кинжалообразная рощица, как нельзя лучше приспособленная для устройства захоронений любого рода. Кроме указанных в письме примет Второй мировой войны (цепочка немецких окопов) рощица была изрыта и множеством прочих ям, и к тому же среди растущих в ней деревьев многие были поражены молниями».

Здесь мне просто необходимо сделать некое лирическое отступление и рассказать о крайне важном факторе обнаружения в лесах следов от ударов молний для успешной работы поисковика-кладоискателя. Для обычных людей грозовые молнии несут только непосредственную опасность для жизни, особенно если человек оказался во время грозы на открытом пространстве. Для людей же нашей профессии многочисленные попадания молний в определённый регион леса, в той или иной местности говорит о том, что в данном месте следует обязательно произвести приборную разведку. Дело в том, что большие массы легко окисляющейся меди, бронзы, а также и более благородных металлов, сосредоточенные в одной точке, создают настоящую приманку для «небесного огня». Легко разносящиеся грунтовыми водами ионы солей

меди, цинка и серебра, а также окислы некоторых металлов, втягиваются древесными корнями и создают в земле достаточно обширную область высокой электропроводности. А линейные, грозовые молнии весьма и весьма падки на такие места. Только не следует думать, что молния попадает точно в место захоронения самого клада, и сразу же бежать домой за мешком и лопатой. Практика показывает, что это вовсе не так. Грунтовые воды весьма причудливо перемещают зоны хорошей электропроводности, зачастую удаляя их от места закладки ценностей на многие десятки метров. И, кстати сказать, эти зоны продолжают существовать ещё много лет после того, как клад, или что-то на него похожее, из этого места извлекают.

Другой пример подобного рода я взял из другой своей книги — «Загадки старинных кладов», изданной в 2007 году.

«Второй объект нашего внимания находился вблизи старого Мосальского тракта. Разумеется, тракта почтового. Некогда, во времена презренного царизма, Калужская область была почему-то и населена несравненно гуще, да и экономическое значение имела куда как более значительное. По тракту, который соединял такие населённые пункты, как Мосальск, Кресты, Проходы, Писково, Серпейск, Мещовск, каждый день передвигались конные упряжки и даже целые караваны повозок, везущих товары на местные и иногородние ярмарки. Край кипел жизнью, и в первую очередь жизнью торговой. Ну, а где торговля, там и деньги, и, разумеется, разбойники.

Легенда гласила: некий купец, опасаясь налёта лихих людей, припрятал после успешной сделки увесистую кубышку с деньгами около двух берёз, что росли вдоль почтовой дороги. Берёзы, а на вид им было не менее 150 лет, сохранились прекрасно, а вот сама кубышка, увы, нет. Чуть подалее от обочины, как бы образуя вершину прямоугольной пирамиды с берёзами, так же как и в первый раз, красовалась глубокая конической формы яма. На вид она была явно старше и уже слегка заплыла от времени, но надежд на успешные поиски она также не оставляла. Но вот что примечательно. Вблизи от берёз также находились два почтенных по возрасту дерева, поражённые молнией. Фотографию одного из них я как раз и прилагаю к моему рассказу».

И подобных наблюдений я сделал множество. Столько, что могу с достаточной уверенностью заявить: места, где были зарыты изделия из меди и серебра, действительно обладают способностью «притягивать» молнии. Следовательно, слова из заметки Екатерины Качуриной можно воспринимать с достаточной долей доверия. Скорее всего, в упомянутой вскользь роще действительно есть (или было) устроено некое металлическое захоронение.

Теперь, когда мой чисто кладоискательский интерес был частично удовлетворен, передо мной вставала следующая задача. Следовало отыскать на современной карте (хотя бы примерно) то место, где мог бы располагаться тот самый «небольшой лес» с обожженными деревьями. Единственным указанием на его местоположение может служить только фраза о том, что он находился на «землях двоюродного деда Николая». Что ж, попробуем выжать из этой информации всё, что возможно.

Прежде всего, обратим внимание на то, что Леониду Качурину было выделено на обустройство воинской базы 200 десятин земли. Поскольку земля была казённая, то, следовательно, в пересчёте на современные меры площади ему досталось в пользование аж 218 гектаров! Поскольку впоследствии он разделил этот надел между тремя сыновьями своего единственного отпрыска, то, следовательно, каждый из них должен был стать обладателем примерно семидесяти гектаров. И ещё одно. Поскольку площадка под базу находилась вдоль Смоленского тракта, то, естественно, она была и вытянута вдоль дороги. Отсюда следует, что заветная рощица располагалась примерно в 50 километрах юго-западнее Вязьмы и не далее двух километров от Старого Смоленского тракта.

Казалось бы, всё просто. Бери карту столетней давности, отмеряй от Вязьмы вдоль Старой Смоленской дороги 50 километров в указанном направлении и ищи себе на здоровье сельцо Леонтьевское. Но сколько я ни вглядывался в прекрасно сделанные военные карты Смоленской губернии 1910 года, ничего подобного в указанном месте не было и в помине. Пришлось идти другим путём. То есть буквально идти в картографический отдел бывшей Ленинской библиотеки и проводить поиск по очень популярной среди кладоискателей книге, некогда написанной господином Штиглицем Н.Н. Называется эта книга так: «Смоленская губерния. Список населённых мест по сведениям 1859 года».

И именно в этом монументальном труде мне удалось обнаружить искомое сельцо, причём только одно-единственное во всей Смоленской губернии. Только располагалось оно вовсе не на Смоленском тракте, на юго-запад от Вязьмы, а чётко на северо-запад от неё. И проживало в том населённом пункте совсем немного народа, 8 душ мужского пола, да 6 женского. Казалось бы, наши поиски зашли в тупик, но нет, некоторые подробности из воспоминаний г-жи Е. Качуриной давали основание надеяться на то, что речь идёт именно о её родных местах. В частности, она пишет: «Вблизи нашего Леонтьевского исстари находились две усадьбы: Волочёк — помещиков Нахимовых, в селении Константиново — Мельниковых».

Этого упоминания оказалось вполне достаточно. Ведь Волочёк ныне переименован в Нахимовское, а от другой усадьбы даже на современной карте издания 2008 года осталось название «Урочище Константиновское». Что ж, как говорится, и на старуху бывает проруха. Искомое Леонтьевское на самом деле стояло вовсе не на Смоленском, а на Вяземском тракте, который шёл от Вязьмы, через Мокрое (ныне Мокрищево), Волочёк (ныне Нахимовское), и далее на Холм (ныне Холм-Жирковский). Поэтому представляется вполне очевидным, что небольшой лесок, в котором подозревается наличие некоего клада, располагается вблизи этого тракта на отрезке Мокрищево — Нахимовское. И более того, на уже упомянутой мной военной карте можно легко рассмотреть два постоялых двора, расположенных друг от друга на расстоянии 700—800 метров, то есть в пределах прямой видимости. Скорее всего, в них-то и проживали потомки Леонтия Качурина, и именно они образовывали поселение, известное нам под названием Леонтьевское.

Таким образом, район, где следует производить поиски, нами был определён довольно точно. Конечно, от тех деревянных строений, да и от самого тракта, скорее всего, ныне не осталось и следа. Но, используя прекрасную прорисовку рельефа местности на старинной карте и современные навигационные технологии, можно будет отыскать точное их расположение в течение одного дня. С местоположением нужного участка леса, конечно, придется повозиться подольше, но данная задача также вполне разрешима. Но прежде чем точить лопаты, следует разобраться ещё с одним немаловажным вопросом. И данный вопрос, вернее ряд вопросов, обязательно должен задать себе каждый уважающий себя кладоискатель. Звучат они примерно так: а откуда, собственно говоря, именно в этом месте взялся какой-то там клад? Кто его там зарыл? И почему он ассоциируется именно с событиями 1812 года?

Попробуем ответить на эти вопросы, опираясь не некоторое знание истории Отечественной войны и здравый смысл. Начнём наши рассуждения с констатации того неоспоримого факта, что при своём отступлении от Вязьмы французская армия двигалась на запад значительно южнее современного Нахимовского. Даже по прямой от того места, где прежде располагалось Леонтьевское, до запруженной войсками Старой Смоленской дороги было не менее шестидесяти километров. По нашим же издревле извилистым дорогам — и того больше. Так что ожидать именно там появления обоза с сокровищами вряд ли приходится.

К тому же даже если и предположить, что некий отчаянный француз непременно решил закопать награбленное золотишко именно в том самом без-

вестном леске, то он сильно бы намучался туда добираючись. Приличных дорог в тех местах и сейчас-то немного, а двести лет назад их было на порядок меньше. В тех условиях, когда грянули первые морозы, пробираться по ним до намеченного места следовало не менее двух-трёх дней. Но даже такого времени у французов не было. Надо сказать, что, кроме чисто воинских «партизанских» образований, возглавляемых атаманом Платовым, те немногочисленные пути сообщения бдительно контролировались и партизанами самыми настоящими. И особо усердствовали в этом жители именно Сычёвского уезда. Вот для примера несколько вполне официальных справок по данному вопросу.

«На территории Сычёвского уезда французы появились 18 августа 1812 года. К этому времени в Сычёвке было создано 2 партизанских отряда, в которых состояло более 400 горожан и крестьян. Одним отрядом командовал земский исправник Евстафий Богуславский, а другим — сподвижник Суворова отставной майор Семён Емельянов. На селе действовало до 10 партизанских отрядов, среди которых особо выделялся отряд старостихи Василисы Кожиной. За два месяца и шесть дней (с 19 августа по 25 октября) сычёвские партизаны уничтожили 1760 вражеских солдат и офицеров и 1009 взяли в плен. На борьбу с французскими завоевателями поднялось всё население уезда».

«Мы получили здесь уведомление, что в Смоленской губернии Сычёвского уезда крестьяне села Тесово, стоящего в 50 верстах от города Гжатска, писали к своей помещице, Госпоже подполковнице Логиновой, от 2-го сентября, что 29 августа Исправник тамошнего уезда Г. Богуславский приехал к ним и, собрав мужиков, вооружённых по приказанию помещицы пиками, велел им во всех случаях обороняться от неприятеля. Мы исполнили с большою охотою сие приказание, и на другой же день 130 человек переколотили, и там же на месте похоронили; 60 французов перевязали и отвели в город Сычёвки. У нас же убито было при сем только двое дворовых людей, да 4 мужика тяжело ранены».

«Известны также вожаки крестьянских отрядов — рядовые Ерёменко и Четвертаков. В городе Сычёвка сражался третий отряд из жителей города под командованием Коржанковского. Он сильно потрепал отряд польских улан, действовавших в составе наполеоновской армии. Уже в начале сентября почти вся территория Сычёвского уезда была недоступна французам. Образовался своеобразный партизанский край. Движение быстро распространилось на соседние уезды».

Итак, продвигаться с какими-либо ценностями по практически повсеместно перекрытым и охраняемым дорогам северо-западнее Вязьмы французы не могли. Их малочисленные шайки, рыщущие по округе в поисках пропитания, регулярно отлавливались и уничтожались. Поэтому понятно, что шансов отыскать какие-либо сокровища у Леонтьевского, на мой взгляд, нет совершенно. Но вот насчёт оружия, либо военного снаряжения как такового, если говорить более общо, я не был бы столь категоричен. Не будем забывать, что это местечко и начало своё существование как временная военная база. А что такое военная база? Это некое место, куда приходят не только поспать и подкормиться. В основном военные базы использовались командованием русских войск для того, чтобы из спешно отходящих, сильно потрёпанных противником войск создать новые боеспособные соединения.

А от чего же зависит боеспособность воинской части? Да, конечно, солдат должен быть сытым и отдохнувшим. Но самое главное, он должен быть хорошо вооружён, одет в соответствующую форму и иметь всё необходимое для ведения боевых действий. База, которую обустраивал Л. Качурин, была просто огромной, более двухсот гектар! Следовательно, и предназначалась она для приёма очень значительных по численности воинских контингентов. А там, где ожидается много войск, в значительной степени утративших совсем или имеющих на руках испорченное, либо малопригодное к употреблению оружие, туда следует это оружие доставить. И всевозможные боеприпасы, и конскую сбрую, и порох, и подсумки, и шомпола, и палаши, и новые ружья, и пушки, и картечь, и ещё множество иных предметов, без которых армия обойтись не может.

Можно себе представить, что для больших масс войск и завозилось много оружия со складов. И много оружия (возможно, неисправного) оставалось на базе после процесса перевооружения. Сложность ещё заключалась в том, что долго засиживаться под свежеотстроенными навесами было некогда. Французская армия накатывалась всесокрушающим валом, и заниматься тщательным учетом полученного и оставленного вооружения было просто некому, да и некогда. Новоприбывшие солдаты успевали только поесть, сменить обмундирование и получить новое оружие. И марш-марш дальше, к Бородино.

Сильно подозреваю, что после того, как последний отряд покинул базу, наш главный строитель оказался владельцем большой кучи оставленного войсками малопригодного, а может быть, и просто излишнего вооружения. И куда было его девать? Тащить домой? Там малые дети, до несчастного случая недалеко. Оставлять подходящим французам? Тоже не годится, преда-

тельством пахнет. Вот исходя из таких соображений я больше чем уверен, что именно Леонтий Качурин, а вовсе не Наполеон, и был организатором наскоро оборудованного захоронения в расположенной неподалёку от Вяземского тракта рощице.

Вырыл он яму, а может быть, и несколько ям. Свёз туда собранное воинское имущество, да и закопал от греха подальше. Через пару лет взрыхлённая земля осела, заросла травой, и ничто не напоминало о том, что в данном месте что-то спрятано. А уж спустя несколько лет, а то и десятилетий об этом захоронении осталась только смутная легенда. И уж конечно, в ней появился сам Наполеон (раз дело происходило в 1812 году) и сокровища (ну как же без них), и только одно реальное слово о каком-то оружии дошло до нас, благодаря хорошей памяти славной женщины Екатерины Николаевной Качуриной.

* * *

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Узнав много нового об утраченных Наполеоном трофейных ценностях, равно как и об утерянных собственных сокровищах и денежных средствах коалиционной армии, давайте продолжим наше повествование в несколько ином русле. Теперь хочется обратиться к ещё одной загадке, непосредственно связанной с нашествием Наполеона на Россию. И рассмотрим мы её в рамках последней главы, которую назовём:

Великая загадка великой артиллерии

Согласитесь, что наряду с обычными «золотовалютными» кладами было бы крайне интересно прояснить и вопрос по поводу местонахождения большого количества бесследно пропавших артиллерийских орудий, ранее состоявших на вооружении Великой армии вторжения. И в начале нашего исследования мы проведём предварительную ревизию всех орудий, въехавших на территорию России в начале столь бесславно закончившегося похода.

Пушки в армиях противников России распределялись по корпусам следующим образом:

Корпус Даву ..... 240 пушек
Корпус гвардии ..... 150 пушек (180, по др. данным)
Корпус вице-короля ..... 100 пушек
Корпус Нея ..... 60 пушек
Корпус Понятовского ..... 140 пушек
Корпус Жюно ..... 40 пушек

Итого: ..... 730 пушек

Кроме этого количества пушки имелись на вооружении тех корпусов, которые дальше Смоленска не прошли.

Корпус Удино ..... 114 пушек
Корпус Сен-Сира ..... 50 пушек
Корпус Ренье ..... 40 пушек
Корпус Виктора ..... 70 пушек
Корпус Макдональда ..... 100 пушек
Корпус Шварценберга ..... 90 пушек

Итого: ..... 464 пушки

В армии вторжения находилось 1194 орудия, при них было 2768 зарядных ящиков, т.е. тяжёлых повозок с порохом и ядрами.

Принято считать, что все свои более или менее тяжёлые орудия французская армия оставила на территории Российской империи. В последней фазе отступления последние пушки были брошены у подножия крутой Понарской горы, находящейся в полутора верстах от города Вильно. Поскольку бронзовые пушки представляли собой значительную ценность, то после окончания Отечественной войны в Москву начали свозить захваченные в боях и обнаруженные во время поисков стволы, количество которых по переписи 1909 года составило 875 орудий. Каждый, кто хоть раз посещал территорию Кремля, не мог не увидеть аккуратные ряды орудийных стволов, красиво и внушительно размещённых слева от того прохода, что находится в Боровицкой башне. Но явно найдено было не всё. 875 — это не 1194! Остальные же 319 пушек до настоящего времени не найдены, или, скажем мягче, судьба их неизвестна.

Когда пушки свозились в Кремль, то вёлся особый журнал, где отмечали, откуда прибыли те или иные орудия. Согласно записям этого журнала, с 1813 по 1814 год в столицу прибыли пушки в следующем порядке и из следующих городов (под словом «город» нужно понимать и район, который данный город возглавляет):

Можайска 7
Калуги 2
Тулы 28
Вязьмы 51
Смоленска 400
Итого ..... 488 орудий
И далее:
Могилёва 41
Борисова 22

Минска 6
Вильно 237
Итого: ..... 306 орудий

По динамике потерь в артиллерийских парках можно с уверенностью судить о состоянии основной тягловой силы французской армии, другими словами — лошадей. И ясно, что чем больше в том или ином месте было найдено орудий, тем больше в данной местности гибло тягловой конской силы. Остальные 81 орудий были доставлены в Москву после 1814 года, но в журнале, к сожалению, не было отмечено, откуда они прибыли. Итак, 875 орудий выстроились в последнем параде вдоль стены Кремлёвского арсенала, а куда же подевались остальные стволы?

Известно, что основные силы Наполеона вышли из Москвы 19 октября 1812 года, а 15 октября, накануне последнего похода, согласно ведомости главного штаба, в войсках числилось:

Гвардия .....Орудий 112. Повозок 257
Первый корпус (Даву) .....Орудий 144. Повозок 633
Третий корпус (Ней) .....Орудий 71. Повозок 186
Четвёртый корпус (вице-король).....Орудий 92. Повозок 450
Пятый корпус (Понятовского) .....Орудий 49. Повозок 239
Вестфальский корпус .....Орудий 34. Повозок 130
1,2,3,4-й корпуса кавалерии .....Орудий 67. Повозок 157

Чувствую, что необходимо дать некоторые пояснения по повозкам, поскольку с пушками-то всё достаточно ясно. В приведённом списке имеются в виду только те повозки, которые полагались боевым частям по уставу и призваны были обеспечить войска продовольствием, амуницией, боеприпасами, порохом, ядрами, запасом вооружения для пехотинцев и кавалеристов. В это число, разумеется, не входили ни экипажи офицеров, ни трофейные повозки, ни реквизированный транспорт с продовольствием, и опять же с багажом и трофеями.

Таким образом, при начале генерального отступления Великой армии от Москвы в её боевых частях было 569 орудий разных калибров. (Михайловский-Данилевский в книге «Описание Отечественной войны 1812 года» в третьей части на с. 235 исчисляет количество орудий уходящей из Москвы армии в 605 шт.) По прибытии же в Смоленск в этих же воинских формированиях оставалась едва ли не десятая часть изначальной артиллерии.

Генерал 33-го полка дивизии Фриана, Дедем де Гольдер, пишет в своих мемуарах: *«Подъезжая к Смоленску, у нас уже не хватало восьмисот пушек, а у поляков была цела вся их артиллерия».*

Насчёт восьмисот он, пожалуй, что немного приукрасил, но и в самом деле потери в артиллерии были ужасающими, несмотря на всяческие меры, принимавшиеся к их сохранению. Причём нам надо иметь в виду, что потери эти происходили по двум основным причинам. Пушки терялись в результате боевых действий, это первое. А во-вторых, их бросали сами французы, просто не имея возможности везти дальше. И нам чертовски интересно выяснить, где именно бросали тяжеленные стволы, поскольку велика вероятность того, что там же бросали и более ценные трофеи. Но наверняка мы этого не знаем, и поэтому должны будем провести целое расследование для установления истины.

То, что пушки тех времён были тяжелы, факт неоспоримый. Самые распространённые во французской армии 6- и 12-фунтовые пушки весили по 450 и 900 кг соответственно. Но ведь были у них и вообще неподъемные — 24-фунтовые монстры! Должен заметить, что вес того или иного орудия, указываемый в фунтах, касался только снаряда, которым заряжалось то или иное орудие. То есть 6-фунтовая пушка заряжалась чугунным ядром весом 2,5 кг, а 24-фунтовая соответственно запускала 10-килограммовую по весу бомбу.

Самые же первые утраченные пушки французы случайно утопили у села Бородино, на реке Колочь.

«Переправились через речку Колочь у Можайска, утонуло несколько пушек, которые хотели перевезти вброд.

Генерал-лейтенант граф Де Сегюр».

Произошло это абсолютно рядовое на войне событие утром 29 октября. Император и его главный штаб ночевали в селе Успенском в пяти верстах от этой переправы. Граф де Сегюр постоянно находился при Наполеоне. Выехав из Успенского в составе свиты, граф через 2 версты выбрался на большую дорогу, по которой двигалась протяжённая колонна войск. Около деревни Горки дорога спускалась к речке Колочь, где была плотина и переправа осуществлялась частично по мосту, а частично вброд, что располагался за плотиной. Вот там-то и застряли самые большие гвардейские пушки. Дно было слишком топким, глинистым, и, понимая, что выдернуть их не удастся, орудия решено было бросить. Стволы сбросили в воду, а лафеты разломали на куски, поскольку проку от них не было.

Были найдены эти пушки или нет, достоверных сведений я не имею. Возможно, что они так и лежат под толстым слоем речных наносов. Отыскать их не представляется трудной задачей, даже теперь. Достаточно пройтись с магнитометром по льду реки от Бородино в сторону дорог на Захарьино и Семёновское. В этот отрезок реки наверняка попадут все переправы и плотины, которые существовали в 1812 году. И, кстати, там могут оказаться находки и иного рода, относящиеся к последующим годам, особенно к событиям 1941 года, так что нужно быть особенно внимательным.

Неподалёку от этой переправы есть ещё одно примечательное для каждого поисковика местечко. В девяти верстах от села Бородино по дороге на Гжатск расположен Колоцкий монастырь. Монастырь древний, расположен на высоком месте. Был некогда окружён каменной оградой, но теперь, после многих лет разорения и запустения, едва-едва обзавёлся деревянным штакетником. Основной въезд в монастырь находился со стороны главной дороги, под высокой колокольней, сохранившей все свои колокола. По углам монастырской стены были расположены кирпичные башенки. В центре монастыря стояла каменная церковь, к которой примыкал кирпичный же придел. Справа и слева от церкви располагались два больших каменных здания. С северной стороны к монастырской ограде были пристроены деревянные строения: конюшня, хозяйственные амбары и служебные помещения. За западной оградой находился монастырский сад. В Колоцком монастыре перед Бородинской битвой располагался штаб Наполеона, а после битвы монастырь был превращён в громадный госпиталь (по тем временам, разумеется), где нашли приют тысячи раненных.

Кроме того, именно в этот монастырь начали свозить оружие, брошенное на всём том пространстве, где происходило самое знаменитое сражение Отечественной войны. Занимались этим солдаты 8-го Вестфальского корпуса. И собирать им было что. К северной стене монастыря было сложено около 6000 ружей, 500 сабель, 27 пушек, ядер и бомб в сумме до 15 000. Кроме того, туда же стаскивалась и обронённая во время боёв амуниция. Барабаны, ранцы, кивера, кавалерийские сёдла с убитых лошадей, зарядные ящики и пр.

23 октября маршал Жюно, командующий Вестфальского корпуса, будучи в Можайске, получил приказ императора: сжечь и спрятать всё, что нельзя захватить с собой, и быть готовым к тому, чтобы по первому сигналу начать движение к Вязьме. Понимая, что собранное имущество увезти просто невозможно, герцог приказал закопать все собранные на поле боя трофеи. За-

рывали их вблизи северной стороны, то есть недалеко от того места, где они были и складированы.

О том, где именно было спрятано громадное количество военного металла, поведал прусский унтер-офицер Фридрих Бем, взятый в плен в бою у города Красный. Желая поступить на русскую службу, он составил записку, где указывал о захоронении большого количества оружия при Колоцком монастыре.

Вот выдержка из журнала боевых действий от 14 ноября.

«Некоторые французские артиллеристы, взятые в плен, обязались показать место, где неприятель во время своего бегства при Болдинском монастыре зарыл в землю 27 пушек, от 5 до 6 тысяч ружей, 500 сабель, да 15 000 бомб и ядер».

М.И. Кутузов. Сборник документов. Том 4, часть 2.

Здесь, видимо, допущена ошибка в написании названия монастыря, и это видно из другого документа, составленного двумя днями позже. Почитаем предписание П.П. Коровицина капитану Фаустову о розыске оружия и пушек, закопанных наполеоновскими войсками у Колоцкого монастыря.

«Из влагаемой у сего записки увидите Вы, что неприятель зарыл при Колоцком монастыре 27 орудий, до 5—6 тысяч ружей русских и французских, 500 русских сабель, несколько больших барабанов и от 10 до 15 тысяч гранат, ядер и прочих снарядов. Отправляемый при сём перешедший к нам от неприятеля прусской службы унтер-офицер Фридрих Бем с его товарищем покажет Вам то место, где закопали означенные орудия, ружья, сабли и пр. Почему, ваше благородие, взяв их с собою, извольте тотчас по получению сего отправиться к Колоцкому монастырю и, отрыв там все закопанные неприятелем орудия, о количестве и калибре оных рапортуйте мне.

Нужных для сего предмета рабочих, материалы и всё необходимое извольте требовать от московского гражданского губернатора, и как на него возлагается перевозка всего сего по назначению г. генерала-фельдмаршала, то вы о количестве откопанных вами орудий и прочего уведомьте его и потом возвратитесь к своему месту».

Действительно, капитан Фаустов с унтер-офицером Бемом отправились 17 ноября из города Красный в Колоцкий монастырь. Но были ли откопаны спрятанные там пушки, совершенно неизвестно. Никаких документов на этот счёт найдено не было, а ведь они непременно должны были быть. При столь

масштабном деле, как поиски и перемещение значительных масс вооружения, оборот документов тоже должен был быть масштабным. Переписка с генерал-губернатором, со штабом Кутузова, с московскими арсеналами. Сообщения на данную тему должны были идти и к царю. Кроме того, сам капитан Фаустов непременно должен был награждён за розыск столь большого количества крайне необходимого стране вооружения. Но ничего подобного не случилось. Почему же так произошло?

Есть основания предполагать, что капитан с двумя пленными прусаками пропал без вести. Скорее всего, они были убиты крестьянами, по своей инициативе вылавливающими вдоль дорог отставших французов. Этот вид своеобразной «охоты» был очень распространён на европейской территории России, и с его последствиями я сталкивался неоднократно. Так, работая однажды в окрестностях деревни Уварово, что стоит на берегу Угры, на юго-восток от Ельни, я случайно наткнулся на могилу убитых крестьянами французских фуражиров. Могила эта была вскрыта бульдозером при прокладке нового отрезка дороги. Остатки полусгнившего обмундирования не оставляли сомнения в том, что довольно далеко от кладбища на склоне холма были зарыты пять случайно забредших в деревню французов.

Вот и в случае с капитаном Фаустовым мог произойти сходный случай. Трое явно подозрительного вида незнакомцев, к тому же одетых в разношерстную, явно иностранную форму, запросто могли быть атакованы крестьянской шайкой либо из засады, либо когда они заехали в одну из окрестных деревень на постой. Косвенный факт, подтверждающий мою гипотезу, был получен всё из того же журнала, в котором регистрировались доставленные в Кремль пушки. Вот выдержки из него:

«31 марта 1813 года доставлено в Кремль из Вильно — 237 орудий, Борисова — 22, Можайска — 7, Вязьмы — 27, Смоленска — 23 орудия».

* * *

Да, 27 стволов доставили, но из Вязьмы! Не везли же на самом деле выкопанные пушки сначала в Вязьму, а только потом в Москву! Такие круги тогда по дорогам не нарезали, чай, на дворе не социализм был, а форменный царизм. Нет, скорее это были совершенно иные пушки, и о них разговор ещё впереди. Не привозили эти пушки и позже. Вот смотрите.

7 апреля 1813 г. доставлено из Смоленска 147 пушек;
4 мая 1813 г. доставлено из Вязьмы 24 пушки;

26 мая 1813 г. доставлено из Смоленска 20 пушек;
28 мая 1813 г. доставлено из Смоленска 8 пушек;
3 июня 1813 г. доставлено из Смоленска 5 пушек;
25 июня 1813 г. доставлено из Могилёва 36 пушек;
5 июля 1813 г. доставлено из Могилёва 9 пушек;
12 июля 1813 г. доставлено из Смоленска 48 пушек;
24 июля 1813 г. доставлено из Смоленска 4 пушки;
29 июля 1813 г. доставлено из Смоленска 81 пушка;
12 августа 1813 г. доставлено из Смоленска 32 пушки;
25 августа 1813 г. доставлено из Смоленска 6 пушек;
8 января 1814 г. доставлено из Смоленска 26 пушек;
29 января 1814 г. доставлено из Калуги 2 пушки;
29 января 1814 г. доставлено из Минска 6 пушек;
28 августа 1814 г. доставлено из Тулы 28 пушек.

Так что судьба зарытых при монастыре пушек остаётся неясной. Как следует из журнала, в 1813 и 1814 годах из Можайска поступили только семь орудийных стволов, что никак не совпадает с тем количеством, за которым посылали капитана Фаустова. Но, так или иначе, история эта до сих пор числится в списке нерасследованных.

Где же следует искать исчезнувшее оружие? Есть гипотеза о том, что вестфальцы прятали его за северной оградой монастыря, в тех же самых рвах, что были выкопаны для захоронения умерших от ран. Если обогнуть монастырь, то можно увидеть большой пруд, на берегу которого стоит памятник солдатам, погибшим во Вторую мировую войну. Так вот, если встать около этого памятника лицом к пруду, то по правую руку будет видна берёзовая аллея. Предполагается, что основная масса собранного на Бородинском поле оружия была закопана как раз между прудом и этой аллеей. Но на территории, прилегающей к Колоцкому монастырю, и в реке Колочь лежат лишь несколько пушек. Попробуем выяснить судьбу остальных. Сведения о них будут поступать к нам от самых разных свидетелей.

Вот что писал впоследствии главный врач Роос, двигавшийся из Москвы в составе 25-й Вюртембергской дивизии.

«Рано утром 3 ноября (ст.ст.) *граф Шелер отдал приказ заклепать 8 тяжёлых 16- и 24-фунтовых пушек и распилить их лафеты на дрова. Это были первые пушки, оставленные неприятелю. Весь этот день шёл снег, и дорога стала ещё тяжелее, чем накануне. После полудня мы остановились*

у почтовой станции, обнесённой забором. Скоро нам приказали идти дальше и эту морозную ночь мы провели в лесу.

Рано утром 4 ноября мы продолжили свой томительный путь. Около полудня мы подошли к другой почтовой станции, занятой молодыми эльзасцами и лотарингцами последнего набора.

6 ноября пришли в Дорогобуж.

7 ноября при густом тумане и сильном морозе двинулись дальше. После полудня туман рассеялся, и приказано было остановиться и разводить костры».

Остатки Вюртембергской дивизии остановились в деревне Михалёвка. Прибытие их в данную деревню подтверждает и адъютант Кастеллан.

«7 ноября. Меня оставляют в Михалёвке с поручением доставить известие об авангарде. Идёт сильный снег. Прибывает генерал Маршан со своей Вюртембергской дивизией, имевшей в начале кампании 13 000 человек, а теперь 450. Генерал Фуше, командир артиллерии 3-го корпуса, в отчаянье, его лошади падают и не поднимаются, так что он вынужден побросать большое количество своих пушек. (В 3-м корпусе при выходе из Москвы было 71 орудие.)

В 7 вечера встретил корпус маршале Нея в лесу за полмили от реки Ужи. Накануне маршал был вечером на реке Осьме, но в половине восьмого утра оставил позиции и отступил к Дорогобужу».

Кастеллан отмечает, что в течение дня 7-го числа заклепали (вывели из строя путём заклёпывания запального отверстия) 14 пушек.

О том же событии пишет и Михайловский-Данилевский.

«7 ноября утром, не доходя 8 вёрст до Дорогобужа, передовые войска Милорадовича атаковали неприятеля, расположенного на ночлег на р. Осьма, и привёли его в такое замешательство, что французы бросали орудия с моста и, толпясь на нём, падали в реку Осьму. К вечеру 7-го ноября город Дорогобуж был очищен от французов. Возле собора французы оставили 6 орудий».

Роберт Вильсон доносит императору Александру:

«Взято 1000 пленных, 2 знамени, 6 пушек, около 400 зарядных ящиков и множество телег с багажом».

«Неприятель бросил одну пушку вчера (6 ноября) *и одну гаубицу сегодня поутру. Только что в трёх верстах от Дорогобужа взяли ещё одну пушку и множество повозок. Пленные утверждают, что множество пушек побросано по рекам».*

Вот здесь мы с вами остановимся и быстренько раскроем атлас Смоленской области. У вас не вызывает некоторое удивление последняя цитата из письма Роберта Вильсона? А у меня вызывает. По каким таким рекам французами побросано множество пушек? Если считать от села Семлево, то французы на своём пути до Дорогобужа пересекли всего несколько рек. Посчитаем их вместе.

1. Осьму (в районе Протасова моста).

2. От деревни Чоботово до деревни Васино войска Наполеона двигались вдоль реки Костря.

3. А далее, до переправы через Днепр перед самым Дорогобужем, никаких рек-то и нет.

Однако пленные явно не имели в виду Днепр, они дружно говорили о тех событиях, которые произошли много раньше. А если из этого скромного списка убрать Осьму (там, между нами, кладоискателями, говоря, и по колено воды не будет), то для поисков «побросанных» пушек нам остаётся только одна более или менее приличная река — Костря.

Речка эта очень интересная. Хотя она тоже не слишком многоводна, но войска и обозы двигались вдоль неё на протяжении почти двадцати километров, и дорога эта (частично сохранившаяся и по сию пору) временами выходила к самой реке. И у солдат вполне могло создаться впечатление, что это разные реки. Мало того, на этом отрезке реки имелось и несколько старинных мельничных плотин и широко разлившихся из-за них искусственных озёр. Костря, к сожалению, вплоть до нынешнего момента исследована ещё очень и очень слабо. Препятствием к этому являются почти полное бездорожье и многочисленные трудности чисто бытового порядка.

Разумеется, «прозвонить» всю 20-километровую трассу Старой Смоленской дороги нереально, но некоторые, особо интересные, участки исследовать просто необходимо. Во-первых, требует тщательнейшей «прозвонки» само русло реки. Во-вторых, необходимо уделить порядочное внимание окрестностям, а главное, плотинам и старым мостам в следующих населённых пунктах: Зарубежье, Прудище, Чоботово, Жашково... Времени и средств на это уйдёт порядочно, но именно на пути от Семлево до Васино было утоплено и зарыто масса интересного и полезного. Орудийные стволы, снаряжение, боеприпасы, громадное количество трофеев и личного имущества было заботливо припрятано в неглубоких ямках вдоль трассы, сброшено в реки, пруды и озёра.

Впрочем, про эти населённые пункты мы с вами уже говорили ранее, а теперь же вернёмся к нашим (чуть не сказал «баранам»), пушкам, конечно! Как мы видим, в Дорогобуже и его окрестностях 7 ноября русскими войсками было обнаружено 9 пушек. А Кастеллан пишет о 14 заклёпанных орудиях. Следовательно, пропавшие 5 пушек были либо закопаны, либо сброшены в Днепр в городской черте. (Вот вам и ещё один район исследований.)

На другой день, т.е. 8 ноября, отряд Юрковского достиг реки Ужи (довольно солидная водная преграда, особенно поздней осенью). За рекой на левом её достаточно крутом берегу теснились французы, пытаясь выкатить наверх несколько фур и 8 крупнокалиберных пушек. Юрковский, не имея возможности атаковать противника (настил моста был разрушен), подвёз к реке 10 орудий и открыл огонь. Французские солдаты бросили увязшее в грязи имущество и побежали в сторону Смоленска. Починив мост подручными средствами, кавалеристы продолжили преследование и к вечеру достигли Михалёвки. В этот день (8 ноября) наш передовой отряд взял 19 орудий (среди них и те 8, что были брошены французами у переправы через Ужу).

Ещё раз заостряю ваше внимание на том факте, что всего за два дня нашими войсками было захвачено 28 артиллерийских орудий, причём на относительно небольшом участке основной дороги. На длиннющем же перегоне Вязьма — Семлево — Славково — Дорогобуж трофейными командами почти не было захвачено пушек! (Исключение составляют лишь два ствола, найденные в... колодце, неподалёку от Болдинского монастыря.) Не странно ли? Ведь на этом участке пути коалиционная армия потеряла порядка тысячи лошадей (и это ещё скромная оценка). Представляете, сколько груза они тащили? Нет? Сейчас подсчитаем. На одну лошадь рассчитываем нагрузку как минимум в 250 кг. Отсюда следует однозначный вывод — французы непременно должны были расстаться с 250 тоннами груза, и даже более. Чистая арифметика, как говорится, ничего личного. Ладно, допустим, что пушки они старались сохранить, но в нашем уравнении это ровным счётом ничего не меняет. 250 тонн любых тяжестей возницы всё равно должны были сбросить на землю или спустить под воду, иначе никак не получается.

Так что пушки они всё же бросали, это совершенно точно, вернее будет сказать, прятали. По приказу местного помещика в окрестностях Семлево весной 1813 года было собрано аж 40 пушечных лафетов. Стволы же найдены не были. Нельзя сказать, что этот странный факт оказался незамеченным.

Именно эти пушки искали впоследствии в озере Глубоком (Семлевском). Но большие сомнения вызывает необходимость бросать лафеты в двух километрах от того места, где предполагается утопить сами стволы. Нелогично както получается, нерационально. На чём их туда доставили? На руках, что ли, дотащили? Это бред!

Нет, нет, искать спрятанное французами тяжёлое вооружение скорее следует неподалёку от трассы Старой Смоленской дороги, там, где в речку Осьма впадает ручеёк Михалёвка. Почва там песчаная (что даже следует из названия хутора Песочня), и закапывать даже полуторатонные стволы «гвардейских» пушек было несложно. Возможно и затопление их по обе стороны от Протасова моста, уже за Семлево. Необходимо бы тщательно проверить русло реки и вправо до села Беломирское, и влево до селения Рыбки. Также весьма удобное место для захоронения пушек имеется в окрестностях Чоботово. Дорога, выйдя из леса, круто спускается к ручью, который пересекает дорогу прямо по центру деревни. От ручья дорога поднимается в гору и выходит на ровное место. Справа, где-то в 400 метрах, течёт река Костря, и с дороги хорошо видна старая плотина. Место открытое, к ней легко свернуть и утопить всё, что заблагорассудится. Кстати, здесь же удобно было сделать и привал, поскольку дальше дорога сворачивает в глухой сосновый лес, а там особо развернуться негде.

Далее, пройдя две версты по лесной дороге, попадаем туда, где некогда была устроена почтовая станция (слева от дороги). Здесь тоже место очень примечательное. Достаточно упомянуть про то, что напротив столбовой дороги (если смотреть через давно исчезнувшее озеро), в ныне почти исчезнувшей деревушке Жашково, в господском доме два дня жил Наполеон. Что это он там так долго делал? За всё время отступления из Москвы он столько времени в одном месте не проводил. А здесь, в сущей и ничем не примечательной российской глуши, целых два дня отсиживался? Большой вопрос, пока не решённая никем загадка. Коё-какие поисковые работы там проводились, но по недостатку средств они были крайне ограничены как во времени, так и пространстве. А что говорят об этих же событиях непосредственные участники событий и свидетели?

Вспомним, кстати, о 8 пушках Вюртембергской дивизии. Ведь именно здесь лафеты их были распилены, а стволы зарыты. Но где же точно? Остановимся на этом вопросе поподробнее. Остатки данной дивизии следовали непосредственно за императорским обозом и свитой Наполеона. 2 ноября вюртембержцы пристроились к колонне императора и шли с ним до вечера,

проведя на ногах 5—6 часов. Император остановился в Семлево, а 25-я дивизия встала на бивуак, чуть не доходя до села, а может быть, даже и в нём самом. Надо помнить и о том, что, начиная с местечка Вороново, командир дивизии генерал Роос получил приказ от графа Шелера присоединиться с остатками егерского полка к главной квартире, при которой они и оставались вплоть до переправы через Березину. Если это так, то утром 4 ноября главная квартира оказалась в Жашково, откуда выступала только 5 ноября. Итак, есть все основания предполагать, что 8 пушек были прикопаны именно здесь, в большом лесу напротив Жашково. Ведь генерал Роос сам пишет о том, что весь тот день шёл снег, а такое событие произошло только 5-го числа!

Значительная площадь леса и обширные котлованы около плотины были мною добросовестно обследованы, и могу сказать честно, что на выбранных для обследования полигонах никакого ценного захоронения мне не попалось. Единственное, могу подтвердить однозначно, что почва там песчаная и рыть её — одно удовольствие. Да, в тот же день, как двинулся вперёд штаб Наполеона, арьергард Нея отступил от Семлева и занял позиции за деревней Чоботово на опушке леса.

Подполковник Фезензак, командир 4-го линейного полка, находясь в составе этого соединения, пишет в своих мемуарах: *«Весь следующий день* (5 ноября) *неприятель не тревожил нас, если не считать довольно неудачного нападения казаков на наш обоз. После 3-часового пути 3-й корпус занял позиции близ Постуи. Чтобы спасти обоз* (главной квартиры), *император приказал идти медленнее. Напрасно писал ему маршал Ней, что нельзя терять времени, так как неприятель идёт по пятам за нашим арьергардом* (замыкающая часть армии)».

Пройдя от Вязьмы до Днепра, войска Милорадовича не подобрали ни одной пушки и только с Дорогобужа, когда выпало много снега и ударил мороз до –10 градусов, пушки стали появляться во всё большем и большем количестве. Причина такого несоответствия понятна и неспециалисту. Почва, во-первых, стала более глинистой, и, во-вторых, она попросту замёрзла. Зарывать бронзовые стволы в землю прямо на марше, где не было прогретой кострами почвы, стало совершенно невозможно, и пушки просто перестали закапывать.

Оставшиеся в строю орудия вюртембержцы с большим трудом дотащили до Соловьёво, до печально знаменитой Соловьёвой переправы. На правую сторону Днепра они смогли переправить только несколько своих пушек. Это

было 8-го вечером. А уже на следующий день отряд полковника Карпенкова подобрал у моста 12 орудий.

11 ноября измотанная и ещё более обескровленная 25-я дивизия вошла в Смоленск.

«Вюртембержский отряд, дотащивший сюда (в Смоленск) *с неописуемым трудом несколько орудий, принуждён был их здесь бросить из-за недостатка в лошадях, и теперь четыре пушки составляли всю его артиллерию.*

Иелинь, обер-лейтенант вспомогательного контингента».

14 ноября в 10 утра остатки дивизии вышли из Смоленска к Красному. Примерно в 2-х верстах от города бросили ещё одно орудие. Скорее всего, утопили в реке Ясеневая. Последние три пушки вюртембержцы оставили у деревни Ржавка.

Фон Левенштейн в книге «Записки современников 1812 г.» так описывает эти события.

«На следующее утро 15 ноября мы увидели между Смоленском и Красным неприятельскую армию. Наполеон со своей гвардией уже прошёл вперёд, за ним двигался арьергард, обоз и, так называемые, отсталые. Генерал Юрковский приказал напасть на обоз, мы взяли много пленных, четыре орудия и большое количество повозок. Во время этой стоянки к нашему отряду был причислен князь Кудашев. Как раз в это время показался большой отряд (вюртембергский), *при нём было три больших орудия, и он сопровождал, по-видимому, обоз с довольно ценным содержимым. Кудашев уговорил Юрковского напасть на обоз. Вскоре первый эскадрон Сумского полка уже отбил у них орудия. Уже начало смеркаться. Пушки и повозки повезли к одиноко стоявшей избе».*

Это событие произошло у деревни Ржавка 15 ноября, где-то после 16 часов. В книге В. Колюбакина «25-я пехотная дивизия генерала Моршана» написано следующее:

«Но едва эти три орудия снялись с передков, как немедленно потеряли лошадей и большую часть прислуги, а поэтому, заклепав и бросив остатки, вюртембержцы отступили к Красному».

Таким образом, нами установлено, что первые пушки 25-я дивизия оставила где-то на дороге между деревнями Поляново и Славково. Последние же 3 пушки были брошены у деревни Ржавка. В Кремле в настоящее время хранится только 11 орудий, принадлежавших Вюртембергской дивизии.

(На каждом орудийном стволе отчеканивались данные не только о том, где и когда изготовлена та или иная пушка, но и принадлежность их к конкретному полку либо дивизии. Всякий желающий проверить это утверждение может сходить в Кремль и увидеть соответствующие клейма собственными глазами.) Остальные же пушки так и не были найдены. Они закопаны или утоплены вблизи дорожного полотна и на переправах у Старой Смоленской дороги.

В других корпусах положение было не лучше. Вестфальский корпус, стоявший в Можайске, имел 34 орудия, а найдено или взято в качестве боевого трофея только 3. Где находятся остальные 31 орудие, можно только догадываться. Скорее всего, немцы попрятали их сами, причём на том же самом отрезке пути. Ведь они двигались впереди всех и атакам партизан и казаков не подвергались.

Корпус вице-короля имел по выходу из Москвы 92 пушки. В Смоленск же его солдаты доставили лишь 12 орудий, потеряв большее количество своей артиллерии на реке Вопь, у местечка Ульхова Слобода.

В Кремле хранятся 72 итальянских орудия, а 28 так и не найдено.

Для внесения дополнительной ясности перечислим все те места, где были взяты французские орудия.

Оставлены в Москве из-за поломок 28
Оставлены в ограде Колоцкого монастыря (вестфальцы) 26
Взято при сражении у Тарутино 21 (36)
Вблизи Боровска 11
Медынь..... 5
Царёво Займище 1
Вязьма 3
Болдинский монастырь (в колодце) 2
Дорогобуж (в ограде церкви 6
Между Дорогобужем и рекой Ужей..... 3
Перед Дорогобужем..... 1
За рекой Ужей (на берегу) (корпус Нея..... 8
На Днепре, Соловьёва переправа..... 21
Река Вопь, Ульхова Слобода (пушки вице-короля)..... 83

Можно смело утверждать, что на пути от Вязьмы до Дорогобужа французы припрятали сто, а то и сто пятьдесят орудий, которые до сих пор не найдены. Отыскать их можно лишь в том случае, если заняться данной задачей

всерьёз. Но, разумеется, с тех времён могли сохраниться не только французские, но и русские пушки. Война есть война, вы понимаете, на ней возможны всяческие повороты.

Так, например, весьма характерны эпизоды, случившиеся во время событий около города Красный. Первый из них связан с переправой небольшой части французских войск через Днепр между Сырокореньем и Воришками. С огромным трудом и большими жертвами перетащившись на правую сторону реки, остатки арьергарда Нея ускоренным маршем двинулись в село Гусево. И там им изрядно, просто сказочно, повезло. Не имевшие никакого тяжёлого вооружения, французы наткнулись на 50 казаков при двух пушках, мирно спавших в помещении почтовой станции. Естественно, что и казаки и их пушки были немедленно взяты в плен и приободрившиеся французы двинулись по направлению к Рудне.

Тут их лимит везения иссяк и, встретив сильный заслон, они были вынуждены повернуть обратно. Они вышли на берег Днепра и пошли вдоль него в общем направлении на запад. Но везти пушки по бездорожью они долго не могли и поэтому вскоре расстались с трофеями, столкнув орудия со склона. Произошло это событие где-то между современным мостом через Днепр в районе Гусино и селением Сырокоренье. Если стволы всё ещё в реке, то в принципе отыскать их будет несложно, достаточно полдня работы вдоль русла. Но вот извлечь их, конечно же, много труднее, и это дело потребует не менее трёх дней и наличия соответствующего оборудования.

Также два или три орудия были утоплены нашими артиллеристами в пруду деревни Уварово, расположенной в двух верстах юго-восточнее Красного. Есть также сведения, что несколько пушек было затоплено и в самом Красном, но поскольку с тех пор уровень воды в городском водохранилище изрядно подняли с помощью новой плотины, то отыскать их теперь практически невозможно.

Наряду с прочими есть обоснованная версия, что после сражения при Малоярославце несколько артиллерийских орудий были утоплены при многочисленных переправах от реки Лужа до реки Протва. Но так это или нет, можно будет уверенно сказать только после завершения комплекса соответствующих поисковых работ.

* * *

Особым образом в поисках пропавших орудий стоят события, которые происходили на севере современной Белоруссии. Известно, что после того,

как корпус Удино, а затем и Сен-Сира потерпел поражение в Полоцке, им было безвозвратно утеряно довольно большое количество орудий. Некоторая часть из них была захвачена преследующими их войсками П.Х. Витгенштейна, а немалая — элементарно затоплена в болотистых местностях вблизи дороги Полоцк — Лепель. Приведу цитату из официальной хроники.

«Во время преследования неприятеля от Полоцка до Лепеля взято у него до 100 штаб и обер-офицеров, в том числе 5 полковников, 6000 нижних чинов, 9 пушек, весь обоз Баварцев, и 90 зарядных фур; также много лафетов, с которых орудия самим неприятелем потоплены».

Подобные известия приходили из-под Витебска и Чашников, где тоже происходили ожесточённые, порой многодневные сражения. Так что стоит поискать утраченные стволы в тех местах, где некогда стояли французские батареи, а также вблизи многочисленных переправ через водные преграды.

* * *

Весьма интересный случай (так и хочется сказать — дурацкий) с артиллерийскими орудиями французов произошёл в белорусском местечке Глубокое. Хочу немного ввести вас в курс предшествующих данной истории событий. После того, как войска под командованием маршала Сен-Сира потерпела поражение в Полоцке, они начали отходить в общем направлении на юг. Однако около тысячи человек (в основном баварцев) под предводительством генерала Вреде, отколовшись от основной массы войск, самостоятельно пробивались на запад, имея намерение вскорости достичь Вильно (совр. Вильнюс).

Вот как описывал обстановку тех дней сам генерал в мемуарах.

«Направившись в Пышно, я предупредил генерала Вивье, коменданта в Глубоком, о моём движении и прибытии; на марше 26-го я обнаружил такие болота на своём правом фланге, что был вынужден спуститься 27-го до Докшиц. Я послал второго курьера к генералу Вивье, чтобы предупредить его, что я смогу прибыть в Глубокое только 28-го, надеясь, что он сможет продержаться на своей позиции до моего прибытия; хотя мои курьеры прибыли вовремя, он посчитал нужным сжечь магазин, сбросить свою артиллерию в воду и покинуть Глубокое, написав мне, что не может там держаться. Эта неожиданная новость побудила меня двигаться 28-го из Докшиц в Бояру, где я заночевал и прибыл сюда (29-го), где я нашёл большую часть моего большого артиллерийского парка и несколько отрядов, которые я во время моего прохождения через Глубокое должен был оста-

вить по приказу Вашего Сиятельства в распоряжении коменданта Глубокого. Сегодня (30-го) я занялся включением этих отрядов в соответствующие полки и, несмотря на это, включая бригаду кавалерии, я имею лишь 4000 человек комбатантов (военнослужащих)».

Мемуары пишутся, как правило, много позже походов и сражений, но даже такие политкорректные и выверенные строки показывают, что после катастрофы под Полоцком коменданты небольших белорусских местечек пребывали в состоянии непроходящего страха. В любой момент они могли ожидать внезапного нападения либо регулярных войск графа Витгенштейна, либо необыкновенно осмелевших партизан. И на опасливого коменданта мигом была напсана докладная.

«Действительно, Вивье по непонятным обстоятельствам не исполнил пожелания Вреде оборонять Глубокое и, не видя ни единого русского солдата, очистил город, предварительно утопив 15 орудий и разрушив или предав огню прилегающие значительные магазины».

Войска французского гарнизона базировались в центре города, занимая, в частности, помещения кармелитского монастыря. Они не столько воевали с появляющимися в окрестностях казачьими разъездами, сколько охраняли склады с вооружением и продовольствием, в которых крайне нуждались отступающие войска Великой армии. И вот такой конфуз — все запасы были в одночасье уничтожены собственным генералом, испугавшимся ухудшения обстановки под Полоцком, до которого было примерно 100 вёрст плохих дорог. Вот что пишет он сам.

«В монастыре стоял артиллерийский парк из 20 орудий, которые мы заколотили гвоздями и бросили в пруд в монастырском саду, боеприпасы последовали за ними; передки и лафеты были сожжены, а также были уничтожены всё запасное пехотное вооружение и боеприпасы. После этого гарнизон оставил Глубокое; губернатор с комбинированным батальоном шёл впереди, баварский батальон составлял аръергард».

Вивье сообщил Маре (герцогу де Бассано, министру иностранных дел Франции) : «Ваше письмо пришло через час после того, как я начал отступление. Полковник Тройберг должен был сообщить, что я имею только 200 баварцев. Казаки окружили госпиталь».

Про казаков он упомянул не зря: мол, опасность была так велика, что пришлось бросить всех раненых. Однако, как мы вскоре узнаем, те остались живы и даже невредимы. В Даниловичах уже 28 октября наши славные баварцы встретили французов, которые специально выступили из Вильно и за-

няли здесь пост, чтобы ожидать их. Последний (имеется в виду Вреде) ещё в Докшицах узнал об оставлении Глубокого и поэтому через Бояры пошёл в Даниловичи, куда явился с остатками своего корпуса, 20 конно-егерскими и польскими уланскими полками. Здесь баварцы нашли часть своего большого артиллерийского резервного парка и значительное число солдат, пришедших из госпиталя в Глубоком; теперь Вреде имел под ружьём 1937 человек. Он установил непосредственную связь с Маре, чтобы совместными усилиями защитить Вильно. Первым делом Вреде решил взять обратно Глубокое, чтобы забрать утопленные там орудия. 2 ноября баварцы без боя вошли в город, отыскали 9 орудий и 13 повозок с боеприпасами, брошенными при отступлении. Поскольку Маре не мог выслать Вреде никаких подкреплений, тот выступил 5 ноября из Глубокого и занял позицию в Даниловичах, чтобы лучше прикрыть Вильно.

Далее он сообщает: «Когда я вчера получил позитивные сведения, что противник даже не выдвигался от дороги из Друи в Видзы, далее чем до Опсы, и что генерал барон Кутар постоянно занимал город Видзы, я двинусь завтра в Глубокое, чтобы спасти парк, который генерал Вивье сбросил в воду. Я предупредил о своём движении его Сиятельство герцога де Бассано; если он сможет выслать мне подкрепления, я не замедлю выступить дальше вперёд...»

Теперь более внимательно рассмотрим судьбу затопленных около Кармелитского монастыря орудий. Первоначально в стенах монастыря хранилось 20 орудий (во всяком случае, по словам Вивье). А по словам генерала Вреде, там было утоплено всего 15 орудий. Из которых он сумел достать и восстановить — 9.

Но за теми пушками охотились не только обезоруженные французы. Согласно рапорту генерала У.В. Властова, 24 октября/5 ноября к местечку Глубокое подошёл сотник Денисов с 50 казаками 2-го полка и «известясь, что неприятельских войск находилось там до 200 человек кавалерии, внезапно напал на них, рассеял, взял 5 человек в плен». Но город по-прежнему оставался в руках у французов.

За первой попыткой последовали другие. 2/14 ноября подполковник Антропов с двумя эскадронами Финляндского гусарского полка подошел к местечку Глубокое, атаковал 8-й уланский полк и выгнал из оного местечка, причём взял 13 человек в плен. После чего вытащил из пруда Кармелитского монастыря 4 орудия и возложил на лафеты.

Итак: 9 + 4 = 13. Следовательно, даже если французами было утоплено только 15 орудий, в пруду до сих пор могут лежать два бронзовых ствола. Некоторые охотники до старинных орудий не соглашаются с подобной оценкой.

— Было утоплено именно 20 пушек, — настаивают они, — и значит, в водоёме вблизи собора Святой Живоначальной Троицы можно выловить целых семь стволов!

Впрочем, лично я уверен в том, что там не осталось и одного. Моя позиция основывается на следующих простых соображениях. Поскольку пруды на тот момент не были покрыты прочным зимним льдом, то орудийные стволы топили совсем недалеко от берега. А раз они лежали не глубоко, то их было легко нащупать простым железным ломом. Далее, кто сказал, что спешно покинувший местечко Глубокое комендант не прихватил с собой хотя бы несколько пушек? Да, по причине малочисленности своего воинства он не мог взять с собой все двадцать, но пять или семь мог вполне! Хотя бы из соображений собственной безопасности. Он ведь сам писал о том, что у него под ружьём всего 200 человек. А если не хватает стрелков, то помочь могут именно артиллеристы. Только огонь из пушек мог реально охладить пыл ретивых казаков, если те вдруг вздумают атаковать баварскую колонну. Так что затевать поисковую экспедицию в центре городка Глубокое, наверное, не стоит.

* * *

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

В заключение моего объёмистого и почти академического кладоискательского исследования хочется для лучшего обзора проблемы дать читателям обобщённый список некоторых наиболее крупных и известных поисковикам кладов, спрятанных некогда наполеоновским воинством. Их я разделю на две группы, сгруппировав для удобства заинтересованных лиц по способам закладки.

Клады до востребования:

1. Якоба Кёнига. Закопано 27 ноября в лесу у Березины.
2. Солдата Иоахима. Закопано 21 ноября у реки Сха.
3. Воинская касса. Закопана 25 ноября у д. Неманица.
4. У «старой» мельницы. Закопано в канаве у плотины.
5. Князя Сапеги (Семашко). Закопан якобы между Дорогобужем и Оршей.
6. Около Гродно. Закопаны деньги французскими казначеями
7. Казна Макдональда. Закопана в Рундальском замке, в парке.
8. 5 бочонков монет. Закопаны в Гродненской губ.
9. 800 000 франков золотом. Спрятаны в церкви Каунаса, под плитами каменного пола.
10. Клад капитана Лавилета. 12 повозок с церковным серебром зарыты вблизи Александровского пруда.
11. Разрозненные солдатские клады. У Понарской горы.
12. Сундуки с церковным серебром. Зарыты в роще у хут. Блинова.
13. Серебряная посуда графа Чернышева. Утоплена в колодце хут. Блинова.
14. Кассира Ковалевского. Зарыт у г. Красного.
15. Ящики Адама Щепковского. Зарыты у кладбища г. Барань.
16. Два бочонка монет. Зарыты у реки Глубочок.
17. Церковные вещи Антония Соколова. Зарыты вблизи реки Гобза.
18. Ценности, брошенные в воду и зарытые вблизи мостов через Березину.
19. Несколько повозок трофеев. Спрятаны вблизи озера Рака.
20. Имение Селищи. Закопаны ценности 3 декабря у господской усадьбы.
21. Обоз капитана Лавилета.

* * *

Клады ликвидационные:

1. Маршала Жюно. 130 повозок закопаны в лесу у Дорогобужа и Протасова моста.
2. Маршала Нея. 40 повозок зарыли около д. Маньково, а частично утопили в Днепре.
3. Вице-короля. 300 повозок утопили частями, начиная от Засижья.
4. Графа Ростопчина. Антиквариат спрятан в подземелье Вороново.
5. Крест Ивана Великого. Часть его утоплена на реке Лосьминке.
6. «Боровское» озеро. 200 повозок «московских трофеев».
7. У селения Бениць. Зарыто несколько миллионов франков.
8. Доктора Кельрайтера. 2 мешка монет закопано у монастыря.
9. Орлы со знамён. Закопаны в саду г. Молодечно.
10. Тяжёлые пушки. Зарыты 3 ноября рядом с д. Юренево.
11. Воинские доспехи из Арсенала. Утоплены между Жашково и Славково.
12. Бочонок с монетами и драгоценными камнями. Зарыт около реки Березины.
13. Разрозненные личные ценности. На месте пожарища в дер. Гари.
14. Обоз с трофеями из Витебска. Утоплен у селения Батуры.
15. «Бочка с золотом» утоплена в пруде деревни Марьино.
16. Большой обоз, утопленный войсками Клода Леграна у Бочейково.
17. Трофеи, утопленные вблизи Апрелевки.

Разумеется, приведённые в моём труде факты далеко не полны. Уже в период работы над книгой мне позвонил один из читателей и рассказал о том, что его родственники из поколения в поколение передают легенду о крупном захоронении, сделанном во времена нашествия Наполеона. Но в данном случае в специальном тайнике были спрятаны вовсе не ценности, награбленные в Москве французами, а драгоценные вещи и предметы, спешно захороненные местными помещиками ввиду приближения неприятельских войск. Восемь сундуков были укрыты на специальной базе, которую готовили в лесах западнее Вязьмы, вблизи Троицка, в верховьях речки Лужня. Прятали их двое помещиков, и по стечению обстоятельств оба же не смогли вернуться в родные места. Один из-за увечья, полученного во время боевых действий, а другой был вынужден длительное время прожить за пределами России.

Приходят сообщения и из-за границы. Один литовец сообщил, что его дед всю жизнь потратил на то, чтобы выяснить, куда войска Наполеона спрятали перевозимые ценности. Составил множество карт и сделал массу записок в дневнике. Если учесть, что тот дед проживал вблизи Борисова, то понятно, что его записки могли бы иметь крайне важное значение.

Вот, собственно, и всё, что мне хотелось бы рассказать вам, уважаемые читатели, о тех малоценных, ценных и просто бесценных предметах, трагически утраченных раритетах церкви, равно как и о подлинных сокровищах, щедро разбросанных Великой коалиционной армией на всём протяжении ее движения от Москвы до Риги. Разумеется, не всё, что было ими спрятано, закопано и утоплено, удалось выявить и хотя бы приблизительно привязать к реальной местности, но здесь я очень надеюсь на вашу помощь. Надеюсь на то, что ваши письма, и пожелания, и наводки помогут мне в дальнейшей работе над более детальным вариантом поистине нескончаемого кладоискательского исследования.

* * *

Автор искренне благодарит всех тех читателей, которые смогли дочитать столь необычную книгу до конца, и приносит извинения за несколько необычный стиль, который избрал для изложения материала. К сожалению, не удалось избежать некоторого количества повторов в тексте. Извините великодушно. Но поверьте, как-либо иначе вразумительно подать столь сложный и многоплановый исторический материал просто не было возможности. Всё же вы понимаете, что мне пришлось рассказывать об одновременно и параллельно развивающихся событиях, стараясь при этом не запутать вас окончательно.

Также хочется сделать и ещё одну маленькую оговорку. После выхода в свет первого издания сходной по содержанию книги на меня буквально обрушился поток писем и звонков с предложениями совместно поучаствовать в поисках описанных захоронений или реализации ранее найденных ценностей. Хочу заранее сказать моим читателям, что ставить вопрос в подобной плоскости совершенно неправомерно. Сам я ничего не выкапываю и уж тем более не оставляю себе. А все описанные в книге поисковые истории собраны по отдельным поисковым эпизодам, архивным исследованиям и крохам крайне трудно добываемых сведений в течение многих лет. Причём добыты они как от разных поисковых команд, так и от отдельных любителей истории, никак не связанных с поисковой деятельностью. Поэтому я сам вряд ли смогу

сопроводить всех желающих к тем местам, где в 1812 году были закопаны или утоплены те или иные клады. Но со своей стороны я сделал всё, чтобы описать данные истории максимально подробно и достоверно, дабы тем облегчить поиски ценностей всем желающим.

Но всё же я готов проконсультировать тех из вас, кто имеет доступ к каким-либо кладоискательским сведениям, либо как-то помочь тем, кто хочет поучаствовать в реальных поисках по легендам, не нашедшим отражения в данной книге.

* * *

Александр Григорьевич Косарев, автор книг «Сокровища Кёнигсберга», «Посланник смерти», «Хроники мёртвого моря», «Тайна львовских подземелий», «Самые знаменитые клады России», «Картонные звёзды», «В поисках сокровищ Бонапарта», «Загадки старинных кладов», «Пропавшие трофеи императора», «Глаз Лобенгулы», «Тайна императорской канцелярии», «Заморские клады и нераскрытые тайны», «Байки старого кладоискателя», «Ларец Бен-Газира», «По следам российских кладов», «Бронзовый крест, золотая печать», «Клады 1812 года», просит направлять ваши вопросы, советы и замечания по данной книге на следующий адрес: Москва, 127273 Косареву А.Г. до востребования, или на E-mail: **k.a.g@inbox.ru**.

Содержание

ОТ АВТОРА 3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Мародёры из Европы 6
Обозы вице-короля 38
Загадка деревеньки Бочейково 71
О забытом полководце замолвите слово 77
Сундук бабки Натальи 93
Дело о бочке с золотом и сундуке с серебром 101
Загадочная роща 106
Вестфальская добыча 112
Обоз капитана Лавилета 117
Обоз, утопленный близ Семлево 134
«Железный обоз» императора 142
«Крест и слава» 162
Капкан для маршала Нея 183
Сгинувший обоз маршала Виктора 191
Восемь бочонков червонцев 198
Последнее золото Кремля 214
«Касса» маршала Жюно 228
Четыре бочонка червонцев 240
И золото, и бриллианты 249
Золотые… из Венеции 267
Сокровища Рундале 286

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Искатели призрачного счастья 290
Клад баденского солдата 292
Дело о «гребешках» 297
По всеподданнейшему докладу… 321

Две телеги святого Антония 331
Сказки Кляшторного леса 335
Экспедиция полковника Яковлева 341
Клад из мемуаров 381

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Великая загадка великой артиллерии 390

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА 410

Научно-популярное издание

Косарев Александр Григорьевич

КЛАДЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Выпускающий редактор *К.К. Семенов*
Корректор *Е.Ю. Таскон*
Верстка *М.Г. Хабибуллов*
Дизайн обложки *Е.А. Забелина*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:
109004, г. Москва, ул. Николоямская, дом 43, корпус 4.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 18.05.2012. Формат 70 × 90 1/16.
Гарнитура «Tempora LGC Uni». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 26. Тираж 15000 экз. Заказ 3307/12.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК «Парето-Принт», г. Тверь,
www.pareto-print

Одной из таинственных страниц Отечественной войны 1812 г. являются похищенные ценности и клады. Цена сокровищ, награбленных и спрятанных Бонапартом при бегстве из России, огромна во всех отношениях. Достаточно сказать, что среди них были церковные драгоценности и реликвии главных соборов Московского Кремля, десятков древних монастырей...

Поиски этих сокровищ продолжаются уже третий век, и вполне возможно, что найдет их в глуши смоленских лесов или белорусских болот вовсе не опытный кладоискатель, не историк, а один из тех, кто прочитает эту книгу — путеводитель к тайне.

ISBN 978-5-905820-53-3

Вече